

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

ЗАВТРА ВОЙНА

ЗАВТРА ВОЙНА

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

З В Е З Д Н Ы Й

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

ЗАВТРА ВОЙНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО **аст**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
3-86

Серия «Звездный лабиринт» основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн С.В. Шумилина

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 03.12.07.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 5000 экз. Заказ 3714.

Зорич, А.

З-86 Завтра война : [фантаст. роман] / Александр Зорич. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2008. — 443, [5] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-016399-1 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 978-5-9713-2539-0 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

ISBN 978-5-9762-5688-0 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

XXVIII в. Российская директория Галактики вынуждена вступить в «необъявленную войну» с межзвездными кочевниками — «джипсами».

О таких войнах не пишут в газетах, не говорят с «голубых экранов», не упоминают в учебниках истории.

ТАКИХ войн просто не существует ни для кого, кроме участников!

Кошмар ЭТОЙ войны примут на свои плечи отчаянные кадеты Военно-Космической Академии, пилоты-истребители «без году неделя».

ЗАВТРА ВОЙНА?!

Нет, война — уже СЕГОДНЯ! Только знают о ней — немногие!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-985-13-9393-6
(ООО «Харвест»)

© А. Зорич, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ГЛАВА 1

ТРИ ШАГА ВПЕРЕД

Май, 2621 г.

Северная Военно-Космическая Академия, Новая Земля
Российская Директория

— Академия... ра-авняйся!

Тысяча триста кадетов, выстроенных по факультетам и учебным курсам, в едином порыве рванули головы вправо.

— Сми-ирна!

Головы повернулись на пятьдесят градусов влево. Теперь кадеты смотрели прямо перед собой.

— Подъем флагов начать!

Из динамиков хлынула расплавленная медь духовой секции Большого Национального оркестра, полилась гремучая ртуть Сводного Хора Армии и Флота.

Гимн был один, флагов — три.

По центральной мачте карабкался флаг России. Справа и слева от него, с небольшим, почтительным отставанием, подымались флаги Военно-Космических Сил и Объединенных Наций.

Российский орел, всемирный голубь и межзвездный грифон достигли своих насестов одновременно.

«...К звездам грядущего нас приведет!» — обнадежил Сводный Хор. Музыка оборвалась.

— Кураторам групп к приему рапортов подготовиться!

Старшины групп отчитались кураторам о больных, командированных и самовольно отсутствующих. Разумеется, в последней категории содержался традиционный ноль. Самоволка — и не просто самоволка, а прокидон утреннего построения! — была серьезнейшим ЧП.

На моей памяти — а я в Академии без малого три года — такое ЧП случилось лишь однажды. После быстрого разбирательства проштрафившийся был отчислен.

Чтобы «выбарабанить» его прочь, к нам на Новую Землю специально привезли две сотни кадетов с выпускного курса Киевской Военно-Музыкальной Академии. Бедолагу с кулечком пожитков, в форме с сорванными кадетскими «орликами» прогнали через строй под барабанную дробь. Погрузили на вертолет и вышвырнули в Мурманске.

Иди куда хочешь! Но в армию тебе дорога заказана. До самой смерти.

«Вдумайтесь, товарищи кадеты! До. Самой. Смерти».

— Старшим кураторам к приему рапортов приготовиться!

Теперь уже кураторы групп — офицеры в звании капитан-лейтенантов — сдавали рапорты командирам факультетов.

Всей волюнки рапортов снизу доверху — примерно пятнадцать минут. Не так-то много. Но выстоять по стойке «смирно» все это время, выстоять по уставу, не шелохнувшись и не проронив ни звука, могут только гвардейцы, чоруги и статуи на Аллее Героев.

Строй украдкой переступал с ноги на ногу. По задним рядам даже перекатывались короткие разговорчики. А разговорчики в строю — целое искусство, это уметь надо.

— Ты вчера «Фрегат «Меркурий» досмотрел? — спросил я у своего соседа слева, Володи Переверзева. Спросил, почти не шевеля губами. Не вполне шепот, скорее без двух минут чревоувещание.

— Да.

— Чем кончилось?

— Они выбросили с корабля генератор щита и взлетели. Потом разогнали целую эскадрилью «гончих» и удрали.

— Удрали от истребителей? На фрегате? Без щита?

— Ага.

— Руки оторвать сценаристу.

— Во-во.

Итак, жалеть о том, что я не досмотрел эту галиматью до конца, не приходилось.

Вчера меня, прямо из кинозала, выдернул вестовой. И приволок ни много ни мало к командиру нашего родного истребительного факультета капитану первого ранга Федюнину.

В кабинете Федюнина, кроме хозяина, сидели два незнакомых мне флотских офицера. У одного были три сереб-

ряных звезды каперанга, у второго — золотая звездища эскадр-капитана.

Знак «Двадцать боевых вылетов» на груди первого офицера орал во всю золотистую глотку: «Перед тобой матерый волк палубной авиации, салага!»

Это ж когда он успел двадцать боевых сделать, а? В нашем мирном космосе-то? Во времена всеобщего созидательного сотворчества?

У эскадр-капитана значка с «огневой двадцаткой» не было. Зато на кокарде фуражки, которую он держал на коленях, красовался штурвал с крылышками. Что означало принадлежность эскадр-капитана к авианосным силам флота. Но только не к пилотам, а к командному составу авианосца. Ударного или эскортного — о том судить точно я не мог.

Однако, пораскинув мозгами, пришел к выводу, что ударного.

Почему? Резонно было предположить, что оба служат на одном авианосце. Эскадр-капитан — скорее всего один из заместителей командира корабля, а может, и сам командир. А пилот в высоком чине капитана первого ранга — из командного состава отдельного авиакрыла, базирующегося на борту.

Но каким же по численности должно быть авиакрыло, чтобы в его командный состав входил каперанг? Никак не меньше шестидесяти единиц. Столько на эскортный авианосец не поместится. Значит — ударный.

Эскадр-капитану было с виду под полтинник. По обычаям ударного флота он носил пушистые бакенбарды и длинные волосы, собранные на затылке пучком. Через грудь тянулась перевязь парадного меча. Натуральная кожа, между прочим.

Каперанг с «огненной двадцаткой» выглядел значительно моложе. В отличие от эскадр-капитана, он был гладко выбрит и стрижен вполне уныло: коротким ежиком. Но парадный меч у него, разумеется, тоже имелся. Такой же точно, как и у сослуживца.

Офицеры в ответ на мое приветствие небрежно кивнули. Федюнин — воплощенные дух и буква устава — отдал мне честь, как положено.

Командир факультета задал три вопроса: «Как настроение? Как самочувствие? Что вы думаете по поводу малоразмерных целей, сохраняющих произвольную маневренность в конусе шестьдесят градусов по оси движения при скоростях 100—115 М?»

Мои ответы лучились оптимизмом.

Настроение — боевое.

(На самом деле, кислое: я снова не успел толком выучить заданные параграфы по спецкурсу «Статуты орде-

нов». А спать хотелось уже так сильно, что не оставалось никакой надежды зазубрить первоначальный статут полководческого Ордена Победы семивековой давности и все его последующие редакции вплоть до свежайшей, прошлогодней.)

Самочувствие — отличное.

(Спать! Спать хочу! Какое еще может быть «самочувствие»?!)

Относительно целей с заданными параметрами... Целей... Я думаю... (Да ничего в голову не лезет, если честно. Дьяволята, а не цели! Разве такие бывают?)

Я подобрался и решил косить под психа:

— Я думаю, товарищ капитан первого ранга, что готов выполнить любое задание — как учебное, так и боевое! Если поступает приказ работать по таким целям — значит, надо работать!

— А если я скажу, что цель может менять вектор движения на противоположный в течение восьми секунд? Не теряя скорости?

— Товарищ капитан первого ранга! Если вы проверяете мои знания, я вам отвечу: военной науке такие цели неизвестны. Наши флуггеры таких показателей не имеют. Нет таких аппаратов ни в истребительных, ни тем более в ударных авиакрыльях. Конкордия тоже подобными машинами не располагает. Чоруги — и подавно. Но если вы проверяете мой боевой дух...

— Отставить. Боевые летательные аппараты с такими параметрами существуют. Что скажешь?

— Они созданы Объединенными Нациями?

— Нет.

— Это плохо.

— Совершенно верно. Вот тебе полная вводная. Ознакомься.

Федюнин протянул мне планшет. Я быстро пробежал глазами содержимое первого скrolла. М-да...

— Ступай в соседнюю комнату, пораскинь мозгами. Через пятнадцать минут представишь нам свои тактические соображения. Как, по-твоему, можно уничтожить прикрытие из таких истребителей и вывести на объекты ударные группы?

Через четырнадцать минут и пятьдесят две секунды я вернулся в кабинет и возвратил комфакультета исписанный планшет. Подозреваю, с точки зрения военспецов я сочинил ворох ужасных и притом непатриотичных глупостей.

Федюнин, пробежав глазами первые строчки, недобро улыбнулся.

— Можешь идти.

Что я и сделал. «Фрегат «Меркурий» остался недосмотренным. Настроение — окончательно испорченным.

Наконец рапорты были сданы. Все подтянулись в ожидании привычного «Вольно! Разойдись по аудиториям!».

Но вместо этого...

— Вольно! Первый и второй курсы — по аудиториям... Бегом! Третий и четвертый курсы разведывательного, ударного и общетехнического факультетов — по аудиториям... Бегом!

Что еще за штучки? «Бего-о-ом»...

— Остальные — смирно!

«Остальными», таким образом, оказались истребители старших курсов. Нашего, третьего, и четвертого, выпускного.

Плац вокруг нас стремительно опустел.

— Равнение на начальника Академии!

Из неприметной дверки в правом крыле появился редкий гость утренних построений, начальник Академии контр-адмирал Туровский. И не он один: его сопровождали Федюнин и два вчерашних флотских капитана.

Когда они оказались в аккурат напротив нашего правофлангового, то есть посередине между двумя курсами — третьим и четвертым, — командующий утренним построением отдал наконец команду «Вольно».

Ясные очи контр-адмирала воинственно пылали. Флотские капитаны выглядели злыми и помятыми. С недосыпу, что ли? А может, и с перепоею.

И только лицо Федюнина не выражало ничего определенного. Как обычно.

Раз уж на плацу контр-адмирал, ему и говорить первым.

— Здравствуйте, товарищи кадеты!

— Здравия желаем, товарищ контр-адмирал!

— Командование Военно-Космических Сил предоставляет вам редкую возможность отличиться. Требуются добровольцы для участия в боевых действиях. Задание опасное и ответственное. Конфликт засекречен, информация о нем не распространяется по открытым каналам. Однако вылеты, совершенные в зоне конфликта, будут засчитаны как боевые, учтены в ваших аттестационных документах и впоследствии внесены в ваш офицерский послужной список. Три вылета в зоне конфликта для третьего курса засчитываются как сдача экзамена по летной подготовке. Два боестолкновения с противником — как экзамен по огневой подготовке. Для четвертого курса за выпускной экзамен по летной подготовке будут засчитаны четыре вылета. Выпускной экзамен по огневой — три боестолкновения. Итак, добровольцы — три шага вперед!

Нужно ли говорить, что в результате оба наших потока в полном составе приблизились к контр-адмиралу на три шага?

На старших курсах случайных людей не оставалось. Все мы хотели только одного: поскорее вырваться из ледяных пустошей Новой Земли в ледяные пустоши Дальнего Внземелья.

А бои с реальным противником? Разве не страшно?

Не страшно. О такой чести еще вчера мы могли только мечтать! А с кем придется воевать — не имеет значения.

И хотя в этом «не имеет значения» я был почти честен перед собой, недобрые подозрения меня посетили сразу же. Неспроста задавал вчера Федюнин свои вопросы о противодействии фантастическим истребителям. Очень даже неспроста!

— Я вас предупреждал, Владислав Аркадьевич, — сказал Туровский эскадр-капитану. — В нашу Академию никого силком не ташат. Каждый, кто выдержал экзамены и надел форму кадета, готов идти в огонь и в воду. В плазму и кипящую сталь, если угодно!

После столь патетической ноты нельзя было не выдержать значительной паузы. Что Туровский и сделал. А затем закончил, уже будничным тоном:

— Оставляю своих орлов на ваше попечение. Выбирайте сами. Контр-адмирал небрежно козырнул и удалился.

Эскадр-капитан и Федюнин принялись шептаться — о чем-то своем, о командирском. Пока они совещались, пилот с «огневой двадцаткой» на груди подошел к нам и прошелся взад-вперед, пристально вглядываясь в наши лица.

— Товарищ капитан первого ранга, разрешите обратиться! — удивительно, я оказался первым и единственным, кому хватило наглости завязать разговор.

— Разрешаю.

— С кем воюем?

— Это узнают только те, кто будет отобран для операции.

— Еще вопрос разрешите?

— Имеете право.

— Потери ожидаются... большие?

Не хотелось, очень не хотелось мне краснеть в ту минуту! И все-таки я зарделся. Вопрос был, как бы это сказать... неправильный.

— Война не прогулка, — сухо сказал пилот, помолчав.

Понимайте, товарищи кадеты, как хотите — вот что значил его ответ. Можно понимать так, что победа ожидается легкая, а он не хочет нас расхолаживать. Можно и по-другому...

В этот момент Федюнин с эскадр-капитаном, похоже, о чем-то договорились.

Наш командир зачитал одиннадцать фамилий.

Видя, что все, чьи фамилии названы не были, как-то неловко мнутя с ноги на ногу и даже пытаются заискивающе улыбаться, Федюнин рассвирепел:

— Па-автаряю! По аудиториям! Бегом!

Я не шелохнулся. Одиннадцатой была названа фамилия Пушкин.

Моя фамилия.

Эскадр-капитан представился Тоцким, руководителем полетов ударного авианосца «Три Святителя». Каперанг с «огневой двадцаткой» — Шубиным, командиром 19-го отдельного авиакрыла, базирующегося на «Трех Святителях». Не ошибся я в кабинете у Федюнина! Оба были сослуживцами, оба занимали именно те должности, которые я вычислил.

Времени на сборы нам дали... Семь минут. Строго-настрого запретили проносить с собой еду или спиртное, а вес личных вещей ограничили тремя килограммами.

Покормить и снабдить всем необходимым пообещали уже на борту авианосца.

Слома голову мы бросились по своим комнатам.

Что взять? Что? И стоит ли брать хоть что-нибудь?

Древний солдатский принцип «запас карман не тянет» возобладал над ленью, и я все-таки прихватил с собой кое-что: свою счастливую зажигалку, новые джинсы цвета электрик и пару гражданских рубашек.

Не успели мы отдышаться после сборов и бегов по Академии туда-обратно, а служебный монорельс уже домчал нас до космодрома Колчак. Там наш пассажирский модуль был выхвачен загребущими лапами мехпогрузчика прямо из вагона и задвинут в тяжелый флутгер типа «Андромеда», в одну из восьми стандартных грузовых ячеек.

В остальных ячейках, как стало ясно уже на авианосце, покоились модули с запакованными истребителями.

Модульная система работает четко и эффективно, как моя счастливая зажигалка. Двадцать минут назад мы еще стояли на плацу, а сейчас наша «Андромеда» уже выруливала на стартовый стол.

На наши плечи с медвежьей нежностью опустились лапы автоматических фиксаторов.

— Легкого старта! — пожелал Тоцкий.

— Легкого старта, товарищ эскадр-капитан!

Ради горстки кадетов и нескольких новых флутгеров авианосец, конечно же, приземляться на космодром не

стал. Он ожидал нас на геосинхронной орбите, куда «Андромеда» и прибыла через полчаса после взлета.

Так мы впервые в жизни очутились на настоящем боевом авианосце. «Дзуйхо» — приписанное к нашей Академии учебное корыто японского производства и иначе как «Муха» кадетами не именуемое — боевым авианосцем, увы, называться мог лишь в целях стратегической дезинформации противника.

Сутки кадета расписаны по часам и минутам. Опоздал на девяносто секунд в столовую — ходи весь день голодным. Опоздал в аудиторию — сутки карцера. В военное время, кстати, отсутствие на занятии приравнивается к дезертирству. Со всеми вытекающими.

Впервые за три года — не считая редких поощрительных увольнений и коротких летних вакаций — расписание было скомкано и выброшено на мусорку. Из-за этого среди самых-самых дисциплинированных началась своеобразная ломка. В самом деле: по расписанию у нас сейчас были «Статуты орденов», а у ребят с четвертого курса — «Боевое применение ракет».

Они готовились, они зубрили. Может, во сне бриллианты на Ордене Победы пересчитывали и перевзвешивали, «Овода» применяли по активно маневрирующей цели на больших дальностях, а «Мурену» — по линкору, в упор.

И вот, вместо того, чтобы получить заслуженные десять баллов, зубрили оказались в каком-то сумрачном помещении, где контейнеры с этими самыми «Оводами» и «Муренами» лежат штабелями безо всякого видимого интереса к ним со стороны экипажа. А с Орденами Победы и того хуже. Ни одного Ордена Победы на офицерах не замечено.

Мимо нас по направлению к площадке с «Андромедами» провезли несколько контейнеров, в каких обычно транспортируются разобранные на части истребители. Груз на этот раз был нестандартный. Кое-какие детали в контейнер не вписались и торчали из-под неплотно прикрытых верхних створок.

Чтобы створки не болтались, контейнер обмотали в несколько витков длинным обрезком кабеля. Проявили, так сказать, смекалку и находчивость в боевой обстановке.

Собственно, в контейнере, как и положено, находился разобранный на части истребитель.

Только был он демонтирован не на стенде, а в бою. Не техниками, а внутренним взрывом.

При этом смятая носовая плоскость и кусок главного радара, можно сказать, еще неплохо сохранились. Видимо, флуггер развалился уже на полетной палубе, иначе как бы удалось собрать обломки? Интересно, а пилот...

Быстров, сосед по комнате моего приятеля Володи Перерзева, оставшегося на Новой Земле, попытался и прислонился спиной к «Оводам». Несколько раз зевнул. Потянулся, похрустел костями. Присел на корточки. Поднялся. Снова зевнул.

Быстров нервничал. Хорошо, когда начальство тебе доверяет. Но плохо становится, когда замечаешь, как из-за абстрактной скульптуры «Доверие начальства» тебе делает ручкой Костлявая.

А Колпин, кадет с выпускного курса, старательно не замечая содержимого контейнера, разочарованно протянул:

— Тю, «авианосец»... В альбоме он покраше будет.

— Так и девушка, если снаружи смотреть, покраше будет, — философически заметил Вахтанг Арташвили, его одноклассник. — А мужик все внутрь лезет.

— Вахтанг, тебе когда-нибудь за непочтительное отношение к женщине — женщине-подруге, женщине-матери — набьют рожу. И очень даже может статься, что набью ее я.

Мне даже не потребовалось оборачиваться, чтобы узнать зануду космических масштабов, старшину четвертого курса Андрея Белоконого.

— Почему непочтительное?! Почему обижаешь?! — завелся Вахтанг. — Что я такого сказал?

— Остынь, к нам офицеры идут. А ты, Колпин, имей в виду, что это не «тю, авианосец», а ударный авианосец «Три Святителя», один из лучших кораблей нашего флота.

Белоконый, конечно, не упустил случая выслужиться. Последнюю тираду он произнес, торжественно возвысив голос. Чтобы каперанг Шубин услышал.

Пододошедший к нам каперанг улыбнулся одними глазами и в высшей степени серьезно спросил:

— А почему вы, кадет, считаете, что «Три Святителя» — *один из лучших*? Где вы лучше видели?

Белоконый не на шутку струхнул.

— Виноват, товарищ капитан первого ранга! Лучший, конечно же лучший!

— Как, кстати, ваша фамилия?

— Белоконый!

— Кадет Белоконый, почему вы во всем идете на поводу у начальства? Разве не знаете, что «Три Святителя» служит десять лет и уже успел морально устареть? Так в аттестацию и запишем: «Кадет Белоконый безынициативен, не разбирается в основных типах современных кораблей...» Да расслабьтесь вы, я шучу.

— Кадет Власик, что вы знаете о джипсах?

Голова двухметрового Власика, надежи и опоры нашего факультета в баскетбольных битвах, подлетела к самому потолку комнаты оперативных совещаний. Он вскочил столь стремительно, что сила тяжести в ноль пять «g», создаваемая силовым эмультором авианосца, не справилась с его служебным рвением.

Ступни Власика легко оторвались от пола, он взмыл ввысь и стукнулся макушкой о пластиковую обшивку потолка.

Баскетболист и драчун Власик еще не успел опуститься на пол, но уже бодро тараторил:

— Товарищ капитан первого ранга, джипсы — это внеземная раса...

— Можно сидя. И без уставных длиннот. Отвечайте по существу.

— Слушаюсь. Джипсы — внеземная раса. Разумная. Попытки вступить с ними в контакт успеха не имели. Метрополия не установлена... Внешний вид неизвестен...

Власик на глазах скисал. Оно и неудивительно: о джипсах нам рассказывали в самых общих чертах. Пара слов в курсе астронавтики, ползанятия — на факультативной «Технологии внеземных рас».

— Еще.

— М-мм... Приоритет в списке потенциальных противников — низкий... Кажется.

— Достаточно. Кому есть что добавить?

— Разрешите мне, товарищ... — вызвался, конечно же, Коля. Коля, он же кадет Николай Самохвальский — мой друг. «Задуманный», как говорили в старину.

— Да.

— Первый визуальный контакт с джипсами состоялся восемьдесят шесть лет назад. Конкордианский линкор «Кир Великий» обнаружил в системе Дромадера подозрительный космический объект. Компактная группа астероидов диаметром от сорока до полутора километров двигалась, в нарушение законов небесной механики, точно по орбите второй планеты навстречу ей. Вместо ожидаемого импакта экипаж линкора наблюдал загадочные эволюции астероидов, в результате которых они плавно перешли с траектории, совпадающей с орбитой планеты, на орбиту *вокруг* нее, став, таким образом, ее спутниками. На первый взгляд — естественными, но, учитывая обстоятельства, фактически искусственными. Линкор связался с базой, приблизился к крупнейшему астероиду роя на расстояние синхронного выстрела и приступил к наблюдениям. Чтобы уточнить обстановку внутри роя, линкор выпустил отдельное звено

палубной авиации: два разведывательных и два боевых флутгера. Флутгеры проникли внутрь роя и быстро обнаружили на поверхности астероидов следы разумной деятельности. Один из флутгеров пытался совершить посадку рядом с непрозрачным красным конусом, обнаруженным на крупнейшем астероиде. Но с поверхности астероида внезапно поднялась и устремилась навстречу истребителю плотная туча пыли и мелких камней. Учитывая скорость взаимного сближения, это было равнозначно обстрелу неподвижного флутгера твердотельными зенитными снарядами. К счастью, туча резко потеряла скорость — снова же, вопреки законам небесной механики. Только благодаря этому флутгер избежал бомбардировки каменным градом. Так уже при первой встрече проявилась основная интенция джипсов: не совершая прямых агрессивных действий, всеми средствами избегать прямого контакта. На следующий день капитан «Кира Великого»...

— Довольно, кадет. Все вы правильно рассказываете, но так мы с вами до самой Флоры будем в истории копать. Обобщения можете сделать?

— Так точно. Всего за эти годы имели место девять рассекреченных визуальных контактов с джипсами. Собственно, засекретить их было невозможно, поскольку свидетелями появления астероидных роев или, как их впоследствии назвали, «караванов» становились экипажи десятков, а иногда и сотен кораблей. Не только военных, но и гражданских, на борту которых находились репортеры, ученые, богатые туристы. Четырежды астероидные рои джипсов — судя по всему, всякий раз разные — выходили на орбиты вокруг колонизированных земной расой планет. Летательные аппараты джипсов — их было выделено несколько типов, среди которых наиболее часто встречались так называемые «тюльпаны» и «лемехи», — совершали продолжительные полеты над нашими городами, заводами и военными объектами. Садились на планеты, брали пробы воды, грунта, воздуха. Несколько раз производили лучевое бурение, оставляя после себя очень глубокие скважины с крохотным входным отверстием. На многократные попытки связаться с ними в различных диапазонах не реагировали. Объединенные Нации и Конкордия регулярно высылали навстречу джипсам мощные эскадры. Звенья и даже эскадрильи истребителей отряжались на сопровождение «тюльпанов» и «лемехов». В некоторых случаях велся заградительный огонь. Джипсы реагировали корректно. Попыток прорваться через зоны заградительного огня не предпринимали, к нашим флутгерам относились спокойно. Кроме, как я уже сказал, тех случаев, когда флутгеры пытались вплотную подойти к караванам джипсов. Взаимный воо-

руженный нейтралитет — так можно коротко охарактеризовать отношения между нами и джипсами.

— Отлично, Самохвальский. Если в бою у вас голова работает так же хорошо, как за партой, мне остается только позавидовать ведущему вашего звена.

— Служу России!

— И последний вопрос, товарищи. Откуда берутся и куда исчезают астероидные караваны джипсов?

— Разрешите? — поднял руку Власик. Ему было, конечно, обидно, что любимчик всех преподав Самохвальский снова щегольнул своей безразмерной памятью, а он, Власик, вроде как первый раз в жизни о джипсах слышит.

Капитан кивнул.

— Караваны совершают межзвездные переходы скорее всего по Х-матрице, как и наши корабли. Во всяком случае, дематериализация и рематериализация караванов наблюдалась неоднократно.

— Верно. А теперь, товарищи курсанты, даю ориентировку. Та самая планета, возле которой линкор «Кир Великий» впервые обнаружил караван джипсов, тридцать лет назад была колонизирована Конкордией и названа Наотар. Первого мая сего года караван джипсов объявился в окрестностях Наотара. Караван, как обычно, вышел на средневысотную орбиту над планетой. Кроме уже известных типов летательных аппаратов, у джипсов оказались новые. А именно так называемые «домна» и «гребешок». Домна — крупный объект цилиндрической формы длиной восемьсот метров, диаметром сто семьдесят. Представляет собой нечто среднее между десантным кораблем и, вероятно, мобильным перерабатывающим заводом. Гребешки — боевые аппараты. Их можно условно причислить к флутгерам, хотя по конструкции и примененным технологиям они значительно отличаются от всего, чем располагаем мы. Для определенности, чтобы легче схватывалась суть, буду их называть по назначению: десантными кораблями и истребителями.

— Разрешите вопрос?

— Все вопросы потом. Итак, десантные корабли джипсов опустились на поверхность Наотара под прикрытием истребителей. Высадка была произведена на морском побережье, в районе экватора. Там находится аграрная зона конкордианских колонистов. Плотность населения невысокая, по преимуществу — отдельно стоящие фермы, которые являются центрами управления автоматической сельхозтехники. В районе высадки был только один городишко — Рита. Десантные корабли самозакопались в грунт примерно на треть своей высоты.

Они высадили множество наземных агрегатов, которые — снова же, условно — можно назвать комбайнами. Конечно же, и частная охрана аграрной зоны, и вызванные с ближайшей военной базы истребители вели съемку. Внимание на экран.

Фальшпанель на дальней стене отъехала вверх. За ней открылся обычный двумерный телеэкран. Оно и понятно: съемки-то на Наотаре велись безо всяких лазерных примочек. Подавляющее большинство кадров в таких военно-полевых условиях делается простым и надежным пассивным оптическим оборудованием, без активного построения объемных лазерных голограмм.

— Ситуация на второе мая, — анонсировал Шубин.

На экране появилась картинка.

Поля каких-то фиолетовых помидоров. По ним перекачиваются помидоры побольше. И не фиолетовые, а ядовито-зеленые.

Камера поднимается и меняет фокус. Похоже, оператор лежал посреди поля, прятался. А потом, пренебрегая опасностью быть замеченным, поднялся в полный рост.

Теперь взаимный масштаб объектов проясняется. Видно, что ядовито-зеленые «помидоры» — это шаровые колеса инопланетных машин. Размеры у них порядочные: с трехэтажный дом. Трудно понять, как шары-колеса соединены вместе и находится ли что-то между ними. Кабина, скажем, или боевая башня.

— Это комбайны джипсов. Вот что они делают с планетой.

Съемка с воздуха. Скорее всего — с борта вертолета.

За связкой из шести шаров, расположенных по три в два ряда, тянется глубокая канава. На глаз невозможно оценить, что видишь перед собой: дно канавы или заглушенный густой черной тенью земляной откос.

Общий план. Комбайны — повсюду. Поле не просто изуродовано канавами. С него срезаны все растения, но вместе с растениями — и плодородный слой почвы, и суглинок, и... что там на Наотаре под суглинком? Надо разбираться в почвоведении. Видно, короче говоря, что все органические и даже частично неорганические слои почвы уничтожены.

— Ситуация на третье мая, — продолжает Шубин. — Город Рита.

Возмущенные фермеры на площади размахивают карабинами. Почти все — на одно лицо. Клоны. Чего от Конкордии еще ожидать?

Звуковой фон — какой-то дребезжащий гул, довольно громкий.

Мордоворот в военной форме — кажется, полевая жандармерия — успокаивает толпу. Его не слушают, наседают. Жандарм стреляет в воздух.

В этот момент что-то происходит с человеком, ведущим съемку. Он роняет камеру. При падении камера разворачивается объективом в другую сторону и дает картину поперечной улицы. Там клубится густая черная пыль. Разглядеть ничего нельзя, но при виде этой зловещей пыли на душе сразу же становится неспокойно.

Гул усиливается.

Оператор тем временем подхватывает камеру и куда-то бежит. Спрятавшись в кустах — таких же фиолетовых, как и не узнанные мной сельхозкультуры на полях, — он продолжает съемку.

Фермеры ведут огонь с колена. Куда — не понятно, в этом мешает разобраться громоздящийся в левом углу кадра дом.

На стене дома плакат, перечеркнутый двумя лозунгами на конкордианском языке. На плакате — страшное чудовище, с которым лихо расправляются бодрые молодцы, вооруженные огнеметами. Надписи наверняка значат нечто вроде «Наша армия нас бережет. Крепи оборону страны!»

— Рита спусти два часа.

Съемка с флуттера. Разнообразные метки в углах кадра и великолепная, «промытая» картинка указывают на то, что съемки ведутся специализированным разведчиком. Может, он идет на высоте десять, а может, и все сорок километров над Ритой. Так не понять — даже обычная пассивная оптика, разработанная для военных целей, способна творить чудеса.

Но понимать и не хочется. Потому что на наши молодые, оптимистичные мозги обрушивается тако-ое...

Рита полностью сметена. О том, что на ее месте когда-то находился город, можно судить только по нескольким приметным кускам кровли, выглядывающим из-под напластований ярко-оранжевой субстанции.

Субстанция шевелится. О господи! Неужели это пресловутая протоплазма, биомасса, живое тесто — может быть, даже мыслящее! — из которого, по одной гипотезе, состоят джипсы? Из которого они лепят сами себя и которым теперь решили наводнить весь Наотар?

Но нет. Над поверхностью субстанции показываются зеленые колеса-шары инопланетного комбайна, и я понимаю, что, к счастью, все прозаичнее. Риту, как и поля, джипсы просто срезали до глубинных пластов глины, которую раз-

везло под только что прошедшим дождем. И в ней, в этой глине, как гиппопотамы в грязевой ванне, ворочаются комбайны. Фактически мы созерцаем огромный котлован, оставшийся на месте города.

М-да... Никакой биомассы. «Все прозаичнее, — оторопело повторяю я. Мой мыслительный аппарат заклинило. — Прозаичнее, прозаичнее...»

Но «прозаичнее» не значит «легче» или «лучше». А если во время разрушения Риты погибли люди? Как отреагировали джипсы на стрельбу фермеров? За каким чертом проклятых звездных кочевников вообще понесло на Наотар, да еще напрямиком в город? Видно же, что тут на каждом шагу следы разумной деятельности! Ну как так можно, братья-сапиенсы?

— Вандалы! — вторит моим мыслям идеологически выдержанный выкрик Белоконы.

— Спокойно, кадет. — Шубин временно выключил экран. — Это еще цветочки. Самое интересное будет дальше. Как вы видите, джипсы перешли к ярко выраженным агрессивным действиям. В Рите получили ранения по меньшей мере двадцать семь человек. К счастью, комбайны перемещались медленно, а застройка там одно- и двухэтажная. Население города успело разбежаться и утащить с собой тех, кто был ранен падающими обломками. А такие категории населения, как инвалиды, грудные дети и старики, напоминаю, для молодых колоний Конкордии совсем не характерны. В ответ на агрессию, дежурившая в виду каравана эскадра начала действия по вытеснению джипсов с поверхности планеты. Смотрите.

А вот это уже была настоящая война.

Комбайны джипсов еще не успели покинуть глиняное болото на месте Риты, как транспорты Конкордии высадили в окрестностях города целый бронедесантный полк с частями усиления. Ракетный дивизион накрыл комбайны быстро и четко.

Результаты первых залпов — великолепны! Колеса-шары эффектно разлетаются на куски, в разноцветных фонтанах глины попеременно с пламенем мерещатся взлетающие в стратосферу ошметки тел загадочных чужаков.

Но дальше все пошло наперекосяк. Пресловутые гребешки атаковали боевые порядки батальона и принялись снайперски расстреливать технику из лучевых пушек.

— Судя по всему, — пояснил Шубин, — джипсами используются рентгеновские лазеры. Такие же, как и на наших флуттерах. Удивление вызывает лишь грандиозная скорострельность, ведь для каждого разового импульса нужно

накапливать огромную энергию, а это, как вы знаете, требует времени. Джипсам, однако, удалось решить эту сложнейшую техническую проблему. Поэтому их пушки в двадцать раз скорострельнее наших. А это уже качественное преимущество.

Конкордианская противовоздушная оборона оказалась бессильна. Зенитная батарея батальона едва успела открыть огонь, как тут же была сожжена.

Танковые пушки — теоретически способные поражать воздушные цели — просто не поспевали наводиться на лихо маневрирующие истребители джипсов. В то время как рентгеновские пушки чужаков благодаря своей скорострельности бойко молотили по земле, не смущаясь низким процентом попаданий.

Все равно один выстрел из очереди в пятнадцать—двадцать импульсов достигал цели. Танки гибли один за другим, прорываясь к проклятым домам. Лишь немногим удалось подобраться на дальность эффективного поражения и разрядить аккумуляторы плазмы по надменным башням яшмовой масти.

К сожалению, видимых повреждений домам танковая атака не причинила.

Тогда командир эскадры бросил в бой все флуггеры, которые имелись на борту двух его линкоров и авианосца. Истребители должны были спасти гибнущий танковый батальон, а штурмовики — уничтожить дома.

В какой-то момент боя начало казаться, что наступил перелом. Пару истребителей-гребешков совместными усилиями целой эскадрильи удалось все-таки прижать к земле и сбить, комбинируя огонь танковых орудий и ракеты «воздух—воздух».

Во время первого захода штурмовики убедились, что одиночное попадание бронебойных боеприпасов в домну не приносит видимого результата. Тогда три звена штурмовиков атаковали все вместе выбранную цель и вогнали оставшиеся управляемые бомбы в одну и ту же точку прицеливания.

На этих кадрах мы ахнули.

Серии взрывов не выдержала даже эта исполинская, превосходно бронированная колонна. Она треснула, выпустила облако густого, радужно переливающегося пара и шарахнула так, что съемка просто прервалась.

— Планета хоть цела осталась? — хмыкнул Коля.

— Держи карман шире! Нас не на войну, а на восстановительные работы вербанили. Будем планету по кусочкам собирать, а потом склеивать, — подыграл я.

— Вам бы все шуточки, — одобрительно отозвался каперанг. — А командование Конкордии сообщает, что

от двойного взрыва той домны, похоже, треснула материковая платформа. Главный взрыв произошел на большой глубине, у подошвы сооружения. Эквивалент — порядка мегатонны. К счастью, без радиоактивности и прочих прелестей. Ниже, под домной, находилась толстая водяная линза. От взрыва расположенная на глубине всего пять километров материковая плита получила мощный гидравлический удар... Но мы отвлеклись. Важно, что случилось с джипсами. Остальные домны от подземного взрыва, похоже, не пострадали. Командир конкордианской эскадры связался со штабом флота и получил разрешение на использование главного калибра. Два его линкора сосредоточили огонь на флагманском, то есть крупнейшем астероиде. Тогда несколько маленьких астероидов на огромной скорости покинули орбиту и подставились под огонь линкоров, прикрыв тем самым флагмана. Пока линкоры разносили тысячи тонн камня в пыль, флагманский астероид выпустил еще около тридцати гребешков. Напоминаю, что флугеры Конкордии были связаны боем с другой группой джипсов в районе Риты. Эскадра осталась без истребительного прикрытия. Гребешки атаковали линкоры с нескольких сторон. При этом флагман джипсов виртуозно направлял при помощи неизвестного поля пылевые потоки, маскирующие истребители и мешающие наведению скорострельных орудий ближней обороны. Гребешки прорвались к линкорам, обстреляли их и, убедившись, что те прикрыты щитом, смело проскочили сквозь него. В результате боя джипсы потеряли еще два гребешка. Один линкор получил сильные повреждения. Другой взорвался. Обстоятельства боя не вполне ясны. Кажется, Конкордия предпочла скрыть от нас часть информации. Но факт налицо: в первый же день конфликта 3-я эскадра оперативного соединения «Тиштрия» была основательно потрепана и под угрозой полного уничтожения ушла с дистанции синхронного выстрела. Проще говоря, Конкордия потерпела бесславное поражение. Теперь можете задавать вопросы.

А вот и вопрос, который возник у меня сразу же, как только Шубин упомянул гребешки:

— Истребители джипсов — это те самые объекты, которые, помимо прочего, обладают фантастической маневренностью? О которых я целое сочинение вчера написал?

— Ваша фамилия Пушкин?

— Так точно!

— То-то я думаю, отчего вы все время так нахально скалитесь.

— Осмелюсь возразить: не нахально, а вдумчиво!

— «Вдумчиво скалиться» — это что-то новое в человеческой мимике. Больше подходит для сирхов. Но вы правильно скалились, кадет Пушкин. Действительно, гребешки — не только отлично вооруженные, но и удивительно верткие аппараты. Наши специалисты разработали тактическое наставление по борьбе с джипсами. В той части, которая касается уничтожения гребешков, ваши мысли в целом совпадают с мнением лучших экспертов и операторов штаба. Еще вопросы?

— Сегодня семнадцатое мая. Что происходило все эти дни? Правильно, Колпин. Очень своевременный вопрос.

— Война, кадет. В районе Наотара идет настоящая война. Комбайны джипсов продолжают сбор органических веществ на планете. Оперативное соединение «Тиштрия» в течение недели пыталось уничтожить джипсов самостоятельно. После повторной крупной неудачи эксперты Конкордии наконец поняли, что лобовые атаки неэффективны. Кроме этого, Конкордия признала, что их корабли и флуггеры технически несовершенны. Великий Диван по тайным каналам обратился к Совету Директоров за помощью. У нас в таких случаях астрополитическим партнерам отказывать не привыкли. Поэтому с одиннадцатого мая мы тоже принимаем участие в конфликте. Для борьбы с джипсами создан секретный Экспедиционный Флот «Наотар». При этом командование Конкордии уступило нам честь служить главной ударной силой в операции по окончательному решению вопроса. А соединение «Тиштрия» будет проводить отвлекающую операцию. Еще вопросы?

— Не подойдут ли к каравану джипсов подкрепления? — поинтересовался осторожный Быстров.

— Этого мы знать не можем.

— Что мы будем делать? Прикрывать десант, ударные флуггеры, бороться за завоевание общего превосходства в кубатуре операции?

— Конкретные боевые задания вы получите уже в эскадрильях. Сейчас я могу лишь обрисовать общую направленность боевых действий. Командование не стремится к полному уничтожению каравана джипсов. Главная задача операции — заставить чужаков убраться из звездной системы Дромадера. Показать джипсам решимость Великорасы единым фронтом отстаивать свои колонии, невзирая на различия в политическом устройстве и физиологии. Кроме этого, наше командование хочет на практике проверить некоторые технические новинки и дать возможность в реальных боевых условиях выдвинуться талантливой молодежи. Это о вас, ребята. —

22 Шубин улыбнулся.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР

Май, 2621 г.

Испытательный полигон Санта-Роза, провинция Ла-Пампа, Южно-американская Директория

Дул неласковый западный ветер, без какого в Патагонии не обходится ни одно себя уважающее утро.

На пустующих зрительских трибунах с видом на испытательный полигон стояли двое мужчин. Оба с тревогой вглядывались в небо.

С минуты на минуту пятый прототип истребителя «Дюрандаль» должен был войти в плотные слои атмосферы. С минуты на минуту должна была решиться судьба проекта, стоившего Объединенным Нациям кругленькой суммы в шесть целых шесть десятых миллиарда терро.

— Да за шесть миллиардов терро я могу купить пол-Патагонии! — темпераментно разорялся тот, что был в штатском (его звали Марио), как будто это были его личные деньги, а не деньги Объединенных Наций.

То и дело чертыхаясь, Марио прижимал руками хлопающие на ветру полы своего пижонского плаща цвета металлик. Он много говорил, много ругался, много жестикулировал.

— Купить Патагонию можно и целиком. Только какой смысл? Разве что чоругам ее перепродать. Пусть переселятся сюда и передохнут все. От скуки.

Собеседник Марио был одет в ношенный комбинезон инженерного персонала военфлота. Бывалая повседневная униформа без знаков различия прекрасно сочеталась с медвежьей сутулостью фигуры и суровостью черт его лица. Он культивировал бороду (лет триста назад вышедшую в Южной Америке из моды), глядел нелюдимом и разговор поддерживал в основном из вежливости.

Это был Роланд Эстерсон, генеральный конструктор истребителя последнего поколения «Дюрандаль».

Роланд с трудом терпел Марио и всем сердцем ненавидел Патагонию. «У него тяжелый характер», — говорили про Эстерсона его подчиненные.

Марио напрягся и опустил армейский бинокль.

Роланд помрачнел.

Теперь «Дюрандаль» был видим невооруженным глазом — вот она, медленно увеличивающаяся черная запятая, окруженная золотистым маревом. Вот оно, блистательное будущее Военно-Космических Сил!

— Давай, давай... Пошел, пошел, да пош-шел же, тварь ты эдакая! Ну же! — Марио нетерпеливо пританцовывал на месте.

Эстерсон казался спокойным. Он опустил голову и принялся массировать затекшую шею. Даже если «Дюрандаль» взорвется прямо сейчас, он ничего не потеряет. В конце концов это незабываемое зрелище он уже имел счастье видеть четыре раза — вполне достаточно, чтобы приелось самое лучшее шоу.

— А-а, проклятый! Держись, с-скотина! Три минутки еще продержись! — заклинал Марио далекий истребитель.

Эстерсон вынул из пачки сигарет «Солнечная Конкордия» одну и закурил. Не будь Марио так увлечен аттракционом, он мог бы заметить: у Эстерсона сильно дрожат пальцы.

Тем временем Марио от заклинаний вольфрамокерамитовой птицы перешел к более высоким материям.

— Пресвятая Дева! — взмолился он, темпераментно ломая руки. — Ну сделай же! Сделай! Тебя просит твой маленький Марио! Чего тебе стоит? Я буду хороший! В это же воскресенье я закажу в Санта-Розе молебен. Нет, два молебна! Три! Четыре! Десять! Да я построю церкви! Прекрасную церковь! Собор! Если ты мне поможешь, что я только не сделаю для тебя! Хочешь, я построю собор? Мне это раз плюнуть! И не только в Санта-Розе, но и в самом Буэнос-Айресе! На Марсе! На Ганиমেде! Мне раз плюнуть! Мой тесть, между прочим, главный архитектор Солнечной, ну ты знаешь! Умоляю тебя, Пресвятая Дева! Пожалуйста!.. Хочешь, я брошу Хуаниту? Хочешь?! Я брошу Хуаниту! Брошу! Узы брака священные! Только сделай так, чтобы эта проклятая консервная банка...

Многие нашли бы этот монолог артистичным, забавным и даже в чем-то трогательным. Только не Эстерсон. Для него, воспитанного в скупом на аффекты, традиционном шведском духе, молитва аргентинца Марио была не более чем фиглярством клоуна — вконец изолгавшегося перед самим собой и перед почтенной публикой.

Несколько лет назад Марио купил Эстерсона точно так же, как сейчас пытался купить Пресвятую Деву. Только обещал он тогда не собор на Ганимеде, а восемь миллионов терро, ноги мыть и воду пить.

Сигарета догорала, но Роланд тут же прикурил новую — лишь бы не глядеть в небо. Как вдруг Марио подскочил на месте словно ужаленный и заорал:

— Нет! Только не это! В пятый раз! Ч-черт! В пятый раз! Силы небесные! Да что же это, Эстерсон, что же это такое?!

Не меняясь в лице, Роланд Эстерсон поднял глаза. Огненная хризантема, несколько секунд назад бывшая «Дюрандалем», *его* «Дюрандалем», распустилась в утренней голубизне. «Дюрандаль» падал совершенно беззвучно, но в ушах у Эстерсона грохотали похоронные барабаны Клона.

Лепестки хризантемы посерели, поникли к земле.

Только теперь их достиг хлопок далекого взрыва.

Вот они — годы работы, тонны умной аппаратуры на борту флуттера и килотонны — в эллингах экспериментального завода. Надежды генерального конструкторского бюро и сотен смежников. Пошли на освещение и обогрев околоземного пространства...

— Что же это, Эстерсон, а?! Опять что-то не предусмотрели?! Опять что-то прошляпили, черт бы вас побрал?! — брызгая слюной, орал Марио. — Что на этот раз? Опять какой-то синхротрон раком вставили?!

— Я уже объяснял вам, господин Марио, — бесцветным голосом затянул Роланд, — что задача комплектации истребителя, да и любого флуттера вообще, двухрежимным генератором защитного поля решаема, по преимуществу, в теоретическом ключе. Практически же никто ее не решил: ни энтли Конкордии, ни «восхищенные» чоругов, ни инженеры Объединенных Наций. Наши смежники из бюро Газади уже сотворили одно чудо — компактный щит-генератор, который кое-как удалось вписать в несущие конструкции «Дюрандала». И все равно масса генератора слишком велика для такой легкой машины, как истребитель. Из-за этого мы были вынуждены отказаться от «русского стандарта» маневренности. Хорошо, давайте будем козырять перед Департаментом Флота не высшим пилотажем, а неуязвимостью в безвоздушном пространстве. Давайте на этом остановимся. Но нет же, вам этого мало. Вы хотите, чтобы истребитель сохранял неуязвимость и при атмосферных полетах! Но ведь мы видим: защитное поле изменяет параметры турбулентности и обтекание корпуса воздушным потоком принимает принципиально иной характер. Это фатально сказывается на прохождении аппаратом атмосферы, и хотя я неоднократно...

— Не хочу слышать! Не хо-чу! — беспардонно оборвал Эстерсона Марио. — Не хочу слышать этот ваш научный бред! Я менеджер, я не знаю, что такое эта ваша турбо... турбу.. торбалентность! Мне нужны результаты, а не тупые теории! Мне нужно, чтобы машина летала! И с защитным полем! В ат-мо-сфе-ре! Понятно?!

— Позволю себе напомнить, что на доводку предыдущей модели, «Мьольнира», ушло пять с половиной лет.

Европейский «Хаген» взрывался на испытаниях девятикратно. А на «Дюрандаль» мы не потратили еще и...

— К черту все это, к черту... — махнул рукой вдруг присмиревший Марио. Как и многие склонные к истерии люди, он остывал даже быстрее, чем распался.

Марио повернул к Роланду свое бледное от злоупотребления амфетаминами лицо. В его широко поставленных глазах блестели крупные слезы.

— Вот кого мне жалко, так это пилота, — сказал он и громко всхлипнул.

С минуту Роланд не отвечал — просто не мог понять, какого именно пилота жаль Марио.

Менеджер пояснил:

— Ну того... того, который «Дюрандаль» пилотировал... Дети сиротами... Жена молодая...

На секунду мозг Роланда озарился вспышкой бешенства — того самого северного бешенства, которое вело в бой его далеких предков-викингов.

Для того были причины: ведь истребители во время доводочных испытаний пилотировались автоматически, как всегда, как ведется уже полтысячи лет!

Об этом тривиальном факте знают, кажется, все. Даже те, кто имеет самое косвенное отношение к военно-космическим проектам.

Даже Карлитос, разносчик кофе в лабораторной столовой, и тот знает, что никогда, никогда конструкторы не рискуют жизнью людей, сажая их в недоведенные модели летательных аппаратов. Карлитос, которому еще пятнадцати не исполнилось, знает. А топ-топ-менеджер Марио — не знает!

И этому тупице, которому никогда не выговорить слово «турбулентность», этому пустозвону, который уверен, что в обреченном «Дюрандале» сидел живой человек, этому красноглазому наркоману и юбочнику, хватает совести лить крокодильи слезки и изображать человека, которому катастрофа переломала полжизни! Исковеркала внутренний мир! Человека, который уязвлен в самое сердце!

Хотя, казалось бы, что ему, Марио? Чем он, Марио, рискует?

Даже если еще шесть «Дюрандалей» свалятся рядом на этом полигоне, он, Марио, совершенно свободный человек. В отличие от него, Роланда, человека совершенно несвободного, раба концерна «Дитерхази и Родригес». И что толку, что на банковском счету господина Эстерсона лежат восемь миллионов, если до тех пор, пока «Дюрандаль», оснащенный защитным

26 полем, не сядет на землю при включенном же защитном

поле, ему не снять со счета даже трех терро на пиво? А если он никогда не сядет?

В общем, Эстерсону стоило большого труда взять себя в руки. Он закурил снова и процедил насколько мог безразлично:

— Господин Марио, я же говорил вам на прошлых испытаниях, «Дюрандали» пилотируются дистанционно. Там нет пилотов. Это слишком опасно. Понимаете?

— Нет пилотов? Что ж, тем лучше, — загадочно отозвался Марио и с чувством высморкался в алый носовой платок.

В гробовом молчании они провели еще несколько минут. Наконец обломки истребителя грохотнули на северной оконечности полигона. Столб пыли и копоти взметнулся на полнеба.

Сутулые и злые Марио Ферейра и Роланд Эстерсон поплелись к армейскому скок-джипу. Кто знает, может, в дымящейся куче сыщется что-нибудь познавательное?

Полночь Роланд Эстерсон встретил в своем кабинете в обществе бутылки «Столичной» и трехэкранного визора «Панасоник».

Интеллектуальный светоч концерна «Дитерхази и Родригес» сидел перед визором в гидрокресле и тихо напивался.

Судя по тому, что бутылка «Столли» была пуста уже на треть, он имел все шансы встретить утро невменяемым.

Все три экрана визора были настроены на японскую волну «Асахи» и болтали на могучем языке Юкио Мисимы и великого искусства аниме.

Из могучего языка Юкио Мисимы Роланд знал только одно: истребитель по-японски — «сэнтю-ки». Роланд был шведом по национальности. Вот уже двадцать лет в жизни его интересовали почти исключительно истребители. Два дня назад ему стукнуло сорок.

Все три экрана были отвернуты к стене. Была у Роланда такая тайная страсть — *не смотреть* включенный визор.

Он предавался ей каждый вечер, добросовестно меняя каналы — сегодня японцы, завтра русские, послезавтра — Центральная африканская Директория.

Эта непонятная иноземная болтовня была единственным, что успокаивало истреппавшихся за годы безупречной службы делу прогресса нервы господина главного конструктора после трудового дня.

Из-за этой-то страсти Эстерсона по лаборатории ходили упорные слухи, что господин конструктор знает десятки иностранных языков, но почему-то скрывает от коллег сей яркий биографический факт.

От катастрофы «Дюрандаля» Роланда отделяло теперь четырнадцать часов. Но какие это были четырнадцать часов! Хоть мемуары пиши.

Когда они с Марио прибыли на место приземления обломков истребителя, инженеры нижнего звена уже начали сортировать вольфрамокерамитовые рожки и ножи по пластиковым кулечкам с номерами.

Размахивая картой неограниченного доступа, Марио нагло перелез через желтое ленточное ограждение прямо в эпицентр импакта. Он принялся метаться и вопить там, внутри, мимоходом топча и доламывая все, что только предоставила в их распоряжение эта катастрофа, снижая до минимума шансы Эстерсона разобраться, что же стало причиной крушения на этот раз.

Тут-то Роланд дал волю своему северному бешенству.

Он за шиворот уволок Марио с дымящейся плечи и на глазах у развесивших челюсти инженеров угостил топ-топ-менеджера Ферейру знатным апперкотом. Да таким, что у Марио пошла носом кровь...

Марио, конечно, возмущался. Взывал к свидетелям. Угрожал каким-то мифическим «военным трибуналом». Клялся, что «это дело так не оставит».

Но что такое Марио? Всего-то цепной пес военно-промышленной мафии Объединенных Наций. Песик. Шавка, место которой — у мусорного бака.

Роланд не боялся Марио. Теперь уже не боялся. И он дивился сам себе — куда подевалась его шведская вежливость? Куда подевался страх перед начальством?

Вскоре знамя истерики, выпавшее из ослабевших рук Марио, подхватили фигуры посерьезнее.

Господин Гросс, ведущий акционер концерна «Дитерхази и Родригес», прилетел в Санта-Розу из самой Столицы, которая, как известно, располагается на островах Фиджи, то есть, мягко говоря, не за углом, только для того, чтобы орать благим матом битых полтора часа.

О, как он орал!

Он орал так, что тряслись бронированные стекла в конструкторском кабинете, а престарелая кошка сеньоры Талиты, секретарши Роланда, обмочилась прямо в своей корзине.

Генерал Гросс пыхтел и краснел, он тряс перед носом конструктора своим табельным оружием и обзывал Роланда «негодяем» и «дерьмом». Самым популярным словом в его лексиконе было слово «взыскание». Самым популярным выражением — «это надо ломать».

Но генерал Родригес, чье имя, собственно, и составляло половину названия концерна, пошел другим путем. Он не орал.

— Вы, господин Эстерсон, должны понимать, чем может обернуться для вас преступная халатность в соче-

тании с самоуправством, — шипел генерал с холодными глазами рептилии. — Ваши близкие, я имею в виду, конечно, жену и детей, будут первыми, кто ощутит на себе последствия ваших недоработок...

— У меня нет близких, — победительно бросил ему Роланд. — И никогда не было.

— В таком случае я лично позабочусь о том, чтобы создать для вас условия. Такие условия, которые научат вас работать как следует. Я вижу, вы не очень-то справляетесь, когда с вами говоришь по-человечески, — зловеще резюмировал Родригес.

Насчет «близких» Роланд, конечно, покривил душой. Когда-то у него была жена. И даже был сын.

С женой пришлось развестись через четыре года брака. На разводе Лив — так ее звали — утверждала, что не может жить с человеком, проявляющим интерес к своим супружеским обязанностям лишь два раза в году: на рождественские каникулы и на пасхальные.

Если по совести, Лив можно было понять.

Даже удивительно, как за эти четыре года они умудрились зачать сына. Пожалуй, этот факт был способен опровергнуть некоторые фундаментальные положения теории вероятностей.

Через полгода после развода Лив с грудным Эриком на руках вышла замуж повторно. Ее новый избранник был скромным владельцем магазина готового платья с лексиконом в двести слов и пивным брюшком заядлого футбольного болельщика.

Зато он любил детей. Проявлял интерес к супружеским обязанностям не менее двух раз в неделю. Умел готовить омлет с грибами и варить настоящее какао.

Ни одной из этих добродетелей Роланд похвастаться не мог.

То был период, когда Роланд вошел в знаменитый «Проект 117», где разрабатывался уникальный стыковочный модуль. При помощи этого модуля Объединенные Нации планировали сделать из своей гигантской космической базы в системе звезды Зосма и номад-станции чоругов некое подобие единого общежития. Объединенные Нации надеялись найти ответ на вопрос, могут ли люди и чоруги жить дружно. А заодно, как водится, пошпионить за чоругами в рабочей обстановке.

К сожалению, отношения с чоругами испортились быстрее, чем «Проект 117» был завершен. Но поначалу все были преисполнены энтузиазма. Роланд впервые в жизни получил должность ведущего инженера проекта. Его натурально распирало от гордости. А чувство ответственности толкало на научные подвиги. Какая уж тут семейная жизнь?

Бывало, он выходил из лаборатории, только чтобы принять душ. Как правило, надобность в душе становилась очевидной к воскресенью.

А когда в его кабинете появилась индивидуальная душевая кабинка, надобность в воскресеньях сама собой отпала...

Кончилась эта история тем, что Лив попросила Роланда отказать от сына. Все равно ты, мол, ребенком не интересуешься. А у ребенка должна быть настоящая семья, настоящий отец.

«Не тот отец, кто зачал, а тот, кто воспитал», — приговаривала Лив.

В таких случаях всегда говорят что-то такое — это как когда ребенок разбивает коленки, ему вот уже три тысячи лет повторяют одни и те же слова «до свадьбы заживет».

Одним словом, Роланд внял голосу разума и традиции.

Он согласился. Даже подписал документ, где в юридически корректных выражениях он, Роланд Эстерсон, отказывался от права называться отцом Эрика, давал ему разрешение на смену фамилии и обещал в дальнейшем не претендовать на внимание мальчика и не лезть со своими дурацкими советами по его образованию и воспитанию. При этом, однако, отказавшийся от сына господин Эстерсон был обязан посылать ежемесячно сумму в размере десяти процентов от своей зарплаты маленькому мальчику Эрику...

Тогда он не понимал, что делает. Не понимал, что теряет. Он был слишком увлечен «Проектом 117» и своими сумасбродными изобретениями. А когда Роланд осознал, что же натворил, — было уже поздно.

Эстерсон налил себе еще водки. Выпил. Отправил в рот блестящую черную маслину. И, подумав, присовокупил к ней желтый кружок лимона.

«Интересно, какими такими «условиями» запутивал генерал Родригес?» — спрашивал себя Роланд, кривя лицо в лимонной муке.

Он вытер свои русые усы тыльной стороной ладони, когда его мутный взгляд упал на пластиковые контейнеры с остатками системы управления защитным полем. Контейнеры пирамидой громоздились в углу.

Пластиковые коробки были заклеены крест-накрест красной липкой лентой, по всей длине которой попутайски повторялись слова «совершенно секретно».

За последние двадцать лет Роланд видел столько «совершенно секретного», что смысл этих слов для него совершенно стерся.

На одной секретной научно-производственной базе в системе Центавра он даже видел туалетную комнату, на двери которой вместо исторического «М» или обычной живой

голограммки с абстрактным джентльменом в шляпе красовался гриф «СС». А внутри как всегда — вакуумные писсуары с желтым налетом, мятые экурки под раковиней и презервативы б/у, забытые любителями bathroom fucks, каких на научно-производственных базах всегда пруд пруди...

Так вот контейнеры, как и тот центаврианский туалет, — они тоже были «СС», сов. секретными, хотя их содержимое Роланд мог бы описать и с закрытыми глазами.

Эстерсон отвернулся. Интересоваться содержимым контейнеров ему сейчас хотелось меньше всего на свете, хотя сразу после катастрофы он был буквально одержим желанием досконально осмотреть этот чудом уцелевший блок — интуиция нашептывала ему, что где-то там прячется отгадка проклятой загадки под названием «ПОЧЕМУ ОНИ ВСЕ ВРЕМЯ ПАДАЮТ?»

Но это было с утра. Теперь же Эстерсона тошнило от одной только мысли о том, чтобы работать ночью.

Он налил себе еще. И вдруг поразился произошедшей перемене. Он никогда не распускал руки, а сегодня взял да избил идиота Марио. Он всегда работал по ночам (как, впрочем, и днем, и утром, и после обеда), да он мог работать когда угодно и сколько угодно. И его никогда не тошнило. А теперь вот — тошнит.

В общем, что-то важное надломилось в тот день в душе конструктора Роланда Эстерсона. И водка «Столичная» была тут вовсе ни при чем.

ГЛАВА 3

МЫ

Май, 2621 г.

Авианосец «Три Святителя»

Траверз Земли, Солнечная система

Я бы хотел, чтобы они не постеснялись назвать меня своим другом. Но мне хватало честности признать: это случится не скоро. Не сегодня и не завтра.

Даже если меня поставят в боевое расписание, даже если мне повезет выжить в воздушной свалке над фиолетовыми помидорами Наотара, если мои ракеты отыщут

врага и спасут жизнь ведущему — они скажут: «Это всего лишь удача новичка. Приятная, но случайность».

И они будут правы.

«Они» — пилоты эскадрильи И-02 19-го отдельного авиакрыла Военно-Космических Сил. Больше похожие на вольнонаемный сброд из охраны корпоративной колонии, чем на офицеров регулярной армии. Не признающие промеж себя ни чинов, ни уставной формы одежды, но притом готовые драться за честь мундира до последнего вздоха — хоть в смертельном хороводе космического сражения, хоть на дуэли, хоть в пьяном угаре офицерской кантины, схватившись с каким-нибудь непочтительно ухмыльнувшимся сапером из мобильной пехоты.

Их было шестеро.

Леонид Фрайман — подвижный, стриженный почти наголо, скорый на улыбку. Улыбался он, впрочем, как-то зловеще — даже в тех случаях, когда к тому не было видимых причин.

«Фрайман. Лейтенант Фрайман», — представился он и зловеще улыбнулся.

Сергей Цапко — долговязый, с двумя серьгами в левом ухе, на первый взгляд нелюдимый и малопривытный субъект. «Свежих жмуrow привезли», — так он прокомментировал наше появление в эскадрилье. В тот день я больше не услышал от него ни слова.

Братья Фрол и Егор Кожемякины — уроженцы Большого Муром. По-моему, этим все сказано. Известно ведь, что такое Большой Муром.

Да-да, именно. Фрол и Егор расхаживали по жилому отсеку в красных рубашках-косоворотках, носили на шее обереги, а их русые бородки курчавились исконно русскими кольчиками.

Честно говоря, поначалу они показались мне самыми сумасшедшими во всем этом летучем дурдоме. И только позже, познакомившись накоротке с людьми Клона, я понял, что ретроспективная эволюция, сорвавшая крышу населению Большого Муром, была очень умеренной и, пожалуй, благотворной вариацией на темы того, что случилось с колонистами на Вэрт-рагне двести лет назад.

Пятым был могучий азиат Ибрагим Бабакулов: широкоскрое лицо, кулаки размером с мою голову, волосатые лапищи и... изящные старомодные очки в металлической оправе. Смотрелись они на нем, как галстук на быке. Галстук, кстати, был таким же неотъемлемым атрибутом Ибрагима, как и очки.

«Ты похож на юного Вагнера! — восхитился он, разглядывая Быстрова поверх очков. — У тебя в роду немцев не было?»

«Вроде не было, — ответил Быстров. — А кто такой

«Кто такой Вагнер? — переспросил Ибрагим, нахмурившись. — Чему вас на Новой Земле вообще учат? Как люди, не знающие Вагнера, могут называть себя истребителями?»

«Вагнер — это такой немецкий композитор», — пояснил Коля Самохвалский.

И хотя до большой дружбы с лейтенантом Бабакуловым Коле было еще далеко, этот эстетствующий киргиз, знаменитый на весь авианосец меломан и интеллектуал, посмотрел на Самохвалского как на человека. А не как на говорящую вошь из кунсткамеры, которой в тот момент представился Бабакулову ограниченный Быстров.

Командовал эскадрилей капитан третьего ранга Василий Готовцев. Будь я редактором еженедельника «Небесная гвардия», лепил бы его на обложку каждого второго выпуска. Не человек, а готовая статуя героя. Глаза стальные, взгляд пронзительный, зубы крупные и ровные... Впрочем, уставной формой одежды манкировал и он.

Наша эскадрилья по штату должна была насчитывать двенадцать одноместных истребителей РОК-14 «Горыныч». Но пилотов с офицерским званием в ней почему-то обнаружилось всего лишь шесть. С нами, недоделанными, получалось десять.

Куда девались остальные? Почему пришлось разбавлять профессионалов недоучками?

На все вопросы мы получили исчерпывающие ответы, когда после ужина вместе с прочими потащилась в Пятый ангар принимать новые флуггеры.

Авианосец бодро пожирал миллионы километров пустоты, разделяющие Землю и Флору, а мы грустно рассматривали пару потрепанных и несколько свеженьких «Горынычей». На которых — как показывали элементарные арифметические выкладки — кое-кому из нас полетать не светит. Флуггеров в Пятом ангаре оказалось еще меньше, чем нас.

На вертикальном оперении одного флуггера был нарисован напружинившийся, злующий котяра. На другом — щекастое лицо-солнце в обрамлении лучей-лепестков. Этот флуггер имел позывные «Ярило» и принадлежал Фролу Кожемякину.

На флуггере «Кот» летал командир эскадрильи. Об этом свидетельствовал дополнительный красный шеврон на фюзеляже под кабиной.

Остальные шесть флуггеров были только что извлечены из транспортных контейнеров и смонтированы трудами авиационных техников. Никакие художества их не отягощали, если не считать стандартных опознавательных знаков Объединенных Наций и Военно-Космических Сил.

Меньше недели провел авианосец в боях за Наотар, а Егор Кожемякин, Бабакулов, Цапко и Фрайман уже стали «безлошадными».

Егор Кожемякин и Фрайман катапультировались из своих поврежденных машин и были подобраны на поверхности планеты службой поиска и спасения, оснащенной специальными флутгерами «пятакковой посадки».

Бабакулов дотянул до авианосца на последних килограммах горючего, но так неделикатно грохнул израненную машину на полетную палубу, что ее оставалось только отправить в заводской ремонт.

Цапко пришлось совсем туго. Катапульта отказала. В каждый миг мог грянуть взрыв. Ему не оставалось ничего другого, кроме как попрощаться с друзьями и повести свой флутгер в открытый космос.

Кое-как выкарабкавшись на низкую орбиту, он прихватил из истребителя газовый огнетушитель и покинул пышущую жаром машину через стыковочный кессон. Используя огнетушитель в качестве одноразового реактивного движка, Цапко умудрился отлететь от истребителя на несколько километров, прежде чем машина взорвалась.

Но всего удивительнее было то, что Фрол Кожемякин засек его радаром и, проявив чудеса прецизионного пилотажа, подобрал товарища через стыковочный кессон. И очень вовремя: прилета спасателей Цапко не дождался бы. В его скафандре от близкого — по космическим масштабам — взрыва родного флутгера стремительно скисала термоизоляция.

В итоге Цапко отделался легким, бодрящим обморожением. Его даже не пришлось госпитализировать. Меня потом уверяли, что характер у счастливчика после того случая заметно улучшился. Если это называется «улучшился», не берусь вообразить, какой же он был до Наотарской операции.

Остальным пилотам эскадрильи повезло меньше.

Четверо погибли вместе со своими машинами на глазах у товарищей.

Еще один пошел на вынужденную посадку над Сумеречными Лесами в субэкваториальном поясе Наотара. Ни летчика, ни следов падения флутгера обнаружить не удалось.

И наконец, шестой пилот подвел разваливающийся на глазах флутгер к авианосцу, катапультировался, был спасен и... отправлен в реанимацию. Судьба-злодейка вlepила его спасательную капсулу аккуратно в борт выползающего из-за

Но все это нам потом рассказали. А тогда мы глазели на истребители, как бараны на новые ворота, и до нас постепенно доходило, что вместо большой победы нас ждет большая бойня.

— А почему флугтеров так мало? — разочарованно спросил Коля у комэска.

— Потому что перпендикуляр. Вам «мало», а нам в самый раз.

— Чтобы вас, сопляков, поберечь, — предположил Фрайман. — По-моему, тут даже два лишних.

— Спасибо, товарищи офицеры. Объяснили. — Коля был готов расплакаться. — Только не пойму, зачем было нас из Академии вынимать? Чтобы на прогулку за казенный счет свозить?

— А я пойму?! — взорвался Готовцев. — Я пойму?! Командование обещало нам, что на Колчаке нам выделят тридцать машин, укомплектованных опытными людьми с офицерскими патентами! Вместо этого исправных флугтеров на космодроме оказалось в два раза меньше. И ни одного экипажа! Ваше появление здесь — идиотская импровизация...

— Командир, зачем такое крещендо? — вмешался Бабакулов. — Ребята не виноваты, что Генштаб двинул с Колчака три укомплектованных эскадрильи за день до нашего прилета.

— Вот-вот, — поддержал его Фрайман. — Между прочим, это уже не первый случай в мировой истории. Когда Цезарь воевал с галлами, сенат задолжал ему целый легион. И что ты думаешь?..

— Думаю, мы узнаем это в следующий раз, — проворчал Готовцев. Он был по-прежнему зол, но уже не орал. — А сейчас поделим флуггеры. Егор, имея в виду твои, м-мм... традиционалистские убеждения, тебе предоставляется право выбирать первым.

Егор Кожемякин, как я уже сказал, родился и вырос на Большом Муроме. Поэтому я не удивился, когда этот крепкий и с виду психически нормальный мужик принялся по очереди разговаривать с каждым флуггером.

Он шептал что-то в правую бортовую дюзовую пару, дул туда и даже, кажется, тихонечко подвывал. Затем прикладывал ухо и выслушивал мнение истребителя.

При этом все прочие пилоты хранили абсолютное молчание.

Власик — парень простой, уроженец незатейливого города Зеленограда (Земля, Солнечная система) — хмыкнул и криво ухмыльнулся.

Лейтенант Цапко внушительно потряс кулаком перед носом у невежды.

После этого все мы начали старательно делать понимающий вид. Дескать, сами со своими флутгерами на короткой ноге. Болтаем о девчонках на досуге, пиво вместе пьем...

Наконец Егор Кожемякин, «спознавшись», как он это называл, со всеми флутгерами, сделал свой выбор. К нему подбежал авиационный техник.

— Значит, так, — сказал Егор, поглаживая носовой обтекатель флутгера. — Сделай все, как на старом было. На пере ему нарисуй такого же Сирина. Вязанку чеснока и красного перчика я тебе поднесу. Прикрутишь вокруг приборной доски. Дам еще тебе...

Мне было интересно, какие еще овощи Кожемякин намерен противопоставить рентгеновским лазерам джипсов, но тут «безлошадные» Бабакулов, Фрайман и Цапко одновременно набросились на другие флутгеры и техников, каждый со своими требованиями по украшательству. А к нам обратился комэск:

— Кадеты, вас четверо, а флутгеров два. Варианты вроде «летать по очереди» не рассматриваются. Дай бог успеть слетаться с нами хоть двоим. Поэтому придется что-то решать. Прямо сейчас.

— Вопрос... можно? — робко спросил Коля.

— Первый и последний. — Готовцев гордо вздернул подбородок и поиграл желваками.

Нет, жаль, решительно жаль, что я не собкор «Небесной гвардии»! Какие кадры пропадали! Матерый космический волк делится военной премудростью с молодым пополнением...

— Те, кто не попадет в летный состав, что будут делать?

— Ни-че-го.

— Совсем ничего?

— Абсолютно ничего. В остальных эскадрильях та же ситуация — перебор добровольцев, недобор флутгеров. Вас нельзя использовать как техперсонал. Вы не годитесь в бортстрелки и летнабы на спасательные машины. Вы — всего лишь дорогостоящие заготовки. Какой-то прок из вас будет через пару лет. Но сегодня вы бесполезны. Итак, решайте: кто будет летать, а кому валяться на койке брюхом вверх и жрать казенный харч.

И вот тут произошло нечто не для печати. Не сговариваясь, Коля, Быстров и Власик одновременно отказались:

— Значит, не судьба.

— Не драться ж теперь из-за них.

— Запишите меня в запасные.

— То есть как это? Готовцев, кажется, не был готов к подобному повороту событий. Он небось думал, что мы сейчас устроим вокруг этих проклятых флутгеров громкую свару.

Впрочем, то же думал и я. Сообразительные у меня однокашники, один я туповат вышел!

— Вот так. Я не лечу. — Коля вздохнул. — Уступаю товарищам. И заметьте: я первый отказался.

— Что значит «первый»? — возмутился Быстров. — Я сразу осознал, что мне не хватает летного мастерства. И отказался не позже твоего. Так что бери флуггер, дружок.

— Именно так, кадет Самохвальский, — официальным тоном подтвердил Власик. — Вам с кадетом Пушкиным выпала большая честь. Дело будет важное, серьезное. А потому и летать вам, как лучшим нашим пилотам.

— Вы совершенно правы, кадет Власик, — встрял я. — Кадет Самохвальский больше любого из нас достоин этой чести.

Оттащил я Колю в сторонку за рукав и говорю ему на ухо:

— Ну хоть ты не позорься. Давай скажи, что пошутил. Пойдем в бой вместе, мы же сколько об этом мечтали!

— Я боюсь, — отвечает Коля, отличник боевой и теоретической подготовки. — Не знал я, что в воёнфлоте у нас такое творится. В штабе бардак, в эскадрилье бардак, психи кругом, потери астрономические, как джипсов бить будем, сдастся, никто не знает...

— А нам что с того? Наше дело — отвечать за себя. Если мы вместе с эскадрилей пойдем в бой и погибнем — значит, судьба была со смертью повстречаться. Но если эскадрилья погибнет без нас, а мы в Академию вернемся доучиваться, нам потом всю жизнь ходить как обоссанным. Все равно через год, или через два, или через пять нам придется встретить тех же джипсов. Или кого похуже. Но только отвечать мы тогда будем уже не за себя одних, а за ведомых, а может, и за целую эскадрилью.

— Плевать. Тогда у нас будет опыт. А вот так, глупо, пойти в бой зеленым новичком и...

— Каким еще новичком? У тебя сколько часов налета на учебной спарке? Двести, верно?

— Двести пятнадцать.

— Тем более. И одиночного налета, на настоящем «Горыныче», часов сорок будет. Да мы, может, по высшему пилотажу еще кого-нибудь из здешних волков сделаем!

— Как же, сделаешь ты их...

— Верняк. Их же учили еще на «Беркутах».

— Черта с два. «Беркуты» даже из учебных частей давным-давно списаны. Я как раз недавно читал...

— Спорнем?

Коля — человек умный, положительный. Любит кошечек. И котиков. Знает больше, чем весь наш учебный

курс. И, по-моему, даже больше, чем некоторые препода. Однако есть и в нем червоточинка. Азартен не в меру. Взять его на слабо — легче легкого.

— Спорнем.

— Но только уговор. Если выиграю я — ты войдешь в летный состав. Вместе со мной.

— Это нечестно!

— Честно!

— Н-ну... х-хорошо... допустим. А что будет, если выиграю я?

— Нет, не «допустим», а точно. Зато если выиграешь ты, я отдам тебе свою счастливую зажигалку.

— Ту самую?!

— Ту самую.

— Слушай... А она с тобой?

— Разумеется.

— Покажи.

Я показал.

— Плохо. — Коля снова погрузился. — Видишь ли... Ты только не обижайся... Но тут вот какое дело. Если вдруг тебя собьют, она ведь вместе с тобой... Пропадет.

— Коля, ты с перепугу совсем плохой стал. Если выиграешь ты, я ее сразу, вот прямо сейчас и здесь тебе отдам!

— А ведь точно! — Он мгновенно просиял.

Я так и знал, что его это утешит.

— Ну что — по рукам?

— По рукам!

— Товарищ капитан третьего ранга! Скажите пожалуйста, у вас какие учебные спарки в Академии были?

— «Горыныч», РОК-14У2... Но это уже второй вопрос, кадеты! — спохватился Готовцев. — Вы разобрались наконец, кому на войну, а кому на койку?

Я выматерился. Очень и очень грубо. Но очень и очень тихо.

Хорошо, что телепатов в природе не существует. Не выявлены, выражаясь армейским языком.

— Решили, товарищ капитан третьего ранга! — откликнулся Коля.

— Ну все, давай сюда свою красавицу, — прошипел он мне, протягивая раскрытую ладонь.

Я молча отдал зажигалку и поплелся к авиационным техникам. Насколько я понимал местные традиции, мне нужно было определиться с позывными и соответственно с художествами на киле.

«Тигром»? Претенциозно и избито. «Кометой»? Уже лучше, но вызывает неприятные ассоциации с подбитым флуггером. «Черепом»? Снова ассоциации не те...

— Так кто второй пилот, кадеты?! — рявкнул Готовцев. — А то сейчас будете жребий тянуть. Или устроим между вами бой на мечах за право от боевых вылетов отвертеться!

На его командирский рык обернулись все, кто был в Пятом ангаре. И пилоты, и техники смотрели на Колю с презрением.

— Я. Я беру последний флуггер. Можно мне котенка на киле?

Коля! Все-таки Коля! Нет, недаром называю я его своим другом.

— «Кот» у нас уже есть. Это я. — Готовцев был горд своими позывными и не скрывал этого.

— Вот и хорошо. А я буду «Котенком», можно? Чтобы сильнее отличалось — нарисуем сиамского. Или персидского.

— «Котенок» звучит не по-боевому. Но, принимая во внимание... — комэск крепко задумался над формулировкой, — ...принимая во внимание... Короче, «котенок» так «котенок». Традиции сильны преемственностью.

— Благодарю, товарищ капитан третьего ранга!

— Идите знакомьтесь с техниками. А вы, — Готовцев обратился к Власику и Быстрову, — свободны. Надеюсь, до конца операции.

Группа Флоры — это огромное скопление астероидов в пресловутом поясе между Марсом и Юпитером. Именно возле Флоры концентрировались эскадры, которым предстояло стать ударным ядром Экспедиционного Флота «Наотар».

Туда же подтягивались и отдельные корабли, потрепанные в боях с джипсами и вышедшие теперь из баз Солнечной системы после неотложного ремонта и спешного пополнения личным составом. Одним из таких кораблей были наши «Три Святителя».

Группа Флоры, по мнению командования, была в общем и целом похожа на караван джипсов. Перед сражением за Наотар командование собиралось провести здесь учения по отработке взаимодействия двух эскадр: российской и германской.

Планировалась массированная ракетная атака, стрельбы главным калибром и прочие полномасштабные увеселения с уничтожением здорового астероида, по структуре и габаритам близкого к фламану джипсов.

Несмотря на то, что многим из нас предстояло сражаться не в открытом космосе, а в атмосфере Наотара, атакуя укоровившиеся на планете домны и прикрывая ударные

флуггеры, именно здесь, среди астероидов, наше авиакрыло готовилось провести серию учебных вылетов. Сколько именно — никто не знал.

В Экспедиционный Флот, кроме русских кораблей, вошли немецкие, а сверх того — отдельные отряды и дивизионы других наций-комбатантов. Наконец, в районе Наотара Флоту предстояло взаимодействовать еще и с вооруженными силами Конкордии.

Поэтому в придачу к штатным автоматическим переводчикам, входящим в состав аппаратуры связи наших истребителей, нам выдали еще небольшие наручные трансляторы модели «Сигурд». Это железо свободно работало со всеми языками Великорасы и других гуманоидных рас.

Кроме стандартного набора функций «Сигурды» имели еще одну фирменную изюминку: декодировали языки нескольких сотен видов животных. Конечно, в той степени, в какой инфра-, ультра- и просто звуки, издаваемые канарейками и воронами, собаками и дельфинами, можно считать «языками». И не только декодировали, но при необходимости и синтезировали соответствующие «фразы».

Производители «Сигурда» уверяли, что это очень полезная бонус-функция. Скажем, совершивший аварийную посадку посреди океана пилот мог позвать на помощь дельфинов или послать по матери надоедливых акул.

Солдат, атакованный комарами, в теории получал возможность вызвать «комариных истребителей» — стрекоз или летучих мышей. И так далее.

Весь этот бред представится вдвойне бредом, если учесть, что «Сигурд» пока что работал с одними только земными животными. А воевали-то мы отнюдь не на Земле. И катапультироваться в случае чего нам предстояло не над Тихим океаном, а над Сумеречными Лесами, населенными, как гласил справочник по Наотару, промежуточными растительно-животными формами жизни. Весьма необщительными, я полагаю.

Слетать на учебу «в условиях, приближенных к боевым», пришлось пять раз за двое суток. Такая интенсивность полетов на флуггерах приближалась к пределу человеческих возможностей.

Когда б не кое-какие плюсы — комбинированный душ, отличное питание, комфортабельные кровати с гидроматрасами, — я бы не выдержал. В каждом вылете наша эскадрилья получала новую учебную миссию. И при этом

все они были спланированы так, чтобы использовать ресурс наших «Горынычей» на полную катушку. И человеческий ресурс тоже.

Мы прикрывали свои линейные корабли — многочасовое изматывающее барражирование на ближних и дальних подступах к эскадре. В один прекрасный момент по нашим радарам вмазали полосной помехой, а из группы Флоры вынырнули ударные флуггеры, поднятые с авианосцев наших коллег из Европейской Директории.

Их задачей было прорваться к российской эскадре и торпедировать наши авианосцы учебными фототорпедами. Нашей задачей — расстрелять паршивцев из фотопушек.

В грандиозной свалке наши истребительные эскадрильи перебили много флуггеров условного противника, а остальных заставили с позором ретироваться. Я даже понадеялся, что и на мою долю выпала удача. Вернулся на авианосец довольный, как слон, и готовился принимать поздравления от Кольки Самохвальского.

Увы, во время разбора полетов на Большом Полетном Парсере (в служивом народе — Прокрутчике) было отчетливо видно, что я, как самый распоследний чайник, вместо торпедоносца азартно расстрелял фантом — ложную цель. А настоящий, разукрашенный геральдическими единорогами «Фульминатор» красиво срезал Фрайман, Колькин ведущий.

За это комэск Готовцев не преминул устроить мне показательный разнос.

— Что ж ты, кадет, селекцию ложных целей не включил? Спишь в пилотском кресле?! Так ведь можно и посадку проспать! Думаешь, на учениях насмерть не бьются? Да я таких, как ты, схоронил больше, чем ты палок девкам кинул! Джипсы сопеть в две дырки не дадут!

— Осмелюсь доложить, товарищ капитан третьего ранга. Вводная не предполагала информационного противодействия со стороны противника. Не имея приказа старшего начальника на изменение режима радара и следуя Тактическому Уставу...

— Отставить, кадет! Ты видел полосную помеху, которой противник прикрывал свое развертывание?

— Так точно!

— То есть ты обнаружил информационное противодействие, но выводов не сделал?

Я обреченно повторил:

— Не имея приказа старшего начальника...

На самом деле проступок мой был вполне невинный. Точнее даже, не было никакого проступка. Действительно, Тактический Устав запрещает ведомым истребителям менять режимы радара без приказа ведущих или комэска. Формально я действовал правильно. Но и Готовцев не зря собачился.

— Пушкин, я тебе такую помеху из обычных маневровых дюз могу сообразить, у тебя такой треск по наушникам пойдет, что ты собственного голоса не услышишь. Приказы — это хорошо. Приказы надо выполнять. Но если они не поступают, это еще не значит, что голова тебе дана пилотку поддерживать. В бою надо действовать не по уставам, а по обстановке.

— Есть действовать не по уставам, а по обстановке!

— Ну-ну, не воспринимай это как руководство на все случаи жизни... Иначе зачем нужны уставы?.. — пошел на попятную Готовцев.

На том инцидент был исчерпан.

На следующую миссию я отправился в препаршивом настроении. Кроме того, было страшновато: нам приказали держаться к ведущим впритирку. Это значило, что носовой обтекатель моего флуггера нависал прямо над хвостовым оперением машины Бабакулова.

При этом дистанции между звеньями тоже были сокращены до минимума. Получалось, что вся наша эскадрилья — четыре звена по два флуггера — ломится в группу Флоры эдаким свальным цугом.

Не приведи господь головному флуггеру резко сбросить скорость — и вся эскадрилья рискует поцеловать его в маршевые дюзы. Страшное дело!

Обычно такой боевой порядок — по науке, «тесная колонна звеньев» — на больших дистанциях позволяет обмануть противника. Каждое звено на радарх выглядит как один флуттер, да и в оптике сгоряча пару «Горынычей» можно принять за один двухкорпусный торпедоносец типа «Фульминатор». А если противник неправильно оценил вашу численность — считайте, половина победы у вас в кармане.

Однако в том учебном вылете тесная колонна звеньев была применена нашими эскадрильями, чтобы отработать сверхбыстрый прорыв внутрь группы астероидов. Разумеется, прорыв осуществлялся после подавления неприятельской воли к сопротивлению главным калибром наших линкоров.

О-о-о, это было что-то!

Линкоры выбили из астероидов тучи пыли и щепки. Этот мусор разлетелся во все стороны. По кос-

мическим масштабам, не очень далеко — где-то посередине между астероидами проход оставался. Но широким я его не назвал бы. Нет.

Наша задача была простой — протиснуться в этот проход и атаковать ракетами «космос—поверхность» группу учебных целей, которую построил для нас космоинженерный батальон мобильной пехоты на одном из астероидов. Этот астероид, разумеется, линкоры своими снарядами не лопатили.

Ну что же...

Прорвались.

Атаковали.

Целей, увы, никто так и не увидел — наша сторона астероида была «ночной», мы работали только по данным радаров. Взрывы ракет тоже показались совсем бледными. В общем, никакого удовольствия.

А на обратном пути выяснилось, что проход вконец затянуло пылью. И вроде бы не очень густо, а все ж для истребителей смертельно. При космических скоростях такая пылица вызывает стремительную эрозию корпуса и бронеколпака, буквально пожирая любой самый прочный материал.

Не знаю — таков был замысел этой тренировочной миссии или просто адмиралы не рассчитали мощи бризантного действия 800-мм силумитовых снарядов. Так или иначе, пришлось поворачивать коней.

А подробных-то карт остальной части группы Флоры у наших автопилотов не было! С точностью до метра в наши истребители прошли только боевой маршрут: выход через вход, так сказать. А лоцию всей группы Флоры — огромного скопища летающих скал — задали только в самых общих чертах. Готов спорить: сугубо из-за лени штабных операторов.

Кажется, даже Готовцев перетрухнул.

— Ничего, звери крылатые, звери могучие, прорвемся... — пробормотал он в микрофон. — Все радары на ближний режим... принять интервал три... ведомым следовать строго за ведущими... Давайте самый малый, десять «эм»... за мной... полегонечку...

Что в итоге?

В итоге выбрались. Все живы остались. Только флуттер Фрола Кожемякина немного камешками побило. Ремонтабельно.

Но горючки нам не хватило — слишком долго блуждали. Какую скорость успели набрать, вырвавшись из группы Флоры, — с такой, безо всякого ускорения и торможения, по инерции и поплелись домой.

Разумеется, курс мы взяли точно на «Три Святителя». Но из-за гравитационного дрейфа Экспедиционного Флота прилетели мы не домой, а, на посмешище немчуре, в аккурат к линкора «Кенигсберг» и «Лотарингия». Им еще уклоняться пришлось, чтобы мы их не протаранили.

Тут уже комэску Готовцеву по шее надавали. Ни за что в общем-то. Думаю, в те дни нагоняи летали сверху донизу от главкома Пантелеева до последнего сержанта техперсонала. Адмиралы материли капитанов, те — лейтенантов, лейтенанты — мичманов.

Чтобы никто не расслаблялся.

Остальные учебные миссии — полный мрак. Массовые вылеты. В составе всего авиакрыла. Еще раз — в составе всего авиакрыла! И на закуску — массовый вылет всех москитных сил Экспедиционного Флота. Совместно с немцами и итальянцами. Ух, налетались!

А налетавшись, мы бухнулись в свои кровати и провалились в сон. Прямо в летных комбинезонах. Провалились, как и летали, — все вместе. Всеми москитными силами.

Проснулись мы только во время X-перехода. Как всегда, ощущения были не из самых приятных. Но после блужданий по астероидным лабиринтам Флоры пресловутое «липкое безвременье» X-матрицы воспринималось как ужасик для самых маленьких. Про то как в черной-черной комнате черный-черный кот крадет у детишек черную-черную шоколадку.

А пробуждение номер два состоялось уже в районе концентрации Экспедиционного Флота, на траверзе Наотара.

Офицерская трапезная авианосца производила неизгладимое впечатление. Никогда не подозревал, что на военных кораблях возможен такой шик. Одно название чего стоило: не какая-то вшивая «столовая», а «трапезная»!

И это еще скромно. Ей-ей, она заслуживала и более громких имен. Великое Святилище Пищи или, может быть, Олимп Гурманов.

Начать с того, что пилоты, расхаживающие по жилым отсекам в чем угодно, но только не в кителе, к обеду в трапезной обязательно переодевались по-уставному. И даже не ленились пристегнуть оружейные перевязи.

У входа всегда несли караул два мичмана с мечами наголо и в полной парадной форме с аксельбантами. Мичманы буравили взглядом воображаемую точку прицелива-

ния на противоположной стороне коридора, но при этом бдительности не теряли.

Когда мы с Колей, следуя в кильватере за нашими новыми сослуживцами, впервые намеревались перешагнуть порог Великого Святилища Пищи, меч в руках одного из мичманов лег шлагбаумом поперек моей груди.

— Только для офицерского состава, — запорным голосом робота из фильма семисотлетней давности сообщил страж еды.

— Мы новые пилоты из эскадрильи И-02, — сказал я как можно громче.

— Почему не в форме? — осведомился мичман.

— Нам не успели выдать. Мы только-только из Северной Академии! — Я почти кричал.

Расчет оправдался. На мой голос обернулся уже зашедший в трапезную Егор Кожемякин.

— Пропусти этих двоих. Они вроде как тоже офицеры. Хотя и без патентов.

— Без формы не положено, — не повел бровью мичман.

— Да они, может, убьются завтра. Пусти, Володимир, а не то порчу наведу. Ты меня знаешь.

Все это Кожемякин пробасил добродушнейшим тоном. Но что-то в лице «Володимира» дрогнуло. Он молча взял меч «на караул». Проход был свободен.

Тогда, во время первого обеда на борту «Трех Святителей», я понял, что у службы во флоте есть кое-какие плюсы помимо общественного почета, романтики Дальнего Внесемелья и работы для настоящих мужчин. Например, работа для настоящих челюстей и желудков.

Но когда «Три Святителя» прилетел в систему Дромадера и нас пригласили завтракать, стало ясно, что я рано радуюсь. *Так* кормить они нас долго не смогут. Значит, наш славный завтрак — для многих заодно и прощальный ужин.

Как обычно, трапезная была сервирована по принципу шведского стола. На многоярусных стеллажах, вытянувшихся вдоль стен, громоздились блюда с сыром и балыком, цыплятами табака и ростбифами, стейками и отбивными. Салаты овощные и фруктовые, жареную картофельную соломку, печеные баклажаны и прочие мелочи жизни я даже не упоминаю.

Это все было как обычно.

Но в придачу к «как обычно» имелись: икра севрюжья и белужья, осетрина копченая и жареная, лобстеры, печень налима, свежие ананасы и манго, радужные фиги с Андобанда и оранжевые дули с планеты Махаон, какие-то

немыслимые паштеттики, коньяки, традиционные вина, sake и даже...

— ...Мороженое! — радостно взвизгнул Коля. — С вишенкой!

«Что ж они дитев понаприсылали-то», — читалось на лицах братьев Кожемякиных.

— Это не завтрак... О нет, это не завтрак... — возбужденно потирал ладони Бабакулов. — Это просто полет валькирий какой-то!

— «И поднялся ветер от Господа, и принес от моря перепелов, и набросал их около стана, на путь дня по одну сторону и на путь дня по другую сторону около стана, на два почти локтя от земли», — торжественно продекламировал Фрайман. — «Числа», глава одиннадцать, тридцать один.

— Жратва, конечно, славная, — согласился Фрол Кожемякин. — Да вся не наша, не славянская. Ни тебе груздя моченого, ни зелена вина...

— И ни одного орешка, — подхватил Егор. — Непорядок!

— Можно подумать, раньше давали вам груздей с орешками, — вопле резонно заметил Цапко.

— Муромцы всегда чем-то недовольны, — подал голос Готовцев, и все почтительно замолчали. — Когда я еще в Академии учился, был у нас один муромец, Евлампий. Так он считал, что «Горыныч» название для истребителя вредное. Каждый год писал докладную на имя Генерального Инспектора: «В соответствии с вековыми традициями великого русского народа увещаю Вас отменить поганое имя нашего славного летающего корабля, известного как РОК-14, и ввести правильное поименование. На выбор: «Сокол», «Ястреб», «Семаргл», «Жар-Птица», «Конек-Горбунок». А в Академию из Инспекции — ответная цидула: «Просим принять дисциплинарные меры воздействия на кадета такого-то». Евлампий наш с губы не вылазил, а все-таки от слов своих не отступался. Уважаю, настоящий мужик. За что и выпьем, — сделав этот неожиданный вывод, Готовцев хлопнул стопку коньяку.

Мы поддержали начинание славного комэска. С коньяком здесь не церемонились и глушили его по-водочному. Я осадил жгучий нектар остреньким печеным баклажаном. Интеллигентный Коля скривился, как от соляной кислоты, и сразу после первой стопки загрузился осетриной. Кожемякины степенно занюхивали андобандскими фигами.

— Товарищи, минуточку внимания! — из центра трапезной донесся звон вилки о хрусталь.

Там сидели наши отцы-командиры — Тоцкий, Шубин и прочие старшие офицеры: командир корабля контр-

адмирал Канатчиков, его замы и помы, старшие диспетчеры полетной службы, инженеры, навигаторы. Не хватало только нескольких вахтенных офицеров, которые несли дежурство на главных постах «Трех Святителей». Но и без них за центральным столом цвел пышным цветом оазис флотского величия: окладистые бороды, бакенбарды, высокие адмиральские фуражки, золотое шитье погон, украшенные камнями ножны именного оружия...

Сжимая потный бокал шампанского, слово держал всеобщий любимец Шубин. Трапезная погрузилась в тишину.

— Товарищи! Только что пришла ориентировка из штаба оперативного соединения «Тиштрия». Пока мы проводили тренировки возле Флоры, действия джипсов на Наотаре вошли в следующую фазу. Так называемые домны, вероятно, насытились сырьем, начали его переработку и теперь они... растут. То есть увеличиваются в размерах и ветвятся словно обычные деревья. Кроме этого, к противнику идут подкрепления: несколько новых астероидов вышли из Х-матрицы и направляются на соединение с первым караваном. Битва предстоит жаркая. Прямо скажем, нелегкая будет битва. Но проиграть ее мы не имеем права. Если сегодня джипсы заподозрят нас в слабости, завтра их караваны могут появиться не только в других колониях Конкордии, но и в Объединенных Нациях: над Махаоном и Муромом, над Каталиной и даже Землей. Кроме того, не можем мы ударить в грязь лицом и перед нашими конкордианскими союзниками...

Шубин прервался. Помолчал. И закончил:

— ...Я поднимаю свой бокал за встречу, товарищи. За встречу с вами, мои дорогие пилоты. На этом же корабле. В этой же трапезной. После победы!

Пилоты бешено зааплодировали.

— Ура!

— Браво!

— Ура командиру!

— Слава человечеству!

— Смерть гадам!

— Даешь Наотар!

Какой-то верткий субъект за соседним столом перешеголял всех. Он выплеснул в зад целую цистерну энтузиазма:

— На каждый удар агрессора ответим двадцатью! Слава Флоту! Слава Российской Директории!

Конечно же, это был мой однокашник Белоконь, приписанный к первой эскадрилье.

— Слава жратве, — пробубнил Цапко с набитым ртом.

ГЛАВА 4

ШЕСТОЙ ПРОТОТИП

Октябрь, 2621г.

Научно-производственная станция «Боливар»

Церера, Солнечная система

Угрозы генерала Родригеса не были пустыми.

«Условия» для Роланда Эстерсона были созданы. И «либеральными» эти условия мог бы назвать разве что начальник тюрьмы особого режима. Да и то, иная тюрьма, по крайней мере из расположенных на Земле, лучше подходила для жизни и работы, чем станция «Боливар».

Казалось бы, что плохого в Церере?

Обширная подземная станция, основанная еще в эпоху колонизации планет Солнечной. На станции после основательной модернизации были устроены научно-исследовательские лаборатории и завод по производству истребителей.

На поверхности — военный космодром. Имеется также оздоровительно-развлекательный комплекс для персонала лабораторий и заводских рабочих.

Казалось бы, живи и радуйся. Но на Церере радоваться не получалось. Там даже улыбались редко.

«Пилюли счастья», как назывался в просторечии фармакологический комплекс, прописываемый на Земле лишь заядлым меланхоликам и больным с диагнозом МДП в депрессивной фазе, были на «Боливаре» вместо витаминов.

«Пилюли счастья» лопали все. И дозы назначали себе сами.

Что-то не так было на Церере. Казалось бы, эмуляторы силы тяжести и системы жизнеобеспечения там стояли самые обычные. Такие же, как на сотнях других планеток, астероидов и кораблей. И защитные купола были тоже самой расхожей конструкции.

Наверное, купола работали нормально. Но от главного они не защищали — уже через два-три дня на Церере новоприбывший начинал ощущать себя лишним. Метафизическим посторонним. Человеком, который явился погостить в этом мире без всякого приглашения.

Процент самоубийств на Церере был значительно выше среднего. Травматизм на заводе — ужасающим.

Только совокупными усилиями концерна «Дитерхази и Родригес» и Национального департамента охраны тру-

да удавалось скрывать наводящую на грустные мысли статистику от прессы и прогрессивных слоев общественности Объединенных Наций.

Разумеется, проблему неоднократно пытались решить, не поднимая лишнего шума.

Дизайнеры по интерьеру обклеивали жилые помещения станции «Боливар» обоями самой веселой расцветки. Они заставляли коридоры драценами, а вестибюли — корзинами с цветущими примулами.

Обвешивали стены жизнеутверждающими фотографиями — целующиеся дети, торжествующие у ворот супостата футболисты, экзальтированные рыбаки, идущие домой с неслыханным уловом. Все это — для создания «дружественной, семейной атмосферы».

Психологи, насмотревшись на успехи спецов из Конкордии, достигших в деле конструктивной промывки мозгов вершин профессионализма, дружили трудовой коллектив лабораторий сеансами «ура-гипноза», после которых, как известно, «жизнь становится прекрасна и безумно хороша».

На заводах поднимали зарплаты. В лабораториях — присваивали научные звания направо и налево.

Ничего не помогало.

Драцены и примулы чахли на глазах. «Веселые» обои выцветали. Футболисты и рыбаки вызвали отвращение своим неуместным оптимизмом и наигранным довольством.

После сеансов «ура-гипноза» пациенты начинали плакать и терять вес. Пришлось отменить сеансы. Обрадованные психологи смылись с Цереры с первым же грузовым судном.

Рабочие начисто пропивали зарплаты в кабаке при космодроме и увольнялись без всякого сожаления. Лаборанты и аспиранты, наплевав на степени, разрывали контракты, выплачивали неустойку и сматывались, сматывались, сматывались...

Казалось, сам воздух на станции «Боливар» враждебен человеку. Казалось, даже безжизненный грунт Цереры дышит ненавистью. Мистика!

Некогда аспиранты в лаборатории затеяли конкурс на выявление героя, которому удастся заснуть без снотворного три ночи подряд. Приз — пятьсот терро.

К моменту прибытия на «Боливар» конструктора Роланда Эстерсона пятьсот терро оставались в призовом фонде уже более двух лет...

Первое время Роланд не унывал. Он попросту не мог себе позволить унывать, ибо это означало снижение работоспособности, а снижение работоспособнос-

ти означало автоматическое продление срока пребывания на проклятой станции.

Он знал — в отличие от рабочих и сотрудников лаборатории, которые могли выбраться с «Боливара» хотя бы ценой огромных штрафов и навеки испорченного резюме, он будет сидеть здесь, пока не закончит. Или пока не умрет.

Даже если теперь он вернет полученные восемь миллионов концерну «Дитерхази и Родригес» в обмен на свободу, никакой свободы он не получит. Потому что им не нужны восемь миллионов.

Им нужен истребитель.

«Дюрандаль» любой ценой.

Концерн «Дитерхази и Родригес» рассчитывает заработать на «Дюрандале» сотни миллиардов терро, не говоря уже о политическом капитале и лаврах защитников отечества. В этом Роланд был совершенно уверен. Как и в том, что война неизбежна и что начнется она совсем скоро — зачем иначе вся эта спешка, все эти истерики генерала Родригеса?

Другой вопрос, с кем будут воевать земляне на этот раз? Ответа Роланд не знал.

Впрочем, какая ему разница? Даже если в новой войне противником окажутся разумные инопланетные микроорганизмы, лучше ведь гвоздить по летательным аппаратам микроорганизмов из истребителя, оснащенного защитным полем...

Было и еще одно обстоятельство, которое заставляло Роланда держаться, вкалывать по шестнадцать часов в сутки, — его люди. Из лабораторий Санта-Розы с ним прибыли двадцать четыре человека.

Инженеры-технологи, инженеры-программисты, филдеры, то бишь «инженеры поля», защитного поля, конечно, а также аналитики, стажеры и, наконец, его незаменимая секретарша, сеньора Талита — все они составляли то, что на языке корпоративных вечеринок называлось «командой Эстерсона».

Члены «команды» находились в том же патовом положении, что и их босс. Разве что ответственности на них висело меньше.

Все они страдали бессонницей, а когда удавалось заснуть — ночными кошмарами. Сидели на «пилюлях счастья». Жили одной радостью — сеансами связи со своими семьями, которые у многих из них, в отличие от Эстерсона, были.

У большинства медленно съезжала крыша.

У сеньоры Талиты, например, на Церере проснулась тяга к живописи. Она начала рисовать.

Рисовала она сплошь черные кляксы на тошнотворно-зеленом фоне. По одной кляксе в день — сеньора Тали-

та утверждала, что в районе десяти вечера на нее обязательно находит вдохновение.

Эти рисунки были очень похожи. Менялись разве что интенсивность фона и пропорции клякс — иногда они смахивали на головастики, иногда — на картежные трефы.

В остальном сеньора Талита оставалась образцом адекватности и здравого смысла. Но Эстерсон чувствовал: это ненадолго.

Помощник и протеже Роланда, двадцатишестилетний эксперт по отказам аппаратуры Андрей Грузинский, который сильно напоминал Эстерсону себя самого в том же возрасте, а потому вызывал симпатию, тоже, если можно так сказать, отличился.

Грузинский потерял голову из-за чернокожей филдерши Джун Донн.

Пожалуй, на эту тему можно было бы написать абсурдистский роман. Джун была старше Грузинского на двадцать три года. Она была замужней матерью троих детей и ревностной протестанткой, заключившей контракт с «Дитерхази и Родригес» для того, чтобы дать своим взрослеющим детям первоклассное образование.

Джун весила сто четыре килограмма и напоминала лицом и повадками самку носорога.

Тощий белокурый тихоня Андрей ходил за Джун по пятам, не сводя глаз с объемистого крупа своего объекта обожания.

Он писал ей стихи. Он испек для нее русский национальный торт «Наполеон». Он даже попробовал овладеть ею за кулисами одного сабантэя.

Возмущенные вопли Джун, дающей отпор ловеласу, состояли преимущественно из непарламентских выражений. Их можно было услышать даже в кабине истребителя. По крайней мере в этом уверяли техники, тестировавшие комфортабельность пилотского кресла «Дюрандаля» на вибростенде.

И все же за пять месяцев на Церере Роланду удалось кардинально продвинуться в деле совершенствования «Дюрандаля».

Ему посчастливилось установить причину предыдущей катастрофы. Проведенное его командой дотошное моделирование последнего испытательного полета показало, что еще до взрыва истребитель потерял устойчивость в полете и произвел аварийное выключение двигателей. Причем произошло это не вследствие роковых турбулентностей, вызванных работой защитного поля, а из-за нарушения электронной связи с рулевым сервоприводом.

Канал электронной связи — бронированная труба толщиной с бревно — никак не производил впечатление эле-

мента конструкции, который в принципе способен сломаться. Но чем черт не шутит!

Повторное исследование уцелевших после катастрофы обломков показало: один из каналов рулевых сервоприводов действительно был перерезан. По крайней мере косвенные данные свидетельствовали именно об этом!

Словно гончий пес Роланд пустился по следу.

Он сутками не отходил от микроскопа. Он не появлялся к обеду и практически не спал. Он искал подтверждения своей гипотезе.

Найти их было не легче, чем разыскать в саванне льва, обнаружив под баобабом клочок его вылинявшей шерсти. Поскольку еще в воздухе на «Дюрандале» произошел мощный взрыв. Все, что осталось от истребителя, помещалось в восемнадцать пластиковых коробок...

Но Эстерсону все-таки повезло.

Не прошло и месяца, как он обнаружил неопровержимые доказательства того, что в камере сгорания левого двигателя имелся свищ, через который вырывалась наружу струя раскаленного газа. Она-то и срезала злополучный канал, тот самый, толщиной с бревно...

Остальное было делом техники.

На сей раз он лично контролировал изготовление каждой гайки. По его приказанию двадцать человек день и ночь многократно проверяли качество комплектующих. Во многих случаях — по разработанным конструктором лично уникальным методикам. Эстерсон следил за каждым движением рабочих и автоматов в сборочных цехах.

Конечно, с такими нововведениями дело двигалось медленно. Рабочие роптали, начальство выло в тихом бешенстве. Но Роланду было плевать.

Прошло еще три месяца. Новый «Дюрандаль» был почти готов.

Члены «команды Эстерсона» ходили окрыленные. Ведь теперь у них появилась надежда в обозримом будущем попасть домой.

Поль Виллардуэн, руководитель секции филдеров, даже хвастался, что вдвое снизил дозу «пилюлей счастья».

Грузинский набрал пару кило и увлекся инженером-системотехником Ким Фризвальд, пергидрольной блондинкой с томным грудным контральто, соотечественницей Эстерсона. Ким была всего на десять лет старше Грузинского. В порыве женолюбия ее даже можно было назвать «сексапильной».

Сеньора Талита обратилась к реализму и написала портрет своей кошки. Это был прогресс — и в художественном смысле, и в психиатрическом.

Но сам Эстерсон был на взводе.

Во-первых, знал он цену всем этим «надеждам на возвращение», всей этой «окрыленности».

В прошлый раз, когда подходила к концу работа над пятым прототипом, все тоже ходили как обкуренные.

Ждали и верили.

Пели песни. Молились.

Считали минуты до старта.

А потом? Что было потом? О, потом была огненная хризантема в небе над пустыми трибунами, бесноватый генерал Родригес, расформирование лаборатории в Санта-Розе, перевод спяянного трудового коллектива на проклятую Цереру, которая хуже концлагеря. Кто поручится, что в этот раз будет иначе? Кто гарантирует, что вся проблема была в том свище, в электронном канале?

Ну разве что Господь Бог лично.

А во-вторых... Роланд не мог точно сформулировать для себя, что именно во-вторых.

Он чувствовал какое-то внутреннее давление, какой-то катастрофический душевный неуют.

Чем он был вызван? Мыслями о брошенном сыне, который, дурачок, даже не подозревает, кто его настоящий папа? Предчувствиями близкой старости? Тем, наконец, в чем он сам страшился себе признаться: ему остохренели истребители, любые истребители и даже прекрасный, совершенный «Дюрандаль»?

Так или иначе, Эстерсон начал проводить свободные вечера (а они у него теперь появились, ведь истребитель уже стоял под покраской) в баре при космодроме.

Впервые в жизни он даже выучил несколько названий спиртных напитков сверх традиционных «Абсолюта» и «Столичной».

Его фаворитом стал коктейль «Так сказал Заратуштра».

В его состав входило топленое верблюжье молоко, жженный сахар и тростниковая водка. Это был самый популярный спиртной напиток Конкордии.

И хотя во всем остальном Эстерсон считал население Конкордии, в просторечии также именуемойся Клоном, зашифрованными психами, самое место которым — в дурдоме, он вынужден был признать, что в данном случае Заратуштра говорил дело.

Однажды вечером, когда Эстерсон сидел за стойкой полупустого бара над третьим «Заратуштрой» за

вечер, к нему подсел лысоватый щуплый мужчина предпенсионного возраста.

По виду — типичный «батяня» элитной сборочной бригады, завербовавшейся на Цереру подрубить деньжат.

Немного затурканный, немного потрепанный, с пивной кружкой в руке. Разве что глаза у него были по-мальчишески задорные и умные. Впрочем, в глаза ему Роланд тогда еще не заглядывал.

— Вы не против, если я угощу вас пивом? — галантно спросил «бригадир».

— Я не пью пива, — холодно сказал Роланд и, спохватившись, добавил: — Но за предложение спасибо.

— Не пьете пива? Тогда я могу угостить вас водкой.

— С недавних пор я перешел на коктейли, — буркнул Роланд.

— Тогда я могу угостить вас коктейлем! Но если вы откажетесь в третий раз, мне, конечно, придется уйти. Не нравится мне роль назойливого завсегдатая питейного заведения. — «Бригадир» лукаво усмехнулся.

— Но вы ведь ее играете, эту роль? — Роланд пожал плечами.

Для настоящего бригадира его собеседник изъяснялся слишком кудряво. Неужто агент вражеских спецслужб или, что еще хуже, спецслужб своих — глобальных или корпоративных?

— Я играю ее только потому, что хочу выпить с Роландом Эстерсоном.

— Вы даже знаете, как меня зовут?!

— Церера слишком маленькая. Она просто не может себе позволить сохранять настоящее инкогнито своих обитателей. Ну, вы меня понимаете...

— Понимаю, — быстро согласился Роланд. — Но я лично не знаю, как вас зовут.

— Разрешите представиться, — церемонно сказал «бригадир». — Пан Станислав Пес.

От этого известия у Эстерсона нефигуально пересохло во рту.

Станислав Пес, знаменитый инженер-параметрист, гордость концерна «Дитерхази и Родригес». Ведущий специалист по управлению динамикой полета. Да это же его монографию «Обеспечение стабилизации и управление движением летательного аппарата в условиях ужесточения динамических схем и в отсутствие резервов по параметрам» он пять лет назад, во время работы над эскизом первого прототипа «Дюрандаля», просто зачитал до дыр!

И хотя Пес посвятил свое исследование вовсе не полету истребителей, а посадочным эволюциям фрегатов, ин-

формация, которую почерпнул Роланд из той закрытой

ведомственной книженции с разлапистым грифом «СС», оказалась воистину неоценимой.

Вот уж неожиданность так неожиданность!

— Станислав Пес — это вы? — только и смог промолвить Эстерсон.

— А что, не верите?

— Честно говоря, не верю, — энергично замотал головой конструктор, словно бы сиюсь развеять наваждение.

— А что, если бы я представился Санта Клаусом, поверили бы?

— Если бы предъявили свой мешок с подарками — поверил бы.

Эстерсон отхлебнул еще «Заратуштры» и наморщил лоб.

А что, если это все-таки шпион?

Или даже Бог с ними со шпионами. Они, если судить по инструктажам корпоративной службы наблюдения, вербуют не так топорно... А если это все-таки розыгрыш? Если какой-то шутник или, допустим, сумасшедший решил выставить его, Роланда, легковверным идиотом?

Эстерсон представлял себе Песа совершенно не таким. Эдаким чопорным сухарем, без намека на чувство юмора, не таким по-пролетарски жилистым, не таким веселым, что ли. Да и вообще, он был уверен, что Пес вот уже лет десять не работает на «Дитерхази и Родригес», найдя себе местечко потеплее. В какой-нибудь военной академии или в университете с именем. Умненькие студенты, сообразительные мечтательные студентки, с патентов каждый месяц капает неплохая денежка... Такой жизнью можно жить, именно о такой жизни мечтал он сам. И ему казалось, что именно Пес заслуживает ее больше других!

А если это все не...

В голову Эстерсону пришла идея, которая показалась ему блестящей.

— Скажите, Станислав, вы помните испытания фрегата класса «Ла-Джола» в 2609 году?

— Лучше, чем собственную бабушку.

— В своем отчете вы писали, что штатная система стабилизации не справлялась из-за увеличения диаметра и габаритов разгонного блока. Так?

— Так.

— Что вы тогда сделали, а? Как решили задачу?

На миг лицо Песа стало растерянным и каким-то грустным. Он поставил кружку на стойку бара, нахмурился и спрятал глаза.

— Разве все упомнишь, — сказал он, озадаченно почесывая лысеющий затылок. — Давно ведь это было...

Роланд уже почти утвердился в мысли, что перед ним никакой не Пес, и что так ему, доверчивому простофиле, и надо, как вдруг его собеседник встрепенулся и изрек:

— Значит, так: во-первых, мы ввели новую коммутацию, изменив схему управления маневровыми дюзами с звездной на древовидную. Во-вторых, сместили центр масс корабля в корму, перекомпоновав хозблок камбуза и водяные резервуары... Но если вам действительно это интересно, то я должен сказать...

— Достаточно! Достаточно! — воскликнул Роланд и широко улыбнулся. — Извините меня, это была просто... просто...

— ...Проверка на вшивость, — окончил за Эстерсона пан Станислав и подкупаяще рассмеялся.

Они выпили еще по четыре «Заратуштры».

Вначале Пес угощал Эстерсона, потом — наоборот. А после — снова Пес. Этот цикл в принципе мог длиться вечно.

Они перешли на «ты» и трешали без умолку, словно две дамочки после похода по распродажам.

Похлопывая друг друга по плечу, они рассыпались в любезностях и открывали друг другу «страшные» тайны.

Между прочим выяснилось, что пан Станислав работает в секретной лаборатории АСАФ, также принадлежащей концерну, которая располагается в северной части станции «Боливар». И что, в отличие от Эстерсона, на Церере он уже шесть лет.

— Шесть лет! — вытаращил глаза Роланд. — Шесть лет! Я тут всего пять месяцев и уже чувствую — с ума схожу! Хочу домой. Хочу увидеть настоящую сосну. Настоящий снежный сугроб! Хочу морозяку минус сорок!

— Что, не нравится тебе на Церере? — с подначкой спросил Пес.

— Не то слово! Я даже начал скучать по Патагонии. А ведь когда мы работали в Санта-Розе, я был уверен, что паршивей места не сыщешь! А тебе что, здесь нравится?

— И мне здесь не нравится. — Пес помрачнел.

— Почему же ты сидишь здесь так долго?

— Потому что никто не давал мне разрешение отсюда съехать.

— Что, не окончил проект? Дело не клеится? — с участием поинтересовался Эстерсон, который заподозрил в Песе товарища по несчастью.

— За эти шесть лет я окончил два проекта, — гордо отчеканил Пес. — Но что толку?

— Как это — «что толку»?! — возмутился Эстерсон. — Они обязаны отпустить тебя! Ты же выполнил свои обязательства — и теперь они должны выполнить свои.

— Послушай, Роло, — устало сказал Пес, — давай не будем о грустном.

— Как это «не будем»? Как это «не будем»?!

— Да так. Ведь оба мы знаем, что отсюда нам не выбраться. По крайней мере, пока генерал Родригес и его начальство не решат обратное...

— Кто это «мы»? Кто это «знает»? Что за ерунду ты говоришь, Стази!

— Я говорю то, что знаю. Думаешь, я не пробовал отсюда уехать пять лет назад? Три года назад? Пробовал!

— И что?

— И то. Вот оно. Любуйтесь! Завидуйте! Пан Станислав по-прежнему здесь! Поначалу мне морочили голову. Довольно безыскусно, надо сказать. Рассказывали, что медицинские тесты обнаружили в моем костном мозге каких-то зловредных козявок и что мне лучше побыть пока на Церере, соблюсти карантин. Потом обещали деньги — много денег. Когда я отказался, лишь бы только порвать с этими живоглотами и убраться отсюда, они начали меня откровенно шантажировать! Вначале мягко — потом, конечно, обнаглели. Вначале они рассказывали мне, что мой младший брат Людвиг, начальник никелевого промысла на одном легендарном месторождении, проворовался и находится на полпути к тюрьме. До моего сведения довели, что если я буду хорошим мальчиком, Людвигу ничего не грозит. Когда я довольно откровенно заявил, что вору самое место за решеткой, они прибегли к более весомым аргументам...

— Как каким еще «весомым аргументам»? — недоверчиво спросил Роланд.

— Они сказали, что стоит мне только войти в зону терминалов космодрома Цереры, как в тот же час концерн «Дитерхази и Родригес» предоставит в Глобальное Агентство Безопасности информацию, что я, Станислав Пес, был изобличен в торговле военными секретами налево. Это значит, стоит только рыпнуться — и концерн сделает из меня Изгоя Номер Один. Преступника. Дичь для травли. Газеты с удовольствием подхватят всю эту чушь, и моим внукам будет стыдно ходить в школу... И тогда никто — ни адвокат, ни даже сотня адвокатов — не сможет мне помочь. Ибо концерн «Дитерхази и Родригес» всегда сможет нанять вдесятеро больше прокуроров...

— А сбежать? Всегда ведь можно сбежать!

— Теоретически можно. Но куда? Куда можно сбежать, когда даже Клон просматривается нашими спецслужбами от Великого Дивана до последнего сельского сортира включительно? Точнее, просматривать сельские сортиры

будут спецслужбы Клона, а уж потом доложат нашим, в рамках, так сказать, братской взаимопомощи по поимке перебежчиков. Но какое мне до всего этого будет дело, если в итоге меня посадят в тюрьму или скорее всего снова вернут сюда же, на Цереру?

— И ты думаешь, со мной будет так же? Думаешь, они не отпустят меня, даже когда «Дюрандаль» будет готов?

— Я не «думаю». Я в этом уверен. Покинуть Цереру можно только в белых тапочках.

После той попойки в обществе пана Станислава Песа на Эстерсона навалилась депрессия — в худших церерианских традициях. Первым ее признаком было то, что, протрезвев, конструктор снова перешел с поляком на «вы».

Это что же получается, господа хорошие? Хоть работай, хоть сачкуй, а результат один?

Ты им все, а они тебе пожизненное научно-техническое заключение?

Ты им «Дюрандаль», а они тебе — тяжелый кондиционированный воздух и «пилюли счастья»?

И что толку в восьми миллионах терро, если ты их не в состоянии даже потратить?

О, Эстерсон хорошо представлял себе, что это такое — быть миллионером, который не знает как оприходовать свои миллионы. Между прочим, к моменту начала работ над «Дюрандалем» он уже был счастливым обладателем счета с двумя миллионами терро. И что?

Здесь, на Церере, по условиям контракта он мог снимать со своего счета не больше тысячи в месяц — «на приватные нужды» (а в Патагонии, кстати, не мог и этого).

Увы, не понятно было, каковы они, эти нужды. Ведь ему, главному конструктору, все здесь, на «Боливаре», бесплатно!

Одежда и питание, оздоровительные бассейны и книги, стереофильмы и музыка. Разве что выпивка в баре за отдельную плату. Но сколько же это нужно наливать, чтобы пропить тысячу терро, если один «Заратуштра» стоит два терро, а пакет соленых осьминожек из озер Вэртагны, которыми коктейль полагается закусывать, полтора? Да нужно пить просто от заката до рассвета, обедать и ужинать розовым брютом (семь терро бокал), чтобы растратить штуку терро в месяц!

И потом, разве ради денег взялся Эстерсон за работу над «Дюрандалем»? Нет, не ради денег. Из интереса. В чем же тогда проблема?

58 Теперь Эстерсон знал точный ответ на этот вопрос.

Проблема состояла в том, что интереса больше не было.

Шестой прототип «Дюрандаля» готов к полетам. Вот-вот высохнет последний, восемнадцатый слой защитного покрытия. Совсем скоро завершится оборудование кабины. Потом — первые испытания в безвоздушном пространстве. Прямо здесь, в поясе астероидов. Эти испытания пройдут на «ура» — точно так же, как и в предыдущие разы.

Затем истребитель разберут, упакуют в транспортный модуль, погрузят на корабль и отвезут на Землю. Например, в ту же Санта-Розу, а может быть, и в Новую Зеландию — мало ли у концерна «Дитерхази и Родригес» испытательных полигонов?

Там — снова пробные полеты без защитного поля. Затем решающий: при включенных генераторах. Нестерпимые минуты ожидания — сгорит, не сгорит?

Однако чутье профессионала подсказывало Эстерсону: он сделал невозможное возможным. На этот раз с посадкой при включенном поле проблем не возникнет. Но даже если?..

Увы, теперь его это совершенно не волновало. Совершенно!

Эстерсона страшили эти перемены в отношении к великолепному и ужасному детищу, к венцу своей конструкторской карьеры.

Он не понимал, что за буря перевесила все вывески в его душе. Но разве это было важно?

Это было так непривычно — как будто он... мертв при ясном сознании! Ведь и впрямь истребители были всей его жизнью. А теперь — что?

Эстерсон стал всерьез подумывать о самоубийстве. В самом деле, зачем теперь все эти труды, испытания и нервы, если ему все равно? Имеет ли смысл держаться за жизнь, если ее остаток — между прочим, весьма жалкий — он обречен провести среди веселеньких интерьеров «Боливара» с полудохлыми драценами? Или за стойкой бара в обществе пенсионера Песа и бокала «Заратуштры»?

Итак, самоубийство.

Между прочим, в условиях категорического запрета на хранение оружия (вызванного как раз тем, что инженерный люд на Церере только о том и думал, как бы поэффективнее убить себя или, допустим, непосредственного начальника) покушение на собственную жизнь было затеей для натур неленивых, смелых и изобретательных.

Ни столовых ножей, ни даже штопоров в комнате Эстерсона не водилось. Да и вообще, ты попробуй еще за-

колись штопором. А резать себе вены пилочкой для ногтей — ненадежно да и глупо как-то...

В химии Роланд разбирался как свинья в апельсинах. И хотя в его комнате, разумеется, имелась аптечка первой помощи, у Эстерсона не было уверенности в том, что горсть каких-нибудь красных в черную крапочку пилюль, похожих на окочурившихся божьих коровок, гарантирует чудесное избавление от оков плоти.

Даже если он выпьет их две горсти — кто поручится, что медицина и в этот раз не совершит очередное маленькое, рутинное чудо, доставив его прямо с того света в объятия Марио Ферейры?

Что обычно делают инженеры и прочие начальники в производственных романах с продолжениями, которые так популярны в Клоне и экранизации которых нет-нет да и попадают в прокат Объединенных Наций? Правильно. Вешаются.

Но Эстерсон сразу отказался от этой заемной затеи. Ведь служба наблюдения не дремлет. Его комната просматривается днем и ночью. Стоит ему только приладить петлю к вентиляционной решетке, как появятся молодчики в форме и, подхватив его под белы ручки, потащат напрямик в санитарный блок, где ему будут колоть столько дури, что он не ровен час позабудет свое имя...

Частенько вспоминал Роланд свой девятимиллиметровый «ЗИГ-Зауэр», семейную реликвию рода Эстерсонов — вспоминал с тоской и благоговением.

Этот пистолет, передававшийся в их семье от отца к сыну, некогда служил личным оружием Карлу Эстерсону, капитану линкора «Вестерноррланд».

И линкор, и капитан не раз отличились в бесшабашных космических боях эпохи Ранней Колонизации, вследствие чего башня главного калибра «Вестерноррланда» попала во двор Аландского Музея Внеземелья, а Карл Эстерсон — в двадцать пятый том Энциклопедии Героев Объединенных Наций.

Элегантный, легкий армейский пистолет с емким магазином, надежнейшим ударно-спусковым механизмом и хищным стальным блеском — о, если и сводить счеты с жизнью, то при помощи такой вот штуки!

Сколько раз он, маленький Роланд, разбирал его собственными кривыми ручонками на пятьдесят пять частей и дивился тому, как изящно, как эргономично и точно решена эта крохотная машинка смерти с уникальной серебряной табличкой «Вице-адмиралу Эстерсону от восхищенного командования»!

Быть может, вообще весь его интерес к инженерному делу начался с этого вот «ЗИГ-Зауэра».

Увы, пистолет остался лежать в футляре, обитом зеленым бархатом в нижнем ящике его письменного стола. А сам стол — в его стареньком доме в Хернесанде, со второго этажа которого открывается такой пронзительно-прекрасный вид на стальные воды Ботнического залива.

Кстати, а кому достанется этот дом после его, Эстерсона смерти? Кому достанется «ЗИГ-Зауэр»?

Чтобы определиться с этими интересными обстоятельствами, предусмотрительный Эстерсон тут же написал завещание. Из которого следовало, что его деньги и имущество достанутся Эрику.

«Пусть думает что хочет. Например, что деньги ему прислала добрая фея, у которой в башне замка персональный печатный станок, а пистолет — свихнувшийся Санта Клаус».

Он запечатал завещание в конверт, который надписал «А. Грузинскому. Лично». И положил конверт на столик возле кровати лицом вниз — чтобы, значит, ребята из службы наблюдения себе глаза не ломали, пытаясь разобрать, что за послание накрапал их склонный пооригинальничать клиент.

Воспоминания о дедовском «ЗИГ-Зауэре» были такими реалистичными! Эстерсон словно бы чувствовал в руках его смертельную стальную тяжесть, словно бы слышал глухой ход его немудрящей автоматики.

По ночам Роланду особенно нравилось об этом думать — как он вышибает себе мозги из старинного, овеванного славным ветром истории пистолета. В этих извращенных мазохистских мечтаниях он находил особое удовольствие.

«Однако, — вдруг подумал Эстерсон, — что мешает мне сделать такой же «ЗИГ-Зауэр» самому?

Неужели мне не по силам скопировать простецкую старинную машинку, в которой вдобавок я помню каждый винтик? Ведь в моем распоряжении все универсальные станки лаборатории! Да что лаборатории — завода! Кто там догадается, для чего предназначается эта деталюшечка? Разве что Грузинский. Но ведь Грузинский стучать не станет!

Пусть дальность и кучность стрельбы у его кустарного «ЗИГ-Зауэра» будут курам на смех, но ведь и охотиться на белок он с ним не собирается! Не велика задача — сделать пистолет, способный уложить человека с расстояния пять метров!»

Сказано — сделано.

Через две недели кривой-косой «ЗИГ-Зауэр» калибра 9 миллиметров с коробчатым двухрядным магазином ем-

костью на 15 патронов и весом девятьсот граммов лежал во вместительном внутреннем кармане Роланда Эстерсона. Впервые за долгие месяцы он позволил себе улыбнуться трижды за одно утро, хоть и странное это было дело — улыбаться приближению собственной смерти.

Не раз и не два за этот день Эстерсон прикладывал руку к груди. Но не к сердцу, отнюдь. Там даже сквозь комбинезон отчетливо холодило тело его стальной друг. Эстерсон постоянно ощупывал его — словно пытаясь удостовериться, что пистолет на месте, что он не потерялся и не сбежал.

Весь следующий день Роланд провел в сентиментальном оживлении.

Он был необычайно любезен с сослуживцами. В обеденный перерыв угостил Грузинского мартини и подарил сеньоре Талите свои золотые часы. Привел в порядок бумаги и даже нанес прощальный визит «Дюрандалю», который уже стоял на катапульте в шахте № 8, полностью готовый к испытательным полетам вокруг Цереры.

Эстерсон старательно прощался с жизнью. А когда вечером, точнее, поздно ночью, он пришел домой, то понял: пора действовать.

Он вошел в туалетную комнату — единственное помещение, которое не просматривалось наблюдательными камерами (точнее, оно начинало просматриваться в случае, если клиент не выходил из него дольше двенадцати минут).

Роланд встал напротив зеркала и достал пистолет.

Перед тем как засунуть в рот холодное дуло, Эстерсон бросил взгляд в зеркало — в конце концов с собой ведь тоже нужно попрощаться!

То, что увидел Эстерсон в зеркале, поразило его, более того — испугало. Да так, что ослабевшая рука с пистолетом безвольно скользнула вниз.

На него смотрел немолодой усталый человек в мятом, несвежем комбинезоне с претенциозной эмблемой концерна «Дитерхази и Родригес» на груди. На эмблеме уродливый голошей стервятник (по замыслу дизайнера, конечно, орел) и пузатый лев (больше похожий на мутировавшего гривастого бульдога) поддерживали стилизованную под старину карту звездного неба, на фоне которой гордо реял некий технобуревестник (надо полагать — истребитель).

Человек из зеркала сильно сутулился. Его темно-русая борода была длинной, неухоженной и, прямо скажем, мерзкой. Длинные седые космы — жирные и немытые, спускались на самые плечи. Лицо — изможденное, словно бы желтуш-

ное. Глаза незнакомца из зеркала, под которыми набрякли малоэстетичные синие мешки — стигматы методичного пьянства и недосыпания — светились тусклым огнем безумия.

В общем, ни интеллекта, ни тонкой душевной организации лицо нелепого бородача не отражало. И симпатичным его мог бы назвать разве что святой, которому все равно какого уroda возлюбить.

НЕУЖЕЛИ ЭТО Я?

Эта мысль, родившаяся невесть в каких дальних доменах мозга Роланда Эстерсона, чудом сохранивших адекватность, больно хлестнула по самолюбию.

«Неужели это я, потомок вице-адмирала Карла Эстерсона, сумевшего дважды бежать из андобандского лагеря для военнопленных?» — шепотом проговорил Роланд, и его рот искривила гримаса муки.

«Неужели они все видят меня таким?»

Эстерсон закрыл глаза, чтобы больше не видеть отвратительного, жалкого бородача. А может, чтобы не заплакать.

Конструктор спрятал пистолет в карман.

Нет, он не сведет счеты с жизнью. Ведь разве он жил все эти годы?

Часы показывали полночь и узел служебных гейтов был погружен в нее по самую стеклокерамическую крышу. Снулые роботы-уборщики вылизывали полы своими намыленными языками, рабочие ночной смены нехотя заступали на вахту.

Бодрый и подтянутый Роланд Эстерсон стоял у гейта шахты № 8 и вел стандартную беседу с «Диотимой», системой допуска в рабочую зону космодрома. Эстерсон был тщательно подстрижен и даже пахнул дорогим одеколоном — рождественским подарком сеньоры Талиты. На нем был новый, не без щегольства скроенный комбинезон из блестящего криошелкового волокна, высокие кожаные ботинки и «умный» пояс, нашпигованный всякой полезной чертовней наподобие портативных источников питания и аптечки первой необходимости.

На спине у Роланда висел вместительный рюкзачок. Судя по тому, как натянулись ремни рюкзачка, в нем лежало килограммов десять полезного груза. С учетом уменьшенной силы тяжести, рюкзачок на самом деле тянул едва ли не на все земные тридцать.

— Ваши имя и фамилия?

— Роланд Эстерсон. Сегодня у меня счастливый день. Можете звать меня Роло.

— Уровень доступа?

— Первый, исключительный. Дальше уже некуда, откровенно говоря.

— Пароль?

— «Золотая Фрейя пряла золотые нитки», — произнес Эстерсон на шведском.

— Пароль не правильный, — с механической монотонностью проговорил девичий голос. — Повторите пароль.

— Ах черт! Конечно не правильный! «Конь Одина Слейпнир был слеп и нервен искони».

— Цель визита?

— Промышленный шпионаж.

— Извините, господин Эстерсон, но такой дескриптор отсутствует в моей базе данных. Повторите цель визита.

— Угнать «Дюрандаль» и смыться на нем туда, где раки зимуют.

— Повторите цель визита!

Эстерсон тяжело вздохнул — придется отвечать по форме. Снова повторять навязшие на зубах глупости, которые он уже повторял тысячи раз раньше. Никому не нужные глупости, между прочим! Ведь все эти кони Одина и золотые Фрейи — они всего лишь страхуют систему опознавания по радужной оболочке глаза и сенсор запахов. А эта дура заладила — «цель визита, цель визита»...

С другой стороны, а чего он хотел от куска железа, оснащенного девичьим голосом и названного не без помпы Системой Безопасности Входных Гейтов «Диотима»?

— Господин Эстерсон, повторите цель визита!

— Целью визита является проверка блока подачи топлива истребителя «Дюрандаль», — ответил Эстерсон и скроил в камере предельно серьезную мину.

В недрах системы раздался хорошо знакомый Эстерсону щелчок. Гейт был разблокирован, путь свободен.

— Проходите, господин Эстерсон.

— Спасибо, «Диотима». И передайте Марио Ферейре, что если я когда-нибудь встречу его на далеких просторах Галактики, я клянусь лично открутить его тухлую тупую башку и засунуть ее прямо ему в задницу. Вот почему я не советую Марио Ферейре искать меня на далеких просторах Галактики.

— На здоровье, господин Эстерсон, — невпопад отвечала «Диотима» ровным доброжелательным голосом.

Гейт распахнулся. Роланд, помедлив чуть для торжественности, шагнул в хорошо освещенный вестибюль шахты.

Май, 2621 г.

Авианосец «Три Святителя»

Траверз Наотара, система Дромадера

Пилюли для нейтрализации алкоголя и эндоморфинов были проглочены и переварены, после чего к нашим ненасытным желудкам снова подкрался голод.

Инструктаж был окончен. Цели поставлены. Порядок взаимодействия с соседями, ударными эскадрильями, разведкой и спасателями определен.

Мандраж трижды начинался и трижды проходил.

Наконец нам приказали надеть скафандры и занять места в истребителях. Вначале должны были взлетать тихоходные ударные и обеспечивающие эскадрильи — их-то машины и стояли на катапультах, а также в первых и вторых ячейках элеваторов.

Наши истребители занимали третьи и четвертые ячейки. Элеваторы должны были доставить машины на катапульты, а уже катапульты — отправить нас в полет.

Но механика пока что безмолвствовала. Техники возле пультов давились холодным кофе, офицеры нервно прохаживались за их спинами, поскрипывая лакированными ботинками.

А командование все ждало чего-то.

И вот наконец в наших наушниках прозвучало должное:

ГОТОВИТЬСЯ К ПОДАЧЕ НА КАТАПУЛЬТЫ

Истребители вздрогнули и потихонечку поползли вверх. Выпускающий офицер Пятого ангара сделал нам ручкой.

Тем временем двумя палубами выше взлетали эскадрильи штурмовиков, торпедоносцев и постановщиков помех.

Потом батарея из двенадцати катапульт разом выстрелила эскадрилью И-01, которая, в отличие от наших, была укомплектована флуггерами на сто процентов.

Вслед за ней на направляющие были поданы из элеваторов и расписные истребители нашей эскадрильи: «Кот» Готовцева, «Ярило» и «Сирин» братьев Кожемякиных, «Тор» Бабакулова, «Центурион» Фраймана, «Барбус» Цапко, Колькин «Котенок» и мой «Лепаж».

Да-да, после долгих раздумий, я пришел к выводу, что знаменитый дуэльный пистолет — элегантная и уместная эмблема. Да и как позывной «Лепаж» звучал неплохо.

ПЯТЬ...
ЧЕТЫРЕ...
ТРИ...
ДВА...
ОДИН...
СТАРТ!

— Говорит Кот, говорит Кот... Доложитесь по бортсистемам...

— Ярило: все путем.

— Сирин: лады.

— Тор: полный порядок. Красотища кругом какая, командир!

— Отставить... Не забивай эфир...

— Центурион: все в норме. Только радар как-то странно бликует. Кто-нибудь еще видит засветку в дальней зоне сектора двести двадцать — двести пятьдесят?

— Нет засветки.

— Ничего.

— То есть вообще.

— Не считая, конечно, нашей армады.

— В утиль его снеси, Леня.

— Центурион, если и дальше будет бликовать — останешься на общефлотском канале целеуказания до конца вылета.

— Кот, это неумно. Общефлотский наверняка забьет вглухую.

— Центурион, отставить разговорчики! И вообще, это всех касается. Жду докладов Барбуса, Котенка, Лепаж.

— Лепаж: бортовые системы работают нормально. Слышу вас хорошо.

— Короче надо быть, кадет... Барбус: норма.

— Котенок: норма.

— А теперь помолчим, ребята. Напоминаю: следующее включение — только после Сияния. После Сияния. Конец связи.

В наушниках трижды пискнуло и наступила гробовая тишина.

Теперь все наши бортсредства работают только на прием. Наши радары выключены, вокруг дюз раскрыты теплозащитные экраны. Очень хочется надеяться, что полное радиомолчание и выключенные радары введут джипсов в заблуждение относительно численности и намерений ударной армады.

Наши «глаза и уши» — сверхмощные радары специальных флуггеров дальнего обнаружения «Асмодей». Они следуют за основными боевыми порядками под истребительным эскортом, в который отражены итальянцы.

Радары «Асмодеев» сканируют пространство до самого Наотара и передают разведанные на флагманские корабли флота. Там эти сведения собирают в единую картину, дополняют данными от других источников и возвращают на «Асмодеи», которые ретранслируют их на флуггеры ударной группы.

Таким образом, флот все знает о нас, а мы имеем доступ к динамической базе разведанных флота.

Несколько громоздко, зато каждая консервная банка на орбите Наотара, каждый камешек размером с перепелиное яйцо своевременно обнаруживается, классифицируется и... конечно же, отфильтровывается как мусорная информация. А вот все действительно важные цели — комбайны и домны джипсов, их летающие дома и истребители-гребешки — учтены, стабильно сопровождаются и не станут для нас неприятной неожиданностью, когда нам доведется столкнуться с ними в бою.

«Асмодеи» — самые сложные и дорогие машины, какие только есть на борту наших авианосцев. Благодаря им мы знаем все, что нам нужно знать.

Впрочем, сейчас и наши эскадрильи, и корабли Экспедиционного Флота собраны в сомкнутые боевые порядки. А потому даже пассивной оптики хватает, чтобы воочию насладиться грандиозной мощью, которая выступает против каравана джипсов.

Две колонны линкоров разворачиваются в двухэтажный строй фронта. Бронированные монстры «Кенигсберг», «Лотарингия», «Остеррайх» и «Данмарк» расходятся веером вверх от оси колонны, готовясь стать первым этажом пространственного фронта. Российские «Украина», «Белоруссия», «Прибалтика» и «Кавказ» станут вторым. Наши линкоры имеют больший калибр орудий и грандиозный боезапас ракет, немцы считаются более живучими. Все корабли — новейшие, постройки последнего десятилетия.

За линкорами, тоже строем фронта, движутся пять авианосцев — три наших, немецкий и итальянский. Наш «Три Святителя» — второй справа. Рядом с ним, по центру, флагманский «Варяг». Флагман поновее и покраше, но даже «Три Святителя» и его систершип «Ослябя» смотрятся рядом с немолодыми немцем и итальянцем настоящими богатырями.

Горжусь Россией!

Вместе с линкорами авианосцы составляют ядро флота. Ядро надо беречь как зеницу ока, поэтому оно взято в «коробочку» из фрегатов. Фрегаты повсюду — и наши, и европейские, и еще какие-то чудные. Индийские, что ли?

Кроме фрегатов, тяжелые корабли прикрыты несколькими эскадрильями истребителей с «Варяга» и бортовой

авиацией линкоров. Флуггеры патрулируют по большим эллипсам, выше и ниже линейного флота.

Ну а сотни флуггеров главной ударной группы, и мы в их числе, на полной скорости, тесными колоннами звеньев, направляемся к Наотару. Только не прямо туда, где ветвятся и растут домны джипсов, и не туда, где болтаются на среднесвысотных орбитах их космические дома-астероиды.

Главная ударная группа должна войти в атмосферу Наотара в двух тысячах километров от зоны штурмовки. После этого, описав над поверхностью планеты широкую дугу и выйдя тем самым в сектор, из которого джипсы вовсе не ожидают нашего нападения, мы получим сигнал «Сияние».

«Сияние» — это начало массированной атаки. А заодно и название свежего маскировочного трюка, который должен скрыть от джипсов наш выход на рубеж удара.

Что ж, посмотрим...

Все мы выдерживаем одинаковую скорость с точностью до тысячных долей метра в секунду. Автопилоты ведут наши машины с предельно малыми интервалами. Назвать их «безопасными» можно лишь с известной долей условности.

Пока ничего не происходит, и я могу позволить себе немного поглазеть по сторонам, переключая камеры сферического обзора на соседние эскадрильи, на уменьшающиеся силуэты линкоров и авианосцев.

Где-то еще должно быть наше десантное соединение с кучей своих ударных кораблей, с устаревшими линкорами и эскортными авианосцами, фрегатами и мониторами. А из-за обратной стороны Наотара готовятся нанести отвлекающий удар конкордианские союзники — оперативное соединение «Тиштрия».

Никто, конечно же, не потрудился поставить нас в известность относительно полного стратегического замысла операции. Поэтому мне остается только догадываться, где и когда наши намерены высадить десант и будет ли он вообще высажен.

Мне также неясно, что это за загадочное «подкрепление», которое идет к джипсам на помощь, и как наше командование учло в своих планах появление новых астероидов.

Линейные силы, завершив развертывание боевых порядков, двинулись самым полным ходом. Сейчас их скорость лишь в полтора-два раза уступает нашей.

Когда мы войдем в атмосферу Наотара, линкоры приблизятся к каравану джипсов на дистанцию в половину синхронного выстрела. Беглый огонь главного калибра с такого расстояния должен быть убийственно точен. Остается надеяться, что так и случится.

Но уже сейчас линейные силы начинают разыгрывать увертюру к своей главной партии.

В наушниках пищит предупредительный сигнал.

Аппаратное разрешение камер моего «Горыныча» не позволяет увидеть подробностей — как раскрываются створки люков, как выползают из бронированных казематов ракетные контейнеры и вдоль корабельных бортов текут неприметные струйки кристаллизовавшегося пара. Я вижу главное: вспышки, десятки вспышек вокруг линкоров и фрегатов.

Это и есть начало генерального сражения: первый ракетный залп.

Во время боев с джипсами выяснилось, что корабельные ракеты класса «космос—космос» — даже сверхмощные «Пасифики» — против их астероидов не очень эффективны.

Однако во время интенсивного обстрела джипсы вынуждены тратить большую часть своих энергетических ресурсов на противоракетную оборону, а главное — у истребителей-гребешков возникают проблемы со взлетом.

Противников страшнее этих сверхманевренных истребителей нашим флуггерам еще встречать не доводилось. Поэтому сдержать проклятые гребешки на базах в недрах астероидов — пусть даже путем непомерного расхода ракет — главная задача флота на первом этапе операции.

Похоже, джипсы это понимают очень даже хорошо.

«Асмодеи» сразу же спускают нам новые цели: вокруг астероидов один за другим появляются истребители противника. Как черти из табакерки...

Ага, а вот еще новость. Похоже, несколькими минутами раньше начали ракетную атаку и конкордианские корабли: стая каких-то громоздких аппаратов вынырнула из-за планетного диска и быстро приближается к каравану.

Здорово придумано!

Отвлекающий ракетный удар Конкордии в данном случае стал основным. Не успели джипсы вывести в космос и четверти своих истребителей, а конкордианские трехсоттонные дуры уже начали рваться прямо в гуще их астероидного роя!

Уцелевшие истребители джипсов дробятся на две жидкие группы: одна разворачивается против флота Объединенных Наций, другая — против проявивших себя пока что лишь ракетной атакой кораблей Конкордии.

Наша же ударная армада на полной скорости обходит астероидный караван стороной. Если джипсы нас все-таки заметили, должно быть, недоумевают: что за бокоходы эти земляне?

Вместо того, чтобы сразу вслед за ракетным ударом навалиться всей массой на караван (как уже пытались сперва конкордианцы, а потом сдуру и наши), главные силы москитного флота ведут себя так, будто намерены атаковать Дромадер — местное солнце, — а вовсе не зловердные астероиды.

Итак, мы на боевом маршруте. Мы уже двадцать минут принимаем участие в генеральном сражении, а все еще целы. От учений в группе Флоры наша операция пока что отличается только в лучшую сторону.

В космосе — таком, казалось бы, однообразно пустынным и диком — тоже есть своя особая топография. Есть великолепные звездно-планетарные ландшафты, есть укромные уголки сказочной красоты, есть черные вонючие дыры и серые омерзительные клоаки.

Об этом много и со вкусом могут порассказать волки Дальнего Внеземелья. Но и моего, весьма скромного опыта хватило, чтобы проникнуться эстетическими нюансами грандиозного серебристо-черного великолепия.

Скажем, в ближайших окрестностях Земли всегда празднично. Космические лаборатории и заводы, орбитальные крепости, тысячи мелких спутников, мусорщики, монтажные универсалы, магистральные лайнеры и контейнеровозы, копейные наконечники патрульных фрегатов и убедительный уют линкора у горизонта видимости...

Все это обсыпано огоньками, светофорит дюзами, подсвечивает пространство вспышками плазменной сварки и огромными монтажными прожекторами. Я не говорю уже о том, как прекрасны, каждая по-своему, обе стороны Земли, дневная и ночная, на фоне которых текут техногенные реки наших космических челноков!

Чем ближе к Луне, тем скучнее, но все равно есть на что поглазеть — хоть на те же купольные города в знаменитых кратерных цирках. Даже над ночной стороной Луны, где, конечно, темно, не покидает ощущение, что ты по-прежнему дома. Ну, может, не дома, а в саду. В темном малиннике.

За орбитой Луны, если двигаться в направлении Солнца, как-то тревожно. Земля становится все меньше, а Венера не спешит увеличиваться, да и не всегда ее сыщешь — может ведь гулять и где-то по ту сторону Солнца.

А вот зато светило наше центральное припекает все сильнее. Автоматически включаются светофильтры. И, сфокусировав камеры переднего обзора на крае солнечного диска, ты воочию убеждаешься, что солнышко-то наше — никакая

не монетка золотая на голубом небе. А огромное косматое чудовище, закутанное в протуберанцы, бурлящее в извечном термоядерном самосожжении.

Грозный, будоражащий нервы пейзаж.

Тоска зеленая подступит к горлу и начнет душить насмерть, если взять направление прочь из плоскости Солнечной системы. Чем-то сродни восхождению на огромную лысую гору, подножие которой утонуло в угольно-черном тумане.

Нас на учебном авианосце «Дзуйхо» однажды завезли в настоящий чистый космос, примерно на пятьдесят астрономических единиц над плоскостью Солнечной системы. Чтобы, значит, мы психологически адаптировались к действиям без привычных визуальных привязок. Мы летали только по данным приборов, по азимутам и пеленгам систем целеуказания.

Наше Солнце там было меньше булавочной головки. О Земле и прочих планетах я вообще молчу — они исчезли, растворились, как будто и не было их никогда.

Я и не думал, что так вот запросто может навалиться депрессия. Те тренировки оказались самой мрачной страницей моего обучения в Академии.

Шикарное, наглое сияние Млечного Пути раскатало мою волю в тонкий лист, который я потом долго еще сворачивал в некое подобие бравого бумажного кораблика...

Так что пейзажи в космосе очень разные бывают.

Тот сектор средних орбит Наотара, через который операторы проложили наш маршрут, относился к категории неприглядных свалок, на которых не поют птицы и давно уже захламляла травка.

Конкордия явно сэкономила на мусорщиках. Кажется, с первого дня колонизации Наотара на средних орбитах сбивалось в кучу все отслужившее барахло: сгоревшие ускорители и куски архаичных тепловых экранов, списанные бакены и сломанные спутники.

Но этого мало. За последние недели в сражениях с джипсами было потеряно не меньше десяти боевых кораблей и сотни флуггеров. Кое-что свалилось на Наотар, кое-что улетело в открытый космос, но большая часть этого добра по-прежнему дрейфовала вокруг планеты.

Безотрадное зрелище.

Мы пробирались по окраинам космической мусорки, дидактично подсвеченной лучами Дромадера. Гротескные обломки были исчерчены вдвойне гротескными, жесткими тенями.

Через экраны проползла какая-то сладкая парочка, похожая на два столкнувшихся флуггера. Впрочем, я не уверен, что выпирающий, опутанный трещинами конус был но-

совым обтекателем летательного аппарата земной конструкции. Мне показалось, что сквозь трещины я вижу труп в оранжевом скафандре, но скорее всего разыгралось воображение.

Мимо нас проплыл безжизненный конкордианский дредноут — судя по очертаниям надстроек, безнадежное старье, ровесник того самого «Кира Великого», который впервые повстречал джипсов в этих же самых палестинах.

Верхнюю носовую башню ветерана сорвало страшным внутренним взрывом. Палубные и бортовые бронеплиты под ней были выворочены наружу, вдоль корпуса тянулся широкий раскол.

Остальные башни линкора-мертвеца были развернуты в сторону, где когда-то находился противник. Теперь орудия смотрели примерно на Полярную, то есть в никуда.

Еще две дыры чернели в районе двигательного отсека. Линкору досталось по первое число, и мне трудно себе представить, что еще кроме бронебойных силумитовых снарядов других линейных кораблей в состоянии так изуродовать могучую летающую крепость.

Важная деталь: все спасательные челноки были на месте.

Вряд ли три, пусть даже очень сильных взрыва уничтожили всю команду линкора до последнего человека. Памятуя о конкордианских нравах, легче было поверить, что космофлотцы остались на своих местах и вели бой до конца. До последнего глотка воздуха, до последней судороги в коченеющих мышцах.

Интересно, убили они хоть одного джипса, расстреляли хоть один грешок? Хорошо бы если «да».

Перед входом в атмосферу все эскадрильи временно развернулись в строй фронта. По-прежнему соблюдая полный режим радиомолчания, флуггеры десятками срывались с орбиты и стремглав бросались на штурм этой неподатливой и опасной стихии — воздуха.

Прежде чем флуггер Готовцева клюнул носом и ринулся вниз, тем самым подавая нам знак «следуй за мной», я бросил прощальный взгляд на поле космической битвы. Но край диска планеты уже скрыл от нас караван джипсов. А вот компактный рой кораблей Экспедиционного Флота мне посчастливилось разглядеть.

Сами линкоры и авианосцы, конечно, на такой дистанции давным-давно выродились в точки, но бортовой оптики на максимальном увеличении мне хватило, чтобы увидеть главное.

Все линкоры развернулись бортом к противнику. Таким образом, двухэтажный фронт превратился в две кильватерные колонны, что обеспечивало возможность использовать

И... восемьдесят восемь орудий главного калибра шарахнули залпом!

Пять секунд на перезарядку...

И снова залп!

И снова!

Давай, братцы, давай, kamagaden, не желей на супостата закрытической технологии!

Эх, засмотрелся...

Флутгеры нашей эскадрильи зарделись выхлопом маневровых дюз, а «Кот» Готовцева уже уходил вниз, в розовое свечение наотарского дня...

Нас предупредили, что Наотар — планета достаточно жесткая для атмосферного пилотирования. Особенно противными там были высокие широты Южного полушария — шквальные ливни, крупный град, мощные грозовые фронты.

Разумеется, по закону подлости именно на границе высоких широт нашей армаде и была назначена точка входа. Она не просматривалась ни с астероидов каравана, ни из зоны штурмовки, где джипсы варили в своих домах адову кашу.

Нам предстояло поэскадрильно прошить атмосферу и снизиться до четырех километров. Там, в районе встречи, над приметной горной грядой, все три сотни флутгеров собирались в несколько многоярусных эшелонов.

Этот боевой порядок, выдуманный на ходу нашими штабистами, носил красивое название «Троянский конь». Но, честно говоря, не было в нем ничего от коня, а уж тем более Троянского.

Скорее уж наш строй походил на кабана с могучим рылом, распыленным туловом и небольшими, рудиментарными крыльшками. Эдакий своеобразный кабанопегас.

Может, кто-то в штабе свято уверен, что Троянский конь был крылат и кабановиден?

Гениальная простота построения заключалась в том, чтобы запустить в голове ударной группы положенную набок пирамиду Хеопса, набранную из истребителей «Горыныч». В числе примерно восьмидесяти машин. Они и составляли голову кабана, а заодно — истребительный щит построения.

За истребительным щитом рядком выступали колонны торпедоносцев «Фульминатор» и штурмовиков «Белый ворон». Это было тулово кабана.

Если бы мы сражались не с джипсами а, скажем, с Клоном, огромный щит из истребителей был бы верхом идиотизма. Его сравнительно легко обнаружить, а еще легче расстрелять издалека наземными средствами.

Но у джипсов не было никаких наземных средств. Они использовали одни лишь гребешки.

Против этих проклятых сверхманевренных истребителей гордились только одно: предельное массирование огня. Чем большую кубатуру удастся прохватить ракетно-пушечным огнем — тем выше вероятность поразить малочисленные, но верткие машины нашего противника.

Именно эту глубокую стратегическую мысль я изложил на днях Федюнину. И хоть была она мне весьма несимпатична (выходило, бить джипсов надо числом, а не умением), видимо, свидетельствовала о моей способности к трезвой оценке ситуации. Что, конечно же, умными командирами всегда ценилось.

Как легко догадаться, глупыми командирами ценились задорные словеси краснобайствующих субчиков вроде Белокося.

Для дальнейшего массирования огня за нашими «Горынычами» и ударными флуггерами шел развернутый в несколько пеленгов немецкий Jagdgeschwader на двухместных истребителях «Хаген».

Немцы составляли... как бы это сказать... мягкие части кабана и служили нашей тяжелой воздушной артиллерией — каждый «Хаген» нес по шесть новейших дальнобойных ракет класса «воздух—воздух».

Эти ракеты — упс, забыл, как называются, помню только что французского производства, — считались лучшими в своем классе. Против джипсов их до сего дня еще не применяли. Первую серийную партию ракет прямо из заводских цехов доставили к Наотару спецрейсом мобилизованного гражданского контейнерова.

Наконец, еще четыре эскадрильи «Горынычей» были вынесены на фланги, повыше уровня основной группы. Это были, как легко догадаться, крылья кабана, а по назначению — наш маневренный резерв.

А где-то далеко и высоко, в стратосфере, под персональным истребительным эскортом плыли всеведущие «Асмодеи» и обвешанные фантом-генераторами монстры информационной борьбы «Андромеда-Е». В этой же компании находились и две эскадрильи флуггеров-спасателей, которым предстояло вытаскивать за уши сбитых пилотов.

Надо отдать должное штабу: наша армада не только согласованно вошла в атмосферу и стремительно снизилась до заданных высот, но и собралась в Троянского коня за расчетные семь минут!

Трясло немилосердно. И все-таки, вопреки моим худшим ожиданиям, управление машиной ни на миг

не терялось, даже когда мы проходили через высотный «реву-щий пояс».

Нам, соплякам, было легко — держи свое место в строю рядом с ведущим и ни о чем не думай. А вот какво приходилось, например, комэскам, которые вели за собой по восемь—четырнадцать флутгеров? Впрочем, на то они и асы.

Оказавшись над поверхностью Наотара, наш Троянский конь не спешил рвануть к джипсам кратчайшим курсом NNE — «северо-северо-восток».

Нет, вначале мы повернули на SE, юго-восток, почти перпендикулярно к направлению на цель.

Прошли над черным грозовым фронтом, который полутора километрами ниже утюжил горные долины.

Потом вошли в башнеподобные кучевые облака. Видимость — ноль. Тут-то впервые по-настоящему и пригодилось целеуказание с «Асмодеев» — при выключенных радарах мы были слепы, как кутята. Но передача данных с флутгеров наведения позволяла нам правильно выдерживать курс, интервалы и дистанции.

Облака закончились. Некоторое время мы неслись над океаном, где и повернули почти строго на север с легким доворотом на запад.

Вот теперь «Троянский конь» шел прямо на джипсов. До района боевых действий оставалось не больше четырехсот километров.

Вся передняя полусфера была издевательски безмятежна. Даже облака рассеялись.

Под нами простирался кажущийся почти черным океан, над головами светилось розовое небо. Справа от нас над горизонтом висел огромный диск Дромадера.

Я до рези в глазах всматривался вдаль, надеясь разглядеть следы боевой работы наших линкоров. Может, завалили наконец хоть один проклятый астероид? Взрыв при падении такой машины можно увидеть за сотни километров. Да и домны взрываются будь-будь! Что, если накрыли их наконец-то главным калибром?

- И я увидел. Правда, не совсем то, что ожидал.

Откуда-то — казалось, прямо из безмятежного зенита — ударили молнии. Таких молний мне видывать не приходилось — это были ослепительно белые толстые черви, которые не ветвились и не исчезали через миллисекунду. Один раз возникнув и впившись в землю где-то далеко за горизонтом, черви извивались не меньше минуты и только вслед за тем, сменив цвет на бледно-желтый, нехотя погасли.

После удара этих невиданных молний небо впереди истерически запунцовело и... всколыхнулось. Над гори-

зонтом разгорался, разрастался ввысь и вширь атмосферный пожар. Будто вырываясь из огромных газовых горелок, изменчивой стеной поднялись языки розового, красного, оранжевого, кобальтово-синего пламени.

«Сияние! — вспомнил я. — Конечно же! Искусственная гипер-ионизация воздуха, созданная экспериментальными установками с борта «Андромед-Е»!»

Да, это было именно полярное сияние. Мне доводилось видеть подобное на Новой Земле, но, конечно же, наш рукотворный феномен был краше и ярче во сто крат.

Такая завеса надежно скрывала нас от визуального наблюдения. Вдобавок для улучшения маскировочных свойств ракеты с фрегатов впрыснули в Сияние новейший реагент, который металлизировал молекулы водорода. Ни радиоволны, ни инфракрасное излучение теперь сквозь завесу пройти не могли.

Сияние экранировало нас и от наземного, и от космического наблюдения джипсов. Но мы-то знали, куда летим — координаты наземных сооружений джипсов были фиксированы, — и нам до поры до времени не было нужды в том, чтобы видеть врага. Главное — самим подкрасться поближе, оставаясь незамеченными.

А не повредит ли флуггеру пролет сквозь Сияние?

Нам обещали, что не повредит. Но на всякий случай каждый из нас должен был выпустить по ионной завесе ракету «Овод», расчищая себе дорогу воздушным взрывом.

Полотнища пылающих небес надвигались. Впереди показалась береговая черта. Такая же черная, как и океан под нами. Только четкая белая полоса приборя разделяла одинаковые цвета двух стихий Наотара.

Сверился с картой. Так и есть — здесь к самому берегу подступали Сумеречные Леса. Над ними клубились облака, имеющие совсем уж химерический вид на фоне бушующего Сияния. Словно влили в расплавленную медь кипящее золото, выплеснули драгоценную смесь в ртутное озеро и замешали миксером.

Разглядеть Сумеречные Леса, это чудо инопланетной жизни, было непросто. Но даже здесь, на высоте, чувствовалось, что под нами простирается *неведомое*.

Бррр, не завидую я тем пилотам, которым пришлось катапультироваться над этой перистой, беспокойной поверхностью, сотканной из миллионов псевдорастений.

В наушниках раскатились два мощных аккорда из какой-то оперной прелюдии. Бабакулов наверняка узнал их с лету, да нам и говорили даже, откуда они — что-то весьма символическое, приличествующее моменту.

Но я запомнил. Помнил только, что аккорды транслируются с «Асмодеев» и означают: «К бою! Ракеты товсь!»

Я выбрал «Овод» из правого подкрыльевого блока, отключил эвристику боеголовки и выставил ей безусловный подрыв на десяти километрах. Именно с такой дистанции мы должны были обстрелять Сияние.

Флуггер Готовцева покачал крыльями. Комэкс напоминал: сбрасываем высоту и скорость, ребята.

Это была перестраховка: на самом деле каждый из нас уже получил очередную подсказку от репетира автопилота.

Но и перестраховка лишней не бывает. Если у Центуриона, то есть у Фраймана, в начале вылета барахлил радар, у кого-то другого мог ведь сломаться и автопилот. Безотказной техники не бывает.

Максимальная скорость нам теперь не нужна. Мы выжали из наших машин все, чтобы как можно быстрее выполнить сложный обходной маневр и обрушиться на домны оттуда, откуда нас никто не ждет. Но флуггерам за огромную скорость приходится платить потерей маневренности. На последнем участке маршрута мы превратились в выпущенные из линкорского орудия снаряды: летишь вперед быстро, но энергично сманеврировать невозможно.

А вот теперь не нужно нестись сломя голову. Чем медленнее сблизимся мы с джипсами, тем больше времени получим на ракетный удар, тем ловчее и увертливее будут наши машины в маневренной фазе воздушного сражения.

«Горынычи» понижают температуру в реакторах и раскрывают воздушные тормоза.

Мы ждем команды с «Асмодеев» на пуск ракет. Ее все нет. Пищат только репетиры автопилотов.

Что делать? По карте мы только что проскочили рубеж ракетной атаки.

Вижу вспышки под крыльями своих соседей слева. Это значит, что ракеты пущены.

Я тоже жму на «Пуск».

«Оводы» так быстры, что уследить за ними в полете невозможно. Видимым является только оставленный ракетами жиденький белесый след. Кажется, что наши «Горынычи» только что разродились сотканными из пара молниями.

Несколько ракет проскочили Сияние, остальные попали вполне точно. Однако пробили они бреши в ослепительной завесе или нет, я заметить не успеваю.

Потому что где-то чуть впереди и ниже моего эшелона в ослепительном шаре взрыва исчезает истребитель наших соседей с авианосца «Ослябя».

«Горыныч» — точнее, то, что от него осталось, вырывается из облака раскаленных газов. Левое крыло снесено до самого фюзеляжа, двигатель вываливается вбок. Страшным напором встречного воздуха с истребителя срывает куски иссеченной осколками обшивки.

Машина крутится вокруг продольной оси. Управление истребителем, конечно же, потеряно.

Ну же, браток, не тяни! Чего ждешь? Потом будет только хуже! Катапультируйся!

Ка-та-пуль-ти-руй-ся!

Вжик! — сразу вслед за отстреленным бронеколпаком кабины покидает дымчатый болид пилотского кресла.

Правда, из-за вращения флуггера кресло пошло не вверх, а почти горизонтально вбок, чудом разминувшись с соседними истребителями. Но высоты ему хватит, если только раскроются парашюты.

Главное — успел!

И слава Богу.

Но что за чертовщина?! Кто стрелял? Если это джипсы, почему «Асмодеи» не выдали вовремя целеуказание? Или кто-то из задних эшелонов случайно подстрелил своего?

Но весь боевой порядок рассчитан так, чтобы каждый флуггер имел квадрат чистого неба для пуска ракет в переднюю полусферу! Или кто-то не выдержал своего места в строю?

Поскольку мои собственные бортовые радары все еще отключены — сигнала «Сияние» нет как нет, — я начинаю тупо, как мой прапрапрапращур на каком-нибудь «Яке», крутить башкой, надеясь разглядеть источник угрозы.

Подозреваю, тем же заняты и все мои коллеги.

Кругом наши флуггеры, джипсов вроде не видать...

И вдруг взрывается еще один «Горыныч».

На этот раз флуггер разваливается сразу же и бесповоротно. Это — верная смерть пилоту.

Сразу же вслед за тем сквозь наш строй проносится четверка пятнистых оливково-кирпичных летательных аппаратов.

Они падают из поднебесья практически отвесно и быстро исчезают где-то на фоне земли.

Джипсы!

В тот же миг мой истребитель входит в Сияние. На бронеколпаке кабины разыгрывается световой гала-концерт. В наушниках поют настырные сверчки, хрустят чипсы, скворчит яичница — в общем, обычные помехи.

ГЛАВА 6

«СЭР ФРЭНСИС БЭКОН, ЛОРД ВЭРУЛАМСКИЙ»

Октябрь, 2621г.

Научно-производственная станция «Боливар»

Церера, Солнечная система

Первым делом Роланду нужно было удалить из пилотского кресла Йена Йенсена — облепленный датчиками манекен в полном боевом скафандре.

Манекен с фантастической точностью имитировал летчика со всеми присущими последнему телесными несовершенствами. Например, он умел потеть, исходить кровью через нос, уши и горло, закатывать глазные яблоки от избыточных перегрузок, страдать от жары, холода и жесткого облучения... Словом, претерпевать почти все муки, на которые обречен род человеческий несовершенством своей физиологии. С перепугу Йен Йенсен даже мог удрать из поврежденного флуттера — правда, если запрос на катапультирование подтверждался руководителем испытательных полетов.

Удалить Йена Йенсена вручную было не так-то просто.

Вместе со скафандром манекен весил бы на Земле сто двадцать килограммов. К счастью, искусственная тяжесть на «Боливаре» в целях экономии энергии эмулировалась «ночью» только в размере 0,4 g. «Днем» ее доводили до честной единицы, чтобы мышцы, а вместе с ними кровообращение и мозги сотрудников не атрофировались окончательно.

Поскольку стояла глубокая «ночь», искусственный пилот Йен Йенсен сейчас тянул всего лишь на полцентнера.

Но и этого для чуждого физической культуре конструктора было немало!

Требовалось: открыть боковой люк, опустить Йена Йенсена вместе с пилотским креслом на уровень комингса, освободить болвана от блокировки, выдрать тридцать разъемов контрольной аппаратуры, завалить манекен набок и по возможности тихо уронить его на пол подшахтного ангара.

«По возможности тихо» произошло с таким грохотом, что Роланд едва не оглох. Вдобавок Йен Йенсен, падая, больно ударил конструктора по колену.

Конечно, звукоизоляция всей шахты, в том числе и ее крошечного ангара, была сработана на совесть. Но в

тот миг Роланд не думал об этом. Напуганный громовым падением Йена Йенсена, он отскочил в сторону, спрятался за фермой пусковой катапульты и провел несколько пренеприятных минут, настороженно поводя стволом пистолета из стороны в сторону.

Все было спокойно. Только просеменила вдоль дальней стены чета вездесущих крыс.

Роланд шумно выдохнул и вернул «ЗИГ-Зауэр» за пазуху.

Пункт «В» был выполнен. (Пункт «А» — проникновение в шахту — и подавно.) Можно было переходить к пункту «С». Всего в плане побега, который Роланд заучил как «Отче наш», было восемь пунктов — до «Н» включительно.

Он в последний раз спросил себя, не стоит ли раздеть манекен и облачиться в его скафандр. И в последний раз ответил себе: нет. Скафандр имеет смысл только в двух случаях: при разгерметизации кабины истребителя и при катапультировании в открытом космосе.

Катапультироваться в ледяном безмолвии — верное и быстрое фиаско плана. Либо по истечении двенадцати часов он умрет от удушья, либо его подберет корпоративный патруль, и это будет хуже смерти.

Разгерметизация кабины — тоже фиаско, поскольку после этого невозможно выполнить пункт «Н», то есть совершить посадку на планету с подходящей атмосферой.

Другие планеты его, увы, не устраивали. «Отсутствие атмосферы не очень удобно для жизни», — со скандинавской тяжеловесностью иронизировал Роланд.

Таким образом, скафандр для него был только лишней обузой. Роланд забыл о Йене Йенсене и со спокойным сердцем перешел к пункту «С» — тщательному осмотру истребителя и стартовой катапульты.

Все было в норме. Как он и рассчитывал. Система была запитана и готова в любой момент обеспечить испытательный вылет «Дюрандаля». Однако...

Проклятие, этого только не хватало!

Подфюзеляжные пилоны истребителя были пусты.

Роланд выскочил из ангара и направился на оперативный склад. Так и есть: оба химических ускорителя, которым следовало находиться на подфюзеляжных пилонах, преспокойно лежали в обойме погрузочной тележки.

Впрочем, это он мог бы предвидеть сразу. Кто же станет подключать ускорители, на ночь-то глядя? Их собирались подвесить непосредственно перед стартом истребителя. Для обученной команды техников это дело пяти минут...

А для него?..

Роланд постарался отогнать эту мысль прочь. Отчаиваться нельзя. Чем раньше он начнет, тем быстрее закончит. Он включил тележку и, направляя ее крошечным стиком на пульте управления, повез ускорители в ангар.

По дороге, не будучи до конца уверен в своих талантах рядового техника, Роланд принялся лихорадочно соображать, нельзя ли обойтись без подвески ускорителей.

«Включаются на пятой секунде... работают в течение сорока секунд... обеспечивают выход в стратосферу... тем временем «теплый» режим маршевых двигателей сменяется «горячим»... Истребитель сбрасывает ускорители и переходит на маршевые... А зачем они вообще *сейчас* нужны?!»

Но тут же возразил сам себе: «И все-таки, хотя сила тяготения здесь слабая и атмосферы нет, ускорители необходимы. Вся загвоздка в этой чертовой автоматике. Если истребитель во время предстартовой самодиагностики не обнаружит ускорителей, автопилот откажется в этих условиях выполнить программу «Взлет». Выходит, хотя ускорители, исходя из местных физических условий, вовсе не обязательны, они *должны* быть, потому что на них рассчитана программа испытаний!»

Итак, одно из двух: либо он возится с транспортером и подвешивает ускорители, либо должен взлетать на ручном управлении. А ведь в пилотировании флуггеров он лишь жалкая посредственность. О-ля-ля...

Тем временем Роланд привел тележку с парой ускорителей в ангар и собрался уже...

Он вздрогнул. В малом шахтном стволе заняли сервоприводы лифта.

В подземный стартовый комплекс кто-то спускался. Это могла быть погоня, и только она!

«Быстро же они хватились, — удивляясь собственному спокойствию, подумал Роланд. — Неужели какого-то служаку черт дернул прямо среди ночи сесть пересматривать протоколы «Дитимы»?»

Дело запахло непредусмотренным в его плане пунктом «Капут».

Закреть и заблокировать двери ангара изнутри он не мог. Однако, чтобы хоть как-то задержать преследователей, Роланд развернул поперек прохода тележку с ускорителями и дважды выстрелил из своего эпического пистолета в пульт управления.

Посыпались искры. Из развороченного пульта потек сладковатый, нежеланный, пугающе густой дымок.

Только пожара ему здесь не хватало. Прямо под взрывоопасными ускорителями! Видит Бог, он был беглецом, но не диверсантом!

И хотя лифт неуклонно приближался, Роланд все-таки потратил несколько драгоценных мгновений на то, чтобы сорвать со стены огнетушитель и вогнать струю пиродепрессанта в тлеющую панель управления.

Затем он в лихорадочной спешке отщелкнул фиксаторы пилотского сиденья и откинул его вверх, как крышку люка. Там, под сиденьем, находилась небольшая багажная полость, в которой по боевому расписанию должен был находиться пилотский НЗ: шоколад, кофе, сублимированная говядина, сигнальные средства, аптечка, легкое оружие и тому подобное.

Сейчас в коробке НЗ лежал мешок с песком — балластный эквивалент. Или, как шутили техники, «растворимый кофе господина Йена Йенсена».

Роланд выбросил балластный эквивалент и положил вместо него свой рюкзак.

Опустил сиденье на место и защелкнул фиксаторы.

Краем уха услышал, что лифт достиг уровня подшахтного ангара. Двери открылись. Сейчас коридор наполнится топотом ног и криками охранников...

Роланд сел в пилотское кресло.

Дернул рычаг подъемного устройства.

Кресло поползло вверх. Одновременно с этим вернулась в глубокие пазы герметичная плита бортового люка.

Кресло достигло верхней точки и остановилось. Роланд оказался в прозрачном бронеколпаке пилотской кабины, обеспечивающем превосходный обзор по всем сторонам горизонта.

Если перевести официальный язык технических заданий на обычный человеческий язык, главное требование к современному истребителю будет звучать очень просто: пилотирование исправной машины должно быть по силам семилетнему ребенку. Из этого исходили даже разработчики легендарного «Беркута», что уж говорить о новейших моделях!

Пилотировать исправный «Дюрандаль», пожалуй, смог бы и младенец — благодаря дружелюбной системе с четырехкратным резервированием каналов управления, генеральным контуром маневренности и автоматическим дифференциалом режимов полета (стратосферные, атмосферные, низковысотные, безвоздушные и «пыльные»).

Кроме этого, автопилот имел богатый набор программ для оптимального выполнения типовых маневров: взлет, посадка, сближение с космическим объектом, облет объекта и так далее.

Управление автопилотом было реализовано через простой и надежный интерфейс, просцируемый либо на ло-

бовое стекло истребителя, либо на очки летного шлема — по выбору. Альтернативный путь общения с автопилотом вообще умилял своей добротной допотопностью: блок кнопок на панели управления. «Взлет», «Посадка», «Атака», «Отрыв», «ПЗМ»...

«Что такое ПЗМ? Что такое ПЗМ?» — не ко времени озаботился Роланд, которого на самом деле сейчас должна была заботить пробивная сила оружия корпоративной охраны.

«Противозенитный маневр!» — вспомнил он. И сразу почувствовал себя лучше.

Роланд активировал все бортсистемы истребителя и нажал кнопку «Взлет».

Увы, относительно роковой роли неподвешенных ускорителей он не ошибался. Вместо того, чтобы отдать команды механизмам управления катапульты и поставить на прогрев двигатели, автопилот подсветил красным пустые подфюзеляжные пилоны на оптической карте-схеме истребителя. Тем самым автопилот лаконично напомнил Роланду, что в таких свинских условиях работать наотрез отказывается.

Боясь увидеть самое худшее, конструктор повернул голову налево — туда, где расстрелянная им из пистолета погрузочная тележка перегораживала вход в подшахтный ангар.

Вместо макушек десяти охранников из-за обоймы с ускорителями виднелся лишь жидкий седой хохолок.

Роланд пригляделся.

В этот момент человек, медлящий перед тележкой, наконец решился преодолеть препятствие самым что ни на есть варварским способом.

Седой хохолок исчез, а спустя полминуты появился из-под тележки уже со стороны ангара.

«Да ведь это же Станислав Пес! — оторопел Роланд. — Но откуда?..»

— Некогда лясы точить. Даст Бог взлететь — все расскажу, — в который уже раз пообещал пан Станислав, когда они, обливаясь потом и матерясь, при помощи ручных домкратов подвешивали второй ускоритель.

Чтобы подтянуть обесточенную тележку к истребителю, пришлось на ходу сымпровизировать буксир из электролебедки и двух блоков. Учитывая обстоятельства, можно было сказать, что работа спорилась.

За это время коллега, хоть и не был расположен «точить лясы», рассказал Роланду главное.

О том, что творец «Дюрандаля» мечтает бежать с Цереры и в качестве средства побега изберет свое смерто-

носное детище, пан Станислав заподозрил почти сразу. Его подозрения усилились, когда Роланд недавно обсуждал с ним возможности современных трансляторов модели «Сигурд».

В самом деле, зачем может потребоваться «Сигурд» на Цере? С крысами ласы точить?

Другое дело — безбрежные парсеки приграничных звездных поясов. Там без «Сигурда» никак нельзя.

Так пан Станислав вычислил, что Эстерсон намерен бежать прочь из Сферы Великорасы, как иногда помпезно называли политики правого толка совокупную зону колонизации Конкордии и Объединенных Наций.

А когда Роланд вскользь упомянул, что к «Сигурду» начали выпускать апдейты для общения с разумными негуманоидами, пан Станислав, пораскинув мозгами, определил и конечный пункт назначения Эстерсона.

Эстерсону оставалось лишь обескураженно развести руками и признать, что конспиратор из него никудышный.

«После этого передо мной стояла только одна принципиальная трудность: решиться последовать за вами. Остальное было уже просто», — заверил пан Станислав.

Ничего простого в том, чтобы получить доступ в шахту № 8, Эстерсон не видел. Также совершенно непрозрачным оставалось, каким образом пан Станислав определил точное время его побега.

Однако Эстерсону сейчас было не до контрразведывательных упражнений в логике. Без помощи пана Станислава он едва ли смог бы подвесить ускорители и, не исключено, потерял бы последний шанс покинуть шахту. Этим однозначно подтверждалось, что пан Станислав не работает в охране «Дитерхази и Родригес».

Выходит, старый поляк решил на старости лет повидать что-нибудь поинтереснее блеклых интерьеров «Боливара»? Что ж, Эстерсону охотно верилось в это.

Когда техника перестает капризничать, она начинает творить чудеса. И чудо свершилось.

Команда «Взлет» прошла.

Загудела катапульта, приходя в плавное движение сразу по трем степеням свободы. Ее постамент пополз вверх, а телескопические направляющие поднялись вертикально и удлинились до половины высоты шахты.

Одновременно с этим под катапультой закрылась диафрагма нижнего створа. Шахта, в которой вздыбился на катапульте «Дюрандаль», теперь была отделена от внешнего мира двумя герметичными препонами.

Это продлилось всего несколько секунд, в ходе которых «Дюрандаль» и пусковая система завершали взаимное тестирование. У автопилота улучшилось настроение, и он подмигнул Эстерсону полусотней зеленых светодиодов.

Открылась диафрагма верхнего створа.

Весь воздух, вплоть до самой крошечной шепотки молекул, рванулся из шахты прочь. При этом водяные пары (на «Боливаре» предпочитали не пересушивать воздух до нуля абсолютной влажности) молниеносно кристаллизовались. Мимо «Дюрандалья» пронесся едва заметный призрак снежной выюги.

Этот знак, словно бы посланный прямым из далекой, милой Швеции, обнадежил Эстерсона.

— Легкого старта, пан Станислав!

— Легкого старта, герр Эстерсон! — отозвался поляк по переговорному устройству.

«Щелк!» — не услышал, а скорее всем телом ощутил Эстерсон.

Мощное электромагнитное поле швырнуло стартовую тележку с закрепленным на ней истребителем вверх по направляющей.

Удар о стопор. Истребитель сорвался от тележки и свечой пошел навстречу ярким звездам, которые здесь были так близки!

Перегрузки ощутимые, но не смертельные.

На экране заднего обзора уменьшались постройки надземной части комплекса «Боливар»: ровное плато космодрома, мачты навигационных маяков, разрисованные красно-желтой чересполосицей железные стены радаров, невзрачные, почти сливающиеся с темно-серой поверхностью астероида кубики... Что это, кстати, такое?

Под фюзеляжем вспыхнули два оранжевых факела — заработали ускорители. Начались *настоящие* перегрузки.

«Матка боска ченстоховска», — прохрипел пан Станислав.

Ему приходилось хуже, чем Эстерсону. Он ведь не сидел в амортизированном кресле пилота, а лежал в узком лазе, ведущем к спасательно-стыковочному кессону — единственном свободном и притом обогреваемом отсеке истребителя за исключением пилотской кабины.

Поскольку полет пока что проходил в полностью автоматическом режиме, Эстерсону оставалось лишь глазеть на показания радаров и пялиться в экраны сферического обзора.

Вдруг в размеренный, не сулящий никаких опасностей поток тактической информации на лобовой поверхности бронеколпака, вторглась череда мерцающих предупреждений:

ОБЛУЧЕНИЕ РАДАРАМИ НАВЕДЕНИЯ
ЗАХВАТ РАДАРАМИ НАВЕДЕНИЯ
КООРДИНАТЫ БАТАРЕИ: 18.2-10.1
ДИСТАНЦИЯ: 0.112... 0.114... 0.116...

Церера стремительно удалялась. Оптика задней полусферы с общего плана перешла на крупный. На экране появился тот участок поверхности астероида, от которого исходила главная угроза: батарея и ее радары, запеленгованные электроникой «Дюрандаля».

Эстерсон увидел, что невзрачные «кубики», которые он не смог опознать в первые секунды после взлета, теперь полностью преобразились. Маскировочные панели разошлись в стороны, открыв башни с рентгеновскими пушками. Стволы пушек споро задирались в зенит.

Выключились ускорители. Мгновение — и они полетели в стороны, отстреленные пиропатронами.

Некоторое время ускорители будут по инерции сопровождать «Дюрандаль» на параллельных курсах, а потом станут добычей слабого, но все же доминирующего в этой точке пространства тяготения Цереры. Завтра-послезавтра их заберет с орбиты медлительный мусорщик «Ротанга».

Стоило выгоревшим ускорителям покинуть подфюзеляжные пилоны, как запустились маршевые двигатели.

План побега благополучно миновал пункт «Е» — старт, первичный разгон, сброс ускорителей.

Тотчас же Эстерсон, издав победный вопль, включил генераторы щита. Стоило батарее открыть огонь несколькими секундами раньше — и их с Песом полет, продлившийся около одной минуты, мог закончиться красивым фейерверком. А завтра-послезавтра куски истребителя и две обугленные тушки выдающихся инженеров современности забрала бы с орбиты все та же «Ротанга».

Тут-то пушки и заговорили.

Истребитель сейчас представлял собой идеальную мишень: только начав набирать крейсерскую скорость, он летел по прямой, не совершая никаких маневров.

Чтобы уйти с дальности синхронного выстрела, ему требовалось еще некоторое время. Которое, разумеется, пушки «Боливар» использовали на полную катушку.

Это была неслышимая, но ожесточенная канонада. Импульсы работающих в рентгеновском диапазоне лазеров один за другим достигали щита, формируемого генераторами истребителя, рассеивались, теряли энергию и, на мгновение обращаясь

видимыми глазом яркими вспышками при переходе в оптический диапазон, бесследно исчезали.

Все новые и новые очереди по пять—десять сверхкоротких импульсов иступленно хлестали по щиту. Никакого эффекта, если не считать яркой иллюминации за хвостом «Дюрандаля»!

В бессильной ярости пушки ударили по двум отставшим от «Дюрандаля» отработанным ускорителям и мгновенно выбили из них две белые туманности железного пара. Может быть, обслуга батареи просто отказывалась верить, что с их пушками все в порядке?! Ведь истребитель с бортовым генератором считался машиной баснословной, невероятной!

Когда «Дюрандаль» наконец ушел с дальности синхронного выстрела, Эстерсон немедленно заказал автопилоту несколько противозенитных маневров и выпустил в разные стороны три универсальных симулятора, так называемых электронных фантома, специально предназначенных для того, чтобы сбивать с толку противокосмическую оборону противника.

Затем он перевел машину на ручное управление, резко изменил курс и повел «Дюрандаль» в высчитанную заранее зону поиска магистрального контейнеровоза «Сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Вэруламский».

Впрочем, о том, что контейнеровоз носит столь гордое имя и такой звучный титул, Эстерсон и не догадывался.

— Ну-с, куда мы теперь направляемся? — бодро осведомился по переговорнику пан Станислав.

— Как вы там? Не мерзнете? — ответил вопросом на вопрос Эстерсон.

— Честно говоря, холод просто адский. И воняет горелым. Однако я ведь имею честь общаться с создателем этой чудесной машины. Поэтому скажу так: мерзну, но не очень.

Эстерсон был отделен от пана Станислава спинкой кресла и герметичным люком с несколькими слоями теплоизоляции. В пилотской кабине микроклимат не вызывал нареканий — плюс двадцать градусов при приятном сочетании полного безветрия и свежего воздуха с бодрящим ароматом апельсина.

— Могу вас ободрить. По моим расчетам, через полчаса вы будете в тепле. Правда, ради этого придется прибегнуть к насилию.

— Какой ужас! — притворно возмутился пан Станислав. — Надеюсь, нам не придется бить людей по лицу?

— Надеюсь. — Роланд ответил серьезно, иронию в голосе своего товарища он не уловил.

— Дружище, — пан Станислав тоже посерьезнел, — откровенно признаться, я отдаю себе отчет, что, угнав

истребитель, мы с вами заработали себе на пожизненное заключение. И вовсе не в секретных лабораториях «Боливара», где по крайней мере мы могли бы бороться со скукой, решая очередные инженерные головоломки, а в самой настоящей тюрьме. Таким образом, на карту фактически поставлены наши жизни — прозябание в тюрьме я жизнью назвать никак не могу. Ради того, чтобы сохранить свободу, я готов не только бить морды и ломать пальцы, но и убивать.

Роланд помолчал.

— Не могу сказать, что это отвечает моему воспитанию, — наконец сказал он. — Но по крайней мере вы честны с самим собой. Вероятно, и я в глубине души согласился уже с тем, что ради спасения своей шкуры иногда надо продырявить чужую.

— Вот и пистолет сообразили, — повернул пан Станислав.

— Именно... Кстати, я же так и не ответил на ваш вопрос. Сейчас мы ищем один космический корабль, стартовавший с Цереры за несколько минут до того, как я вошел в шахту номер восемь. К сожалению, из-за этих проклятых ускорителей мы потеряли драгоценное время. Я беспокоюсь, как бы наш красавец не ушел из Солнечной системы по Х-матрице раньше, чем мы его настигнем.

— Что за красавец?

— Контейнеровоз. Вы не обратили внимание, что пятого и двадцатого числа каждого месяца в закрытую зону космодрома прибывает какой-то корабль? Очень тяжелый корабль, магистральный звездолет.

— Признаться, не замечал. Тем более не обратил внимания на даты. Тут много чего шастает...

— Да. Но подавляющее большинство кораблей — это локальные транспорты, курсирующие по маршруту Земля — Марс — Церера. Иногда и просто флуттеры. Например, военно-транспортным «Андромедам», точнее, их спецмодификации Transplanet Cargo II, хватает дальнобойности, чтобы прилетать на Цереру с Марса. А магистральные звездолеты на Цереру обычно не гоняют. По понятным причинам: нерентабельно. Кроме того контейнеровоза, за которым мы сейчас гонимся.

— Ну-ну. А как же все-таки вам удалось его вычислить? Ну, о сравнительно близком выходе звездолета из Х-матрицы, вы, положим, могли заподозрить по солитону Бруно-Левашова... Могли... Но чем вы его поймали?..

Пан Станислав принялся азартно рассуждать вслух:

— Специальных военных детекторов у вас не было... Кто бы вам их дал?.. И зачем?.. Ставить такие вещи на «Дюрандаль» слишком дорого, да и вряд ли истребитель потянет...

Своим маленьким ноу-хау Эстерсон очень гордился. И, замышляя побег, печалился, что ему не с кем поделиться этой интеллектуальной вкуснятинкой. Но теперь, к счастью, у него был благодарный слушатель!

— Тепло, благородный пан, тепло, — весело отозвался Эстерсон. — Детекторов Бруно-Левашова на «Дюрандале» нет. А что же есть такое, чего раньше не было?

— Генератор щита. Но при чем здесь генератор?! Кстати, «благородный пан» у нас не говорят и не говорили. «Ясновельможный» — другое дело.

— Yasnovelmozhnyj? — переспросил Эстерсон. — Звучит как фамилия какого-нибудь русского фельдмаршала времен диктатора Сталина. Попробуй выговори!

— Не важно, не важно. Так при чем здесь генератор щита?

— А вот при чем. На время стендовых испытаний генератора фирма передала моим филдерам баснословно дорогой, ультрасовременный агрегат, которым меряют напряженность, вихревые возмущения и мерцание защитного поля.

— Пэ кю эф двенадцатый?

— Именно.

— И что толку?

— Чувствительность у этой модели грандиозная! Если вы уберете из него фильтр высокого шума и будете мерить мерцание защитного поля, вам удастся зарегистрировать волну возмущений вакуума, возникающих при выходе корабля из Х-матрицы! То есть, как вы академично выразились, солитон Бруно-Левашова. Более того: произведя несколько замеров, вам удастся установить не только сам факт выхода корабля из Х-матрицы, но и координаты его рематериализации! С кое-какими погрешностями, конечно.

— А ведь правда... Но для этого нужно было знать, что искать!

— Что искать, я определил по косвенным признакам. Меня давно интересовало, почему в нашем секторе по пятым и двадцатым числам под предлогом профилактики отключают главную энергомагистраль и заставляют нас пользоваться какими-то несчастными «ночниками» на термобатареях. Ведь из-за этих «профилактик» тормозились все серьезные монтажные работы по моему проекту! В один из таких дней, когда уже все разошлись на отдых, мне показалось, что я расслышал далекий подземный гул. Я сопоставил отключения энергии с этим гулом и пришел к выводу, что в нескольких километрах от нас работает огромный грузовой терминал. Собственно, удивляться нечему: про новейший сверхсекретный завод, выстроенный под боком у «Боливара», все мы краем уха что-то слышали.

Хоть он и сверхсекретный, а шила в мешке не утаишь. Легко предположить, что терминал рассчитан на прием больших объемов сырья с транспортных кораблей.

— И не просто на прием, а на параллельную первичную обработку этого сырья! Вы гений, Эстерсон! Поверьте, я разбираюсь в современной компрессионной металлургии: для этого требуется колоссальная энергия! Разумеется, с отбором энергии у «Боливара» наши хозяева готовы были мириться как с неизбежным злом до ввода в строй дополнительных реакторов!

— Да-да, я так и решил. Потом я прикинул, что новый завод должен быть ориентирован не только на военные флуггеры, но и на бронеплиты для боевых кораблей, а это означает «поддувную» полисталь. Ну а дешевую руду для полистали у нас в Солнечной системе разве добудешь? Значит, ее надо ввозить из колоний Тремезианского пояса! А это неближний свет, туда только магистральные звездолеты и летают.

— Ловко... Вы, Эстерсон, с вашими аналитическими способностями, здорово подсобили бы не одной вражеской разведке, — хмыкнул пан Станислав.

— Если бы вражеские разведки знали о моем существовании — вероятно, да. В общем, эти «профилактики» навели меня на гипотезу о звездолете, а проверить ее и определить координаты местной зоны входа-выхода Х-матрицы мне удалось при помощи пэ кю эф двенадцатого. Знали бы наши хозяева, что я ишу при помощи их аппаратуры!..

— А вот, кстати, и наш красавец, — пробормотал Эстерсон, прервав свои словоизлияния.

Он не верил глазам своим.

Все-таки не ошибся. А ведь шансы были, откровенно признаться, невелики!..

— Звездолет?! Магистральный?!

Эстерсон подобрался. Пункт «F»! Ближайшие события определяют успех всей операции...

— Да. Господин Пес, прошу беспрекословно подчиняться моим приказам. Как только мы попадем на борт корабля, вы должны во всем поддерживать меня, что бы я ни делал.

Отец «Дюрандаля» нарочно употребил предельно официальное обращение «господин», чтобы показать своему спутнику: о либерализме предстоит на время забыть.

Полное название контейнеровоза — «Сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Вэруламский» — было настолько длинно, что даже экипаж в составе пяти человек предпочитал называть его просто

радиопереговоры с вычитанного в романах морского окрика «Эй там, на «Бэконе»!»

Почти сразу ему ответил капитан, Гарольд Фрин.

Эстерсон представился командиром корпоративного патруля. Потребовал досмотра судна. В случае неповиновения пообещал применить силу.

Фрин, конечно же, был опытным капитаном и знал инструкции назубок. Он попытался связаться с «Боливаром» и запросить подтверждение полномочий патруля в этом секторе.

Ничего не вышло. Эстерсон был готов к такому повороту событий.

Станция прицельной постановки помех, которой был оборудован «Дюрандаль», забила оглушительным треском гражданский диапазон связи. А на других диапазонах передатчики «Бэкона» не работали — все-таки это был всего лишь контейнеровоз, а не линкор, нашпигованный электроникой на все случаи жизни.

Единственной данью военной моде в гражданском судостроении последних лет была установленная на контейнеровозе в процессе модернизации четырехствольная башня ближней обороны. Превосходно различимая визуально, она горбатилась прямо над ходовой рубкой.

Как мог видеть Эстерсон, ее стволы находились в походном положении — вдоль главной оси корабля. Это означало, что у экипажа «Фрэнсиса Бэкона» пока что нет серьезных подозрений и он не намерен встретить «Дюрандаль» огнем. Но на всякий случай Эстерсон приказал подсистеме автономного сопровождения целей захватить башню. Если экипаж признает в нем пирата и отважится на самооборону, все вооружение «Бэкона» можно будет уничтожить одним движением пальца.

Эстерсон повторил свои требования.

Фрин посетовал на аппаратуру. На «Бэконе», мол, сейчас устойчиво работает только ближняя КВ-связь, дальняя не способна пробиться сквозь помехи.

Эстерсон «не поверил» и с нескрываемым раздражением начал настаивать на досмотре. Дескать, запирательство капитана может только усугубить его вину, если на борту контейнеровоза будет обнаружен разыскиваемый беглец, особо опасный преступник Роланд Эстерсон.

Вот тут-то Фрин наконец поверил. Да, сказал он, двадцать минут назад «Боливар» прислал ориентировку на этого господина. Но никакого беглеца...

Никаких «но» — таково было последнее слово Эстерсона.

«Бэкон» капитулировал и услужливо предоставил «Дюрандалю» стыковочный шлюз по левому борту.

Спустя десять минут задубевший Станислав Пес и Роланд Эстерсон, до судорог в пальцах сжимающий «ЗИГ-Зауэр», покинули шлюз и оказались внутри «Бэкона».

Безразличие на лице вышедшего их встречать старпома быстро сменилось испугом — ему в грудь смотрел черный зрак пистолета неизвестной модели. Старпом остолбенел. Он даже и не вспомнил о том, что у него в кобуре тоже есть пистолет, несравнимо более мощный.

Пока Эстерсон держал на прицеле своего почти земляка — этот звездолетчик был родом из Норвегии и звали его Хакон Хальфин — Станислав Пес разоружил старпома. Из кобуры Хальфина был извлечен «Colt Mk600» — излюбленное оружие старших офицеров как военного, так и гражданского флота.

Станислав Пес уверенно проверил боезаряд кольта и снял его с предохранителя. В тот момент Эстерсон не обратил внимания на завидный профессионализм инженера в обращении с офицерским оружием.

— Да-да, это пиратское нападение, — ухмыльнулся Эстерсон. — Или, если вам по душе более обтекаемые формулировки, чрезвычайный фрахт коммерческого судна в личных целях. Пока что мы не располагаем возможностями оплатить ваши услуги по установленным тарифам. Но если вы будете вести себя хорошо, мы сохраним вам жизнь, а это довольно высокая плата. Вы согласны со мной? Повторяю: вы согласны?!

— Да, — борясь с дрожью в коленях, кивнул Хальфин.

— Отлично. Ведите нас к капитану. И не дергайтесь: мы будем стрелять без предупреждения. Первый раз я гуманно попытаюсь попасть вам в плечо, но могу промахнуться и продырявить сердце.

— Следуйте... за мной.

Поначалу все шло как по маслу.

Эстерсон поражался сам себе: в нем, оказывается, все эти годы погибали таланты террориста, налетчика, пирата.

Капитан Фрин и еще два находившихся в ходовой рубке члена экипажа сразу же согласились на любые условия, лишь бы Эстерсон и Пес не превратили их в решето. Пятый звездолетчик, по уверениям капитана, сейчас спал в своей каюте.

Эстерсон и Пес заперли всех заложников, кроме капитана, во втором стыковочном шлюзе. Там было холодно, но, конечно, теплее, чем за бортом.

Гуманный Эстерсон пообещал, что, покончив с главными делами, подбросит им теплых вещичек. А немилосердный Пес проворчал, что ничего с ними не станется — потерпят. Ведь терпел же он кессоне «Дюрандаля»!

Потом Эстерсон и Пес взяли капитана на мушку и отправились за пятым членом экипажа. Увы, суперкарго Виолетту Буфож в ее каюте обнаружить не удалось.

— Какие будут мысли? — поинтересовался Эстерсон у Фрина. — Учтите, капитан, мы не позволим ей так вот запросто разгуливать по захваченному нами кораблю. Прошу вас немедленно признаться, куда делась Виолетта.

— Понятия не имею, — надменно задрал подбородок Фрин. — Я не шпионю за своим экипажем. Сразу же после окончания разгрузки суперкарго отправилась спать. Если ей вдруг вздумалось прогуляться по кораблю — имеет право.

— Я вам не верю, — сказал вдруг Пес очень неприятным тоном, какого раньше Эстерсон никогда за поляком не замечал. — Скорее всего либо вы, либо старпом Хальфин успели связаться с ней заранее условленным образом. Ведь у вас наверняка отработаны кое-какие банальные приемчики на случай пиратских нападений! Давайте сделаем так: я прострелю вам ногу, а вы подумаете, не лучше ли выдать нам местоположение суперкарго?

Фрин побелел. Но ответил твердо:

— Вряд ли это поможет мне узнать то, чего я не знаю.

— А вот мы сейчас проверим... — процедил Пес.

Тут Эстерсон, не ожидавший от поляка такой прыти, наконец опомнился:

— Отставить, коллега. Я верю капитану. Сделаем по-другому. Устроим засаду в каюте суперкарго. Вы останетесь здесь. Если она появится — цивилизованно, повторяю, цивилизованно возьмите ее в плен. А вы, капитан, проведите меня по всем жилым помещениям корабля. Коллега, встретимся здесь, в каюте. Если меня не будет в течение... — Эстерсон оценил размеры корабля, — ...в течение получаса, идите в ходовую рубку и вводите звездолет в сектор Оранжевого Бакена, что в Тремезианском поясе. Координаты найдете среди общих навигационных таблиц. Вы запомнили: Оранжевый Бакен?

— Слушаюсь, господин Эс... коллега, — сказал Пес своим прежним, шутливо-расслабленным говорком.

«Что за демон проснулся в тишайшем поляке? Нельзя же, в самом деле, дробить людям ноги, когда тебе заблагорассудится?» — беспокоился Эстерсон, ведя капитана по коридору жилого отсека.

Перед побегом Эстерсон изучил все серийные типы магистральных контейнеровозов Объединенных Наций. И теперь отметил, что «Фрэнсис Бэкон» недаром относился к самому престижному, так сказать «люксовому» типу.

Каждый член экипажа располагал на борту контейнеровоза своей собственной одноместной каютой с душевой кабиной, а капитан — целыми апартаментами. Также имелись общая столовая, оранжерея и кают-компания для совместных увеселений: Холовидения, объемного бильярда, ленивого флирта.

Эстерсон и Фрин проверяли помещение за помещением. Никого!

Оставалось осмотреть грузовой отсек. Поблуждав там минут десять по мостикам между пустыми транспортными модулями, Эстерсон и его пленник собирались уже перейти в зону маршевых двигателей, когда под потолком замигали красные лампы. Дребезжащий синтетический голос предложил экипажу приготовиться к переходу по Х-матрице.

Эстерсон бросил взгляд на вмонтированные в «Сигурд» часы.

— Что за черт? Куда он гонит? — вслух спросил он, имея в виду Песа, который явно торопил события. Они же договорились начать переход к Оранжевому Бакену не ранее чем через полчаса!

Фрин только и ждал, когда Эстерсон утратит бдительность. Левой рукой он схватился за ствол «ЗИГ-Зауэра» и отвел его в сторону, а правой изо всех сил ударил Эстерсона в челюсть.

Инженер потерял равновесие и упал на спину, но пистолета, как рассчитывал Фрин, не выпустил. Более того — ствол «ЗИГ-Зауэра» выскользнул из ладони капитана и Эстерсон вернул себе свободу выбора: стрелять в драчуна или в потолок.

Однако Фрин не стал проверять, что же предпочтет опасный преступник Роланд Эстерсон, и бросился наутек.

Рука у капитана была тяжелой. Отнюдь не с первой попытки поднявшись на ноги, Эстерсон несколько раз выстрелил Фрину вслед.

Стрелял он для острастки — тот уже скрылся в лабиринте транспортных модулей. Да и не было у Эстерсона ни малейшего желания убивать отважного беглеца. Броситься с голыми руками на пистолет — на это не каждому достанет духу!

Гоняться за капитаном Эстерсону не очень-то хотелось. Вдобавок Фрина он начал побаиваться — даже безоружного.

Пора было убираться из Солнечной системы и притом как можно скорее. Надежды полностью изолировать экипаж «Бэкона» таяли, каждая минута промедления могла поставить крест на его планах.

Эстерсон, подгоняемый красными сполохами, бросился на ходовой мостик.

Каково же было его удивление, когда вместо Песа он застал в кресле первого навигатора черноволосую красотку! Если оставить без внимания фольклор звездолетчиков о «пустотных ведьмах» и прочей космической чертовщине, следовало признать, что перед ним — суперкарго Виолетта Буффож собственной персоной!

— Встать, руки за голову! — скомандовал Эстерсон.

— Это еще что за мужлан? — пробормотала Виолетта, разговаривая как бы сама с собой и полностью игнорируя требование беглого конструктора. — Наверное, один из тех негодяев, за которыми сюда примчалась целая флотилия с «Боливара»?

— Какая еще флотилия? — опешил Эстерсон.

— Сами посмотрите.

Эстерсон послушно уставился на экран.

Нет, только не это! Четыре истребителя и четыре штурмовых флуггера специального назначения «Фаланга» на полной скорости приближались к звездолету.

— Это корпоративная охрана «Дитерхази и Родригес», — прокомментировала Виолетта, не прекращая манипуляций на приборных досках. — Церемониться они не будут. Если даже не разнесут с перепугу «Бэкон» из пушек — немногим легче. Штурмовые флуггеры прилепятся прямо к корпусу корабля, прожгут дыры в обшивке и первым делом пустят газ. Если вы готовы к такому обороту событий, вы должны быть также готовы к перестрелке с отборными...

— Ясно, — нервно перебил девушку Эстерсон. — Объясните мне, что вы сейчас делаете?

— Я хочу увести корабль подальше от этой своры. Желательно — в Тремезианский пояс.

— Почему? В ваших интересах дожидаться, когда головорезы концерна поджарят меня при помощи импульсных огнеметов.

— А вот здесь вы ошибаетесь. Во-первых, за компанию с вами они запросто могут поджарить и кого-нибудь из экипажа «Бэкона». Например, меня. А во-вторых...

— Логично, — снова перебил Эстерсон. — Значит, так: пояс — это правильно. Только ни в коем случае не задавайте координат стандартных зон входа-выхода. Задайте Оранжевый Бакен!

— Вы не дослушали «во-вторых», которое для меня важнее, чем «во-первых». И не перебивайте, милейший! Дело в том, что на Каталине меня ждет жених. День свадьбы уже назначен, приглашения разосланы по всем небесам и весям. Если нас задержат здесь для расследования — прости-прощай мой

Антонио. Он парень ревнивый, моих объяснений даже слушать не станет. Тем более что инцидент с захватом «Бэкона» концерт обязательно засекретит. С точки зрения Антонио получится, что я провела пару недель в койке с каким-то неведомым церерианским любовником, а не в лапах у корпоративных и государственных дознавателей.

«У девицы нервы еще крепче, чем у капитана Фрина», — уважительно подумал Эстерсон, краем глаза наблюдая, как растет на экранах восьмерка флуттеров, летящих по их с Песом души.

— Так вот, — продолжала Виолетта, — Оранжевый Бакен не может быть местом вашего конечного назначения. Там нет ни одной обитаемой планеты. Значит, от Бакена вы намерены прыгнуть еще куда-нибудь. Отвечайте: куда?

— Вам повезло, что вы женщина. Иначе я с вами не стал бы церемониться, — сказал Эстерсон для поднятия авторитета. И все-таки признался: — Я хочу добраться до Фелиции.

Это было самым слабым звеном во всем плане Эстерсона. Немало часов провел он, размышляя над тем, как замести следы и скрыть конечный пункт своего назначения.

Он надеялся запутать своих преследователей, первым прыжком по Х-матрице достигнув захолустного Оранжевого Бакена. Оттуда он намеревался перелететь к Фелиции. А уже в районе Фелиции хотел запрограммировать Астропарсер корабля таким образом, чтобы тот автоматически швырнул контейнеровоз в сектор какой-нибудь обитаемой планеты Тремезианского пояса. Той же Каталины, например. Да не просто «швырнул», а при этом уничтожил во всех протоколах сведения о Х-переходе к Фелиции и обратно.

Этот утопический прожект для своего успешного свершения требовал выполнения множества веских «если».

Скажем, «если весь экипаж корабля будет надежно изолирован». Или: «если неопытному Эстерсону удастся перепрограммировать Астропарсер по своему усмотрению».

Теперь, когда по коридорам «Бэкона» бродил капитан-беглец, конструктор не видел смысла хранить название планеты в тайне.

— До Фелиции! — Виолетта лихо присвистнула. — Давайте-ка посчитаем...

— Нечего считать, вводите координаты!

— Считать очень даже нужно. Меня интересует время и расход люксогена, необходимый для двойного прыжка Церера — Фелиция — Каталина.

— Да хватит вам люксогена! На три таких прыжка хватит! Посмотрите на приборы!

— А сколько уйдет времени? Это важно... Ага, вот.

96 Без малого сутки до Фелиции и чуть больше двух суток

до Каталины. Поздравляю вас: это терпимо. Это меня устраивает. На свадьбу я успею!

— Поздравляю вас. — Эстерсон сделал ударение на «вас». — Даже обещай полет занять двадцать суток, мы все равно полетели бы. Тут решаете не вы, а я.

— И я, — в овальном входном проеме появился Пес. — Коллега, вы не могли бы просветить меня, что творится? Где капитан? И почему я, дисциплинированный дурак, сижу под вой сирен в каюте у этой бабенки, а вы тут с ней мило чирикаете? Откуда вообще она взялась?

— Коллега, это замечательно, что вы появились. Будьте любезны, посторожите левый шлюз, пока там не объявился убежавший от меня Фрин.

— Он убежал?!

— Да. И сейчас совершит какой-нибудь каверзный подвиг. Бегите скорее!

Пес громко выматерился, но все же повиновался. Эстерсон поймал себя на мысли, что в отсутствие поляка чувствует себя спокойнее. Станный этот Пес какой-то...

— Координаты заданы. Все готово к прыжку, — доложила Виолетта.

...А потом все утонуло в вязком радужном мареве...

...Я, Роланд Эстерсон, ненавижу переходы по Х-матрице. Их и было-то всего три, и хотя каждый раз немного по-разному, в главном — одинаково. Одинаково тошнотворно.

Самое ужасное, что сознание не выключается. Можешь заходя принять снотворное или напиток вдрабадан — не поможет. Не верьте тем, кто клянется, будто ничего не запомнил во время Х-перехода. Не верьте, когда рассказывают, что кому-то помогли гашиш или водка, а кому-то патентованное джонсон-и-джонсоновское зелье «Star Dream».

Затуманенное состояние сознания — ад, а не нирвана. И если вы были столь глупы, чтобы впасть в анестетическое забытие на борту звездолета, берегитесь: в Х-матрице безжалостные законы природы окатят вашу душу ледяным протрезвляющим водопадом.

Вы вострепнетесь, не понимая, где вы и почему здесь оказались.

И — если вы не религиозны — весь Х-переход проведете в догадках, когда же помешательство закончится и добрый доктор попросит санитаров снять с вас смиренную рубашку. Если же религиозны — скоротаете время в молитвах.

Но и подготовленному, ясному сознанию приходится туго. Потому что все субъективное время Х-перехода — а это отнюдь не пять минут — вы проводите в сенсорной изо-

ляции, словно муха в янтаре. Достоверных чувств — зрения, слуха, обоняния — нет. Есть только диковинные костыли псевдовосприятий, на которые пытается опереться сознание, закрученное вместе с материей корабля в информационно-энергетический пакет Х-перехода.

Кажется, будто шуршат песчинки и шумит ветер.

Кажется, будто пространство состоит из упругих нитей и огромных шершавых листьев. Их можно «пощупать», но невозможно «увидеть».

Кажется, что вы ослепли, но даже сквозь эту космическую слепоту пробиваются тревожные сполохи.

И никто не скажет — это отблески неведомых потусторонних энергий, фонарики над крыльцом Смерти или иллюзия чистой воды.

ГЛАВА 7

КАК МЫ УВИДЕЛИ ДЖИПСОВ

Май, 2621 г.

Истребитель РОК-14 «Горыныч», тактический код 1902-07 «Лепаж»

Планета Наотар, система Дромадера

Мы — на краю зоны штурмовки.

Будто бы ты три часа просидел в театре перед опущенным занавесом. А когда уже собрался уходить, занавес рухнул вместе со стенами. И ты увидел, что за время ожидания в театральную сцену успел превратиться весь твой город. И на этой сцене творится такое...

Трудно сказать, стало ли наше появление такой уж неожиданностью для джипсов. Но лично для меня то, что я увидел, было ба-а-альшим сюрпризом.

Над перерытой комбайнами равниной возвышались тучные цилиндры-домны. Одно дело — видеть их на кадрах видеосъемки, другое — воочию. Тем более что эти клятые домны действительно подросли и начали *ветвиться*.

Верхушка каждого сооружения была по периметру окружена где одним, а где двумя ярусами равнотолстых рас-

кидистых веток. Если принять высоту надземной части подросшей домны метров в семьсот, то длина каждой ветки — с полкилометра!

Как легко догадаться, все это выглядело не совсем так, будто зазеленели безобидные старые пни.

— Говорит Кот! Всем включиться! Повторяю: всем включиться! Боевой режим «Сияние»! «Сияние», вашу мать!

В последние полтора часа в моих наушниках не звучало ничего, кроме условленных сигналов с «Асмодеев» и пары порций не столь уж настырных помех. Услышав взвинченный голос Готовцева, я вздрогнул.

— Тор на связи. — Это был Бабакулов. — Ты видел, командир? Джипсы сзади!

— Здесь Барбус. Нет контакта с «Асмодеями»! — сразу же встрял Цапко.

— Говорит Центурион. Радар сбоит. Контакта с «Асмодеями» не имею.

Только услышав голоса других пилотов, я сообразил, что надо это... того... включить радар и переговорные устройства, во!

Стоило всему железу заработать — и сразу же тактическая информация хлынула потоком.

При анализе наземной обстановки были обнаружены семнадцать домен. В воздухе же царило удивительное спокойствие.

Не сказать, чтобы истребителей-гребешков совсем уж не было. Но над всем полем боя мой бортовой радар смог обнаружить только девять штук. Два ближайших сразу же попали в захват подсистемы наведения ракет.

Станция защиты хвоста выделила еще четверку опасных объектов, вьющихся вокруг двухместных «Хагенов». Вероятно, это были те самые гребешки, которые стремительно атаковали нас перед самым Сиянием, и теперь взялись за жирненьких немцев, распознав в них легкую добычу.

— Лепаж на связи... — я прокашлялся, — ...вижу противника. Девять машин.

— Все видят! — рявкнул один из Кожемякиных. — Чего делаем-то, командир?

— Во-во, где «Асмодеи»? — поддержал его брат.

— К дьяволу «Асмодеи»! Делай как я! — приказал Готовцев.

Из-под крыла командирской машины к едва различимым вдали истребителям джипсов рванулись две ракеты.

И верно. Чего делать-то еще?

Эскадрильи «Горынычей», одна за другой, залпами облегчали подкрыльевые ракетные блоки. Авось повезет, авось каждая двадцатая ракета да разыщет свою добычу.

Выше белых треков наших «Оводов» пролегли грязно-серые дороги разрекламированных французских ракет — в игру вступили «Хагены».

Не беда, что прямо в наши боевые порядки ворвались истребители врага. Не беда, что контакта с «Асмодеями» нет — а, возможно, нет больше и самих «Асмодеев».

Главное, что мы забрались в самое вражье логово. Мы привели ударные эскадрильи — а остальное нас не интересует. Не навалились на нас из поднебесья полсотни гребешков, не просыпались с астероидов управляемые каменные ливни — а значит, настало время «Белых воронов» и «Фульминаторов». Время броневой планирующих бомб и подвесных твердотельных пушек.

— Прямо, прямо идем! — напомнил Готовцев. — Не ломаем строй, не надеемся на «Асмодеи»! Над северным фасом зоны — полный разворот на правом вираже.

За каждой эскадрилей ударных флуггеров была закреплена своя домна. Пока мы, истребители, лавиной перли вперед, расчищая небо, колонны штурмовиков и торпедоносцев разошлись веером, выходя на свои цели.

Но что такое в современном бою «выйти на цель»? Радар видит ее, когда та еще за горизонтом. Через минуту цель попадает в когти системы захвата.

Броневая бомба называется «планирующей», но на самом деле это пугающий реактивный аппарат с собственными газовыми рулями и головкой самонаведения. С борта истребителя в головку самонаведения сливаются точные координаты цели.

Пилот может еще не видеть цели воочию, а на приборной панели уже давно горит «К пуску». После этого остается только нажать кнопку.

В каждую домну по плану намеревались всадить по восемь бомб почти одновременно. Поэтому задача усложнялась. Но ненамного.

События сорвались в галоп.

Едва-едва успеваю отметить, что по меньшей мере три гребешка удачно накрыты нашим залпом и беспомощно закувыркались в воздухе.

Одновременно с этим к ближайшим домнам рванули планирующие бомбы.

Уцелевшие истребители джипсов, станцевав между нашими ракетами головокружительный танец и частью обманув головки самонаведения, а частью расстреляв их из скорострельных лазеров, рвут свечой вверх.

Снова пищит захват целей, снова бьем «Оводами». Хотя мы и сбросили скорость, все равно несемся так быстро, что джипсы уже попали в радиус действия наших пушек.

Что ж, открываем огонь и из пушек.

Один гребешок взорвался, а остальные...

Уфф-ф, остальные начинают демонстрировать обещанные чудеса пилотажа. Только что эта сатанинская пятерка перла вверх на первой космической скорости, но вот уже перевернулась через голову в залихватском сальто-мортале.

Не теряя скорости, гребешки в крутом пике обрушились на оказавшийся под ними строй «Горынычей».

Сразу же вспыхнули четыре наших машины.

И еще три!

О господи, семь первоклассных истребителей выбиты за семь секунд...

А что случилось бы, не имей мы подавляющего численного превосходства?

Тут, к счастью, начинают сказываться наработки наших штабистов. Эскадрильи «Горынычей», загодя расположенные на флангах и до этого в бою участия не принимавшие, коршунами набрасываются на джипсов из верхней полусферы.

Джипсы вышли в хвост всей нашей армаде, только-только начавшей разделяться на две группы, чтобы обойти по периметру зону штурмовки. Тут-то эта пятерка, еще даже не успевшая открыть огонь, попала под удар сорока «Горынычей» из фланговых эскадрилий.

К целям рвутся десятки «Оводов». Химерические махины инопланетного врага буквально растворяются в бурлящих звездным огнем разрывах аэрозольно-осколочных боеголовок. «Горынычи» подбавляют жару из пушек.

Этой пятерке джипсов крупно не повезло. Залеталась-засмотрелась...

Лишь одна инопланетная машина, и то как-то неуверенно пошатываясь из стороны в сторону, выходит из-под удара. Кажется, она смертельно повреждена.

Ее преследуют наши истребители из флангового прикрытия.

Что случится с недобитком? Нам плевать! Наша забота — как обстоят дела с той четверкой, которая напала на «Хагены»? И как отработали по домнам ударные флуггеры?

Мы развернулись и теперь летим на юг, пересекая зону штурмовки в обратном направлении.

Победа! Мамочка, да это же полная победа!

— Ура! — ликует Фрайман. — Виктория! «О славный час, о славный вид, еще напор — и враг бежит!»

— Это все нашими заговорами, все заговорами, — хвастается Фрол.

— Не скажем «гоп», пока не перескочим, — осаживает его брат. Но даже скупой на эмоцию Готовцев не выдерживает:

— Разделали, как Бог черепаху...

После чего поющая душа комэска изливается в потоке однообразного, но выразительного мата.

Дюжина домен разваливается на наших глазах. Они подрублены под корень планирующими бомбами, их сотрясают серии вторичных взрывов, некоторые исходят призрачным синим пламенем.

Вот одно из сооружений заваливается набок. Исполинские ветви, которые венцом охватывали его плоскую верхушку, падают на изуродованную комбайнами равнину. Сломанные ветви фонтанируют дымящейся ярко-алой жидкостью.

Удивительно лишь, почему эти яшмовые исполины на сей раз гибнут так скромно. Ведь во время предыдущих атак все те немногие сооружения джипсов, которые удалось уничтожить, взрывались как заправские термоядерные бомбы. А сейчас это похоже на сокрушение обычного химкомбината — зрелищно, но на Апокалипсис не тянет.

А вот «Хагенам», к сожалению, повезло куда меньше, чем ударным группам. Тяжелые истребители стали той жертвой, которая была принесена во имя успешной штурмовки. И если честно, хорошо еще, что джипсы эту жертву приняли, ведь была она, конечно же, нечаянной...

Jagdgeschwader рассеян полностью.

То тут, то там на земле пылают костры, дровишками в которых — обломки немецких красавцев. Несколько разрозненных пар «Хагенов», судя по данным радаров, были вынуждены уйти на предельно малую высоту и сейчас мчатся мимо нас вдоль восточного фаса зоны штурмовки.

Немцев жаль — они парни хоть и угрюмые, зато асы первостатейные. Одно утешает: десятка полтора черно-желто-красных полосатеньких парашютных групп виднеется на земле. А значит, многие немцы не только успели катапультироваться, но и вполне благополучно достигли спасительной тверди.

Вот за наших, российских, пилотов сердце кровью обливается: я заметил только одно катапультирование. Внизу же вообще не видно ни одного сине-бело-красного парашюта.

Нет, есть! Вот, что-то шевелится в тени огромной колонны дыма, встающей над развороченной домной. Там комбайн джипсов вминает в глину... ну точно, парашюты!.. а где

102 же пилот?

Замечаю это не я один.

— Тор здесь. Командир, разреши помочь нашему на земле?

— Действуй.

— Лепаж, за мной.

Бабакулов — мой ведущий, я обязан послушно повторять все его маневры. Безо всяких напоминаний. Но, видать, он не вполне уверен, что я сохранил трезвую голову в бешеной круговерти боя.

Идем к земле. Благо, все домны на нашем пути уже рухнули и мы можем безопасно снизиться до пятисот метров.

На земле тем временем разыгрывается трагедия. Рутинная, повседневная трагедия войны.

Чем мы ближе, тем богаче подробностями картина. На самом деле впереди — не один пилот и не одна шестиколесная машина джипсов. На фоне спекшейся глины выделяются три бегущие фигурки в разноцветных скафандрах. Двое немцев и один наш. Их преследуют два комбайна.

Бежать пилотам очень трудно. Летный скафандр — это вам не тренировочный костюмчик. Ясно, ребята выбиваются из последних сил.

Только бы успеть, только бы...

Один из немцев отделяется от группы и резко бросается в сторону. За ним — увы, весьма проворно — отворачивает комбайн. Тут же оставшиеся русский и немец повторяют маневр — разбегаются в разные стороны.

Комбайны относительно невелики. По меркам наших систем наведения, на фоне земли они являются целыми неконтрастными. Мы уже совсем близко, а автоматического захвата все нет.

— Давай на ручном! — приказывает Бабакулов. Сразу же вслед за этим пушки в специальных обтекателях доворачивают на комбайн и дают залп.

Вроде попал!

Одно из колес комбайна вспыхнуло, но машина продолжает упрямо настигать пилота...

Мне не хватает решимости навести пушки вручную. Но тут наконец происходит долгожданный захват и я жму на гашетку.

«Мой» комбайн сразу же останавливается. Через две секунды завершается перезакатка лазеров и следующий залп добивает вражескую машину.

Увы, Бабакулову и его подопечному на земле везет меньше. Плавающий комбайн упрямо продолжает движение и бегущий пилот исчезает между передними шарами-колесами...

Мгновение спустя мы уже проносимся над местом трагедии.

— Ну хоть кого-то спасли, — бормочу я.

— Помолчи, тошно.

— Тор, Лепаж, не увлекаться! — приказывает Готовцев. — Возвращайтесь в строй!

— Командир, еще один заходик, а? — умоляет Бабакулов.

Я понимаю его: надо бы изучить участок еще раз, визуально, не полагаясь на радары. Может, еще какая-то дрянь надумала давить безлошадных рыцарей поднебесья?

— Категорически нет. Приказываю вернуться в строй.

— Есть вернуться, — и мы взмываем вверх, где кружит стая наших родных «Горынычей».

Но где же все-таки четверка джипсов, устроившая избиение «Хагенам»?

— Говорит Котенок. Прорезался общефлотский канал!

— Центурион: у меня тоже.

— Хорошо. Вижу. — Это Готовцев. — Приказ на атаку джипсов всеми получен?

Мы наперебой заверяем, что да, получен. И действительно — появилось целеуказание по трем гребешкам, которые подозрительно медленно идут по ту сторону меркнувшей, но все еще достаточно яркой стены Сияния. Ионизация экранирует их от наших радаров, но «Асмодеям» из стратосферы все великолепно видно по обе стороны воздушной стены.

Еще одна приятная новость. Значит, флуггеры управления, связь с которыми была потеряна перед рубежом атаки, все-таки не стали добычей джипсов.

— Центурион, что с твоим радаром?

— Совсем ослеп.

— Выходи из боя.

— Но я же все вижу через общефлотский!

— Сейчас видишь. А если его снова закроет?

— Кот, я не подведу!

— Знаю. Но прошу выполнять приказ. — Тон Готовцева показался мне неожиданно мягким. — Немедленно возвращайся на «Три Святителя», четвертым маршрутом. Вместе с ведомым, разумеется.

— А меня-то за что отсылаете? Мой «Котенок» здоров и весел! — возмутился Колька. Это он был ведомым Фраймана.

— Тактический Устав вспоминайте, кадет. Вы же вроде отличник... Остальные — делай как я!

Флуггер Готовцева резко увеличил скорость. Мы — за ним.

Первая и третья истребительные эскадрильи с «Трех Святителей» от нас не отставали. Выходило, все истребители 19-го авиакрыла получили приказ от штабных операторов на уничтожение последней тройки гребешков.

Истребители с других авианосцев остались над поверженными домнами для прикрытия повторного захода ударных флугеров — ветвистые исчадия враждебной технологии требовалось уничтожить все до единого. Больше такой уникальной возможности противник мог не предоставить.

Штурмовики истратили весь боезапас еще в первом заходе. Поэтому они уже вышли из боя и сейчас возвращались домой тем же самым четвертым маршрутом, которым Готовцев отослал Фраймана с Колькой.

Повторный заход на уцелевшие домны выполняли только торпедоносцы «Фульминатор». В этом вылете на них вместо гигантских космических торпед были подвешены бронебойные бомбы. Благодаря огромной грузоподъемности торпедоносцы притащили бомб вдвое больше, чем штурмовики. У них еще оставалось чем угостить джипсов напоследок.

Колонны «Фульминаторов» вновь показались над зоной штурмовки, когда мы поставили «Горынычей» на дыбы и помчались вверх вдоль многоцветной стены Сияния, чтобы, набрав высоту, атаковать уцелевшие истребители джипсов с пологого пикирования.

Враг, как и было задумано, нас не замечал.

Три гребешка, словно в полудреме, на малой скорости шли строем правого пеленга на восток.

Почему они не пересекли Сияние, чтобы попытаться спасти свои последние домны? Отведали прелестей нашего подавляющего численного превосходства и теперь сторонились открытого боя? Подобная осмотрительность — не в духе джипсов, насколько я понимаю...

Забравшись повыше, ложимся на левое крыло и, приглушив реакторы, скользим вниз.

Красивейший маневр!

Пробиваем Сияние. По-прежнему держа двигатели «холодными», доворачиваем на врага. Пикируем, дружно выпускаем предпоследние «Оводы», включаем реакторы на полную и, успев дать по одному залпу из пушек, попарно бросаемся в стороны.

Мы проносимся совсем близко от агонизирующих истребителей непрощенных пришельцев...

Один гребешок превращается в вихрь мельчайших обломков. Другой срывается в беспорядочный штопор и падает вниз.

Я могу рассмотреть его почти в упор. Действительно, гребешок — лучше и не скажешь. Выгнутый дугой узкий корпус длиной метров пятнадцать увенчан частоколом разновысоких зубьев. Те, что ближе к краям — повыше, посередине — пониже.

Еще можно сказать, что истребитель джипсов смахивает на челюсть мурены — с ее длинными игольчатыми зубами. И все-таки пропорциями он ближе к старинному гребню для волос, так что название, полученное этой машиной в первый же день конфликта, — самое удачное.

Для летательного аппарата у гребешка форма совершенно дикая. Как такое может летать — загадка. Ну ладно еще в космосе — там нет сопротивления воздуха. А в атмосфере? Страшно и подумать, какие технологии стоят за этим корявым с виду орудием войны!

Кто-то для верности выпускает в падающий гребешок еще одну ракету. Взрывом из него выворачивает половину зубьев. И точь-в-точь как из разрушенной домны, хлещет, дымится, тянется в воздухе туманным шлейфом кровавая жидкость.

Вслед за Бабакуловым вывожу истребитель из пикирования, летим вдоль Сияния. И видим странное: третий гребешок, которому тоже досталось — у него выломаны два средних зуба, — ведет себя отнюдь не в обычной бесшабашной манере джипсов.

Вероятно, получив повреждения во время нашей внезапной атаки, он прижался к самой земле и попытался спастись бегством.

Но затем нечто — чувство долга, что ли? — заставило его вернуться к Сиянию. По логике, ему следовало бы сейчас пройти сквозь завесу и попытаться атаковать наши торпедоносцы, добивающие последние домны.

Но вот этого-то он сделать не мог, хотя и пытался. Дважды гребешок подходил к Сиянию вплотную и дважды отскакивал прочь, как ошпаренный. А ведь, как мне казалось, этот гребешок был последним из той четверки, которая атаковала нас на подходе к Сиянию. Затем эти же истребители прошли завесу и набросились на «Хагены».

Так или не так? Эти же или другие?

А что, если Сияние попросту непроходимо для джипсов? Кто знает, какую смертельную угрозу организмам звездных кочевников представляет этот безобидный для нас маскировочный эффект?

Видимо, Бабакулов тоже заинтересован маёврами джипса, потому что добивать его не спешит. В самом деле, каждая крупная дополнительная информация о враге для общего дела важнее, чем лишняя строка в списке побед какого-то лейтенанта.

Пронаблюдать за гребешком дольше нам не дает сосед из третьей эскадрильи. Флуггер с трезубом на вертикальном оперении — машина капитан-лейтенанта Бердника, комэска-3 — вырывается вперед мимо нашей пары. Почти незаметный взгляд доворот пушечных обтекателей, синхрон-

ная вспышка двух лазеров — и гребешок, окончательно потеряв управление, валится к земле.

По общешлотскому каналу передают: множественная неопознанная угроза в районе домен. Надо прикрыть торпедоносцы от неведомой напасти.

И снова комэски ведут нас за собой.

Это уже слишком. Мы в бою от силы пятнадцать минут, но каждая секунда была проведена в таком напряжении, что у меня против моей воли начинают дрожать предплечья. Почему предплечья? А вот черт его знает!

Никогда в жизни не было у меня мышечного тика. А тут я поглядел на очередной тактический пакет от «Асмодея» — и тик вдруг начался. И усталость навалилась.

Смотрю на текстовый скролл. Нет, глаза меня не обманули. Вот он, результат анализа.

НАЗЕМНЫХ ЦЕЛЕЙ: 36

>>> КОМБАЙНЫ (КЛСФ. НАОТАР-НЦ-4): 2

>>> ДОМНЫ (КЛСФ. НАОТАР-НЦ-1): 1

>>> НЕОПОЗНАННЫХ: 33

ВОЗДУШНЫХ ЦЕЛЕЙ: 219

>>> НЕОПОЗНАННЫХ: 219

Двести девятнадцать неопознанных воздушных целей!

На войне «неопознанный» почти всегда означает «вражеский».

На этой войне неопознанная воздушная цель почти всегда оказывалась истребителем-гребешком.

Таких истребителей мы за все время сегодняшней операции — неглупо спланированной и самой успешной за все время Наотарского конфликта — сбили никак не больше семнадцати. А может, и того меньше.

Сейчас, если верить железу, над полем боя истребителей противника в двенадцать раз больше. Выходит, мы вмиг утратили свое спасительное численное преимущество? Не говоря уже о качественном, которого никогда и не было?

Это никакая не виктория. Это полный разгром, товарищи. Катастрофа, какой не знали еще москитные силы Флота со дня своего рождения.

В тот самый миг, когда меня пробил нервный дрожью, до крайней северной домны, над которой творилось это безобразие, было еще довольно далеко. Зона штурмовки — не пятачок, с юга на север километров семьдесят будет.

Поэтому в оптике, конечно же, ни я, ни кто другой из нашей эскадрильи ничего пока не видели. Данные поступали только от «Асмодеев».

Может, врет железо?

И правда, врет: вот число наземных целей уменьшилось на пять штук, а воздушных — увеличилось на столько же. Потом наоборот: семь воздушных превратились в наземные.

Нормально? Так бывает? Чтобы вдруг пять гребешков одновременно гробанулись? А семь комбайнов в воздух взлетели, колесами помахивая?

— Командир, у меня сбой в общефлотском канале, — говорит Цапко. — Липовые цифры дает.

— И у меня, — поддакивает Бабакулов. — Трехзначное число целей, все неопознанные. И скачут, как блохи.

— Нет, раз и у вас такая чертовщина, значит, никакого сбоя, — встряет Фрол.

— Братцы, это правда, — глухо говорит Готовцев. — Железо работает отлично. По командной сети я только что получил аж три устных сообщения. Слушайте. Первое, прямо с борта «Варяга»: все истребители джипсов вышли из космического сражения и брошены против нас. Пять-семь минут — и они будут в зоне штурмовки.

— Раньше сказать не могли! — психует Цапко.

— Это не нашего ума дело! Молчите и слушайте дальше. Второе сообщение — от наших торпедоносцев. Прежде чем добились последнюю домну, она раскрылась и выпустила за две сотни неопознанных целей. Мы их сейчас сами увидим. Это и гребешки и не вполне гребешки одновременно. Такие себе недогребешки, едреный корень. Третье: командование флота категорически запрещает открывать огонь. И категорически запрещает отход. Мы должны организовать плотный барраж над останками последней домны, где выются, ммм... недогребешки. И не предпринимать никаких действий, пока не поступит личного приказа главкома Экспедиционного Флота, адмирала Пантелеева. Все. Я не спрашиваю есть у вас вопросы или нет, потому что вопросы у вас есть, а ответов у меня нет!!!

— Тише, тише, отец-командир, — вздыхает рассудительный Егор. — Вопросов нет. Не врет железо, не врут адмиралы, и сон мой не врет. Видел я двенадцать белых котиков. Всякий, кто на Большом Муроме родился, знает: смерть пришла. Теперь уж не отступится, пока меня не приберет. Да и все к тому. Так что, братцы, не поминайте лихом Егора Кожемякина. Всем вам земной поклон. А молодому Сашке, если выберется, желаю в

— Спасибо. — Я был тронут, что он помнит мое имя. — Но зачем же вы так, товарищ старший лейтенант? Я где-то читал, что двенадцать котиков — это вовсе не...

Ой, как все на меня набросились! Как зашикали!

— Отставить, кадет!

— Замажься.

— Ты что, сбрендил, парень? С Егором в воздухе пререкаться?

— Не спорь. Просто скажи Егору спасибо, — подсказал добросердный киргиз Бабакулов.

Я не знал, плакать мне или смеяться. Почел за лучшее последовать совету и уже открыл рот, но тут неожиданно вступил Фрол. Он внес свежую струю в общее веселье:

— Егор, на смерть, что на солнце, во все глаза не взглянешь. Иногда и цыплята — это всего лишь цыплята.

— Браво, Фрол! А сигара — всего лишь сигара, — повеселел Бабакулов.

Мне показалось, что слова Бабакулова — смутно знакомая мне и широко известная среди эрудитов цитата. Но, конечно, ее автор я припомнить не смог.

— Так ить двенадцать. Беленьких, — буркнул Егор.

Похоже, суровый уроженец Большого Муромы всерьез настроился помирать и так быстро расставаться со своими возвышенными настроениями не собирался.

Дискуссия развития не получила. Наши обзорные камеры захватили неопознанные цели, навели резкость и перешли на плавное сопровождение.

Мы ахнули.

Над разрушенными сооружениями джипсов висели тяжелые грибовидные облака дыма и пыли. Мелкая черная взвесь застила закатное солнце — Дромадер то есть. Домны, накрытые бомбами во втором заходе, пылали, как облитые бензином свечки.

И только крайняя северная домна выглядела совсем-совсем иначе.

Вероятно, за несколько минут до нашего появления ее стены треснули от основания почти до самой вершины, образовав несколько независимых лепестков. Эти громадные километровые лепестки разошлись в стороны, их верхние срезы уперлись в землю и, таким образом, получилось несколько гигантских арок. При этом самая-самая верхушка — кольцо с ветвями — провалилось внутрь домны.

Но провалилось оно, похоже, вполне управляемо, потому что наклоненные под углом примерно в сорок пять градусов ветви, ставшие теперь как бы гигантскими тычинками этого безумного техноцветка, торчали в стороны, проходя между его новообразовавшимися лепестками.

Такая точность, конечно же, была результатом технологического замысла, а не случайности.

В центре цветка высилась грандиозная колонна, которая до раскрытия домны, вероятно, являлась ее сердцевинной. Эта колонна имела крайне сложную структуру, полное описание которой нашими военспецами потом заняло не один пухлый том с грифом «Совершенно секретно». Но если сказать в двух словах, колонна напоминала обгрызенный кукурузный початок. Как и настоящий кукурузный початок, покрытый рядами гнезд для отдельных зернышек, этот гипсофаллос имел множество ячеек — большей частью опустевших.

И колонна в центре, и обнажившаяся изнанка лепестков раскрытой домны имели ярко-алый цвет. Сгустки кровавой жидкости медленно ползли по обратным скатам выгнутых арками лепестков и скапливались у подножия домны в озеро.

Но все это было только декорациями для самого интересного. И, не побоюсь этого громкого слова, *ужасного*.

В озере что-то копошилось. Такое же *что-то* ползло по колонне. А целый рой неведомых существ, покрытых подсохшей кирпично-красной коркой, вился над цветком.

Устное сообщение, полученное Готовцевым от командира торпедоносцев, в общем-то правильно квалифицировало непознанные цели. Это были истребители-гребешки. И в то же время — не вполне они.

То есть они, конечно же, они! Только маленькие. Раза в три-четыре меньше тех, взрослых, с которыми мы воевали.

Их внешние покровы еще не были так развиты, как у взрослых аппаратов. Они не вполне окостенели и время от времени шевелили теми отростками, которые походили на зубья гребешков. Как мы позже разглядели на видеозаписи, именно при помощи этих зубьев они карабкались вверх-вниз по колонне в центре домны и ворочались в красном болоте у ее основания.

То и дело от роя отделялась стайка из нескольких аппаратов. Они приземлялись на закопченную глину между руинами и принимались в ней рыться. И наоборот: группы по два, по пять недогребешков вновь поднимались в воздух и возвращались к своим.

Вот и ответ на вопрос, почему данные по воздушным и наземным целям скачут как заблагорассудится.

Наконец разглядел я около двух десятков сбитых недогребешков. Их обугленные обломки — или правильнее сказать трупы? — валялись примерно на границе красного болота.

Ну ладно, торпедоносцы по какой-то причине сразу **110** эту домну не грохнули. И она доиграла до конца ту про-

грамму, ради которой, наверное, джипсы весь сыр-бор и затеяли. Но почему наши флутгеры не перебили пушечным огнем этих выползков?

Они, конечно, тайна великая природы и загадка науки. Это ясно. Мы думали, перед нами летательные аппараты с джипсами внутри, а тут ко всему идет, что гребешки — *это и есть джипсы*.

Но мы же раньше сбивали их?!

И мы в глубине души соглашались с тем, что внутри гребешков сидят разумные существа, а мы их убиваем! Ведь эти разумные существа были агрессивны, и нам ничего другого не оставалось, кроме как уничтожить их всеми доступными средствами. На войне как на войне.

Так что же мешает нам добить гаденышей? Каждый такой субчик, когда вырастет, станет матерым истребителем, стоящим десяти наших.

С виду они, конечно, не такие грозные, как взрослые джипсы-истребители. И ни малейшей агрессивности не проявляют. Но это, вероятно, уже вопрос их, джипсианского, воспитания...

Но главком Пантелеев, а может, и кто рангом повыше нашего славного адмирала, распорядился иначе. «Горынычи» и «Фульминаторы» только-только открыли по этой малышне пушечный огонь, а сверху окрик: «Отставить!»

Ну и ладно, ну отставить. Мы для вас победу добывали, мы своей крови не жалели, а теперь — получайте на свою голову двести свежих боевых машин врага. Кто знает, сколько джипсам времени надо, чтобы заматереть? Год? Месяц? А может, недели достанет?

Отдайте врагу победу — так уберите нас отсюда! Уберите! Разрешите отход! Ведь с минуты на минуту здесь будут все джипсы каравана!

Вместо этого — страшный приказ. «Организовать барраж над домной...»

Как будто это не вражье гнездовье, а объект особой важности, который надо прикрыть от неведомой угрозы сотней «Горынычей»!

В какие игры вы играете, главком Пантелеев?

В таком духе Цапко с Готовцевым и побазарил. Дескать, ладно бы еще, не добив врага, вернуться домой, но чтобы и врага не добить, и самим под удар подставиться...

Разумеется, комэск послал Цапко по матери и наши эскадрильи присоединились к истребителям с других авианосцев. Флутгеры распределились по слоям дискового построения и закужились вокруг раскрывшейся домны.

К слову сказать, долго так продолжаться не могло. Горючка заканчивалась.

Через двадцать минут мы должны были либо начать возвращение на борт «Трех Святителей», либо согласиться с тем, что реакторы наши заглухнут в аккурат на полдороге.

Тем временем весьма оперативно подоспели наши спасательные флуттеры — и это было единственным, что радовало. Большая часть расселась на земле между гроздьями опавших парашютов и занялась главным: нашими сбитыми ребятами. Несколько других флуттеров растянулись цепью и на предельно малой высоте пошли над полем боя, высматривая, нет ли где чего.

Такие чудеса бывают! Выбросит пилота, даже пусть и без парашюта, взрывная волна да швырнет в размоченную грязюку. Скафандр удар выдержит, радиомаяк загнетса, а пилот — без сознания.

Обнаружить такого можно только визуально, с предельно близкой дистанции. Вот и летают спасатели, на чудо надеются...

Не успел я порадоваться спасению сбитых товарищей, как снова в наушниках раздался голос Готовцева:

— Говорит Кот. Внимание: приказ главкома! Повторяю: приказ главкома! Отключить автоматический захват целей. Ни при каких обстоятельствах не открывать огня по любым объектам джипсов. Ни в воздухе, ни на земле. Без приказа запрещен даже *ответный* огонь. Как поняли?

Ну поняли. Самоубийство. Амба. Двенадцать белых котиков.

— Вторая часть приказа. При появлении истребителей джипсов по команде комэсков всем покачать крыльями. Дать по земле залп из пушек, оконтуривая подступы к раскрытой домне. Наведение производить только ручную. Стрелять так, чтобы ни в коем случае не зацепить ни одного джипса на земле. После залпа снова покачать крыльями. Как поняли?

Ух. Вот теперь наконец-то действительно поняли.

Я по крайней мере понял. А кто не вник — тому комэски объяснили.

Рисковые у нас начальники — там, на «Варяге», а может, и в Генштабе. Если не в Совете Директоров...

Быстро сообразили, что эта малышня, которая из домны вылезла, — вроде заложников. Даже если джипсы на нас навоятся, мы успеем перестрелять все недогребешки — цели легкие. Одним «Оводом» можно полторы дюжины сжечь. Звездные кочевники должны бы это понимать.

Но если джипсам удастся показать, что мы уважаем их намерение плодиться и размножаться — пусть даже та-

шей не обижаем, то, возможно, операция наша увенчается бескровной победой...

А если не увенчается? А если джипсам все по боку и у них одна мечта — отомстить нам за остальные домны? От тех-то небось тоже приплод ожидался?

А ну-ка, что будет делать Совет Директоров, если кто-то разбомбит десяток родильных домов, а одиннадцатый захватит и предложит переговоры?

Далеко ли после самых успешных переговоров уйдут террористы?

Сейчас узнаем, как обстоят у джипсов дела с прикладной этикой, сейчас-сейчас...

Армада джипсов приближалась. Они шли клином, с востока, на большой высоте.

Было их не так-то много — тридцать с хвостиком. Видать, нашим линкорам удалось-таки изрядно потрепать их астероиды, а заодно и стартовые шахты. Или, правильнее сказать — норы, гнезда?

Показалось острие клина — три гребешка. Еще пять... Еще семь... Вот и все уж видны, голубчики.

У меня снова началась мышечная дрожь. Сейчас как влепят рентгеновскими лазерами... Как влепят... А у нас клятый приказ: огонь не открывать! Пока еще наверху сообразят...

Но джипсы осторожничали. Они вышли к нашему барражу по касательной, перестроились из клина в такой же точно диск, как наш, и тоже закружились. Не война, а воздушный карнавал какой-то!

— Говорит Кот. Делай как я, — тихонько, будто боясь быть услышанным джипсами, приказал Готовцев.

Как и было условлено, мы помахали крыльями, шмальнули по безжизненной земле из лазеров и снова помахали крыльями.

Это была самая страшная секунда. Я вжал голову в плечи и покосился на рычаг катапультирования. А ну как джипсы провяят «понимание» и дадут такой же точно залп, только не по земле, а прямо по нашим головушкам? Благо, позиция у них — лучше не придумаешь.

Но секунда прошла. Прошла вторая, пятая, двадцатая.

Карусель крутилась, а никто в нас не стрелял.

Вместо этого мы получили ответ: джипсы тоже покачались из стороны в сторону.

Начало плодотворному диалогу было положено!

А заодно и конец ему. Потому что ни в тот день, ни на следующий джипсы на связь не вышли. Ни радио-, ни световых, ни каких других сигналов гребешки не подали.

Как по мне — так, может, оно и к лучшему.

— Говорит Кот. Авиакрылья по одному возвращаются на авианосцы. Нам разрешено уходить прямо сейчас. Пойдем третьим маршрутом — над другими сейчас фейерверки. Режим движения прежний: никакой самостоятельности без приказа, полное радиомолчание, радары заглушены.

— Сирин на связи. Какие еще фейерверки?

— Поглядим, — вздохнул Готовцев. — Говорят, один астероид сошел с орбиты из-за обстрела с линкоров, развалился и надо ожидать страшного метеорного ливня. Другой астероид только что начал странную эволюцию. По мнению командования, он намерен приземлиться. Где-то в этих местах.

— Астероид?! Приземлиться?!

— Да где это видано?!

— А где видано, чтобы истребители как лягушата плодились?

Меня так и подмывало брякнуть что-то про несработавших белых котиков Егора Кожемякина, да, слава Богу, хватило ума прикусить язык.

И правильно. Домой еще надо было добраться.

Но мы добрались. Правда, не все.

Насчет метеорного ливня командование не ошиблось. Оно ошиблось в другом: снаряды линкоров разрушили не один, а три астероида.

Но когда мы выходили на маршрут возврата, точные данные были только об одном метеорном ливне. Другие конусы обломков сформировались позже.

Объектов было настолько много, что захлебнулись даже объединенные вычислительные мощности Экспедиционного Флота. Просчитать безопасную траекторию движения наших машин стало невозможно.

Если бы не дефицит топлива в наших баках и не перегрев истребителей из-за длительного пребывания в атмосфере Наотара, мы могли бы уклониться то метеорных ливней самым грубым и самым надежным способом. А именно: уйти на безопасную сторону планеты и, обогнув район катастрофы по огромной параболе, с опозданием часа на два достичь своих авианосцев.

Но возможностей для маневра в масштабах целой планеты мы больше не имели. Кратчайший маршрут оставался нашим единственным путем домой.

Когда вечерний купол небес над нашим авиакрылом, насколько хватало глаз, расцвел метеорными треками, комэски передали по эскадрильям последний в том боевом

«Строй разрешается не выдерживать. Каждый выходит из атмосферы, где считает нужным. Сбор — на борту «Трех Святителей».

Все. Как организованная сила авиакрыло перестало существовать. По одному, по два, по четыре флуггеры рванули в разные стороны, как стайка рыбок, в центр которой бросили камень.

Кто сразу свечой вверх, кто влево-вправо, кто-то продолжил ломиться напролом вперед, кто-то решил пойти «змейкой». Одни надеялись на свою интуицию, другие — на везение, третьи — на опыт своих ведущих.

Поначалу опасных обломков было совсем мало — сотни тысяч мелких камешков сгорали в верхних слоях атмосферы, мимо нас пролетали единицы. Но когда мы поднялись повыше, поближе к открытому космосу (Черным Небесам, на флотском жаргоне), стало совсем худо.

Радар кишел красными метками угрозы. Непрерывно верещал зуммер.

Поначалу я пытался держаться за Бабакуловым. Но довольно быстро меня спугнул очередной вопль системы предупреждения столкновений.

Я чересчур резко принял вправо. Флуггер эпилептически затрясся. Мелькнула мысль: «Отвалились крылья».

Когда мне удалось выровнять машину, Бабакулова уже и след простыл. Какие-то обломки пронеслись на расстоянии прямой видимости. С философским спокойствием я принял их за останки истребителя моего ведущего и остаток пути полагался только на самого себя.

Помню, как дострелял остатки боезапаса лазерных пушек по раскаленному булыжнику, который, как мне казалось, летел прямо в лоб моему «Горынычу».

Помню еще, что видел яркую вспышку справа от себя. По сей день я почему-то уверен, что то взорвалась машина Фрола Кожемякина, хотя никаких доказательств этому нет.

Когда мой истребитель, получив символические повреждения, все-таки проскочил сквозь конус метеорного потока и караван джипсов остался позади, я самонадеянно посчитал себя единственным, кто уцелел из всего авиакрыла.

Но вот в наушниках прошелестел сиплый матерок Цапко. Сквернослава мягко пожурил Бабакулов. Тот послал эстета по матери. К перебранке подключился Готовцев. Потом прорезался и Егор.

Отведя душу, элита москитного флота перешла к подсчету потерь.

— Не хватает пока только Фрола и Саши, — заключил Бабакулов.

— Может, еще подтянутся, — флегматично заметил Цапко.

Я слушал их переговоры и блаженно улыбался. Я был так счастлив лететь в нормальном безвоздушном пространстве, в чистеньком вакууме, что даже забыл выйти на связь.

Только на борту «Трех Святителей» я доложил Готовцеву, что кадет Пушкин здесь, кадет Пушкин жив.

По эскадрилье И-02 из вылета не вернулись двое: Фрол Кожемякин и Леонид Фрайман.

Фрол официально числился пропавшим без вести — заслуживающих доверия очевидцев его гибели не сыскалось. Он исчез вместе со своей машиной в метеорном потоке. Ни его тело, ни обломки «Горыныча» найти не смогли. Это неудивительно: рек и болот под нами было хоть отбавляй, обломки могли уйти глубоко в ил — и пиши пропало.

Гибель Фраймана была установлена достоверно. Тем более нашелся живой свидетель: Коля Самохвальский. (Честно признаться, я бы не поверил, если б мне рассказали, что Кольке достанет выдержки и мужества самостоятельно вернуться на авианосец после гибели ведущего. Но факт был налицо. Факт сидел рядом и пил водку.)

Когда Фрайман и Колька по приказу Готовцева отошли от зоны штурмовки километров на двести, лейтенант перестал отвечать на запросы своего ведомого. При этом его «Горыныч» уверенно держал курс и Колька решил, что у Фраймана просто барахлит передатчик. Сломался, вслед за радаром.

А через две минуты истребитель со стеком римского центуриона на вертикальном оперении резко спикировал вниз. Упал на землю и взорвался.

Такое вот летное происшествие первой категории тяжести.

Как? Почему? Мы не знали. В условиях мирного времени, на благоустроенной планете, большие комиссии по полгода ковыряются в обломках и «черных ящиках», восстанавливая ход катастрофы по секундам. А кто стал бы заниматься этим на Наотаре?

После донесения Самохвальского по указанным координатам на место гибели Фраймана сразу же выслали спасательные флутгеры. Удалось эвакуировать только его останки и пару-тройку небольших обломков, которые показались особо важными. «Черный ящик» искали и не нашли.

Мы пили водку. Никто не плакал.

— За тех, кто не вернулся, — без пафоса, будничным, почти деловым тоном сказал Готовцев.

ЖЕСТКАЯ ПОСАДКА

Октябрь, 2621 г.

Магистральный контейнеровоз «Сэр Фрэнсис Бэкон, лорд Вэрulamский»

Траверз Фелиции, система Львиного Зева

«Фрэнсис Бэкон» вышел из Х-матрицы над плоскостью звездной системы Львиный Зев.

Это была стандартная послепрыжковая позиция для гражданского судна. Астропарсер рассчитывал все так, чтобы свести к минимуму вероятность столкновения корабля с космическими объектами. А для этого, конечно же, больше всего подходили те места, где с точки зрения небесной механики никаких объектов быть не может принципиально.

Для изученных звездных систем с проработанными логиями вероятность столкновений с неизвестными объектами вообще была близка к нулю. Система Львиного Зева, расположенная за Тремезианским поясом в направлении на центр Галактики, к таким относилась лишь частично.

Ни колоний Великорасы, ни других рас седьмой ступени развития здесь не было, а потому и обстоятельными логиями Львиного Зева корабли гражданского флота не снабжались.

Так или иначе, контейнеровоз вполне благополучно материализовался со всем содержимым примерно в ста тысячах километров от четвертой по счету планеты — Фелиции.

Розовато-голубая Фелиция была пригодна для высокоорганизованной жизни.

Ее населяла разумная раса сирхов — теплокровных живородящих млекопитающих, отдаленно похожих на помесь кота и кенгуру.

Поскольку сирхи находились на второй ступени развития, Фелиция была объявлена закрытой нейтральной планетой, все сухопутье, воздушное пространство и океаны которой имеют статус демилитаризованной зоны. Ее нейтралитет признавали Объединенные Нации, Конкордия и чоруги. Той же точки зрения на статус Фелиции, по данным Министерства Внешних Сношений, придерживались три дальних негуманоидных расы, хотя для них само понятие «нейтралитет» являлось достаточно абстрактной категорией.

Эти расы, несмотря на наличие соответствующих технологий, не стремились к галактической экспансии и существовали в состоянии счастливого социального гомеостаза в пределах своих материнских систем, совершенно непригодных для белковой жизни. Поэтому они с трудом понимали, какие еще могут быть отношения с другими разумными существами, кроме нейтральных.

Чоруги по Галактике иногда летали — с не до конца ясными целями, которые условно можно назвать «научно-увеселительными». Но Фелиция их интересовала не больше, чем внутренности какого-нибудь скучающего на краю Вселенной квазара.

От чоругов до планеты сирхов было очень далеко даже в квазипространственных терминах X-матрицы. И вдобавок, с точки зрения чоругов, Фелиция являлась чем-то вроде старинного, необжитого Марса для человека — безжизненная «пустыня», еле прикрытая жиденькой «атмосферой».

В Конкордии сирхов считали «нечистыми и бесчестными животными».

Их разум именовался «приспособленческой функцией высшей нервной деятельности», и даже в самых скромных начатках инженерного мышления конкордианская наука сирхам почему-то отказывала. В ограниченных технологических успехах сирхов (самоходные паровые экипажи, огнестрельное оружие) конкордианцы винили земных звездолетчиков. Которые, дескать, в старину, обходя традиционные запреты, поделились с «бесчестными животными» бросовыми технологиями. Чтобы, само собой, через несколько веков адаптировать сирхов к более совершенной технике и получить в их лице дешевую рабочую силу.

Эстерсон не считал себя экспертом в этом вопросе. Однако, ознакомившись на Церере с теми разделами «Энциклопедии Дальнего Внеземелья», которые касались сирхов, он выяснил, что Объединенные Нации наотрез отказываются признавать факт своего участия в развитии их цивилизации. Отрицались даже «ограниченные контакты с научными целями».

В последнее Эстерсон не верил.

Если уж Объединенные Нации находят разумную расу, да еще и довольно миролюбивую, да еще и на пригодной для жизни человека планете — жди научных экспедиций, дипломатических представительств, умело замаскированных военных станций дальнего слежения и прочих прелестей цивилизации.

На первый взгляд, постоянное присутствие государственных служащих Объединенных Наций на Фелиции пугало. Но возможности Объединенных Наций безграничны. Как во времена Великих географических открытий Испания не могла себе

118 позволить многопушечный форт на каждом острове с ту-

земцами, так и Объединенные Нации были не в состоянии строить запрещенные военные объекты на каждой открытой планете.

В частности, Фелиция, расположенная в безлюдном и стратегически бесперспективном секторе Галактики, с военной точки зрения интереса не представляла никакого.

С остальным Эстерсон был готов мириться. Памятуя о том, что где-то на Фелиции есть пара научных станций и дипломатических представительств, до поры до времени затеряться в густых лесах — это было, с его точки зрения, оптимальным увенчанием побега. Чтобы гарантированно найти его, «Дитерхази и Родригес» придется раскошелиться на пару месячных бюджетов! Если же по каким-то причинам жизнь на Фелиции окажется невыносимой, он всегда сможет пойти на контакт с людьми и сдать на милость Совета Директоров.

— Виолетта, благодарю вас. Вы свою работу выполнили безукоризненно. — Эстерсон отвесил чинный поклон. После Х-перехода его слегка подташнивало, но в целом все прошло легче, чем он ожидал. — Конечно же, вы не должны забывать, что привели «Бэкон» к Фелиции под дулом моего пистолета. В противном случае у вас будут крупные неприятности. Вплоть до пожизненного заключения.

— Само собой. Но этого мало.

Виолетта встала из навигаторского кресла и подошла к Эстерсону.

— Дайте-ка мне по физиономии. Аккуратно, но так, чтобы сняк наверняка остался.

— Это еще зачем? — У Эстерсона возникла несвоевременная мысль, что симпатичная суперкарга «Бэкона» — садомазохистка.

Но даже если так, не собирается же она заняться с ним любовью прямо здесь? А вдруг собирается? Вот ведь нимфоманка!

Учитывая, что приписываемые другим людям желания нередко являются проекциями своих собственных, вытесненных желаний, Эстерсон был вынужден признать, что переход по Х-матрице все-таки отразился на его психическом состоянии.

— Меня нужно ударить, чтобы всем стало ясно: вы не просто угрожали моей жизни, но оказали на меня еще и физическое давление. Так мне будет легче оправдаться перед комиссией. Да и перед нашим капитаном тоже.

«Всего-то», — разочарованно вздохнул Эстерсон.

— Может, лучше не надо? А то ваш Антонио станет моим смертельным врагом. Он положит полжизни, чтобы отыскать меня на Фелиции, в конце концов найдет и поколотит, — попро-
бовав отшутиться он.

— Не поколотит. — Виолетта сделала строгое лицо и закрыла глаза. — Бейте. Только кулаком, а не рукоятью пистолета.

— Извините, — пробормотал Эстерсон и аккуратно двинул суперкарго по уху.

— Во-первых, сильнее. Во-вторых — по скуле, иначе будет больно, а синяка не останется.

Памм.

— Уфф... Спасибо. Вот теперь хорошо.

— На здоровье. Рад был оказаться полезным. А теперь извините, я должен спешить. Счастливой вам свадьбы!

— Благодарю. А не откажете ли вы мне еще в одной любезности на прощание?

«Нет, она все-таки хочет заняться со мной любовью прямо здесь!» — вновь посетило Эстерсона его однообразное прозрение.

— Не откажу.

— Объясните мне, как получилось, что такой мягкий, неподготовленный к жизни человек вдруг бежит от своих нанимателей, угоняет истребитель, захватывает гражданский корабль и улетает на край света? То есть... не подумайте дурного... я не хочу вас обидеть, называя мягким. Ваша храбрость вызывает уважение. Но что вас влечет? Что вы надеетесь найти на Фелиции, в этой дыре? Если клад древних властителей Вселенной, то, может, возьмете в долю? — Виолетта обаятельно улыбнулась.

Нет, на клад древних властителей Вселенной он не рассчитывал. В остальном же вопрос Виолетты загнал его в тупик.

Почему? Потому что...

Он убежал с Цереры только ради того, чтобы убежать с Цереры. Сам по себе побег представлялся настолько сложной затеей, что Эстерсона просто не хватало на серьезное планирование времени «после побега». Но вот «после» стремительно приближалось и устами практически незнакомой девушки призывало Эстерсона к порядку.

Выглядеть дураком не хотелось — ни в глазах Виолетты, ни в своих собственных. И Эстерсон убежденно выпалил:

— В вашем вопросе, Виолетта, уже содержится ответ. Действительно, жизни я не видел. На Церере я даже начал думать о себе, как об умершем при ясном сознании. Так вот, можете считать, что я решил родиться повторно.

— Но что же именно вы намерены делать на Фелиции?

— А какие могут быть намерения у младенца, который только-только родился?

Ответ Эстерсона возник сам собой, из самой логики разговора. И вроде бы инженер не вкладывал в него никакого

120 особого смысла. На деле же ответ оказался пророческим.

Любые намерения новорожденного — ничто по сравнению с волей его родителей и нянек. Эстерсон, покидая «Бэкон», отдавался воле стихий Фелиции и существ, ее населяющих. Он даже не подозревал, что там, на этом с виду крохотном розовато-голубом шарике, от его желаний будет зависеть совсем немного. И что жестокая логика естественного отбора заставит его карабкаться вверх по ступеням чуждой социальной иерархии только ради того, чтобы на середине восхождения оказаться в темном мавзолее «рикуин» в виде хладного, бездыханного труп.

Станислав Пес был в ярости. Капитана Фрина ему схватить так и не посчастливилось.

Втайне Эстерсон был рад за хозяина «Бэкона»: если в нем, хладнокровном шведе, непривычный X-переход освежил паттерн сексуальности, то в более бойком поляке, кажется, лишь усилил паттерн насилия. Небось Пес застрелил бы сейчас Фрина без предупреждения.

— Чтоб ему слохнуть без последнего причастия!!! — исторг из себя Пес самое страшное проклятие, до которого смог додуматься.

— Это уже не играет роли, — успокоил его Эстерсон. — Бежим скорее к левому шлюзу!

— А если эта свинья выстрелит нам в спину?! — не унимался Пес. — Надо перебить здесь всех! А напоследок, перед самым отлетом, направить корабль в атмосферу Фелиции. Чтобы сгорел без остатка! Иначе нас начнут искать — и найдут. Мы не должны оставлять ни свидетелей, ни следов!

Эстерсон оценил ситуацию. В руках у Песа пистолет — и куда более мощный, чем у него. С реакцией у поляка тоже все в порядке. Скрутить его и дотащить до истребителя никак не выйдет. Но и переубедить, призывая к гуманному обращению с заложниками, не выйдет и подавно!

Ведь, откровенно признаться, хотя предложенные паном Станиславом действия и являлись гнусным преступлением, из соображений здравого смысла именно так и следовало поступить беглецам: заметая следы, уничтожить корабль вместе со всем экипажем.

Дело запахло жареным. Пес жаждал крови. И тут Эстерсон придумал великолепную святую ложь:

— Пан Станислав, уничтожим мы «Бэкон» или нет — значения не имеет. Все равно в концерне уже знают о том, что мы здесь. Разговаривая с «Диотимой» у входа в восьмую шахту, я имел неосторожность брякнуть: «Чтобы поцеловать меня в жопу, Марио, прилетай на Фелицию». Увы, я проболтался, как последний скаут. Сделанного не воротишь. Идемте же!

— Какой же вы идиот, Эстерсон, — вдруг успокоившись, тихо сказал Пес. — Столько усилий пойдут насмарку ради красного словца!

— Не волнуйтесь, пан Станислав. — Эстерсон доверительно положил ладонь на плечо своему буйному напарнику. — Человек на планете — это вам даже не иголка в стоге сена. Это бактерия в куче навоза высотой с египетские пирамиды. Нас не найдут.

Дальше действовали по плану Эстерсона.

Вернулись в истребитель.

На этот раз магическая кнопка «Взлет» работать отказалась наотрез — для автопилота еще не было создано программ на случай старта с предварительной расстыковкой. Но Эстерсон, стиснув зубы, кое-как отошел от шлюза на ручном управлении и запустил маршевые двигатели.

Эстерсон, правда, малость не рассчитал с мощностью. «Дюрандаль» рванул с места, ожег выхлопом антенны на борту контейнеровоза и понесся в направлении, полностью противоположном Фелиции.

Пришлось закладывать крутой вираж. Эстерсон снова не рассчитал. Пес, болтающийся в кессонном лазе, заорал от нестерпимых перегрузок. У Эстерсона потемнело в глазах.

Но это было только началом неприятностей.

Хвостовое оперение вдруг озарилось ядовито-зеленой вспышкой. Всмотревшись в экран заднего обзора, Эстерсон обнаружил, что вертикальное оперение истребителя снесено примерно на треть высоты.

Пушки «Бэкона»! Как он мог о них забыть!

Трясущимися руками включил щит.

Перейдя в режим максимального увеличения, он разглядел, что теперь четырехпушечная башня на «Бэконе» вращается, наводясь вслед за движущимся истребителем, да и сам контейнеровоз тронулся с места. Он подрабатывал ориентационными и маневровыми двигателями, преследуя «Дюрандаль» и одновременно проворачиваясь вокруг продольной оси так, чтобы истребитель все время находился в конусе обстрела башни.

Что конкретно происходило на борту «Бэкона», Эстерсон не знал и знать не хотел. Но догадаться было несложно. Скорее всего Фрин освободил трех членов экипажа из правого шлюза, отправил кого-то из них комендором в башню, а сам присоединился к Виолетте в ходовой рубке с целью во что бы то ни стало отомстить проклятым террористам.

Отомстить, однако, теперь было непросто. Рентгеновские лазеры неизменно встречали неодолимую пре-

граду в виде шита, озаряя пространство яркими вспышками. Эстерсону оставалось лишь надеяться, что энерговооруженности машины хватит, чтобы питать генератор все то время, которое оставалось до входа в атмосферу.

Атмосфера! О боже...

Ведь этот проклятый истребитель при включенном защитном поле еще ни разу не удавалось благополучно посадить на планету с атмосферой!

А может быть, «Бэкон» отстанет от них настолько, что щит удастся без опаски выключить?

Да ни за что! Это только в сравнении с дальнобойными и сверхдальнобойными средствами космического нападения малокалиберные рентгеновские лазеры называют «оружием ближней обороны». Но даже «ближнюю оборону» они могут осуществлять на дальностях в сотни тысяч километров.

Вдобавок «Бэкон» тащится за истребителем по пятам. А значит, комендор контейнеровоза сможет поджарить «Дюрандаль» даже в верхних или средних слоях атмосферы Фелиции. И только когда истребитель уйдет на высоту менее пяти километров, та модель лазеров, которая установлена на контейнеровозе, начнет терять убойную силу залпа.

Итак, выбора нет. Почти до самой поверхности планеты он обречен идти с включенным генератором шита.

Вот они, главные испытания шестого прототипа «Дюрандалья»! Если ему удастся совершить посадку, значит, истребитель можно ставить на поток. Потому что в прочих отношениях модель превосходна.

Эстерсон вспомнил изматывающий западный ветер над пагонским полигоном.

Вспомнил смешные, торгашеские молитвы Марио.

Блекнущую хризантему в голубом небе — все, что осталось от пятого прототипа. И свои бесстрастные, сухие слова:

«...Вы хотите, чтобы истребитель сохранял неуязвимость и при атмосферных полетах. Но ведь мы видим: защитное поле изменяет параметры турбулентности и обтекание корпуса воздушным потоком принимает принципиально иной характер. Это фатально сказывается на прохождении аппаратом атмосферы, и хотя я неоднократно...»

Да, конечно, истребитель доработан. Устранен тот глупый баг с прожиганием свища. В сотый раз пересчитана компоновка и балансировка несущего планера.

Сверх того, механизация несущих поверхностей доведена на «Дюрандале» до девяноста процентов. Образно говоря, у этого образца уже не классические горизонтальные плос-

кости и аэродинамические рули, а крылья бабочки, покрытые множеством независимых чешуек. Каждая из них способна менять свое положение оптимальным образом, компенсируя иррегулярности вихревых потоков.

И все-таки...

Эстерсон боялся. Боялся как никогда в жизни.

Он закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул. Во рту пересохло.

Ужасно хотелось пить. После выхода из своих апартаментов на «Боливаре» Эстерсон не промочил горло ни одним глотком воды.

Писать, кстати, хотелось еще сильнее, чем пить. Эстерсон забеспокоился, как бы это его желание не удовлетворилось самопроизвольно.

Безукоризненная чернота небес едва заметно затуманилась. Одновременно с этим началась тряска — пока еще легкая.

— Что за чертовня? — сквозь усиливающийся треск в переговорном устройстве донесся до Эстерсона первый за все время полета вопрос Песа.

— Мы вошли в верхние слои атмосферы. Постепенно гасим скорость на глиссаде.

— Тут трусит так, что... тысяча чертей... чуть не откусил себе язык...

— Держитесь, пан Станислав. Ерунда осталась.

— Маловато в вашем голосе... уверенности... черт, опять...

— Лучше помолчим, пан Станислав.

Болтанка усилилась настолько, что теперь и Эстерсону было нелегко разговаривать без риска прокусить себе щеку или язык.

Эстерсон поглядел на экраны кругового обзора и на цифирь тактической информации.

Проклятый «Бэкон» не унимался!

Где-то на полминуты их комендор потерял истребитель из виду... Но вот справа вновь полыхнули четыре едва приметных лазерных нити!

На этот раз «Бэкон» промазал и мимо истребителя, и мимо щита. Но следующие залпы достигли своей цели — снова ярко осветились экраны заднего обзора.

«Дюрандаль» между тем уверенно сбрасывал высоту, двигаясь вдоль терминатора, разделяющего дневную и ночную стороны планеты.

Эстерсон впервые после входа в атмосферу проанализировал полетную информацию.

Скорость... Высота... Угол атаки... Угол крена... Подъемная сила... Ускорение свободного падения... Тяга... Давление...

124 Направление и сила ветра...

С ужасом осознал, что эти цифры мало что ему говорят. Разумеется, он, как конструктор, понимал каждую из них в отдельности и о каждом параметре мог бы написать целую диссертацию. Однако быстро оценить и сжато охарактеризовать ситуацию, назвать происходящее «плохим полетом» или «нормальным» было по силам только опытному пилоту.

А ведь садиться как-то надо!

Будь он один — мог бы просто снизиться эдак километров до десяти, а лучше до пяти и катапультироваться. Но их-то двое с Песом! И у поляка нет никаких, совершенно никаких средств спасения!

От этих мыслей ему сделалось так плохо, что он даже забыл об угрозе катастрофы, которая оставалась вполне реальной до тех пор, пока работал генератор щита.

Да, он конструктор. Он генеральный конструктор. Он знает о «Дюрандале» все — и более чем все.

Но он не пилот!!!

По крайней мере не настолько квалифицированный пилот, чтобы, с маху войдя из космоса в атмосферу землеподобной планеты, снизиться на десятки километров, отыскать подходящее место и совершить мягкую посадку. Ведь для этого два основных параметра — высоту и скорость, подрабатывая управляющими плоскостями и дюзами носового пояса, нужно менять таким образом, чтобы в итоге на относительной высоте ноль скорость оказалась тоже ноль.

Да-да, именно: ноль и ноль.

В принципе конструкция «Дюрандала» позволяла при достаточном опыте садиться «по-вертолетному», то есть на любой пятачок. Либо же приземляться традиционно, на твердый и ровный участок поверхности, с черепашей скоростью сорок—пятьдесят метров в секунду, после чего истребитель совершал еще полукилометровый пробег по полосе.

Но где он, этот твердый и ровный участок поверхности?!

Как назло, те же мысли посетили и Песа:

— Кстати, Роланд, а где мы намерены сесть?

— Думаю... Думаю... Вдали от крупных поселений.

— Мудро. — Пан Станислав саркастически хмыкнул. — Я имею в виду, на что? На воду?

— Большая песчаная отмель... Или вот глинистое дно высохшего лимана... Я думаю... Это оптимально...

Во время разговора Роланд несколько раз пытался нажать кнопку «Посадка» на панели автопилота.

Нет, брать ответственность за машину на себя автопилот отказывался категорически. Условия, в которых ему

предлагалось действовать на Фелиции, были далеки от типовых. Истребитель не слышал ни одного приводного маяка и не видел на планете ничего похожего на специальную посадочную площадку для флуггеров.

Кроме того, бездушная дрянь напомнила Эстерсону о неприятнейшем обстоятельстве: поврежденное еще в космосе вертикальное оперение «Дюрандаля» под колоссальным напором воздуха продолжало разрушаться. Это значило, что истребитель постепенно теряет управляемость.

— До земли уже близко? — не унимался поляк.

Вот уж чего ему сейчас не хватало, так это болтовни!

— Пан Станислав, буду перед вами честен. Наши шансы на спасение очень низки. Посадить истребитель будет трудно. Если не суждено нам больше свидеться — прощайте. Был рад знакомству.

— Эй, Роланд, что-то вы раскисли! А ну, не вешать носа! Вы же создатель этой машины, вас-то она должна слушаться!

— Разве что мистическим образом, — пробормотал Эстерсон, прирожденный скептик. — Пожелайте мне удачи, пан Станислав!

— Удачи, ясновельможный пан Роланд!

— И вам удачи. Конец связи. — Эстерсон вырвал из уха горошину синхронного переводчика, соединенного с внутренней переговорной системой истребителя.

Теперь — безмолвие, но отнюдь не тишина.

Каждая частица флуггера сейчас пела на своей особой ноте, эти нотки складывались в свист, свист переходил в гудение, а гудение разрасталось до громоподобного рева.

Звукоизоляция не могла справиться с этой симфонией рукотворного болида. Эстерсон нехотая подумал, что эту недоработку надо будет устранить на седьмом прототипе.

«На каком еще прототипе, идиот?! Не будет больше никаких прототипов!» — рассердился конструктор.

Злость подействовала лучше затрешины. Эстерсон подобрался.

Завывая и раскаляясь до металлургических температур, истребитель счастливо достиг сакраментальной отметки в пять километров.

Эстерсон с ликующим, неандертальским «Ха!!!» выключил защитное поле. Одной смертельной опасностью меньше. Денежки концерна поработали на славу, синьор Марио!

Перевел истребитель в горизонтальный полет. Долго сбрасывал скорость, пока она не дошла до черепашьей — де-

Остался в целом доволен: «Дюрандаль» вел себя как шелковый. Выяснив по показаниям радаров, что высоких гор в этой части континента нет, смело снизился до двух километров.

Попытался заложить плавный левый вираж.

Увы, от вертикального оперения оставалось меньше половины. Истребитель пропищал нечто печальное и очень-очень неохотно лег на крыло.

Радиус разворота обещал быть колоссальным. И все равно Эстерсон желал удостовериться — каким именно.

Заодно, пока истребитель описывал гигантский круг, он начал подыскивать место для посадки.

Над этой частью планеты сгушались сумерки. Эстерсона занесло в экваториальную зону Фелиции, которая в целом походила на земные субтропики.

Радары и лазерно-оптические средства споро составили для него карту местности, над которой он кружил.

Леса... Кругом леса... Полянки, на которых кое-где поблескивают не внушающие доверия водяные блюдца. Скорее всего эти «полянки» — коварные болота, способные без следа поглотить «Дюрандаль» за считанные секунды.

А вот кое-что поинтереснее — дорога. И притом с твердым покрытием. Видимо, здесь живут сирхи-«хайтеки», которые уже освоились с постройкой паровых экипажей.

Точно, а вот и один из них!

Эстерсон прибавил увеличение. Плюясь тучами искр из двух высоких труб, смешная восьмиколесная колымага размером со старинный автобус тащилась в направлении заката.

Движение здесь между тем чепуховое — больше нигде не видать ни самих паровозов, ни дыма с искрами. Можно было бы на эту дорогу попробовать сесть, да вот одно «но»: громадные деревья подступают к ней с обеих сторон. Местами их многоярусные кроны смыкаются, полностью скрывая светлое покрытие дороги. Вписаться между стволами исполинов даже сравнительно куцым крыльям «Дюрандаля» невозможно. Истребитель во много крат шире местных паровозов, это ясно.

На карте, которую радары автоматически расширяли и дополняли, тем временем проявился кусочек береговой черты.

«А вот это уже теплее», — удовлетворенно подумал Эстерсон и, дождавшись, когда истребитель ляжет на новый курс, подбавил скорости, лихо перескочив звуковой барьер. Он чувствовал себя за стиком управления все увереннее, а болтаться в воздухе ему уже надоело — пора было садиться, пока не наступила ночь.

Вскоре взору открылась отрадная картина: пологий берег, длинная, в несколько километров, песчаная коса и боль-

шой остров. Скорее даже полуостров — песчаная коса, местами скрываясь под водой на метр-полтора, соединяла остров с берегом.

По данным радаров, остров имел форму изрезанного заливами ромба длиной примерно десять километров при ширине в восемь. На его восточном, дальнем берегу имелось обширное безлесное плато, вполне подходящее для посадки.

Но к тому моменту, когда Эстерсон сообразил, что лучше места для посадки не сыскать, истребитель уже проскочил остров и понесся над океаном.

Пришлось закладывать новый вираж, одновременно сбрасывая скорость и высоту.

Когда остров и гостеприимное плато вновь оказались впереди по курсу, с веселым треском отвалились остатки вертикального оперения. Система бортовой самодиагностики сообщила, что возникла угроза целостности всей хвостовой части.

Эстерсон воспринял это как-то отрешенно — будто бы он стоял на земле и данные о неполадках получил по телеметрии. Собственно, чего уж было теперь-то пугаться?

Выпустил шасси, стремительно снизился до двухсот метров, раскрыл воздушные тормоза.

Плато стремительно разрасталось. Промаяхнуться мимо такой посадочной полосы было невозможно.

Эстерсон продолжал снижение. Но, вопреки всем его усилиям, «Дюрандаль» шел вниз неохотно.

Он потерял десять метров высоты... еще десять... пятнадцать... и вдруг, клюнув носом, сразу провалился на сотню!

Ошалевший, мокрый как мышь Эстерсон, не стесняясь звериного рыка, который прорывался сквозь плотно сжатые зубы, до хруста выбирал стик на себя.

Привередливо завывая, «Дюрандаль» кое-как выровнялся и перешел в горизонтальный полет.

Двадцать метров!..

Под истребителем уже неслась окаменевшая рябь древнего лавового плато.

Еще ниже! Следить, чтобы две задние точки шасси коснулись поверхности раньше, чем носовая!

Семь метров!..

Три!..

Удар!

Истребитель подпрыгнул и снова упал, пересчитывая колесами все неровности. Великолепная система амортизации принимала львиную долю динамических нагрузок на себя. Но тех нагрузок, с которыми амортизаторы не справлялись, хватало с избытком: истребитель трясся как припадошный.

Он неся параллельно берегу, в полусотне метров от обрыва. И хотя посадочная скорость превысила расчетную, это было вроде как не опасно: впереди простирались еще километры свободного от крупных препятствий лавового плато. На таком просторе можно было посадить и транспортную «Андромеду», не то что легенький истребитель!

«Неужели да?» — Эстерсон боялся поверить своему счастью.

«Нет», — ответила планета Фелиция.

Под правую тележку шасси подвернулся камешек. Окажись он на метр левее — и все закончилось бы благополучно. Вопреки логике, вопреки теории вероятностей, вопреки аматорскому пилотированию Эстерсона.

Но камешек подвернулся. И был он размером с сенбернара.

Истребитель подбросило вверх. Удар был таким, что правую стойку шасси вырвало с корнем.

Упав на консоль крыла, «Дюрандаль» стремительно развернулся в направлении обрыва и, вращаясь вокруг своей оси как разбалансированная юла, полетел в океан.

Катапультирование прошло мимо сознания Эстерсона.

Его мозг был обесточен испугом, но пальцы в последний миг плотно захватили рычаг катапультирования и рванули его на себя.

Разорвались пиропатроны, отстреливая бронеколпак кабины.

Через миллисекунду после этого под основанием пилотского кресла сработал вышибной заряд. Ему помогли четыре двухразовых реактивных ускорителя.

Пилотское кресло, вместе со спинкой и парашютом, вместе с отсеком неприкосновенного запаса и несчастным Эстерсоном взмыло вверх.

Кресло вышло из своего гнезда в корпусе истребителя точно так же, как сам истребитель выходит из шахты по направляющим катапульти.

Покинутый «Дюрандаль» тем временем вылетел с обрыва, как с трамплина. Вращаясь в воздухе, пронесся над кроваво-красным баром кораллового рифа. Устроив небольшое цунами, рухнул на глубоководье — сразу за рифом прибрежная отмель обрывалась и донырнуть до дна там не смог бы даже очень опытный ныряльщик.

Над Эстерсоном хлопнул тяжелый грузовой парашют. Раскрылись пять куполов.

За секунду до падения вновь включились двухразовые ускорители, на этот раз сработав как тормоза. Вся парашютная упряжка с подвешенным под нею креслом грузно рухнула на плато.

Посадка.

Надо отдать должное Эстерсону: он не забывал о пане Станиславе ни на секунду.

Едва выпроставшись из-под парашютов и выхватив верный «ЗИГ-Зауэр» — о местной фауне справочники сообщали сведения противоречивые и не всегда ободряющие, — он бросился к обрыву.

Огромная луна со странным названием Ухо-1 на четверть диска уже показалась из-за далеких холмов. Шаровое звездное скопление Тремезианский Лев стояло почти в зените и тоже светило будь-будь. Океан серебрился — не то из-за отраженного света, не то от вездесущего планктона.

«Дюрандаль» проглядывал сквозь клубы пара, как отбившийся от стаи собратьев левиафан.

Стандарт космической живучести, подразумевающий расчленение внутреннего пространства истребителя на множество герметичных отсеков, сослужил машине добрую службу: несмотря на повреждения, она не наглоталась воды настолько, чтобы камнем пойти ко дну.

Истребитель мирно покачивался на волнах. Как новенький! Не считая некоторых простительных изъянов в силуэте.

Итак, не все еще было потеряно. Станислав Пес сообразит, что происходит, откроет люк — и без труда выберется на поверхность.

Если же он ранен, если без сознания — не беда. Эстерсон доберется до флуггера, откроет легкодоступный после отстрела пилотского кресла аварийный люк и вытащит Песа прямо на воздух.

Инженер отыскал спуск с обрыва.

Подбежал к воде.

Ему показалось, что возле истребителя что-то плеснуло. И вроде бы даже среди волн возникло нечто, похожее на человеческую голову.

— Эй! Эге-гей! Пан Станислав! Пан Станислав-а-ав!

Эстерсон пальнул в воздух. Где-то очень далеко в ответ на выстрел раздались резкие, беспокойные вопли.

Птицы?

Эстерсон выстрелил еще раз. И еще покричал.

Ни малейшего эффекта. И движение прекратилось — если только оно не являлось игрой волн, воображения и призрачного света.

Помедлил — раздеваться или нет?

Все-таки комбинезон лучше не снимать — кто знает, какова токсичность местных медуз или кто у них здесь?

Да и разуваться не очень-то умно — о некоторые коралловые рифы, слышал Эстерсон, можно порезаться, как о

А пистолет? В кармане у него была припасена пара пластиковых пакетов с герметичной защелкой. Ну-ка, поищем...

Есть!

Он положил «ЗИГ-Зауэр» в пакет, пакет сунул в карман, карман закрыл на zipper и решительно вошел в воду.

Ах, хорошо... Теплая...

Мелководье здесь, конечно, было условным. Пройдя полдороги до красной (сейчас она казалась темно-коричневой) стены рифа по мягкому, засасывающему ступни при каждом шаге дну, Эстерсон поплыл.

Поверхность рифа на ощупь была не такой уж колкой. И острых режущих ребер нигде не образовывала. Скорее она напоминала один из сортов быстротвердеющей строительной пены. Эстерсон даже вспомнил какой — «Ордофлор».

Выкарабкаться из воды оказалось не так-то легко. Но, пофыркав и поплескавшись минут пять, Эстерсон все-таки преодолел и это препятствие. Вот он на гребне.

Пока он сюда добирался, истребитель развернуло перпендикулярно к рифу и отнесло в сторону открытого океана. Это означало, что спешит он не зря: пан Станислав имел все шансы отправиться на «Дюрандале» в кругосветное плавание. А это не лучшая посуда для магеллановых подвигов в чужом мире.

Эстерсон еще пару раз гаркнул — вдруг пан Станислав все-таки пришел в себя и вылез наружу?

В ответ кто-то ухнул. Или вздохнул.

Но так может вздохнуть и волна, плеснув в узкую промоину между скалами, а затем неохотно подаваясь назад.

И только Эстерсон собрался прыгнуть «щучкой» с рифа, как флюоресценция вокруг «Дюрандаля» усилилась и океан вспыхнул. В пылающей воде обозначились голубые дельтавидные бугры, овальные сгущения, частая радиальная сеть красных жил.

Эстерсон невольно вскрикнул. В его расширенных от ужаса глазах отразился таинственный и страшный карнавал трансформаций океанской стихии. Проступил обод огромного светящегося колеса, в центре которого находился «Дюрандаль». Этот обод проходил совсем недалеко от рифа, а дальний его край находился в сотне метров от Эстерсона.

Оплетая истребитель, поднялись полупрозрачные отростки. Затем диаметр обода стремительно сократился. Вместе с этим радиальные красные «спицы» поднялись из воды, быстро теряя на воздухе цвет и свечение.

Похоже, исполинский... исполинский кто?.. гад морской!.. намеревался захлопнуться вокруг «Дюрандаля».

Зрелище это — без всяких скидок, самое страшное из виденных когда-либо Эстерсоном — вынести было невозможно.

Даже не подумав о том, что родственники монстра могут поджидать его между рифом и берегом, Эстерсон развернулся и прыгнул в воду.

Лихорадочно работая руками и ногами, поплыл к берегу.

Только когда колени его уткнулись в дно, а руки начали загребать песок, он сообразил, что почти спасен. Выскочив на берег, Эстерсон со всех ног бросился по тропке вверх.

Но даже оказавшись на плато, он не смог заставить себя остановиться. Только когда носок его ботинка зацепился за лавовый порожек и он, увлекаемый инерцией бегства, растянулся на брюхе, Эстерсон снова попытался совершить эволюционное восхождение от перепуганного животного к трезвомыслящему сапиенсу.

Он достал пистолет. Снял с предохранителя. Обернулся. Всмотрелся в зловещие воды океана.

Ничего.

Ни монстра, ни «Дюрандаля», ни Станислава Песа.

ГЛАВА 9

«НЕ ЗА КУРОРТЫ ОРДЕНА ДАЮТ...»

Июнь, 2621 г.

Оздоровительный центр «Чахра»

Планета Ардвисура, система Вайу

Бездельничать.

«Бить байдыки», как говаривал Фрол Кожемякин, забывая, правда, уточнять, что это за «байдыки» такие.

Но как ни скажи, а смысл один: ничего не делать.

За годы учебы в Северной Военно-Космической Академии это стало моей самой заветной мечтой. Такой заветной, что даже себе я старался признаваться в этом пореже.

Уверен, все мои товарищи согласились бы со мной.

В душе.

На словах-то каждый был горазд мечтать о «хорошей заварухе», или больше — о «нестандартной биографии». О возможности отличиться или о славной смерти на поле боя с

132 посмертным представлением к высокой награде.

То есть, прошу понять меня правильно, я не ставлю под сомнение патриотические чаяния товарищей кадетов. И не планирую представлять их, а также и себя, лентями и лежебоками. Я просто хочу сказать, что подвигов желали наши души. А наши тела желали одного — отлежаться.

Если подумать, что в этом было удивительного?

Одной теории нам читали так много, словно готовили из нас не истребителей, а аналитиков Совета Директоров.

Астрография и астробиология, основы военной медицины и теория материалов, начала баллистики и одиозный курс «Автономные боевые системы», экзамен по которому я сдал лишь с третьего раза, да и то благодаря самоотверженным подсказкам Коли Самохвальского...

Вы думаете, это все? Куда там! Прибавьте к этому этику военнослужащего, общую и военную историю, этикет и военный церемониал, четырехсеместровый курс «Статуты орденов», тактику и стратегию.

Что уж говорить о предметах широкого общественно-политического звучания? Как же без них! Поэтому нам читали политологию и сравнительное обществоведение, где подробно разжевывалась и в каждый рот вкладывалась простая мысль: мы, Объединенные Нации, лучше всех.

На этих предметах, как правило, рассказывали и про ближайших технологически состоятельных соседей — чоругов и Клон, то бишь Конкордию. Лекторы обозревали их государственное устройство. Вскрывали тайные механизмы их экономической и политической жизни. Разбирали с нами азы их идеологии. И все это — с показом слайдов!

Ох и доставалось на этих разборах чоругам! (Это такие здоровенные раки, по идее разумные).

И дикость у них, и негуманистические ценности (а какие еще ценности могут быть у негуманоидов?). И экспансионистские устремления процветают, и антиэкологичные технологии в ходу, и бог знает что еще.

Но что с них взять: раки — они и в Африке раки. По этой-то причине мне всегда было куда интереснее слушать про Конкордию. Ведь все-таки братья по Великорасе. Все-таки сапиенсы.

Хоть и из пробирок.

Клону от наших наставников по сравнительному обществоведению доставалось куда меньше. Это если на первый взгляд.

На первый взгляд могло показаться, что мы Клон одобряем и считаем их политическое устройство хотя и странноватым, но все-таки надежным и оправданным особыми условиями.

Можно было подумать даже, что лекторы, а с ними и

авторы учебников, и в самом деле считают, что кастовая система — то есть разделение тамошнего народа на заотаров, пехлеванов, энтли и демов — является достойной альтернативой нашей, земной демократии.

В учебниках еще любили вспоминать про древнюю Индию, где, мол, много тысячелетий держалась кастовая система — и ничего, процветали.

Можно было подумать, что клонирование, запрещенное на Земле еще шестьсот лет назад, но популярное в Конкордии, не такое уж и зло. А всего-навсего «следствие исторически обоснованного радикализма в форсировании демографического развития конкордианской нации».

Подумаешь, у них миллионы людей похожи как близнецы и лишены репродуктивного права! И что с того? Так оно им, может, и не нужно вовсе, право-то это.

Нам также говорили, что, несмотря на противоречия в видении своей исторической судьбы и путей ее реализации, Конкордия и Объединенные Нации — братья навек. И на первый взгляд, никакой лицемерной подоплеки под этим не проглядывало.

Но это только на первый взгляд.

А на второй, было ясно: что-то тут не так. И подоплека есть. Напряги мозги — и поймешь какая.

Нет-нет да и проговаривались преподаватели про «неразрешимость противоречий» между нами и Клоном. Старательно, хотя и подспудно, доводилась до нашего сведения мысль: так жить нельзя. Все, кто так живет, — мудаки и сволочи, уничтожение которых в общем-то если и не святое призвание землянина, то дело свойское, исторически закономерное.

Но этот «второй взгляд» на общественные дисциплины открылся у меня лишь к началу третьего курса. И делиться своими прозрениями с приятелями я не спешил.

В конце концов плевать я хотел на Конкордию и ее историческую судьбу.

Были дела и поважнее.

Например — сдать зачет по теории материалов. Выполнить норматив по пятиборью. Или, допустим, отыгаться наконец в преферанс.

А вот люди Конкордии всегда вызывали у меня самый живой интерес. Наверное, потому, что видел я их не так уж и часто.

У нас в Академии, на общетехническом факультете, училась целая группа студентов с Вэртрагны, главной планеты Конкордии — четыре девушки и десять парней.

Все они были из касты энтли и потому близнецами **134** не являлись. На Землю вообще очень редко попадали

настоящие клоны, то есть люди, рожденные не людьми, а инкубаторами. Эти исчадия биосинтетических маток звались «демами». Они составляли большинство населения Конкордии и учиться в академиях им было запрещено. Были, конечно, и исключения — так говорили наши учебники, со своим всегдашним стремлением освещать ситуацию «объективно». Но кто их видел, эти исключения?

Каждое утро все четырнадцать студентов с Вэртрагны гуськом трусили в спортзал. Там, ни слова друг другу не говоря, они оккупировали волейбольную площадку и занимались своей гимнастикой.

Ох и странной была эта гимнастика! Стандартный пятнадцатиминутный комплекс состоял по преимуществу из различных стоек на руках, прыжков через голову и той акробатической фигуры, что у наших, русских мальчишек зовется «колесо».

Этим колесом клоны могли ходить по десять минут кряду. И даже лица у них почти не краснели, как у профессиональных акробатов. За это мы прозвали их «пропеллерами».

А еще — «встаньками».

«Встань на путь солнца!» — говорили клоны вместо нашего «здрасьте».

«Не сворачивай!» — говорили они вместо нашего «до свидания», имея в виду тот самый «путь солнца».

Мы, конечно, знали из курса сравнительного обществоведения, что народ Клона уверен: праведной, святой стороной света является сторона южная. Та самая, которую предпочитает само солнце во время движения по небосводу.

А северная сторона — это сторона дэвов, вроде как чертей по-нашему. Потому-то и желают они друг другу вместо нашего «здоровья» с чертями ничего общего не иметь.

По мере знакомства с нами кое-кто из «встанек» освоил и нормальное обращение. Но пользовались они им только при встрече с землянами. А между собой — все у них осталось по-прежнему. Наверное, это и называется традицией.

Нужно сказать, особой душевной симпатии клоны у нашего брата-кадета не вызывали. Интерес — да. А симпатии не было.

Дружить они с нами не хотели, держались всегда своей группкой, особняком. Даже когда ходили в стриптиз-бар, в поселок Медвежий (правда, такие выезды у них случались не чаще раза в полгода), одевались в форму.

Серьезные были — до патологии.

Ни один даже самый свежий, самый улетный анекдот рассмешить клонов был не способен. Правда, со временем они приспособились улыбаться, когда понимали, что собеседник

острит. Но с такими подходами, конечно, среди наших становилось все меньше охотников шутить с ними шуточки.

Вот что они делали с удовольствием, так это учились. То есть мы тоже вроде лодырями не были. Коля Самохвальский так вообще был гений. Не «из удобрений», а настоящий Гений Учебы. Да-да, так — все с большой буквы!

Но и у Самохвальского были любимые предметы и нелюбимые, даром что и за те, и за другие он получал обычно высшие баллы.

А у клонов любимыми предметами были все. Включая курс «Обмундирование, снабжение и комплектация», где нам на протяжении семестра рассказывали, как по маркировке контейнера определить, что в нем — бутерброды с колбаской или гаечные ключи.

Клоны зубрили все без разбору.

С одинаковым энтузиазмом.

С неугасающим рвением.

На предложение прогуляться по летнему саду в свободное время реагировали однообразно: «Родина послала меня учиться, а не развлекаться». Или: «У меня нет морального права отдыхать, когда моя Родина работает». Может быть, учителя-заотары из высшей касты требовали от них такого поведения? Не знаю.

Но самым ужасным было даже не это. А их девушки. Не сами девушки, а, так сказать, сопутствующие им обстоятельства.

За девушками клонов ухаживать категорически не получалось. Попробуй поухаживай, когда они везде ходят табунами по пять-шесть человек! А ведь хотелось. Хотелось, черт возьми, за этими девушками поухаживать!

Я поначалу, когда только увидел новеньких «техничек», просто онемел от избытка впечатлений.

Не то чтобы наши представительницы лучшей половины были какие уродины. Просто девушки клонов были... были... они были *непознаваемые!*

И внешне, и внутренне.

Черноволосые, с широкими бровями и точеными скулами, высокие, подвижные и воздушно-худые. Двигались они легко и очень плавно, словно бы проскальзывали по воздуху.

А вот глаза у них были грустные. Иногда словно даже укоряющие.

Говорили «встаньки» мало, все больше слушали. Но когда все-таки говорили, в их словах чувствовалась сила и какой-то совершенно неземной, не наш жизненный опыт.

Честно говоря, глядя на этих девушек, мне совершенно **136** но не верилось, что конкордианская раса способна к обыч-

ному человеческому размножению. И что сексом, в теории, клоны занимаются так же, как и мы (по крайней мере в рамках анатомических аналогий).

Но как это им удастся, если их девушки не терпят даже случайных прикосновений?

Когда танцевать они не идут ни за какие коврижки, а на комплименты не реагируют?

Может быть, это конкретно мы им не нравимся, а промеж себя они там очень даже дружат, оборотившись лицом в южном направлении?

Все это было таинственно. А что мы, мужчины, любим в женщинах?

Правильно: тайну.

В общем, меня всегда тянуло узнать клонов поближе.

А теперь легко представить, что я подумал, когда нам с Самохвальским торжественно объявили, что мы, в числе прочих героев операции по искоренению джипсов, приглашены на планету Ардвисура. В специальный санаторий для военнослужащих Конкордии под названием «Чахра». И что мы пробудем там, на берегу теплого моря, целую райскую неделю — среди молчаливых черноволосых женщин с грустными глазами.

Я подумал: «Мне снится это. Так не бывает».

И еще: «Неужели я наконец отосплюсь?»

Роскошь. Найдется, интересно, такой курсант в Северной Военно-Космической Академии, который не знает, что это слово значит? Не думаю.

Правда, каждый по-своему понимает, что такое эта «роскошь».

Вот Фрол Кожемякин — тот уверен, что роскошь — это иметь табун лошадей, сто гектаров «чернозема плюс плюс» и двух жен, дородных таких бабищ в красных сарафанах с золотой оторочкой. Да еще и пяток детей, чтоб не скучно было.

Колька Самохвальский, образованный человек, считает, что роскошь — это как на вилле у советника по вопросам культуры Российской Директории, что на берегу озера Селигер.

На той вилле — косули ручные расхаживают, кедры высокими ветвями шумят. А внутри — зимний сад с поющими вольтурнианскими орхидеями, колибри мило так суетятся. Картины, конечно же, на стенах. И не стерео-Джоконды всякие плебейские, а настоящие бесценные Врубели, Ренуары и Рогиры ван дер Вейдены. А мебель вся на силовых подушках, болтается над ореховым паркетом, только свистни ближайшему креслу — а оно уже тут как тут. За всем этим присматривает прислуга — настоящая, а не роботы всякие недоделанные, с живыми интеллигентными лицами. «Чего изволите-с, товарищ?»

Володя Гуркин, известный пошляк, представлял себе роскошь по-своему, по-пошлому: сидишь ты в Столице, в люксе гостиницы «Эксцельсиор» на кожаном диване, с бокалом «Алазани», а вокруг певички задами крутят, актриски фигуристые — и все в купальниках, а лучше даже без них...

Я, как уже говорил, роскошь видел в том, чтобы отоспаться.

И вот — «Чахра».

Гигантская здравница на берегу теплого моря, с тем же самым названием — Чахра (я потом заметил, что в Конкордии все обожают использовать по несколько раз одни и те же имена и что вообще с фантазией у них плохо.).

Вода в море — двадцать девять по Цельсию. Температура воздуха — такая же.

В десяти метрах от прибоя берег круто уходит вверх. Там, среди кремово-розовых кустов нашего, земного олеандра, среди цветов неведомой переливчатой породы, среди гигантских раскидистых деревьев, чем-то напоминающих секвойи — двухэтажные корпуса, облицованные розовым мрамором. Крытые красной черепицей крыши, парадный вход с ковровой дорожкой.

Вот в одном из таких корпусов — наша с Колей комната.

Окна выходят на подернутое зеленоватыми барашками море. Ширина моей кровати — два метра восемьдесят сантиметров (я сам лично измерил). Две туалетные комнаты с архаическими, то есть супершикарными, ванными (и, между прочим, никаких признаков счетчиков расхода воды!). Кормят — пять раз в день. Спиртные напитки — за счет принимающей стороны, то есть за счет вооруженных сил Конкордии.

Роскошь? Она самая.

Пока я рассматривал нашу комнату, обставленную натуральной деревянной мебелью, пока я любовался хрустальными бокалами с серебряными ножками, что стояли на ажурной металлической стойке возле набитого непочатыми бутылками бара, в голове моей вертелись три вопроса:

«Зачем эти сволочи ввали нам, что Конкордия — государство нищих?»

«Неужели это все — для нас?»

«Если так у них отдыхают простые кадеты, пусть даже отличившиеся в бою, то как же у них отдыхают генералы?»

В первую же ночь в «Чахре» я проспал восемнадцать часов. В первое же утро я умял шесть порций моего любимого мороженого крем-брюле с авокадо и наелся тостов с сыром до сытой одури. А

потом мы с Самохвальским купались, загорали, шлепали картами и пилились на конкордианских девушек на пляже.

Девушки в этой здравнице имели много общего с теми конкордианскими «техничками», которые учились в нашей Академии. Начиная с грустинки в черных глазах и стройных фигур и оканчивая тем, что все они проходили по ведомству военному, как и мы (об этом свидетельствовали их форменные комбинезоны).

А главное отличие состояло в том, что девушки в «Чахре»... умели улыбаться!

Делали они это не так часто, как наши с Колей соотечественницы, но главное, что делали.

Мы как раз гадали над причинами этой приятной перемены, сидя под радужным парусиновым зонтом и швыряя в набегающую волну голыши, как под наш зонтик заскочили две черноволосые амазонки повышенной симпатичности.

Обе были в полупрозрачных пляжных халатиках, босиком и с фруктовыми коктейлями в руках. Они впорхнули в тень нашего зонта и испытующе уставились на нас с Колей.

— Что-то случилось? — встревоженно спросил я.

— Ничего не случилось, мы хотели к вам присоединиться, — ответила девушка с двумя черными косами. На ней был красный халатик с глубоким вырезом и выглядела она на все сто. Нет, на все триста! — Не возражаете?

— Присоединиться к нам? — переспросил я, старательно округляя глаза. Говоря по правде, я не верил своим ушам.

— К вам. У вас тут прохладно. Имеются свободные шезлонги... Так можно или нет?

— Конечно, можно! О чем речь! Будем рады! — засуетился Коля. Он живо вскочил и придвинул оба шезлонга к столу, заваленному игральными картами вперемежку с обертками от чипсов, и хлебосольным жестом указал девушкам на сиденья. Мол, милости просим, гости дорогие.

Те не заставили себя упрашивать. Расселись, как по команде, заложили ногу на ногу (получилось довольно-таки обольстительно) и поставили бокалы на столик. Вроде как хотели сказать, что разговор намечается долгий и интересный.

Мы с Колей растерянно переглянулись.

Откровенно говоря, как вести себя дальше, мы оба представляли себе смутно. То есть в общих чертах, конечно, представляли: из фильмов, из книжек, из брехливых рассказов нашего брата-кадета, который за враньем на тему «как я соблазнил свою шестьдесят восьмую девушку» в карман не полезет.

В теории-то мы знали все, вплоть до точного состава смазки презерватива. А вот на практике, да еще с такой вводной...

Как тут было не пожалеть, что вместо какой-нибудь двухсеместровой «Психологии ведения воздушно-

го боя», все содержание которой вкратце сводилось к банальной максиме «Трусить в бою — себе дорожке выйдет», нам не читали «Психологию случайного знакомства». И чтоб обязательно с практическими занятиями!

К счастью, наши гости пришли нам на помощь.

— Дружить будем? — не то вопросительно, не то повелевающе произнесла девушка в красном халатике.

Мы с Колей промычали в ответ что-то невнятно-утвердительное — от переизбытка чувств мы просто разовладели родным языком.

— Вот и прекрасно! — обрадовалась девушка. — Меня зовут Исса Гор. А ее. — Она взглядом указала на свою подругу, которая пока что не проронила ни слова и сидела, скромно потупившись. — А ее Риши Ар. Мы здесь отдыхаем. А вы?

— Мы тоже. Нас премировали. То есть поощрили, — робко сказал я.

— За храбрость в бою! — нашелся Коля.

— Вы были в настоящем бою? — удивилась та, что назвалась Иссой.

— А как же! — расцвел Коля и добавил с бывалым видом: — Работа у нас такая... Нелегкая!

— Кто хочет легкой жизни, тот в офицеры не идет, — задумчиво отозвалась Исса.

— Только мы пока что не офицеры. А просто кадеты. — Колю пробило на скромность. — Мы еще учимся. В Северной Военно-Космической Академии, на третьем курсе. Нам до офицеров еще жить и жить. Одних экзаменов — попробуй сдай!

Каюсь, в тот момент я был готов убить Колю за эти откровения. Да что убить — растерзать!

Ну кто тянет его за язык? А? Ну хочется девушкам думать, что мы офицеры — и пусть думают. Нет же! Наслушался всякой чуши на «Этике военнослужащего» про то, что скромность укрощает. Вот сейчас скиснут наши черноглазые, развернутся — и поминай как звали! Все-таки плохо быть отличником — слишком многое начинаешь воспринимать всерьез.

К счастью для нас, девушки не выказали разочарования. Напротив, даже оживились и зачирикали.

Исса пошла рассказывать шутки-прибаутки про то, как сама училась (она-то уже была офицером, причем не чего-нибудь, а Службы Психологического Контроля!). А ее скромница-подруга — кстати сказать, обладательница очень особенного, не-клонского лица, которая ничего не рассказывала, а в основном поддакивала «так и есть!», «вот уж правда так правда!», «и не говори!», —

140 тут же пошла строить глазки нашему Николаю. Ну дела!

Дальше все было как в книжках-фильмах и брехливых рассказах кадетов.

Я сбежал за пивом для нас четверых. А потом — снова за пивом, но на сей раз захватил соленого картофеля на закуску, чтобы закрепить взаимопонимание.

Потом мы купались и играли в мяч. Но главное, главное! Мы договорились пойти вечером на танцы.

Невероятно? Невероятно.

Если бы мне кто-то рассказал, что за два часа можно заклеить двух офицеров Клона, я бы рассмеялся ему в лицо.

В общем, как-то само собой получилось, что я стал ухаживать за Иссой, а Коля — за Риши.

Солнце нешутейно припекало и пляжный народ засобирался на обед. Исса и Риши тоже заерзали на своих шезлонгах и стали украдкой переговариваться друг с другом на каком-то особом жаргоне, который абсолютно не брали наши с Самохвальским «Сигурды». Все свидетельствовало о том, что для первого знакомства мы пообщались достаточно и пора по домам.

Мы с Колей оделись и уже собрались идти, когда Исса вдруг сказала:

— Так что, вот мы и стали друзьями?

— Конечно, стали! — поспешил подтвердить я.

— Тогда в знак нашей дружбы я предлагаю вам спеть вместе песню!

Есть в мире любители пения, и немало. Но я не из таких. Медведь наступил мне на ухо еще в яслях — по крайней мере уже тогда воспитатели, жалея свой слух, меня к прекрасному не принуждали.

Но Исса высказала свое предложение таким требовательным и в то же время наивным тоном, что я понял: отказаться — значит плюнуть ей в душу и поссориться с ней навеки.

— Песню? Исса, но мы же не знаем ваших песен... Мы и своих-то не особо знаем, — попытался выкрутиться Самохвальский, тоже тот еще певун.

— Это не беда! Мы вас научим! — горячо заверила нас Исса.

— Всего один куплет! Это же просто! — утешила Риши.

Растянувшись в кислых улыбках, мы с Колей закивали, преисполняясь фальшивым энтузиазмом. Мы, конечно, знали из курса сравнительного обществоведения, что в Конкордии хоровое пение — самый востребованный вид искусства. И что искусство требует жертв, мы тоже знали. Но кто мог предположить, что его жертвами станем мы?

Ну да ладно. Чего только не сделаешь ради знакомства с двумя красивыми девушками!

— И какие там слова? — спросил я.

— И что за мелодия? — подхватил Коля.

— Они очень простые! — заверила Риши.

— Вот послушайте! — сказала Исса и, глядя мутным взором прямо перед собой, запела:

Над нашей Родиною тучи грозовые,
Враги злокозненные замыслы куют,
Но не страшат нас бури огневые,
Не за курорты ордена дают...

Мы с Колей нестройно подтянули — чтобы показать, что мы стараемся, запоминаем. А потом, когда стало ясно, что слова мы выучили, мы грянули все вчетвером — я, Коля, Исса и Риши.

Получилось довольно громко и зловеще.

Но, странное дело, никто, ну совершенно никто на пляже даже не посмотрел в нашу сторону! Дескать, ну что тут особенного — поют люди. (Вот у нас на Земле точно тарашился бы весь пляж, включая роботов-разносчиков. Еще ненароком и городской прибежал бы — посмотреть, все ли в порядке, не нужна ли кому скорая психиатрическая помощь.)

— Понимаете, у нас есть такая традиция. Когда знакомишься с человеком, нужно обязательно вместе спеть, — пояснила Риши, когда мы окончили. Мне показалось, что в ее тоне можно было уловить извиняющиеся нотки. Или только показалось?

— Я понимаю, — кивнул я.

— Наш народ очень любит музыку! — самозабвенно добавила Исса.

— Я понимаю, — еще более прочувствованно заверил ее я.

Откровенно говоря, в обществе таких заек я был готов демонстрировать любые чудеса понимания.

Да, традиция. Да, народ любит музыку. Я понимал все, кроме одного: почему девушки выбрали именно эту песню?

Ведь это же чудовищная дисгармония: пляж, олеандры, дружественное море, с одной стороны, и «тучи грозовые» да «бури огневые» — с другой. Увы, даже на отдыхе они думали об одной только войне.

Что сказать про тот вечер? Самое сильное эротическое переживание моей жизни. И никак не меньше.

Вначале мы вчетвером оказались на танцплощадке.
142 Играли типично клонскую музыку — медленную, раздум-

чивую, вязкую. Музыка была оркестровой и какой-то совершенно нетанцевальной — так мне показалось поначалу. Она не звала на телесные подвиги. От нее вообще хотелось спать!

Да и сама клонская манера танцевать у меня попервой доверия не вызвала. Не танцы — а синхронное плавание какое-то.

Когда музыка становилась быстрее, они начинали водить свои плавные хороводы. Когда замедлялась — разбивались по парочкам и, держась за руки, топтались по углам. Тихо-тихо, как кролики.

И что же это такое, спрашивается? Где справедливость, товарищи? Ведь танцы — это же, как известно каждому кадету, предлог для сравнительно тесных телесных взаимодействий? И где они в таком случае?

Когда я случайно встретился взглядом с Колей, который как раз танцевал с Риши (ее он на скорую руку перекрестил в Иришу), я понял: мой лучший друг озабочен теми же практически теми же вопросами.

Но я просто недооценил эту «бесплотную» манеру проводить время, практически не касаясь друг друга. Когда мы с Иссой оказались в паре, я понял: свои эротические двести двадцать вольт клоны на этих танцульках выхватывают. И еще как!

Недостижимая для телесного контакта Исса медленно покачивалась рядом со мной, не сводя с меня взгляда. Ее улыбка была загадочной, меланхоличной, провокационной.

В ее ореховых глазах разворачивалась подлинная мистерия космоса. И музыка, эта самая приторможенная музыка настраивала мистирию на эротическую волну. «Плодитесь и размножайтесь», — отчетливо нашептывал синтезатор.

Танцующая Исса казалась мне кудесницей. Самой желанной женщиной Галактики. И никаких сомнений в этом в тот момент у меня не возникало.

Каждый ее плавный жест, каждый величественный поворот головы — все это обольщало и обещало сами знаете что.

Даже главное правило клонских танцев, которое можно было обобщить до музейного призыва «руками не трогать», этой сказки не портило.

В общем, после двух таких танцев я просто погиб. Я влюбился в Иссу по самые уши и до сих пор, даже после всего, что потом произошло, ни на минуту об этом не жалею.

Но все эти довольно сложные для кадета чувства были осознаны мною потом. А тогда — тогда мне просто приятно было танцевать с ней, разговаривать с ней, дышать с ней одним воздухом.

— Может, пояснишь мне одно странное обстоятельство? — вдруг спросил я.

— Давай!

— Почему те девушки, которые учились в нашей Академии, никогда не ходили на танцы? Ведь танцы же в Конкордии не запрещены, как я вижу?

— Что ты, Александр! Конечно, нет! — возмутилась Исса.

— В чем же тогда дело? Им что — лениво было?

— Дело не в лени. У нас есть такое понятие «курум-урдван». Оно означает «жизнь в разлуке»... (пояснение, кстати, не было лишним — «Сигурд» частенько пасовал перед «высокой» ветвью конкордийского языка)... У многих людей бывают целые периоды «курум-урдвана». Это как у вас в Объединенных Нациях — траур. Разве кто-нибудь ходит на танцы во время траура?

— Нет, конечно! Во время траура мы на танцы не ходим, — горячо заверил ее я, а сам подумал: «кто как» и «смотря по ком траур». — Но я все-таки недопонял. Ты хочешь сказать, что те клон... конкордийские девушки с общетехнического факультета были в разлуке со своими любимыми или, допустим, женихами? И что эта разлука для них была как для нас траур? То есть они, чтобы случайно не изменить своим женихам, я имею в виду, не изменить в мыслях, даже на танцы не ходили?

— Нет, Александр, — тряхнула своей черной гривой Исса. — Ты все понял неправильно! Женихи тут ни при чем!

— Как это ни при чем? Ты же сказала «разлука»?

— Я имела в виду разлуку с нашей Родиной...

В общем, Исса была патриоткой. И патриотизм этот не был для нее социально полезным хобби, как для большинства моих знакомых. Он был основной профессией.

Исса Гор любила свою Родину, свою Великую Конкордию так сильно, как, наверное, не в состоянии были любить Объединенные Нации все офицеры 19-го отдельного авиакрыла вместе взятые. По крайней мере мне так казалось.

Но что же это тогда получается? Если все офицеры 19-го отдельного авиакрыла готовы были отдать жизнь за Объединенные Нации, то к каким же подвигам готовилась ради своей Родины Исса?

Нет, этого вопроса я не задал — ни Иссе, ни себе. Хотя, наверное, стоило бы.

Я просто подивился цельности ее натуры. Силе ее духа. Уровню патриотического воспитания населения Конкордии. И перевел разговор на другую, менее требовательную тему.

Мы протанцевали еще четыре медленных танца и перекусили в баре. За это время я успел узнать о девушке много нового.

144 Между прочим, некоторые вещи меня шокировали.

Взять, например, тот факт, что Исса — дочь двух настоящих, «пробирочных» клонов из касты демонов.

Оказывается, демам тоже иногда разрешают размножаться. Но только за особые заслуги.

Если такие заслуги есть — дему подыскивают пару (тоже с заслугами). Проводят медицинское тестирование (а вдруг все-таки вкрались злокачественные генетические отклонения — тогда заслуги не в счет). И дают разрешение произвести на свет одного отпрыска (строго оговоренного пола).

Такой высокой чести удостоивается, по статистике, лишь один клон из тысячи.

Честь и впрямь высока — ведь ребенок, родившийся в таком браке, автоматически попадает в более высокую касту энтли. Вытаскивает, так сказать, счастливый билет. (Я долго думал, какую земную аналогию можно подобрать для чувств, которые испытывают демы по поводу своего отпрыска. Думал, думал и придумал: это как если бы в древние времена земной женщине гарантировали, что она станет матерью бога или богини.)

Мою кудесницу Иссу произвели на свет именно в таком «заслуженном» союзе. Может быть, поэтому она и была похожа на богиню?

— И за какие же подвиги твой отец получил репродуктивное право?

— Работал на ассенизации новоколонизированных планет. Однажды он в одиночку сделал норму всей своей бригады.

— А бригада в это время что делала? Под пальмой «Заратуштру» попивала? — ехидно предположил я.

— Тут нет ничего смешного, — без улыбки сказала Исса. — Его товарищи умерли от злокачественной малярии, не дождавись прилета спасательного катера...

— Извини, я не знал, — поспешил оправдаться я, хотя, в сущности, за что — я ведь действительно не знал. — Ну а за что получила репродуктивное право твоя мать?

— Служила в Центре Гражданской Связи.

— Это как наша почта, что ли?

— Да. Так вот однажды благодаря верно вычисленным ею коэффициентам дискурсивного отклонения в переписке двух ответственных директоров предприятий была выявлена целая преступная организация, связанная с разведкой чоругов!

— Извини меня, Исса, но я не знаю, что такое коэффициент дискурсивного отклонения.

— Это очень просто. Шпионы и предатели — они же не могут употреблять в своей переписке такие слова, как «линкор», «техническая документация» или «торпеда».

Поэтому они пишут вместо «линкора» — «сковородка», техническую документацию называют, предположим, «маслом», а торпеды — «сосисками». Так и переписываются друг с другом: «Высылаю тебе масло для новой сковородки. Жду кулинарной книги, поскольку не знаю, что делать с сосисками».

Я рассмеялся — уж очень кумедно в интерпретации Иссы выглядела переписка двух «шпионов и предателей».

— Но что же такое этот коэффициент дискурсивных отклонений?

— Ты очень нетерпеливый, Александр, — пожурила меня Исса. — Я сейчас объясню. Наши специалисты допустили, что у каждого слова и выражения есть средняя частотность встреч, которая называется дискурсивным коэффициентом. И подсчитали этот коэффициент для всех слов нашего языка. Например, у слова «огурец» дискурсивный коэффициент равен трем. Это значит, на десять килобайт текста слово «огурец» в среднем встречается три раза. Так вот, если на десять килобайт текста слово «огурец» встречается двенадцать раз, то коэффициент дискурсивного отклонения по слову «огурец» равен четырем. Если бы встречалось один раз — отклонение было бы равно нулю целых тридцати трем сотым. Когда мы видим, что по огурцам коэффициент больше двух, это значит, что либо перед нами пособие по оwoщеводству, либо — иносказательное шпионское послание...

В этот момент мне стало совсем скучно — ведь я уже давно понял, о чем идет речь. Боже, ну и методы поимки шпионов у них в Конкордии — замшелые, доисторические, эпохи неолита!

Но главное, я был совершенно убежден: вряд ли таким тупым методом можно поймать шпиона. Разве только выставить шпионом какого-нибудь сумасшедшего оригинала... Но я все-таки сделал заинтересованное лицо и задал свой вопрос. В основном, чтобы не обижать Иссу:

— И как же твоя мать вычислила эти коэффициенты? Откуда она знала, что они говорят про сосиски и картошку?

— На таких, как она, держится безопасность нашей Родины! У нее такая работа!

— Перлюстрировать чужую переписку, что ли?

— А что тут такого?

— Да нет, ничего... Работа как работа... — соврал я.

В общем, моя Исса была дочерью достойных граждан Конкордии. Бдительных и трудолюбивых.

За свои добродетели родители Иссы были вознаграждены не только счастьем иметь собственное чадо, но и тем, что с рождением девочки, принадлежащей к касте энтли, они

146 выходили из-под действия драконовского закона «О ми-

новавших возраст трудовой вменяемости». Говоря по-русски, о клонах-стариках.

Согласно этому закону клоны после пятидесяти пяти лет подлежали чему? Правильно. Эвтаназии.

В семнадцать лет моя Исса пошла учиться по-серьезному. Попробовала бы, кстати, не пойти. Ведь Конкордия видела предназначение энтли исключительно в интеллектуальной деятельности. А с «отступившими от предназначения» Родина не церемонилась, их тут же разжаловали в демы, причем в низшие демы.

Так что или ты становишься инженером — или шагом марш за баранку ассенизационного трактора.

В общем, после шести лет хождения на строгом поводе Исса стала младшим офицером Службы Психологического Контроля.

Если верить рассказам Иссы, ее основная работа состояла в проведении психологической зарядки и сеансов ура-гипноза. Как кому, а мне объяснять не нужно было, что промывка мозгов в военфлоте Конкордии такая же обычная процедура, как на наших линкорах — мытье офицерской кают-компаний и утилизация одноразовой посуды.

Исса служила на линкоре, а потому посуды, то есть я хотел сказать работы, у нее было выше крыши.

«Ваши мышцы крепнут. Ваши мышцы неуклонно крепнут и наливаются силой. В ваше сознание вливается мужество. Вливается. Неостановимым, мощным потоком вливается мужество. Родина благословляет вас. Вы становитесь непобедимыми солдатами. Непобедимыми. Мощными. Всесокрушающими солдатами Родины».

А когда служивый народ, как следует заправившись мужеством и силой, занимал посты согласно боевому расписанию, Исса шла в свой кабинет. Там она проводила сеансы гипноза для офицеров, желающих бросить курить, пить и сквернословить.

В свободное же от «всесокрушающих солдат Родины» и начинающих абстинентов время моя Исса принимала участие в работе флотского хорового кружка.

Как можно было не влюбиться в такую девушку?

Поэтому я сразу согласился на предложение Иссы пойти в синематограф. Мне было все равно куда идти, лишь бы с ней. Ибо таких девушек у нас, в Объединенных Нациях, просто не было.

Такие девушки у нас еще не были изобретены.

К синематографу у них в Конкордии отношение особое. Можно сказать — как к Священному Огню, священное которого может быть только Родина.

А потому синематографов у них в Клоне мало. Разве может быть много священного?

Точнее, не то чтобы уж совсем мало было синематографов. Просто на всех желающих не хватало. То есть хватало-то на всех. Но только в обрез. И не каждый вечер. Тут все дело было в желающих, которых — с избытком.

Вот займи очередь, постой в ней, дождись сеанса — и тебя вместе с тремя сотнями таких же, как ты, любителей прекрасного впустят в чистый просторный зал с высоким потолком.

И покажут что-нибудь такое, от чего твоя душа первосортными чувствами переполнится — любовью, ненавистью и негнимою решимостью.

Когда мы подошли к синематографу, там уже стояли человек двести. Признаться, мне это зрелище было в диковинку.

У нас-то, на Земле, стереокино — развлечение бросовое, дешевое, особой популярностью не пользующееся.

Только от большого безделья можно в городе в синемашку завернуть. Или если назначил свидание с девушкой, а на улице — дождь с градом. Но в этом случае тебе, понятно, уже не до фильмов.

Володя Гуркин, самый завзятый казанова нашего курса, любил пожаловаться (а на самом же деле — похвастаться), что ни одного фильма дольше двадцати минут не видел. Вроде как не до того ему было. Вроде как Володя без девушек в синемашки-то и не ходит.

И потом, у нас ведь, на Земле, все залы маленькие, человек на сорок—сорок пять рассчитанные. А у них в среднем зале человек триста.

Вот что значит чувство локтя!

Кстати, об этом легендарном чувстве. Уж сколько нам твердили про него на курсе «Этика военнослужащего»! Уж сколько убеждали, что его нужно иметь. Что пилоту без чувства локтя никуда. И что? В нашей Академии десять стереозалов (их и синемашками-то назвать язык не поворачивается), а в каждом — по десять мест, чтобы, значит, локтями не толкались и воздух друг другу не портили...

Скучно!

Из этого я делаю философский вывод: сколько нам ни тверди про чувство локтя, а находиться в обществе себе подобных мы, люди Объединенных Наций, не любим, не привыкли.

Индивидуализм у нас зашит в каждой хромосоме.

Иное дело — клоны. Они, когда локтя соседа не ощущают, когда никто им в затылок не дышит, нервничать

начинают. Сразу подозревают западню. И нет для клона лучшего развлечения, чем поплавать в океане людском...

Что ж, потолкаться и я был не против, мне это было в новинку. Тем более — в обществе Иссы, которая смотрела на меня очень многообещающе.

Конечно, повторить баснословные подвиги Володи Гуркина мне не светило, я и не обольщался. Но, может быть, хоть единственный поцелуй? А?

Мы с Иссой остановились возле афиш, прицениваясь, на какой из фильмов лучше взять билет.

Вариантов было ровно два. Первый назывался патетически, «Рыжие дюны Ишкаты», и повествовал о вооруженной борьбе народа Конкордии с чоругами, нашими ракообразными соседями.

Чоруги-де взяли да и напали на Конкордию. И вот что из этого вышло.

На афише сообщалось, что в ролях чоругов снимались настоящие чоруги, а не какие-нибудь люди с рачьими бошками из пластика. Сразу вслед за этим следовала примечательная ремарка:

В КАЧЕСТВЕ ТРУПОВ ПОКАЗАНЫ РЕАЛЬНЫЕ ТРУПЫ ЧОРУГОВ

Признаться, после такого анонса я вспыхнул неподдельной любознательностью. Подать сюда «Рыжие дюны»! Желая видеть реальные трупы чоругов! И вообще, реализма, реализма побольше!

И все же я решил ради справедливости ознакомиться и с аннотацией фильма-конкурента.

Блокбастер «Эра Людоеда-4» повествовал о вооруженной борьбе народа Конкордии с... с... Объединенными Нациями.

Я потер глаза кулаками — в смысле, все ли я хорошо вижу? Нет ли галлюцинаций?

Нет, галлюцинации тут были ни при чем.

«Сигурд» повторил, что так и написано: «Объединенные Нации».

У меня челюсть отвисла. Так, с отвисшей челюстью, я и читал — точнее, слушал «Сигурд» — дальше.

«Без объявления войны десантные армады Объединенных Наций атаковали планету Арэзахи. Гвэн Ор, командир непобедимого отряда особого назначения «Скорпион», знает: это не провокация. Это начало Эры Людоеда, предсказанной древними пророками. «Скорпиону» пришло время жалить — молниеносно и беспощадно».

Ну и дела!

Вот тебе и «братья навек»!

Мы с ними плечом к плечу только что джипсов били, кровь свою проливали, между прочим. Мы их в Академии нашей бесплатно учим военным премудростям, как бедных сироток. Мы по всей Галактике трубим, что клоны — наши братья по Велюкорасе. Наши главные союзники. А они?

А они в это время снимают фильмы про то, как нас, вероломных людоедов, будет жалить осназ «Скорпион»!

И даже не трудятся клонские режиссеры и сценаристы нас как-нибудь иносказательно обозвать — так, чтобы в одно и то же время всем понятно было, о ком речь, и чтобы оскорбления прямого избежать. Назвали бы нас хоть Соединенными Нациями для приличия, а? Или Конфедерацией какой-нибудь...

Ан нет! Заложить им на приличия!

А ведь это «Эра Людоеда-4». Значит, были и «Эра Людоеда-3», и «-2»? И там что, тоже жальт нашего брата?

В душе я просто кипел от возмущения.

— Что случилось, Александр? — спросила Исса, внимательно глядя мне в глаза. — Ты не хочешь смотреть фильм?

— Хочу. Только вот удивляюсь. Что за странные фильмы вы тут показываете?! — Хотя я и старался выглядеть саркастически-ироничным и ничего более, видимо, мне это удавалось слабо. По крайней мере Исса сразу почувствовала в моем тоне фальшь.

— А что в них странного? — спокойно спросила она.

— Сама посуди. Мы тут с тобой гуляем, я из Объединенных Наций, ты — из Конкордии. Дружим вроде. А в синемашке показывают, как мы друг друга из лазерных пушек расстреливаем. Разве это не странно?

— Но это же выдумка, Александр! — Глаза Иссы изумленно округлились. — Это же просто фантазия! Такого же не было в действительности! И не будет!

Она говорила с таким жаром, будто я — деревенщина с Мурома или Вавилона с махровым таким ретроспективным государственным устройством и совершенно не секу разницы между документальными и художественными фильмами. Спорить с ней было трудно. Но я попытался.

— Я понимаю, что это выдумка. Но разве нельзя снять какую-нибудь жизнеутверждающую выдумку? Мирную? Что-нибудь приключенческое, про давние времена, например. Или просто про жизнь молодежи, а?

— Не интересно «про жизнь». Простые люди не будут смотреть, — довольно категорично возразила Исса.

— Почему?!

— Потому, что жизнь — это скучно. Работа, работа, снова работа... Людям нужен враг, чтобы им было инте-

ресно. Ты же понимаешь, большинство людей, населяющих нашу Родину, обладают пока довольно низкой культурой восприятия. Им хочется прийти в синематограф — и, образно выражаясь, спустить пар. Душевно попереживать. А какое самое лучшее душевное переживание? Чувство, что ты победил врага. Ты согласен, Александр?

— Согласен, — процедил я, хотя, по правде говоря, считал, что есть переживания и получше торжества по поводу победы над врагом.

Например, чувство духовной общности со своими друзьями. Сопереживание чужим историям любви. Может быть, я сентиментальный человек. Когда я сам ходил в синемашку, я предпочитал, как правило, лав сториз...

Я не стал говорить все это Иссе. Лишь спросил:

— Но почему мы? Ведь Объединенные Нации никогда не воевали с Конкордией!

— Мы и с чоругами никогда не воевали, — спокойно парировала Исса. — Невзирая на это, на наши экраны ежегодно выходит не менее тридцати фильмов про войну с чоругами.

— Ого!

— И вдвое меньше про войну с Объединенными Нациями.

— Гм... Но почему бы не взять какого-нибудь абстрактного врага? Можно ведь придумать каких-нибудь вуалехвостых восьмиголовых разумных змей. Очень-очень враждебных! Очень-очень агрессивных!

— Демы не понимают ничего абстрактного, Александр! Они не понимают никаких вуалехвостых змей!

— Но ведь в Конкордии есть еще три касты: пехлеваны, затары и энтли. Нужно ведь снимать фильмы и для них? Они ведь поумнее демонов?

— А почему ты думаешь, что энтли и пехлеванам эти фильмы не нравятся? Вот взять хотя бы Риши. Она — пехлеван. При этом она смотрела все «Эры Людоеда» и была в восторге!

Я не нашелся, что ответить.

— Да выкинь ты из головы эти глупые фильмы! — сказала наконец Исса. Сказала так искренне и улыбнулась мне так ласково, что все мои претензии враз показались мне глупыми и надуманными. — Может, просто уйдем отсюда? — предложила она.

— Ну уж нет. Теперь я просто обязан посмотреть «Рыжие дюны Ишкаты».

— Что случилось?

— Они нападают!

— Мы должны дать им отпор!

— Но у них численное превосходство!
— Это ничего не значит! Мы должны выстоять!
— Но у нас кончается горючее! Нужно отходить!
— Никогда! Мы никогда не доставим чоругам удовольствия увидеть наши спины!
— Но они могут нас уничтожить!
— Я не боюсь смерти! Позор хуже смерти!
— А-а-а-ах, г-а-а-а-ды!
— Что с тобой, сержант? Сержант? Ты живой? Родина гордится тобой, сержант...

Вот такие там были диалоги. Кто не верит, может посмотреть «Рыжие дюны Ишкаты» самостоятельно. Обещаю: не забудете еще долго.

Фильм баловал зрителя детальным показом бесконечной бойни, которая шла одновременно и в космосе, и в небе, и на земле, и на море (откуда на пустынной Ишкате взялось море — это отдельный вопрос, кстати).

Сюжет в нашем, земном, понимании практически отсутствовал. То чоруги режут на куски клонов, то, наоборот, клоны испепеляют чоругов, да так, что летят клочки по закоулочкам.

То, благодаря каким-то загадочным оперативным преимуществам, чоруги наносят удар в тыл клонам, то клоны, благодаря еще более загадочным загодя принятым стратегическим решениям, выходят целые и невредимые из окружения и вламывают чоругам по первое число.

И при этом совершенно не понятно, за что, собственно, воюем? За ресурсы? За территории? Из-за идеологических разногласий по вопросу о том, имеют ли люди моральное право употреблять в пищу обычных, неразумных раков, коль скоро те — ближайшие фенотипические родственники чоругов?

Операторская работа меня тоже немало потешила. Самым популярным режиссерским приемом был показ общих планов с последующим стоп-кадром и повторением особо ударной сцены.

Вот, например, нам рассказывают, как клоны накрывают ракетным огнем глинистую высотку, где окопались четыре десятка раков в бронескафах — авангард вражеского батальона.

Вначале камера горным орлом парит над полем боя. Доводит до нашего сведения совершенно необязательный факт наличия неподалеку соляного озера. Показывает несомые ураганным ветром перистые облака. Ударяясь в непонятное мне эстетство, с минуту наблюдает за движением пыльной поземки.

152 Любуется чахленьким тюльпаном...

И — резко бросается вниз. Вступает громкая патетическая музыка.

Сразу на высоте чоругов начинают рваться ракеты. Шарообразная командирская палатка, которую обдало разбушевавшимся пламенем, раскрывается подобно цветку, обнажая вкопанную в землю стальную ось с острым блестящим наконечником.

Ткань палатки горит. В земле множатся воронки — одна, две, десять.

Не ожидавшие нападения чоруги методично взлетают на воздух. Вот командира чоругов поднимает взрывом и бросает прямо на стальную ось палатки. Ось протыкает рака насквозь в районе сочленения головогруды со спинкой. Бронескаф командира подозрительно легко обугливается и облазит лохмотьями, обнажая рачьё тело. Фонтанами хлещет дурная кровь салатно-зеленого цвета. Смерть гада близка. Чоруг шепчет проклятия своим хитиновым ртом. Его малосимпатичное пупырчатое «лицо» искажено ненавистью ко всему живому.

И тут, когда мы уже ожидаем чего-то новенького, начинается... повтор сцены!

Вот стальная ось палатки снова протыкает высокопогонного чоруга, вот он шепчет проклятия и грозит клешней, и все это ме-е-едленно, очень медленно.

В миг конечного издыхания вредоносного рака камера делает стоп-кадр. Словно хочет сказать: «Запомните его таким».

Ох и накрошили же там, кстати сказать, этих несчастных чоругов. Я, конечно, не считал, но уверен, что число убитых «в камеру» раков исчислялось сотнями. Вот это ненависть, между прочим!

Почему я рассказываю все это так подробно?

Во-первых, потому что никогда раньше я такой кровожадной и однообразной чуши не смотрел. У нас в Объединенных Нациях тоже имеются свои боевики. Но даже самые тупые из них (вроде «Фрегата «Меркурий»») по сравнению с этим — шедевры психологизма и связности!

В наших «Смертельных ударах» или «Пошады не будет» всегда какой-нибудь Даня или Серега по ходу пьесы мужает, решает свои личные проблемы, мстит за погибших друзей или спасает сироток из лап негодяев. Но чтобы просто мочить три часа каких-то инопланетян безо всякого предлога...

Но это во-первых. А главное — во-вторых. Я рассказываю про фильм потому, что хочу намекнуть: не от хорошей жизни я всю эту галиматью смотрел.

Какие уж там поцелуи... Все, что позволила мне Исса в синематографе, — держать ее руку в своей. Что может быть безгрешнее?

Впрочем, и за то ей большое человеческое спасибо.

Потому, что рука у нее была такой же волшебной, как и она сама. Потому, что каждый пальчик на ее не знавшей маникюра руке был прекрасен.

Само присутствие Иссы кардинально подсластило для меня дебилистические «Рыжие дюны». Я вышел из синемашки, блаженно улыбаясь.

— Тебе понравилось? — спросила Исса.

— Очень! — ответил я.

А потом я вдумчиво провожал ее до корпуса, где жили она, Риши и еще две девушки с линкора «Видевдат».

Мы исходили весь парк, мы дышали влажным теплым воздухом и болтали о ерунде. А когда мы пришли, я просто сказал ей: «До завтра».

Я собрался уходить, когда Исса, уже стоя на крыльце, шепотом спросила: «А что, разве ты не хочешь поцеловать меня на прощание?»

Вот потому-то я и называю тот вечер сильным эротическим переживанием...

ГЛАВА 10

ВПЕРВЫЕ В ЖИЗНИ

Октябрь, 2621 г.

Необитаемый полуостров

Планета Фелиция, система Львиного Зева

Те первые сутки на Фелиции Эстерсон мог с полным правом назвать днем своего второго рождения.

В свой первый день на Земле младенец Роланд Эстерсон учился дышать воздухом, а не околоплодными водами, брать грудь и громогласно кричать, пытаясь таким образом довести до сведения незнакомых великанов в сиреневых медицинских халатах факт наличия у себя характера и сложной душевной организации.

Ничего из перечисленного младенец Эстерсон делать как следует не умел, к большому сожалению его матери, Марты Бух — ревностной католички, которая представляла себе младенцев преимущественно по картинам, изображающим

154 Богоматерь и сияющее, довольное дитя.

День второго рождения, уже на Фелиции, при всей несхожести того трехкилограммового Роланда и этого, восьмидесятикилограммового, был во многом копией первого.

Как и тогда, позади была смертельная опасность. Как и тогда, многое приходилось делать впервые в жизни.

Например, плакать.

Когда Эстерсон был пай-мальчиком в хорошо скроенной униформе престижной частной школы имени Оксеншерна, он, конечно, частенько ревел.

Его с удовольствием побивали физически развитые сверстники. Его учителя бывали черствыми, несправедливыми и чересчур требовательными, а любимый мультсериал ни с того ни с сего снимался с программы вещания. Как тут не зареветь?

Но с тех пор как он стал осознавать себя взрослым, то есть где-то с тринадцати лет, Роланд Эстерсон не плакал никогда. И хотя случалось разное (умерли родители, ушла к другому жена), броня его разума крепко оберегала Роланда от «немужских» способов выражения своих эмоций.

Итак, на Фелиции Эстерсон заплакал впервые за четверть века.

Гибель Станислава Песа, его случайного компаньона и даже, как теперь думал Эстерсон, друга, совершенно деморализовала конструктора.

И хотя, наверное, он, Эстерсон, ничегошеньки не мог сделать ради спасения коллеги, разве что погибнуть вместе с ним, какой-то гнусный голосок шептал на ухо: «Мог! Еще как мог! Нужно только было сажать машину поаккуратнее!»

В тот день Эстерсон впервые в жизни сам приготовил себе еду.

На Земле «готовить еду» обычно означает что-то пафосное. Как минимум говяжью печень в сметанном соусе. А лучше бы фаршированного орехами и сочной курагой кролика, царящего среди жаренного на сливочном масле картофеля и листьев молодого салата.

Достижение Эстерсона было куда более прозаическим. Он всего лишь отфильтровал пол-литра соленой воды, залил ею банку саморазогревающихся высококалорийных консервов «Цыпленок мечты» и как следует размешал получившуюся комковатую массу. Но и это было для него впервой.

И то сказать. В детстве его кормила бабушка Матильда, у которой было такое хобби: всех вокруг себя кормить. «Есть будешь?» — спрашивала она вместо приветствия каждого, кто появлялся на пороге.

Потом бабушку на этом ответственном посту сменила мать. Она готовила завтраки и ужины, а обеды ма-

ленький Роланд получал в школе, где, конечно, никто не рвался учить его шинковать капусту или заваривать чай.

В колледж он не ходил, поскольку был признан чересчур башковитым.

В университете таким башковитым, каким выявил себя Роланд, полагались специальные льготы. В том числе бесплатное питание в особой экспериментальной столовой, предназначенной для поддержания физических и моральных сил подающих надежды интеллектуалов. Чтобы те не очень отвлекались от своего интеллектуализма.

Затем Роланд женился. В те редкие деньки, когда он все же появлялся дома, жена сдувала с него пылинки и откармливала штруделями и душистыми грибными супами (пока не выплеснула Эстерсона из своей жизни словно тарелку скисшего бульона). И уж конечно, ни о каких приготовлениях яичницы не могло быть и речи.

А дальше были конструкторские бюро и авиакосмические концерны. Везде его считали необходимым откармливать, бдительно следя за тем, чтобы рука великого Роланда не касалась таких бранных материй, как шумовка, сковородка или хотя бы консервная банка.

И вот: Фелиция...

На великого Роланда здесь всем было насрать.

Было еще много разных «впервые».

Например, впервые Роланд заснул не в нормальной человеческой кровати, крепко обхватив тугую ортопедическую подушку, а в слезах и соплях, в обнимку с отвалившейся от «Дюрандаля» стойкой шасси, прямо под открытым небом.

Под чужим небом с незнакомыми, зловещими звездами.

Среди колючих песков и вулканической лавы. С видом на море, где обитают существа, которым такие правильные и веские слова, как «неприкосновенность разумного индивида» и «всегалактические права личности», ровным счетом ничего не говорят.

Эти существа, судя по их размерам, вполне могли по пояс высунуться из своей родной пучины и прибрать в свои щупальца Эстерсона точно так же, как Песа вместе с истребителем.

Но в тот момент Эстерсону было действительно все равно.

Его равнодушие в ту ночь было уже далеко не тем ленивым чувством, которое испытывают обычные люди, когда они устали или разочаровались. Нет. Это почти мистической мощи чувство шло из самых глубин души. Оно было сильнее даже инстинкта самосохранения.

И хотя Роланд знал — умом знал, — что сейчас нужно, просто необходимо до зарезу, подняться и спрятать стойку шасси вместе с другими мелкими обломками, сложить парашюты, а также зарыть (или утопить) кресло на случай, если завтра по его горячим следам на Фелицию нагрянут недобрые мальчишки из концерна «Дитерхази и Родригес», заставить себя подняться он не мог.

«Прилетайте, вояки недобитые. Патриоты картонные. Давайте, я тут, — вполголоса повторял Эстерсон. — Что вы со мной можете сделать? В крайнем случае убьете. Не велика потеря для общества».

В целом же думать о родном концерне ему было так же лень, как и о спасении. Сознание Эстерсона гораздо охотнее возвращалось ко временам детства. К бабушке Матильде и ее сливовому пирогу. К буйным школьным переменам, где мальчишки играли в «конячек», запрыгивая друг другу на закорки. На тех переменках было так весело, как никогда не бывало конструктору после.

С мыслями о школьных «конячках» Эстерсон в ту ночь и заснул. То был сон без сновидений. Липкий и вязкий, как X-матрица.

Когда Роланд Эстерсон проснулся, солнце уже стояло высоко и палило нещадно. С океана дул сильный ветер.

Он встал. Потянулся. Отбросил со лба липкую от пота прядь волос и взглядом киношного ковбоя посмотрел в сторону рифа. Не всплыл ли за ночь «Дюрандаль»?

Не всплыл.

Тишь да гладь. Теплая, с изумрудным отблеском вода, подернутая легкой рябью. Совершенно курортные дали. Чистый, не загаженный цивилизацией желтый песочек. Нарядный коралловый риф, в котором смешались все яркие оттенки красного. Кто бы мог подумать, что в этой дружелюбной теплой водице водится нечто, способное проглотить огромный многотонный истребитель?

«Права была бабушка Матильда. Было бы болото, а черти найдутся», — пробурчал мрачный, как грозовая туча, Эстерсон и спустился с обрыва к воде.

Он все-таки тешил себя надеждой, что, может, хоть не истребитель, так косточки пана Станислава проклятая пучина изрыгнула.

Ему во что бы то ни стало хотелось достойно похоронить погибшего. И хотя за Эстерсоном не водилось особо требовательной религиозности, на этот раз он знал точно: если не похоронить Песа или того, что от него осталось, честь по чести, он будет казнить себя всю оставшуюся жизнь. Даже если ее, этой жизни, и осталось-то ровно на полдня.

Нет, берег был пуст.

Не подходя близко к кромке воды, Эстерсон прошелся по побережью — пятьсот шагов на северо-восток, пятьсот на юго-запад. Опасность повстречаться с океанскими гадами была велика, но страха он не испытывал.

— Станислав, э-ге-гей! — крикнул Эстерсон.

Никто не откликнулся. Тишина была совершенно мертвой, если не считать бандитского посвиста ветра в ушах.

«Как в чертовой Патагонии», — подумал Эстерсон.

По мере того как безрезультатность этой тревожной прогулки по пляжу становилась все более очевидной, на Эстерсона накатывало отчаяние.

Он остановился и похлопал себя по карману, где лежал «ЗИГ-Зауэр».

«Нужно было застрелиться тогда. В туалете перед зеркалом. По крайней мере не вовлек бы человека во все это дерьмо, проклятый убийца, — подумал Эстерсон, под убийцей разумея, конечно, себя. — Впрочем, еще не поздно... Никогда не поздно... И никто не заплачет».

Одному Богу известно, до чего еще додумался бы в то утро Эстерсон, одержимый комплексом вины, если бы на песке перед ним не замаячило что-то мокрое, темно-синее, похожее на выстиранную тряпицу.

Эстерсон сел на корточки и поднял синюю вещицу. Присмотрелся. И, тихо застонав, в изнеможении закрыл глаза.

Это был воротник синего шерстяного свитера, выброшенный волнами на берег.

Ткань была мокрой, отяжелевшей от воды, но казалась свежей и совсем не пахла гнилью. Не будучи экспертом по мокрым тряпкам, Эстерсон, однако, был готов свидетельствовать в суде: тряпка, пролежавшая на пляже пару недель, выглядит совершенно не так.

«Воротник свитера пана Станислава...» — пронеслось в голове Эстерсона.

«А вдруг нет? Какого цвета свитер был на нем вчера? И был ли вообще какой-нибудь свитер?» — спросил он себя минутой позже.

Но как ни напрягал Эстерсон память, а вспомнить не мог.

Он, знавший все спецификации истребителя «Дюрандаль» с точностью до пятого знака, *не помнил*, во что был одет человек, рисковавший рядом с ним своей единственной жизнью ради свободы. Впрочем, чего можно было ждать от него, никогда так и не запомнившего фамилию своей бывшей

Нелестно отозвавшись насчет своей очень уж избирательной наблюдательности, Роланд после долгих торгов с самим собой уговорил себя, что в его руках — фрагмент свитера пана Песа.

Настроение его упало ниже низкого.

Уровень агрессивности, напротив, взлетел до небес. Наверное, вся та старательно подавляемая ненависть, которую, как скряга копил деньги, Эстерсон копил на Церере, вдруг отыскала себе лазейку.

Он уже был готов броситься в море, чтобы голыми руками задушить подводного монстра или погибнуть, как его взгляд упал на изнанку воротника с уцелевшим кожаным лейблом.

На лейбле было написано одно-единственное слово: «Hoffnung».

Взгляд Эстерсона намертво прилип к лейблу. На глаза наворачнулись непрошенные слезы.

Нет, он не был сентиментальным сумасшедшим и знал, что «Hoffnung» — это название известной и о-очень крупной немецкой фирмы-производителя модной одежды. Такой крупной, что даже он, Эстерсон, эту марку помнил с детства. Его слезы не имели к модной одежде никакого отношения.

Дело было в другом. Он прочел название буквально. Не как фамилию основателя фирмы, а как обыкновенное немецкое слово. Это одинокое человеческое слово на пустынном пляже в тысячах световых лет от Земли было как глас свыше. И глас этот рек: «Надежда».

В то утро Эстерсон впервые улыбнулся на планете Фелиция дерзкой, вызывающей улыбкой.

Кусок невесты чьего свитера вернул Эстерсону ощущение реальности и веру в свои силы.

Ведь именно надежда, надежда на то, что его жизнь станет другой, изменится (к лучшему или к худшему — на Церере ему было все равно!), и привела инженера сюда, на задворки Тремезианского пояса. Именно надежда, а вовсе не уверенность в том, что все будет хорошо.

«Так чего же я *теперь* испугался?» — спросил себя Эстерсон. И не найдя ответа, принялся за работу.

На повестке дня стояли несколько задач повышенной важности.

Первая: убрать из поля зрения возможных поисковых групп парашюты числом пять и пилотское кресло.

Вторая: сделать то же самое с отвалившейся стойкой шасси.

Третья: слинять подальше.

Увы, даже поверхностный анализ этих трех задач показывал, что если третья (слинять) является легковыпол-

нимой (были бы силы), то первая и вторая по плечу разве что титану. Ибо катапультируемое кресло даже с выгоревшими реактивными тормозами весило двести десять килограммов, а стойка шасси не менее шестисот.

Можно ли в одиночку унести в лес, пусть даже не такой далекий, предмет весом шестьсот килограммов? Можно, если ты подъемный кран.

А разобрать на отдельные детали? Можно — при наличии специальных инструментов, полный комплект которых весит столько же, сколько кресло. Инструменты, разумеется, остались в сборочных цехах «Боливара».

«Но что-то же надо делать... Значит, начнем с того, что проще — с кресла!» — решил Эстерсон.

Парашюты, купола которых были раскрашены в ярко-оранжевый цвет для удобства визуального обнаружения спасателями, тревожно хлопали на буйном ветру.

Эстерсон попробовал сдвинуть кресло с места. Безрезультатно.

Попробовал перевернуть его. Тщетно.

Требовался рычаг. Эстерсон сбегал к опушке леса за крепкой палкой. Возвратился. Подсунул ее под основание кресла и, используя гладкий валун как точку опоры, с огромным трудом перевернул кресло на спинку.

Кресло тяжело бухнулось. Палка треснула. Эстерсон едва не порвался пополам от натуги.

«И что это мне дало? — спросил он себя, вытирая со лба обильный пот. — Совершенно ничего».

Увы! Чтобы транспортировать кресло в лесок методом научного переваливания при самых оптимистических подсчетах требовалось суток десять.

За эти десять суток концерн успеет его поймать, предать суду и вынести террористу Эстерсону законный приговор.

«Если дотащить до леса не получится, значит, нужно похоронить», — решил конструктор.

Кое-где по краю лавового поля над обрывом были раскиданы песчаные проплешины. Вероятно, эрозия источила твердые продукты вулканической деятельности и образовались глубокие ямы. А после ветры потихоньку нанесли в них свежего песка.

Ближайшая такая плешь находилась всего-то в десяти метрах от кресла. Такое расстояние методом научного переваливания можно было преодолеть до наступления темноты.

Эстерсон извлек из своего рюкзака нож и ткнул им в песок. Песок охотно поддался, не выказав присутствия мелких осколков вулканического стекла, которых конструктор вполне

Загребая сложенными ладонями, словно экскаваторным ковшом, он принялся копать. Дело вроде бы пошло.

На лице Роланда засияла улыбка. Как давно все-таки он не занимался тупой физической работой!

Он уже мысленно прикинул, какой глубины и ширины (с точностью до сантиметра) должна быть яма, где будет погребено кресло, и, развлечения ради, высчитал объем песка, который ему придется выгрести. Он уже исхитрился мысленно прикинуть среднюю плотность и химический состав песочка, как костяшки пальцев стукнулись о что-то твердое.

Эстерсон снова взялся за нож и протестировал дно неглубокой пока что ямы с зыбкими краями.

Одиночный камень?

Крупный валун?

— Твою мать! — громко выругался он, когда понял, что это не одиночный камень. И не валун.

Внизу, похоже, находился лавовый монолит. Или базальтовая плита. Так или иначе, без пачки силумитовых патронов тут ничего поделывать было нельзя.

Для подтверждения своей неутешительной гипотезы Эстерсон отошел на несколько шагов и попробовал копать там.

— Тысячу раз твою мать! — взвыл конструктор и в сердцах отбросил нож прочь.

Эстерсон сел рядом с креслом на песок и в бессилии закурил. Прошло уже полтора часа. Он вспотел. Он проголодался и запыхался.

И где результаты?

Конструктор заставил себя проверить соседнюю плешь. Там твердая поверхность отыскалась еще быстрее, чем в первый раз. Слой песка имел толщину сантиметров сорок от силы.

По своему опыту он знал, что для людей его склада лучшее средство от отчаяния — задаться каким-нибудь праздным вопросом. Например, какая масса люксогена потребна линкору типа «Амираль Кохрен» для прохождения маршрута Земля — Клара — Фелиция при условии, что вместо двух кормовых башен на линкоре оборудован ангар для двенадцати флуттеров?

В данном случае вопрос был праздный, зато не такой сложный. А именно: так все же, лава или базальт препятствуют ему в деле устройства могилы для пилотского кресла?

За десять минут Эстерсон расчистил примерно квадратный метр дна песчаной плешки.

И ахнул.

Не лава и не базальт. Конструктор расхохотался.

Безумный факт, но все-таки факт: перед ним была плита из неведомого темно-желтого материала. И фактура, и густота цвета, и регулярный геометрический узор из розовых жилок однозначно указывали на то, что это предмет искусственного происхождения. И притом — инопланетного. Будучи докой в материаловедении, Эстерсон был готов поклясться: в Сфере Велikorасы такие вещества не производятся. Чоругами — тоже. Не местными же сирыми сирхами!

Клад древних властителей Вселенной, обещанный Виолеттой?

Клад не клад, но некий артефакт. Как знать, что именно перед ним?

Гробница?

Крыша подземного бункера, построенного тысячу, а то и миллион лет назад?

Дремлющий в недрах планеты древний звездолет?

Нужник?

Бомба замедленного действия, которая в неведомый «час Ч» разнесет вдребезги всю планету?

О, Эстерсону хватало фантазии на многое! А трезвомыслия ему хватало лишь на одно: зарыть как можно быстрее обе ямы и до времени забыть о своем потрясающем открытии. «Не буди лихо, пока спит тихо», — под этим девизом его пращур, легендарный вице-адмирал Карл Эстерсон, прожил хоть и бурную, но все же счастливую жизнь и умер в своей постели.

Было не время изменять семейным традициям. Какие бы сокровища ни таил схрон неведомых звездожителей, на счет «раз-два-три» Эстерсон его не вскроет. Он прекрасно понимал: для исследования загадочной находки потребуются не день и не два. Причем вполне вероятно, что, промаявшись пару недель, он так и не сможет извлечь из своего открытия никакой выгоды.

Зато поисковые вертолеты концерна могли появиться на Фелиции в любую минуту. И это окончательно утвердило Эстерсона в его решении: о сенсации придется забыть. По крайней мере до тех пор, пока не будут решены насущные проблемы робинзона и человека: еда, вода, безопасность.

«Зарыть кресло невозможно. Дотащить его в одиночку до леса мне не по силам. Пупок развяжется. Что же делать? Замаскировать под куст?!»

Эстерсон с надеждой посмотрел в сторону леса.

«А что? Пойти нарезать крупных веток, лучше с листьями.

Притащить их сюда. Расставить ветки вокруг кресла, подпереть валунами. И красота! И хватит!»

Эстерсон скривился — замысел для скаутов. Даже при самом художественном исполнении придется смириться с тем, что «куст» через два дня засохнет. Торчащая посреди голого плато пожухшая метла — что может быть подозрительнее этого? Только выложенная камешками надпись «Роланд Эстерсон приветствует родной концерн на гостеприимной земле Фелиции».

На минутку он представил себе, как это будет выглядеть — посреди безжизненной-то лавы.

И еще вопрос, сколько и каких веток нужно принести и чем их крепить, чтобы сделать серебристую стойку шасси похожей на что-то растительное, природное. На ствол какой-нибудь. Пометом диких носорогов обмазать со всех сторон для правдоподобия?

Он досгал еще одну сигарету. Все равно надолго тех десяти пачек, что он захватил с собой в рюкзачке, не хватит. Так нужно наслаждаться — пока есть чем. А там может удастся что-нибудь табачное прикупить через сирхов у сотрудников родного земного консульства. На крайний же случай Эстерсон прихватил с собой семена табака...

Мысли конструктора тем временем снова возвратились к останкам истребителя.

«Ну ладно, черт с ним с креслом. А со стойкой что? Тоже кустами обсадить?» — с издевкой спросил себя Эстерсон.

Эстерсон критично оглядел свое хозяйство и пришел к неутешительному выводу. Вариантов было ровно два.

Первый: сматываться отсюда подобру-поздорову, позабыв о кресле и стойке шасси и понадеявшись, что взгляд поисковой группы никогда не упадет на данный конкретный участок побережья. Ведь они тоже не всеведущи и не всевидящи!

Второй: разыскать в лесу сирхов и попытаться войти с ними в контакт (все равно рано или поздно контактировать придется!). А потом заставить (или уговорить) сирхов дотащить стойку и кресло до леса. Эстерсон был уверен: пять-семь сирхов ему в подмогу, и они не то что до леса, а до большой земли все барахло доволокут!

«Допустим, мы выбрали вариант два. И где же сирхи, которых нужно подкупать и шантажировать?» — Эстерсон вынул из рюкзака бинокль и принялся рекогносцировать местность.

Никаких следов разумной жизни на полуострове с первого взгляда не обнаруживалось. С большой степенью вероятности можно было утверждать, что сирхи здесь вообще не живут.

«Их можно понять. С такими соседями в пучине... — подумал он. — А если они живут где-то там, значительно севернее, то на все эти контакты у меня уйдет столько

драгоценного времени, что «вариант два» станет равносильным «варианту один», то есть бегству. В таком случае, почему бы сразу не приступить к осуществлению «варианта один?»»

Эстерсон был человеком логики и дисциплины. Уж если он приходил к умозаключению, то тут же начинал воплощать его в жизнь.

Он быстро упаковал рюкзачок, оставив на поверхности лишь нож. Затем перешнуровал ботинки и выкурил еще одну сигарету — напоследок, для возбуждения.

Оставалось только обрезать стропы парашютов, свернуть шелковые купола и спрятать их в лесу.

По-хорошему, нужно было с парашютов начинать. Ибо, в отличие от кресла, не заметить оранжевые купола при помощи хорошей оптики прямо с орбиты можно было, только пребывая в той стадии алкогольного опьянения, в какой представителям человеческого рода уже отказывает способность к прямохождению.

Эстерсон занес было нож, чтобы перерезать первый прочнейший, тончайший шнур стропы, как его взгляд упал на две извилистые борозды в песке, припорошившем местами лаву по воле крепкого ветра. Эти борозды были не очень длинными, но оставило их, без всякого сомнения... кресло!

С минуту Эстерсон флегматично разглядывал борозды. Как вдруг его осенило.

— Я идиот! — воскликнул он. — Ни на что не годный, старый кретин! На месте генерала Родригеса я бы выгнал этого Эстерсона без выходного пособия за крайнюю закоснелость мышления...

Только теперь до него дошло: кресло тянули за собой парашюты, когда их наполнял сильный юго-восточный ветер.

Он наполнял их нечасто, поскольку некому было ориентировать парашюты (служившие в данном случае полным аналогом паруса) в нужном направлении, а сами они ориентироваться не желали. Парашюты то набирали свежего ветра, то безвольно сникали до самой земли.

«А ведь спасительный лес на северо-западе! Таким образом выходит, что океанский ветер — мой верный союзник! И если я буду следить за тем, чтобы паруса были все время наполнены, за каких-то три часа мы доползем до укрытия!» — подумал Эстерсон.

Сказано — сделано.

Он взобрался в кресло и по возможности крепко схватился за стропы — ни дать ни взять жокей, управляющий беговой бричкой. Оставалось только крикнуть «Поехали!».

164 Не все шло гладко.

Три раза ветер практически полностью стихал или сменялся на северный. И тогда Эстерсону ничего не оставалось, как сидеть рядом с креслом и ждать.

И все-таки ему везло! Юго-восточный ветер всегда возвращался...

Кресло ползло, как черепаха, оно двигалось рывками и зигзагами, но все-таки двигалось! И к началу сумерек (которые показались Эстерсону очень ранними) оно очутилось под деревьями, смахивающими на исполинские фикусы.

Эстерсон уселся в кресло, словно царь на свой изукрашенный алмазами и сапфирами трон, и сделал себе растворимого кофе. Однако обедать не стал.

«Подкреплюсь, когда дотащу до леса стойку шасси. И не раньше!» — решил он в порыве энтузиазма.

Той ночью Эстерсон вообще не сомкнул глаз — привязав парашюты к стойке шасси, он вел свой фантастический корабль с рыжими парусами в сторону черного леса, где ухали ночные птицы и фосфоресцировали в темноте устрашающие, наверняка ядовитые растения, похожие на гигантские грибы-дождевики...

Он заснул на рассвете.

Мышцы Эстерсона ломило от нечеловеческой усталости. Саднили содранные колени. Болел недолеченный на Церере зуб. Ныл лучезапястный сустав. В общем, к утру Эстерсону было легко сказать, что у него еще *не* болит.

Но удивительное дело! Несмотря на все эти обстоятельства, лицо лежащего на голой земле Эстерсона сияло блаженством.

Он знал: даже если завтра люди «Дитерхази и Родригес» найдут его, они не смогут отнять у него этого первого дня на земле Фелиции — дня суматошного и неуклюжего, но все же такого прекрасного.

Первого дня на свободе.

Его разбудил штормовой гул океана. Волны перекатывались через риф, грозно стучались в обрывистый берег и нехотя откатывались восвояси.

— Фу ты, дрянь какая, прости Господи! — Он щелчком смахнул с правой руки семейство диковинных восьминогих клопов с лиловой, переливающейся спинкой.

Он сел и, не без труда ответив на вопрос «где я?», осмотрелся.

Поляна у самого края леса, на которой он расположился на ночлег, при свете Львиного Зева выглядела совсем не так, как в утренних сумерках.

Та большущая куча листьев, которую он избрал себе постелью и счел достаточно уютной, смотрелась теперь кабаньим лежбищем и вызывала отвращение.

«Как можно быть таким олухом? Мало ли какие гады гнездятся в этой куче? А лиловые клопы? Они ведь запросто могут оказаться ядовитыми!» — отругал себя Эстерсон.

В том, чтобы спать вот так, среди листьев, уподобляясь дикому животному, не было никакой необходимости. Но сил ставить одноместную надувную палатку (которую конструктор с собой, конечно, прихватил) в эту ночь у него просто не оставалось.

Мышцы Эстерсона продолжали ныть.

— Сейчас бы в хорошую массажную ванну... — простонал он вполголоса.

Кряхтя, Эстерсон поднялся со своего лиственного ложа и перебрался на поваленное бревно.

Между тем зверски хотелось пить.

Эстерсон открыл термос, на который был навинчен универсальный фильтр для воды, и не без сожаления обнаружил, что он умудрился все до капельки выпить еще вчера.

Выходит, нужно спуститься в лагуну за водой. А ведь он так рассчитывал провести утро в возвышающих душу раздумьях о своей судьбе и о своем месте на Фелиции за чашечкой растворимого кофе!

Океан сильно штормил. Волей-неволей пришлось принять теплый душ прежде, чем вода заполнила двухлитровый термос.

Шкандыбая обратно, по направлению к лесу, он наконец удосужился взглянуть на то, что же там такое этот фильтр фильтрует и что он пишет о составе воды.

То, что он увидел на индикаторе, вмонтированном в крышку термоса, его не порадовало.

Процесс фильтрации шел полным ходом и через минуту-две бывшую соленую, а ныне нормальную человеческую воду уже можно будет пить. Но...

«Внимание: содержание солей магния в обрабатываемой жидкости в пятьдесят шесть раз превышает земные нормы. Содержание солей цезия: в семьдесят один. Содержание молибдена: в двести шестьдесят. Ресурс по фильтрации: сто литров».

— Сколько-сколько? — вытаращился Эстерсон.

Он очень надеялся, что искусственный умишко фильтра что-то напутал. Недопонял. Перемудрил.

Роланд запросил дополнительную информацию. Но она тоже была неутешительной.

166 Да здесь не океан, а ядреный раствор редких металлов!

Удивляло, что такой патологический химизм не нашел отражения в «Энциклопедии Дальнего Внемезелья». Как вдруг Эстерсона осенило: еще бы, конечно же, не нашел! Потому что это локальная патология, присущая его родному необитаемому полуострову, а вовсе не общая характеристика океанов Фелиции!

«Клянусь бритвой Оккама, это как-то связано с моей вчерашней находкой на плато, с «кладом древних властителей Вселенной!»

— Мораль простая, — вслух сказал Эстерсон. — Нужно искать родник. Или озеро.

Впрочем, когда он сделал себе кофе, мрачные мысли сразу куда-то попрятались.

Все-таки пятьдесят дней с чистой водой при наихудшем раскладе — это тоже не так мало. А что станет, когда фильтр сдохнет?

Тогда можно будет... ну хотя бы при помощи верного «ЗИГ-Зауэра» произвести вооруженный захват консульства Объединенных Наций (после взятия на бордаж «Бэкона» это уже не казалось Эстерсону трудной задачей).

А уж в консульстве наверняка фильтров завались, не говоря о сигаретах.

Можно, конечно, консульство и не захватывать. А придумать вместо этого что-нибудь не менее изящное...

Покинуть злосчастный полуостров следовало еще до наступления сумерек — Роланд чувствовал себя отдохнувшим. После того как он спрятал парашюты, осталось только одно важное дело: похоронить Песа.

Никакого Песа, конечно, зловещая пучина за эти сутки с хвостиком из себя не исторгла. Но конструктор постановил, что сочтет останками погибшего тот воротник свитера со светлым словом «Надежда» на лейбле.

Он выбрал живописную, окаймленную пурпурными ирисами полянку с видом на бушующий океан, и вырыл в желто-бурой земле могилу.

С приличествующими случаю мыслями Эстерсон уложил на ее дно синий шерстяной воротник и присыпал его свежей землей.

Обложил место захоронения кусками лавы, да так ладно, что получился даже в чем-то живописный могильный холмик.

Водрузил на его верхушку тяжелый католический крест, загодя изготовленный при помощи скотча из двух сравнительно ровных кольев.

По правилам на крест полагалась табличка с именем. Но Эстерсон решил обойтись без нее, рассудив: «Я-то не забуду. А сирхам все равно».

Когда крест был как следует закреплен, Эстерсон громко начал: «Иже еси на небеси...»

Он хотел прочесть «Отче наш» полностью.

Почему-то конструктор был уверен, что Песу это понравится бы. Но вдруг обнаружил, что попросту не помнит слов этой важнейшей христианской молитвы. Только некоторые красивые фразы: «яко же и мы оставляем должникам нашим», «избави нас от лукавого». А еще — «аминь».

После нескольких секунд неловкого молчания, Эстерсон отважился обойтись своими словами:

— Прощайте, пан Станислав. Вы были храбрым... Простите меня, если сможете, — окончил он почти шепотом.

Эстерсон постоял возле могилы товарища еще минуту, вслушиваясь в глупенькое чириканье птиц.

Затем он молча нацепил рюкзак и зашагал в сторону песчаной косы, которая соединяла его остров с материком, превращая тем самым этот кус суши в полуостров. Необитаемый полуостров.

Чвак-чвак-чвак-чвак.

Эстерсон топал по мелководью.

Волнение утихло, хотя и не до полного штиля. То и дело набегавшая волна деликатно проверяла чувство равновесия двуногого чужака.

Волосы конструктора промокли, комбинезон — и подавно. Впрочем, прикосновения океана казались почти ласковыми.

«Как когда-то на Мальорке», — вспомнил Эстерсон. На этом чудесном курорте он бывал единственный раз в жизни в возрасте двенадцати лет. С тех пор у него редко появлялось время даже на то, чтобы с расстановкой принять ванну...

Львиный Зев завис на высоте в два своих диска над лесом на большой земле — значит, закат где-то через час.

Эстерсон торопился — успеть бы до темноты! От материка его отделяли четыре километра, из которых были пройдены от силы метров пятьсот.

На материке его ближайшей целью была безжизненная научно-исследовательская станция на севере. Он заметил ее в бинокль еще вчера. И еще вчера решил, что первым делом направится именно туда.

Ничего ценного там наверняка не осталось. Кто же бросает ценное, когда эвакуируется? Даже если исследователи, которые жили на станции, погибли всем скопом, после трагедии

168 там наверняка побывала особая комиссия.

Как же без комиссии? Кто же тогда превратит трагедию в бюрократический фарс?!

Завершив расследование причин гибели ученых (хищные насекомые? неизвестный науке вирус? перестреляли друг друга по пьянке?), комиссия, конечно, не преминула прихватить с собой все это «самое ценное».

Впрочем, смотря как понимать слово «ценное».

Если под «ценностями» подразумевать бриллиантовые кольца, кристаллические генераторы или сложную измерительную аппаратуру, то на станции точно делать нечего. Все равно ничем не поживишься.

А вот если в ценности мы запишем ношеную одежду, обувь, консервы, топливо и питьевую воду — тогда нужно отправляться на север без проволочек. Ведь ни одна комиссия просроченные мясные консервы или мятые баки с жидким пропаном на Землю не потащит.

Бриллиантовыми колье и измерительной аппаратурой Эстерсон не интересовался. А потому он старательно представлял себе, как с комфортом расположится на исследовательской станции, когда туда доберется. Предвкушал, как сервирует стол, зажжет свечи...

Мысли его были преисполнены благостного прагматизма.

«Интересно, хоть один компьютер там остался?»

«А мебель они с собой забрали? Вот бы анатомическое кресло с подогревом!»

Подвижный ум Эстерсона занимали и совсем праздные вопросы. Например, такой:

«Если я останусь там жить, как ее назову, эту станцию? Ведь у каждого дома должно быть имя. По-моему, имело бы смысл назвать ее... назвать ее... Эрика! — Эстерсон улыбнулся и вспомнил о далеком сыне. — Интересно, что у него в аттестате по математике? А по физике?»

Как и многим людям, зарабатывающим себе на жизнь тяжелым умственным трудом, Эстерсону никогда не было скучно с собственными мыслями.

И ничего предосудительного в этом не было бы. Совсем ничего. Если б во время общения с собственными мыслями люди, зарабатывающие себе на жизнь тяжелым умственным трудом, не превращались в нечто среднее между глухими тетерьями и слепыми котятами. Если бы во время размышлений их интуиция и чувство опасности — и без того посредственные — не отказывали вовсе...

Когда вровень с правым плечом чавкающего по мелководью Эстерсона показалось исполинское щупальце

кофейно-коричневого цвета с розовыми присосками, он даже не повернул головы. Тихий, но в чем-то особенный и тревожный плеск воды за спиной его не насторожил.

Конструктор даже начал насвистывать «Сердце красавицы склонно к измене» — настолько он был беззаботен.

А потому, когда щупальце стремительно скользнуло к нему над водой и рывком обвило его правую ногу в районе голени, он был совершенно не готов к сюрпризам.

— Что за черт?!

Он остановился и беспечно опустил глаза.

Но через секунду от беспечности не осталось и следа. Эстерсона захватил в свои объятия и закружил в чумовом вальсе адреналиновый вихрь.

«Родственник твари, проглотившей «Дюрандаль»!»

«Это поисковое щупальце. Сейчас появятся остальные!»

«Пистолет не поможет», — эта мысль упредила рефлекторное движение руки к карману, где в пластиковом кулечке мирно отдыхал кустарный «ЗИГ-Зауэр».

Не то чтобы Эстерсон считал пистолет совсем уж бесполезным. Просто честно отдавал себе отчет: он скорее продырявит себе обе ноги, чем попадет несколько раз в подлое щупальце и таким образом хотя бы частично обезвредит его. Не до перестрелок сейчас!

На этом мысли у Эстерсона кончились.

И начались эмоции, достойные далеких первочеловеков, сражавшихся в древних девственных лесах с саблезубыми тиграми. Эмоции дикарей, охотившихся на мохнатых дуроломов-мамонтов с топорами из обтесанного куска кремня, вложенного в расщепленную дубину.

Это были эмоции мужчин, не знающих еще ни вина, ни поэзии.

Эмоции давних предков: невысоких, мосластых и ширококостных, одетых в недубленные шкуры и питающихся сырым мясом. Эмоции людей, успевших усвоить главное: жить — значит бороться.

Откуда только взялась в руках Эстерсона, изнеженных сенсорными клавиатурами, эта первородная сила!

Будь у него время на удивление, он бы, конечно, не преминул.

Ибо он не помнил за собой способности сокрушать и рвать, совершать невозможное и бороться с противником, многократно превосходящим тебя в силе и ловкости, не думая о том, что ты обречен.

Не успело щупальце совершить второй оборот вокруг пленной голени, а Эстерсон уже вцепился в него,

поближе к тонкому кончику с чувствительной розовой присосочкой треугольной формы, обеими руками, пытаясь отбросить его прочь.

— Убирайся! — рычал он, луком изгибая спину и напрягая мускулы так, что, казалось, трещат сухожилия. — Изыди!

Напор Эстерсона был страшен.

На его мигом вспотевшем лбу вздулась черная жила. Глаза конструктора пылали ненавистью, а зубы были стиснуты до хруста — чем не хищник каменного века в человеческом обличье? Его мокрая, грязная борода и кустистые брови еще больше усиливали сходство с неандертальцем, сцепившимся не на жизнь, а на смерть с распоясавшимся криптоудавом.

— Ах ты сволочь! — орал Эстерсон. — Думаешь, получится как с Песом? Отсоси, тварь!

Интеллигентность сошла с него вместе с первым потом. Теперь он хорошо понимал Песа, все время норовившего пристрелить пару членов экипажа «Бэкона». Что же с ними еще делать было? В шахматы играть?

Наконец ему чудом удалось разжать стальное кольцо шупальца и освободить ногу. Слава Богу! Ну, если он сейчас не побежит...

Эстерсон развернулся на сто восемьдесят градусов. Высоко задирая ноги, не выбирая себе пути, он понесся по направлению к берегу, не больно-то заботясь о том, куда ступать.

Наверное, Бог хранит не только пьяных и детей. По крайней мере в тот раз повезло и Эстерсону. Он не сломал и даже не вывихнул ногу. Он ни разу не уклонился от гребня песчаной косы, который был шириной всего-то в метр, и не провалился в глубокую подводную яму из числа обрамлявших мелководье с обеих сторон.

Он даже не потерял свой драгоценный рюкзак.

«Пятьсот метров! Всего пятьсот метров!» — набатом стучало в мозг Эстерсона. И этот набат служил ему заодно и метрономом, задающим его движениям правильный ритм.

Эстерсон не оборачивался.

И, между прочим, правильно делал.

Ибо то, что он мог увидеть у себя за спиной, было в состоянии деморализовать не только чувствительного беглеца-конструктора, но и бывалого мобильного пехотинца, привыкшего коротать вечер за очисткой боевого оружия от чутков засохших мозгов врага.

Но для совсем уж бесстрастного храбреца посмотреть там было на что.

Из зелено-серого океана за улепетывающим Эстерсоном поднималась исполинская туша, матово поблескивающая в розовых лучах заходящего солнца.

У туши были глаза — красные и многочисленные.

У туши были уши и носы.

Тоже многочисленные, усеянные живыми ресничками и замысловатыми присосочками, колышущимися туда-сюда в причудливом ритме.

У туши был рот.

Морщинистый, шириной с транспортный порт «Андромеды». Ритмично сокращающийся и больше всего похожий на гигантский каштаново-желтый анус.

И что самое жуткое, все это имело вполне целеполагающий вид.

Глаза, например, казались внимательными и хищными. Движения ресничек и присосочек производили впечатление хлопотливой деловитости.

Сомнений не было: все *это* с интересом наблюдало за освобождением и бегством Эстерсона. Каждое шевеление шупалец отвечало некоей эмоции или некоей мысли, рождавшимся в мозгу окаянной твари.

О нет, существу не составляло особого труда протянуть к Эстерсону еще пару конечностей, добрый десяток которых оно теперь вальяжно держало над водой.

И было совершенно очевидно, что справиться с ними всеми конструктор был бы не в состоянии, даже если бы каждое утро своей жизни начинал не поеданием душистого сэндвича над техдокументацией, а трехчасовой тренировкой на силовых снарядах с перерывом на прием стимуляторов мышечного роста.

Даже в самом завиральном фантастическом фильме герой не справился бы с *таким* без гранатомета. А в менее завиральных фильмах даже импульсный огнемет не принес бы обреченному герою победы.

Ибо весь вид чудовища свидетельствовал: оно нисколько не боится, ибо практически неуязвимо.

Но существо не впилося в спину неандертальцу с научной степенью. И даже не сочло нужным припугнуть его для остраски. Оно просто наблюдало.

Почему?

Быть может, в нем проснулась тысячелетиями дремавшая жалость? Или, может быть, зрелище улепетывающего двуногого эстетически захватило монстра до такой степени, что он попросту забыл о своей неведомой, но наверняка людоедской цели?

Конструктор не узнает ответа на эти вопросы. Но есть подозрение, что, будучи записанными и подвергнутыми литературной обработке, они читались бы не хуже сцены объяснения Татьяны из «Евгения Онегина».

Спотыкаясь, конструктор домчал до леса. Хрустя ветками и шуруша кожистыми листьями, Эстерсон прорезал его наискось, пробежал еще пару километров и, только оказавшись у могилы Песа, упрямой среди ирисов, позволил себе лечь и отдышаться.

В лесу царили сумрак и безветрие. Это целительно подействовало на горячку, в которой металась душа конструктора.

Прошло еще полчаса и дурманящий запах ирисов почти успокоил Эстерсона. Он осознал, что зверски хочет пить.

— Попадись мне только этот Корсаков, который в своей «Энциклопедии Дальнего Внесемья» назвал Фелицию скучной планетой, — бурчал Эстерсон, дрожащей рукой отвинчивая крышку термоса. — Попадись только... То-то я ему лживую башку откручу... Подумает в следующий раз, прежде чем людям голову морочить...

Конструктор обращался то ли к сидящей на ближней ветке фикуса четырехкрылой сойке, то ли к духу Станислава Песа, который, в соответствии с иными религиозными воззрениями, вполне мог бы витать над свежей могилкой...

А еще через несколько секунд холодная, безвкусная вода из термоса показалась ему подлинным напитком бессмертных.

ГЛАВА 11

В ВЕРШИНЕ ЛЮБОВНОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Июнь, 2621 г.

Оздоровительный центр «Чахра»

Планета Ардвисура, система Вайу

Ясное дело, за завтраком, который нам доставили прямо в номер, мы с Колей устроили «разбор полетов».

— Ну как тебе... м-м... фильм? — обтекаемо поинтересовался Коля.

— Фильм — говно. Исса — прелесть! — промышал я сквозь бутерброд.

Коля не отставал.

— Коротко и внятно. И что?

— В смысле, как это — «что»? — Я включил дурака, будто и впрямь не понимал, что именно интересует Колю.

— Ну я имею в виду... — Щеки Самохвальского слегка покраснели, и он опустил взгляд. — Я имею в виду... чем кончилось?

— Фильм кончился полной и окончательной победой вооруженных сил горячо любимой Родины над несметными полчищами чоругов. В последнем кадре знамя Конкордии гордо вьется над штабным блокшивом захватчиков, а на заднем плане братаются боевые друзья...

— Да я не про фильм, собственно...

— Да уж ясно, что не про фильм, — озорно улыбнулся я. — Если ты, кадет Самохвальский, хочешь знать, были ли мы с Иссой близки, то я честно отвечу тебе: нет. К сожалению, нет!

— Я так и думал, — с каменной миной резюмировал Коля. — Ну хоть поцеловать — было?

— Вот это было. И не раз. И не только в губы. И не только поцеловать, — самодовольно отвечал я.

— И так я тоже думал. В смысле, ты меня не удивил.

— Подумаешь, проникательный какой нашелся! — фыркнул я. Меня уязвила бесстрастность Самохвальского. А может, я просто хотел, чтобы он не прекращал своих расспросов. Бравата из меня в то утро так и перла.

— Не в проникательности дело. Просто тебе с бабами всегда везет, это я уже давно знаю, — с тоскливой миной сказал Коля и взялся за очередное — наверное, за четвертое в то утро — заварное пирожное.

Тут вдруг меня заела скромность.

— Это мне-то везет? Это мне, что ли, везет? Побойтесь Бога, кадет Самохвальский! Вечно так получается, что либо мне девушка нравится, а я ей — нет. Либо наоборот. Исса — можно сказать, первый случай, когда вроде бы все в порядке!

— Странная она какая-то, эта твоя Исса, — вдруг поднял на меня свои раздумчивые голубые глаза Коля.

— Не понял?! — сказал я довольно агрессивно.

— Да я не в обиду. Я просто говорю, что странная. Правильная слишком.

— Кто бы говорил! Сам-то небось не разгильдяй, а? Не отстающий? Отличничек! Паинька! По практическим у тебя всегда пятерки, а в теории и шестерки были бы, если б

174 такая оценка при аттестации допускалась! А кого в при-

мер нам ставят по три раза на дню? Не подсказешь, а, кадет Самохвальский?

— Да меня, меня... — сразу согласился Колька. — Я тоже правильный. Но понимаешь, Саша, если я правильный, то она — суперправильная. Мой секрет простой. Делай что сказали как можно точнее. И не выживайся перед начальством. Мне легко так жить. У меня характер покладистый. Мне когда-то еще наш школьный психолог Екатерина Евлампиевна сказала: «В твоей, Николай, голове живет Идеальный Ученик...» А у Иссы...

— Что там еще у Иссы? — поинтересовался я, подозрительно заламывая бровь.

— А у нее мало того, что Идеальный Ученик, так еще и Идеальный Учитель в голове. И оба никогда не ссорятся, что подозрительно. Понимаешь?

— И что тут плохого?

— Да плохого ничего. Я же не сказал, что Исса плохая. Просто — странная, — пожал плечами Коля.

Повисла напряженная пауза.

— Можно подумать, твоя Ириша не такая, — наконец процедил я недовольно.

Я был готов спорить с Колей до посинения. Так обычно бывает со мной в тех случаях, когда я в глубине души согласен на сто десять процентов. Только боюсь себе в этом признаться.

— Во-первых, Ириша никакая не моя. А во-вторых, она совершенно не такая!

— Как это Ириша не твоя? — От этого известия я чуть кофе не поперхнулся. Откровенно говоря, я надеялся, что у них с Риши тоже пошло на лад.

— А с чего это ей быть моей? Мы просто друзья. И ничего больше. Целоваться мы с ней не целовались. Не говоря уже о чем-то большем.

— А чем же вы занимались там, в парке? И на танцах? Я, может, и не очень внимательный человек. Но не слепой же! Я собственными глазами видел, как вы там на танцульках нежничали!

— Да какое нежничали! Так, поговорили о том, о сем...

— И о чем же вы говорили, интересно знать?

— Да так... Квантовый выход приборов разных обсуждали... Она в детекторах излучений просто профессор!

— А еще? — поморщился я.

— Про гамма-всплески почирикали...

— А еще? Я имею в виду что-нибудь неспециальное? Что-нибудь человеческое!

— А что, гамма-всплески это тебе не человеческое? — окрылся Самохвальский. — Ну поговорили, конечно,

и про жизнь. Она про тебя много расспрашивала. Произвел ты, видать, на Иришу впечатление. Ну и про меня спрашивала тоже. Немного. Но, знаешь, когда она заговорила о новой теоретической интерпретации дисковой аккреции межзвездного газа, которую клонские ученые недавно выдвинули...

— Ну ты и ботаник, Коля! — не выдержал я. — В кои-то веки судьба тебя свела с хорошей девушкой! А ты вместо того, чтобы взять быка за рога, с ней теории обсуждаешь!

— Ну не нравится она мне, не нравит-ся!

— Не верю!

— И правильно не веришь! — взорвался Коля и вскочил со своего стула. — Дело вовсе не в том, что она мне как-то уж сильно не нравится. Нравится. Но не более того. И потом, она ко мне тоже равнодушна. В этом плане... ну ты понял в каком... Хотя друг она хороший, врать не буду...

— Ну вот видишь! Сам же признал, что нравится! Чего тебе еще нужно?

— Что мне нужно?

— Да!

— Смеяться не будешь?

— Зуб даю!

— Мне нужно, чтобы была любовь. Понимаешь? — тихо, почти шепотом сказал Коля.

И я сразу заткнулся. Сразу видно — человек с недетскими запросами. Романтик!

Впрочем, он всегда такой был — слишком чуткий, слишком внимательный. Кажется, Коля все мерял по гамбургскому счету и никак не иначе. Идеалист, в общем. И неудивительно, что за время нашей совместной учебы все его влюбленности были чисто платоническими...

В душе я Колькой восхищался. Но только все равно хотел, чтобы и ему привалило счастье в личной жизни.

Хотя бы маленькое. Денечка на три.

До конца увольнения то есть.

А потому я решился на последний приступ этой цитадели мировоззренческого целомудрия.

— Но если ты уверен, что это не любовь, какого же ляда ты с ней шлялся ночью по берегу? Танцы с ней танцевал? А? Может, ты что-то темнишь, кадет Самохвальский?

— Что мне темнить, Саша? Гулял я с Иришей, во-первых, потому что интересно с ней гулять, если по-честному. Она не меньше наших преподав знает. А во-вторых, не хотел, чтобы вы с Иссой переживали, что с Риши нас вдвоем бросили.

176 Чтобы не думали, что нам скучно.

— Вот это великодушные, я понимаю...

В двусмысленном молчании мы допили кофе. За окном шелестели кожистой листвой розовые олеандры и словно бы нехотя шумел прибор.

Я посмотрел на часы — до встречи с Иришей и Иссой оставалось десять минут. Девчонки как раз заканчивали занятия своей чокнутой акробатикой, коим они предавались в обществе сотни других отдыхающих-клонов на пляже. Мне кажется, даже потели они в унисон — слаженно и вдохновенно.

Десять минут. Теперь девять. А до пляжа еще нужно добираться! Ведь не ровен час обидятся и уйдут! А на вопли о прощении скажут что-нибудь вроде: «Мы-то вас, мальчики, прощаем. Но наша Родина вас простить не может».

Я поднялся из-за стола и испытующе посмотрел на Колю. Тот ковырял ложкой в кофейной гуще с самым что ни на есть отможенным видом.

— Ты идешь? Не то смотри, я могу сказать Ирише, что ты приболел... Или что тебя срочно куда-нибудь вызвали.

— Ага. В Генштаб. Медаль получать. «За отвагу на пожаре», — угрюмо хмыкнул Коля, не двигаясь с места.

— Так что — не пойдешь?

— Почему не пойду? Целоваться с Иришей — это, пожалуй, без меня. А вот про гамма-всплески я с удовольствием послушаю...

Говорят, ко всему в этой жизни привыкаешь.

И к подъему в пять тридцать утра. И к ананасам в шампанском.

Эта истина известна вроде бы еще со времен каменного века.

А может, и динозавры ее уже знали. И друг другу в мезозойской тиши доверительно пересказывали, отгоняя мух своими бронированными хвостами.

Да только мы, люди, так устроены, что все бородатые истины приходится переоткрывать на собственной шкуре. Своей корявой рукой переписывать учебники.

Короче, к счастью или к сожалению, но к красотам оздоровительного центра «Чахра» я привык быстро. Даже чуть быстрее, чем к ранним подъемам в Академии.

А привыкнув, вдруг стал замечать то, что мне замечать совершенно не положено было.

Вот, например, я обнаружил, что у моей Иссы ровно два комбинезона. Один парадный, а один — повседневный. И что никакой другой одежды у нее просто нет.

Ни платьев в горошек. Ни юбочек в шотландскую клетку. Ни блузок с кружевными воротничками. Ну или со стоячими воротничками, как у них, на Клоне, модно.

Как же это получается, люди?

Исса твердит мне про сплошное изобилие, которое-де если и не достигнуто пока народом Конкордии, то, по всем признакам, вот-вот свалится на голову клонам и воссияет неземным светом. А самой и одеть-то нечего?!

И ведь мы не в бою, а на отдыхе! Между тем Исса моя не дем какой беспросветный. Офицер из касты энтли!

Или вот, например, мыло. В ванной нашей с Колей комнаты над умывальником привинчена емкость с жидким мылом перламутрово-розового цвета.

Довольно большая, пузатая такая емкость. И кнопочка на ней, как обычно. Нажимаешь — мыло снизу льется. Отпускаешь — мыло течь прекращает.

Так вот: я обнаружил, что мыло исчезает с какой-то катастрофической быстротой. Словно кто-то его втихоря пьет, высасывает.

Сначала я думал, что просто где-то протекает. Посмотрел — ничего подобного.

Потом грешил на Колю — дескать, боится какую-нибудь инфекцию местную подхватить, вот и моет руки с хирургической тщательностью. Раз по шесть и седьмой для верности.

Так я пригляделся. Ничего подобного! Сполоснул руки и побежал — как всегда.

И в душевой кабинке та же ситуация с мылом. Уровень все падает и падает. Словно в наше отсутствие туда слон приходит поплескаться. А слону, ясное дело, мыла нужно много.

Нет, я все это не к тому веду, что мне казенного добра жалко. Видит Бог — плевать мне на него. Просто интересно. Загадка природы какая-то!

Однажды, отправляясь с Колей на хоккейную площадку, я замерил уровень в емкости (на боку у нее была даже соответствующая шкала). Когда мы вернулись, изрядно потрепанные офицерами-пехлеванами, оказавшимися отменными хоккеистами, мыла стало меньше на четыре отметки!

И кто мог им мыться? Кто? Конечно, никто, кроме Мидрахи, сорокалетней женщины, что убирала нашу комнату — бесцветного существа откровенно демского вида с затравленным взглядом жертвенного животного.

Но только Мидрахи им не мылась. Она его просто воровала. Сливала в пузырек и уносила домой.

За руку хватать я ее не стал. Но бдительность моя повысилась.

И тогда я обнаружил, что Мидрахи обладает множеством странных повадок. Например, она тщательно собирает

178 в бумажный кулек оставшиеся после меня бычки (Коля-

то не курил), прежде чем опорожнить пепельницу в мусорный контейнер.

Она по-детски радуется, когда мы не доедаем чего-нибудь за завтраком.

Когда я однажды оставил ей свой малиновый пудинг целиком, она благодарила меня так горячо, словно это был слиток золота 999-й пробы.

А уж когда я подарил ей свои ни разу не использованные джинсы цвета электрик, чей фасон был в пух и прах раскритикован Колей как «морально устаревший» и «эстетически омерзительный», она была на седьмом небе...

После наблюдений за Мидрахи я стал относиться к изобилию, явленному нам в «Чахре», как-то более критично.

Сразу обнаружилось, например, что это только мы с Колей воспринимаем «Чахру» как роскошь, обыкновенную роскошь.

А вот Риши и особенно Исса относятся к «Чахре» как к сказке, волшебной стране, где исполняются заветные желания.

Хотя, если вдуматься, какие там в «Чахре» заветные желания исполняли (кроме, конечно, нашей с Колей академической мульти отоспаться)? Только и всего, что чистота, пляж, бесплатный пансион и милые пейзажи.

Кстати о заветных желаниях. Я вот, например, давно мечтаю покататься на чистокровном жеребце-верховике, желательно вороной масти. Проехать так вот, по лугам, со стеком в руке, на вышколенной лошадке. Поскакать играючи через канавы, пронестись лесными тропинками, или хотя бы просто покрасоваться, побродить по холмам с криками «э-ге-гей!» или «твоя мать!». И чтоб сбруя была красивая, новая. А конь — резвый, не спотыкливый, пусть не артачится и во всем мне, Александру Пушкину, будет послушен.

Вот что у меня в душе «заветного». И кто нам давал вороных жеребцов?

Нет, жеребцов в «Чахре» не было. Не было и подводного плавания (которым я тоже не возражал бы заняться на досуге). Не было даже элементарного стриптиза, которым пичкали нас, сексуально встревоженных кадетов самой северной на Земле военной академии, в поселке Медвежий.

В свете всего этого, наверное, уже стало очевидно: до сказки в моем понимании оздоровительному центру «Чахра» было как от Земли до Омеги Лисички.

Но Исса и Риши думали совсем по-другому. Это очень отчетливо ощущалось, хотя обе девушки старательно придерживали свои то и дело отвисающие челюсти. Случалось, правда, что они попадали впросак.

Мы сидели в ресторане класса «люкс» со странным названием «Мировая гора».

Ресторан этот был бесплатным и располагался на территории «Чахры». Естественно, на всех бесплатной икры и бесплатных копченых фазанов не напасешься. А потому поход в ресторан осуществлялся по специальной карточке, которую, как выяснилось, давали далеко не всем, а только таким героям, как мы с Колей. (По крайней мере у Иссы и Риши никаких карточек не было.)

Наши карточки обещали каждому из нас по два посещения. Но мы, как джентльмены, предпочли пойти туда единожды, но с нашими дорогими дамами.

И не пожалели. Официанты были хоть и демами, но улучшенной, «показательной» модели. Все как один — красавцы и красавицы. Девушки — с упругими попками. Парни — со стальными бицепсами и квадратными подбородками. (Правда, от мысли, что у них, в Конкордии, таких же, с точностью до последней завитушки ДНК, кралечек, как эта — с осиной талией и в синем передничке, — миллион штук ровно, становилось немного не по себе.)

А уж блюд в меню «Мировой горы» было раз в десять больше, чем в нашей столовой, где и самих меню-то имелось ровно два — «Стол Четного Дня» и «Стол Нечетного Дня». А поскольку все числа месяца, к сожалению, делятся только на четные и нечетные...

В общем, воспользовавшись пультом просмотра, мы с Колей сразу же развернули голографическую картинку местных яств. Увы, к загадочным экзотическим картинкам никаких описаний не прилагалось. Мы, естественно, тут же полезли к девочкам за советами.

«Что такое бурмес-видук?»

«Что кладут в салат «Три искушения»?

«А суп «Сердитое сердце» едят горячим или холодным?»

И тут мы, о ужас, выяснили, что девушки не в курсе. Исса и Риши краснели и бледнели, стеснялись и мычали. Но было ясно: что такое бурмес-видук ни одна из них не знает.

Что же это такое? Заведение заявлено как ресторан народной кухни. А девушки, самые что ни на есть представительницы народа, не знают даже, какие у этого народа блюда?

Получается, они ничего подобного никогда не ели? Или что они иностранные шпионки, да вдобавок еще и шпионки-недоучки?

Не успел я как следует обдумать обе этих гипотезы, как возле моего правого плеча материализовался детина-официант с лицом культуриста, в душе которого неожиданно проснулось трепетное религиозное чувство.

— Встаньте на путь солнца, братья и сестры! — возвышенно провозвестил официант.

— Аналогично, — ответил Коля.

— Что это у вас? — спросил я.

Дружелюбно улыбаясь, официант держал в руках хромированный поднос. На нем стояла черная, в дымчатых разводах пыли, бутыл, запечатанная, как в древности, сургучом.

— Гамза урожая 2595 года. С южного берега реки Локози, что на планете Михр, — отрапортовал официант. — Наш ресторан приветствует героев Объединенных Наций, несгибаемых борцов с нечистыми джипсами! Эта гамза — подарок коллектива «Мировой горы» несгибаемым борцам с нечистыми джипсами!

Мы с Самохвальским криво улыбнулись. С одной стороны, нам было приятно, что к нам вот так, со всей душой. Героями клечат. Угощают.

С другой стороны, откуда вот этот конкретный дем с интеллектуальным развитием десятилетнего ребенка знает, что мы «несгибаемые борцы с джипсами»? Ведь операция-то была секретная!

Конечно, сами собой в голову лезли мысли об «информационном равенстве» — демагогическом слогане Конкордии, согласно которому «каждый член общества имеет право знать все о других членах общества».

Хорошее правило, наверное. В теории.

Но на практике некоторые члены общества Конкордии, судя по всему, знали о своих согражданах гораздо больше, чем им полагалось. По крайней мере смысл демонстрации официантом своей информированности сводился примерно к такой декларации: «Вы тут, ребята-кадеты, расслабляйтесь пока, оттягивайтесь душевно. Но имейте в виду: мы все-все-все про вас знаем и каждый ваш шаг отслеживаем. А этот болтливый биоробот специально нами проинформирован. Чтобы вы не зазнавались. И имели в виду».

Я гадливо поморщился. Ох и не люблю же я такие подходы!

У нас, в Объединенных Нациях, тоже есть спецслужбы. Одно только ГАБ чего стоит! Но наши спецслужбы никогда не дразнят тебя. Не играют с тобой в идиотские кошки-мышки...

— Я хотел бы разлить гамзу по вашим бокалам, бойцы, — с тем же пафосом продолжал официант. — Пусть Наотар будет свободным!

Мы с Колей переглянулись. Просто бред какой-то! И тогда Исса, видимо, уловив наши с Колей настроения, сказала:

— Гамза? Что ж, прекрасно! Обожаю коньяки хорошей выдержки!

— Да-да... Кажется, мы на прошлый День Идеологии этот коньяк пили, — неуверенно поддержала ее Риши.

— Мальчики, а вы что заскучали? — спросила Исса. — Ведь все хорошо!

Мы с Колей сколь могли дружелюбно ослабились. Ибо все и впрямь было хорошо. Вот только гамза никакой не коньяк. А просто вино. Красное и сухое.

А потому, когда официант окончил разливать рубиновую, с мелкими серебристыми пузырьками воздуха гамзу по бокалам и наконец удалился, мы с Колей не удержались от смеха. К чести наших понтящиц Иссы и Риши, они тоже захохотали.

Вот за это-то я и любил Иссу! Несмотря на все ее странности. За ее умение посмеяться над собой.

За легкий нрав, соседствующий, правда, с некоторой душевной тяжеловесностью. За девиз «прорвемся!», который невидимыми буквами был начертан на ее высоком челе.

Ну а еще, конечно, за ее ненавязчивую, строгую красоту. И не какую-нибудь красоту лица или тела (хотя и фигурка, и лицо у нее были что надо). А за то, что она была прекрасна как личность, как человек.

Исса была соблазнительна в своих двух несменяемых комбинезонах. При полном отсутствии декоративной косметики. С непроколотыми ушами и без маникюра. С длинной черной косой, затянутой на конце непритязательной черной резинкой. Потому что глаза ее были одухотворены волей. Потому что она не знала эгоизма и духовной серости.

Нет, таких девушек у нас в Объединенных Нациях просто не было. По крайней мере *мне* они не встречались.

Как следует осознав все это, я понял также и то, что в случае с Иссой традиционные пути завоевания женского расположения мне следует обходить десятой дорогой.

Я догадался, что схема «поцелуй — гулянки — постель — спасибо, до свидания», по которой строятся обычно любовные интрижки, здесь категорически не пройдет.

Исса не такая. Использовать с ней легендарный запас музыкальных и комических презервативов, который я притащил в нагрудном кармане из самой Академии, никак не получится. Да и не нужно это, в сущности.

Я чувствовал сердцем: Исса общается со мной не потому, что ей хочется сексуально развлечься в увольнении. А потому что...

— Скажи, ты меня любишь? — спросил я Иссу на пятый день нашего знакомства. Была глубокая ночь. Мы сидели, обнявшись, на берегу фосфоресцирующего моря. Зав-

тра Иссе и Риши нужно было отбывать обратно на свой линкор «Видевдат», и это прискорбное обстоятельство снабдило меня запасом дерзости.

— Мне сложно отчитываться в моих чувствах, — рассудительно как всегда сказала Исса. — Но скорее «да».

— Так, значит, мы скоро встретимся снова? — обрадованно взвился я.

— Если это возможно, то пускай.

— Что значит «возможно»? — насторожился я.

— Это значит, если мне будет предоставлена такая возможность, то мы встретимся.

— Постой, Исса, но как ее может не быть, этой возможности?! Ведь у тебя же должны быть увольнения? Такие, как это, в «Чахре»?

— Следующее увольнение мне положено не ранее, чем через год.

— Через год?! — в отчаянии взвыл я. — Но, послушай, разве твоя Родина не понимает... разве Родина не чувствует, что у ее бойцов должна быть личная жизнь?

— Родина это понимает. И чувствует, — спокойно кивнула Исса.

— И что? — Я, честное слово, чуть не заплакал. Ведь несколько минут назад я строил сладостные планы нашего с Исой совместного отдыха. Ведь в Академии скоро каникулы!

— У нас все по справедливости. У кого личная жизнь есть, те имеют право на более частые увольнения. У кого нет — не имеют.

— Постой, но кто это определяет — есть личная жизнь или нет? — нахмурился я, предчувствуя очередной подвох. — У вас там что, прибор специальный есть? «Личнометр» такой себе?

— Для энтли это определяет КПДЛ.

— Это что? Конкордианский Полуправдивый Детектор Лжи?

— Не правильно, Александр. КПДЛ — это Комитет по Дела́м Личности. Если девушка и юноша решают пожениться, им дается испытательный срок в полтора года. В эти полтора года они считаются женихом и невестой. И в эти полтора года они имеют право на утроенное количество увольнений, — голосом устава проговорила Исса.

— Так что если, допустим, мы станем женихом и невестой, тебе разрешат поехать со мной куда-нибудь?

— Если станем, то разрешат. Должны разрешить, — бесстрастно сказала Исса.

И тут меня прибило:

— В таком случае я... предлагаю тебе... стать... моей... невестой, — выпалил я, даже толком не веря, что это я,

Александр Пушкин, торжественно клявшийся товарищам-кадетам не жениться до сорока лет (а на первом курсе даже действительный член клуба «Умру холостым!»), говорю эти слова.

— Я согласна, — сказала Исса. И, поразмыслив, добавила: — Теперь бы еще собрать соответствующие документы...

В тот день мы с Колей проснулись очень рано. В десять Исса и Риши отбывали на «Видевдат» с главного космодрома Ардвисуры, Гамеш. А на восемь мы назначили прощальную «стрелку» у ворот санатории. Что может быть хуже прощания с друзьями? Только прощание с любимыми.

Головы у нас с Самохвальским были тяжелые, лица — кислые, разговоры — упаднические. Из серии:

— Ну что?

— Да ничего.

— Чего это ты?

— А сам?

Причины для такого декаданса, конечно, имелись. Например, половину той ночи мы с девчонками провели в «прощальном» загуле. И маленько перебрали.

А главное... главное, мы чувствовали, что без них, без наших красавиц и умниц, «Чахра» утратит девяносто процентов своих достоинств. И станет скучной клонской фабрикой по переработке свободного времени в здоровье.

И хотя до конца нашего с Самохвальским отдыха оставались одни сутки, каждый из нас думал об одном: как бы убить оставшееся время поэффективнее?

Да, красота санатория «Чахра» нам приелась. И это неудивительно. Ведь красота эта была слащавой, синтетической и, откровенно говоря, фальшивой. Как леденец, на котором написано «ежевичный», но который на самом деле состоит из жженого сахара с уксусом и химической вкусовой эссенции, имитирующей вкус настоящей лесной ягоды.

Вся эта сусальная позолота... Весь этот стиль «плюс-барокко», почему-то ассоциирующийся у клонских архитекторов с процветанием и умонепостижимым изобилием.

И среди всех этих мраморных портиков, среди стриженных под шар кустиков самшита плохо одетые люди воруют мыло и радуются забытому бутербродному огрызку... И между прочим, чтобы свободно выезжать за ворота этого рая, необходимо обладать такими полномочиями, которых даже у лейтенанта Риши

из касты пехлеванов нету и в помине. Что же там — за

184 воротами этого рая? Ядерная зима?

Я как раз гадал, имеет ли такое понятие, как «ядерная весна», некое конкретное геоклиматическое наполнение, когда в дверь нашей комнаты постучали.

Стучать так робко умела только Мидрахи. Но какого ляда ей надо, ведь до завтрака еще полтора часа?

— Войдите! — не оборачиваясь, бросил я.

— Встаньте на путь солнца, Николай и Александр!

— Взаимно, Мидрахи.

— Александр, — вдруг сказала Мидрахи, перейдя зачем-то на шепот. — Одна девушка попросила тебе кое-что передать...

— Исса? — оживился я.

— Нет. Девушку звали Риши, — простодушно отрапортовала Мидрахи.

Самохвальский бросил на меня ревнивый взгляд, но я жестом остановил его — дескать, спа-акойно, кадет!

— Просили передать — значит передавай! — поощрил я уборщицу.

— Но мне сказали, что это секретно, — замялась Мидрахи, взглядом указывая на мрачно чаевничающего Колю.

— Говори уже. У меня нет секретов от моего лучшего друга!

— Девушка просила передать, что она ждет вас возле фонтана, — сообщила Мидрахи. — И еще она сказала, что собирается поговорить с вами о чувствах. Она сказала, это очень срочно.

Бросив в сторону Кольки извиняющийся взгляд, я схватил свою куртку и бросился к выходу.

Я сразу увидел Риши — бледную и печальную, как всегда.

Она стояла возле бездействующего фонтана, художественной изюминкой которого была отлитая из бронзы пара борющихся мужчин — видимо, спортсменов. Оба борца казались подчеркнуто мужественными, не без легкой печати зверства на лицах, и имели комплекцию секс-идолов из земных гомоэротических журналов.

В «Чахре» я, кстати, сделал по этому поводу одно наблюдение: эстетика изображения мужчин у клонов ближе всего к эстетике наших родных секс-меньшинств. Впрочем, самих клонов это не смущает. Наверное, потому что меньшинств у них в принципе нет. Уничтожены как класс, хотя сами клоны врут про «отсутствие социальных корней».

Риши напряженно крутила головой, высматривая, видимо, меня.

Обеими руками она держала перед собой тугой вещмешок с эмблемой линкора «Видевдат». Словно надеялась защититься им от шальной пули.

Глаза у Риши были на мокром месте — это я сразу понял. И, конечно, перспектива послужить девчонке жилеткой в восторг меня не приводила.

Именно потому я нарочито широко улыбнулся и напустил на себя непринужденности.

— Что случилось, Риши? — спросил я, тяжело дыша. — Что-то с Иссой?

— Нет, с Иссой все в порядке. Что-то со мной, — тихо сказала Риши и отвела взгляд.

— Мидрахи сказала мне, ты хочешь со мной поговорить?

— Да. Хотела. И хотя теперь понимаю, что весь этот разговор — ошибка...

— Что ж, значит, я пришел зря? — спросил я таким тоном, который подразумевал только один ответ: утвердительный. Откровенно говоря, в тот момент я очень не возражал смыться. — Наверное, будет лучше, если я уйду...

— Нет, не уходи! — с мольбой в голосе сказала Риши и схватила меня за руку.

В этом детском жесте было так много трогательной искренности, что мне вдруг стало стыдно. «Ну как можно быть таким черствым?» — усовестился я.

— Конечно, я не уйду, если ты этого не захочешь, — заверил я Риши, утешая себя тем, что даже в случае если разговор будет наискучнейшим, дольше двадцати минут он не продлится. Потому что лишнего времени в распоряжении Риши нет. Не станет же она динамить отправку на свой линкор из-за каких-то чувств? Нет, Родина такого поведения не поощряет.

— Я хочу, чтобы ты меня выслушал, Александр. Потому что мне кажется, будто мы никогда больше не увидимся. — Риши трагически шморгнула носом.

— Почему не увидимся? Мы же теперь друзья! — бодренько сказал я, хотя знал: вероятность нашей встречи действительно возле нуля, судя по количеству нулей в ценах на билеты от Земли до Вэртрагны (да простится мне этот каламбур).

— Мы, конечно, друзья. Но все равно: надежды мало. Поэтому я решила, чтобы ты знал: я люблю тебя, Александр.

В первый момент я просто не поверил своим ушам.

А во второй, когда смысл сказанного Риши дошел до моего сознания, у меня пересохло во рту и закружилась голова.

Верите? Никто и никогда не говорил мне этой заигранной в фильмах и книжках фразы. Ни разу в моей жизни! Даже когда я был маленьким мальчиком с разбитыми коленками и вибросачком для ловли бабочек, мне этой замечательной фразы

186 почему-то не доставалось.

С отцом вообще все ясно: он был высечен из кремня и стали. Но и моя покойная мать по части любви не очень-то преуспевала. Она была астробиологом, до маниакальности влюбленным в свою работу. Идеологию «настоящего мужества» она воспринимала близко к сердцу. Считала, что с «настоящими мужчинами», даже когда они маленькие, миндальничать не следует. Вот она со мной и не миндальничала.

И Полина, моя старшая сестра, погибшая вместе с матерью на какой-то Богом забытой планете Фелиции, тоже так считала. Полинка вообще стремилась во всем походить на мать. Жаждала быть такой же собранной, целеустремленной, дисциплинированной. Получалось у нее это плохо, и к своим шестнадцати она стала скорее нелепой карикатурой, чем копией нашей мамы.

Место дисциплины в душе Полинки занимала жесткость, место целеустремленности — догматизм. Мы часто ссорились, ей слишком нравилось меня наказывать и поучать. Неудивительно, что на ее любовь я особо не претендовал. Хотя когда она погибла, конечно, расстроился...

К чему это я все веду?

Ну уж точно не к тому, что меня, такого бедненького, следует пожалеть. А к тому, что признание Риши меня ошарашило. Еще бы не ошарашить! Ведь у Иссы я фактически выцыганил ответ «да» на мой вопрос, любит ли она меня. И еще неясно, хватило бы Иссе смелости сказать *такое*, не будучи крепко уверенной во взаимности?

Короче, я засмушался и застеснялся. Тем временем Риши продолжала:

— Но я говорю это не для того, чтобы ты чувствовал себя неловко. А потому, что больше не могу держать это в себе. Мне было бы очень трудно жить, если бы я не сказала тебе о своей любви. Потому что есть вещи, о которых не получается молчать.

— Понимаю, — сказал я.

Риши очень волновалась. То и дело она запинаясь и дышала часто-часто. Контраст с ее всегдашним молчаливым, олимпийским спокойствием получался ужасный. Пожалуй, тогда, возле фонтана, я впервые за долгие шесть дней нашего знакомства подумал о ней не как о подруге Иссы и потенциальной Колькиной пассии, но как о самостоятельной, сложной личности с таинственным внутренним миром.

Воспоминание о Самохвальском словно бы током меня ударило. Я посмотрел прямо в ореховые глаза Риши и спросил:

— А как же Коля?

— Коля хороший человек, но...

— Что «но»?

— Но я не люблю его. Я всегда буду любить одного тебя. И хочу, чтобы ты знал это.

— Спасибо, Риши. Не знаю даже, чем я заслужил, — сказал я после долгой, мучительной паузы. — Знаешь, из всех неожиданных Ардвисуры, ты — самая большая.

Тут Риши посмотрела на свои часики и подняла на меня встревоженные глаза:

— Вот и все, Александр. Мне пора идти. Желаю вам с Иссой большого счастья. И, пожалуйста, не говори ей об этой встрече. Сделай вид, что ничего не было.

— Клянусь, — пообещал я.

Тут вдруг какой-то чертик во мне активизировался. А может, восхищение чистотой порыва и самоотверженностью симпатичной девушки Риши были всему виной. Только я сказал:

— Риши, а хочешь я поцелую тебя? Просто так, на прощание?

Щеки Риши зарделись, как калина. С секунду в ней боролись желание и долг. Наконец она опустила ресницы и дрожащим голосом сказала:

— Нет, Александр. Это совершенно лишнее. Прощай. Конечно, через пятнадцать минут мы увидимся снова, возле ворот. Но тогда, при Иссе, я не смогу сказать тебе это слово так, как мне бы хотелось. Поэтому — прощай.

В этот миг Риши, более не глядя на меня, развернулась на сто восемьдесят градусов, да так резко, что ее темно-каштановые, с рыжим отблеском волосы хлестнули меня по лицу, и зашагала, а затем и вовсе побежала прочь от фонтана.

Ее стройная фигурка уже скрылась за туями, а я все стоял там и думал.

О том, что услышал. О том, что, конечно, мог бы заподозрить Риши в неумеренных симпатиях к своей персоне и раньше, если бы правильно проинтерпретировал ее поведение, ведь взгляды никогда не обманывают. Да и Коля на что-то подобное намекал...

На душе у меня было светло и грустно.

В воздухе еще стоял смешавшийся с утренней росистой свежестью нарциссовый запах Иришкиных духов, и я нехотая подумал о том, что пользоваться духами женщинам-офицерам Клона запрещено (так мне говорила Исса).

Что же это получается, Риши нарушила строгие правила только для того, чтобы доставить мне мгновения обонятельного удовольствия?

Выходит, если бы времени у нас с Риши было больше, если бы девчонки не уезжали сегодня на свой растреклятый

188 линкор, я мог бы воспользоваться благосклонностью Риши

вполне определенным образом? И никакие правила не удержали бы Риши от того, чтобы отдаться мне?

Нет, я никогда бы не воспользовался ее чувствами ради того эфемерного «хорошего траха», которым бредит по ночам половина кадетов нашей Академии.

Почему? Да потому что

**ПРИКУРИВАТЬ ОТ СВЯЩЕННОГО ОГНЯ
КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ**

Так гласила табличка, которую я видел у входа в Святилище, каковое в «Чахре» очень даже имелось, а как же без него?

Пояснить аналогию? Надеюсь, не нужно.

И еще: я был совершенно уверен в тот момент, что мы с Риши непременно встретимся. Может быть, в раю для пилотов?

ГЛАВА 12

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЗДУХОПЛАВАНИЕ!

Октябрь, 2621 г.

Необитаемый полуостров

Планета Фелиция, система Львиного Зева

Утро следующего дня Эстерсон встретил бодрячком. С первыми лучами солнца страх покинул его. А может, попросту запытался в пресловутое «подсознание».

Между тем мысль о необходимости идти в лагуну за водой вызывала у него бурный внутренний протест. А уж идея повторить вчерашний подвиг и снова попытаться пройти по песчаной косе к брошенной станции казалась и вовсе верхом идиотизма.

— Уж лучше сдать поисковым группам! У Родригеса по крайней мере шупалец нет, — рассуждал Эстерсон.

Кстати говоря, поисковые группы тоже не заставили себя долго ждать. В районе полудня он слышал характерный дребезжащий гул вертолета. Затем еще одного.

Машины летели вдоль береговой полосы и приземлились возле той самой вожаемой станции. Минут через двадцать они снова поднялись и улетели на север.

Где-то через два часа оба вертолета прошли в обратном направлении, на юг.

— Зашевелились, гады. На доводку «Дюрандаля» у них лишнего человечка не допросишься. А как беглеца ловить, так гляди ж ты — лишняя сотня отыскалась, — криво усмехнувшись, пробормотал Эстерсон.

Он притаился за стволом гигантского хвойного дерева, наблюдая за тем, как исчезают вдаль сыскные машины.

— Интересно, насколько их хватит, а? Дня на три, не больше? Дорогое все-таки это удовольствие — по чужим планетам шарить! — вслух рассуждал он.

За эти два с лишним дня у Эстерсона появилась привычка говорить с самим собой. Он все еще не мог решить, как следует с ней поступать — бороться или, наоборот, культивировать.

С одной стороны, в обычной жизни сами с собой болтают одни только психи. С другой стороны, он ведь не «в обычной жизни»? Только перестань использовать человеческий язык и сам не заметишь, как оскотинел...

В общем, Эстерсон решил пока не трогать новую привычку. А вместо этого обследовать полуостров на предмет наличия пресной воды.

«Все равно в ближайшие три-четыре дня из лесу лучше не высовываться».

Центральная часть полуострова оказалась весьма занимательной. Эстерсон потратил на ознакомление с ней не меньше шести часов.

Растительность там была буйной и довольно разнообразной. Раскидистые кроны высоких деревьев образовывали несколько ярусов, в которых, судя по душераздирающим звукам, время от времени происходил естественный отбор по Дарвину.

Верещали в дуплах неведомые зверушки. Чирикали и щебетали птицы. С грозным жужжанием вились над цветущими ветвями насекомые. Эдем!

Некоторые деревья были похожи на фикусы, другие — на секвойи, третьи напоминали земные платаны, разве что были еще больше.

Настоящих, «ученых» названий ни деревьям, ни животным, ни птицам Эстерсон не знал, а потому решил для себя впредь именовать флору и фауну Фелиции в полном соответствии с их земными аналогами. Если зверь похож на кролика или хотя бы имеет два длинных уха, значит, будет кроликом. Если дерево похоже на фикус — будет фикусом.

Все-таки в слове «фикус» есть что-то домашнее, уют-

И произносить его гораздо легче, чем ломать язык на «*Kerobidos vuspera vulgaris*» (именно так именовалось самое распространенное на полуострове дерево в астроботанических каталогах).

О каверзах, которые таила в себе такая назывательная стратегия, Эстерсон поначалу не задумывался, пока на одной райской с виду полянке не обнаружил дерево, очень похожее на высокую голубую ель, на ветвях которой, однако, вместо шишек висели плоды, неотличимые от земных груш. Что это будет — груша или елка?

Плодов, золотистых и краснобоких, было много — и на дереве, и на земле. Выглядели они аппетитными, сочными и даже чуть перезрелыми.

Хоть сейчас на рекламу сока.

У Эстерсона, которому очень хотелось начать полноценную жизнь Робинзона (а ведь тот, если верить книге Дефо, сразу начал пожирать все, до чего мог дотянуться), даже мелькнула шальная мысль, а не попробовать ли одну такую грушу. Ну просто не может такой симпатичный фрукт быть кислым и ядовитым! А сколько в нем, должно быть, витаминов?!

Он уже собрался было отведать инопланетное диво, когда заметил, что ни одна из многочисленных ярко оперенных птиц, что сновали поодаль, грушами не интересуется.

Конструктор поднял с земли половинку груши (расколовшейся надвое при падении — что, кстати, резко отличало ее от «нормальной», земной груши) и понюхал.

— Какая гадость!

Запах, который ударил ему в ноздри, был отвратителен. Отвратительнее запаха экскрементов раз в четыреста.

Эстерсон с отвращением отбросил смердящий плод, как вдруг краем глаза заметил в кустах слева от себя какое-то движение.

На сей раз реакция его не подвела — видимо, урок, который преподало хищное щупальценогое, не прошел даром. Он мгновенно выхватил «ЗИГ-Зауэр», снял его с предохранителя и обернулся.

Увы, разглядеть врага среди густой листвы ему не посчастливилось. И хотя на миг ему показалось, что его глаза встретили чей-то взгляд... Нет, наверное, только показалось...

Неудавшийся Робинзон оставил хвойную грушу в покое и пошел дальше на юг, все еще не теряя надежды отыскать родник или речушку. Но не успел он пройти и ста метров, как почувствовал: за ним наблюдают.

Взгляд чужака ощущался спиной. Кожей. Душой.

Несколько раз он пробовал перехитрить наблюдателя. Резко останавливался. Давал стрекача, а затем резко отпрыгивал в сторону, падал и замирал, прижавшись к земле.

Но ни один из этих приемов не сработал.

Через час этих скаутских игр Эстерсон махнул рукой на наблюдателя, присутствие которого он по-прежнему чувствовал совершенно отчетливо.

Кстати сказать, эта отчетливость интуиции — Эстерсону, как человеку свехрассудочному, в принципе не свойственная — отдавала чем-то мистическим. Она казалась ему параноидальной. И это было чувство не из приятных.

«Ну вот, всего несколько дней один, а уже начинаю сходить с ума», — вздохнул он.

«Хочет ходить за мной — пусть ходит. Мне стесняться нечего. В конце концов, кто это может быть? Смерть с косой? Явно ведь не следопыт из поисковой партии!» — решил Эстерсон.

За исполинскими стволами деревьев уже виднелось плато вулканической лавы, когда ему наконец повезло — он нашел крохотный родничок.

Затаившись под разлапистой корягой, родник толчками бил из земли, давая начало ручью, который, игристо ловча между валунами, убежал к океану.

Эстерсон расцвел в улыбке и склонился к воронке родника, держа в руках термос.

Прохладное ручейное «жур-жур» навевало приятные воспоминания о его шведском доме, где он бывал так редко. На живописном участке земли, который он унаследовал от родителей (а те, в свою очередь — от своих родителей, и так до незапамятных времен, до самого девятнадцатого века!), тоже имелся родник. Такой же крохотный, как этот. Разве что вода в нем была еще более прозрачной, еще более чистой и, кажется, имела свой особый хрустальный цвет и волшебный запах...

О загадочном преследователе Эстерсон уже и думать забыл. А потому, когда за его спиной вдруг тревожно захрустела ветка и на землю, судя по звукам, шмякнулось что-то немаленькое, он вздрогнул всем телом.

Конструктор выронил термос и, почти рефлэкторно, вновь выхватил «ЗИГ-Зауэр».

Распрямился.

Превратился в слух и зрение. Неужели все-таки опасность?

Снова что-то ухнуло — словно бы упал засохший древесный ствол.

Нервы у Эстерсона были отнюдь не железные. Палец совершенно рефлэкторно надавил на спусковой крючок. Затем еще раз. Прогрелись два выстрела.

Гробовая тишина, воцарившаяся в лесу после этой демонстрации твердых намерений, вернула ему трезвомыслие.

Эстерсон помедлил еще минуту и заткнул пистолет за пояс комбинезона. Он вдруг почувствовал — им больше не интересуются.

«Интересно, что теперь предпримет загадочный преследователь?»

Конструктору ответил сам ход событий. Легонький топот, шелест расступающихся кустов, хруст валежника. Преследователь убежал!

«Не-ет, этого я так не оставлю!»

Он живо сбросил рюкзак и ринулся в чащу. Его душа преисполнилась охотничьим ликованием.

Ох и приятно иногда поменяться ролями!

Не будучи хорошим бегуном, Эстерсон тем не менее настиг преследователя довольно быстро — существо, как быстро выяснилось, хромало на одну лапу.

Это был сирх. Абориген планеты Фелиция.

Сирхами назывался разумный неантропоморфный теплокровный вид-гегемон, населявший сухопутье Фелиции — планеты приятной во многих отношениях.

Преследователь Эстерсона имел полтора метра роста и худощавую комплекцию. Мордкой и сложением он, как и его собратья, более всего походил на кота, отрастившего себе невесть за какой надобностью широкий спинной гребень и кожистые перепонки между передними лапами и нижней частью спины.

Сходство сирхов с земными кошачьими было воистину поразительным!

Длинный пушистый хвост (разве что чуть приплюснутый, как у бобра), когтистые четырехпалые конечности (верхние — развитые, как человеческая рука, а нижние — мощные, попрыгучие, как у кенгуру), хитрые глазки с вертикальным зрачком-рисочкой, широкий кожистый нос с одной только ноздрей, бдительно торчащие ушки, верткие, пластичные повадки...

Правда, в отличие от земных кошачьих, сирхи не были хищниками.

И этот факт, между прочим, не в последнюю очередь предопределил выбор Эстерсона относительно Фелиции (которому хищники осточертели как класс — особенно разумные; слишком уж хорошо он изучил их человеческую разновидность, работая в «Дитерхази и Родригес»).

Если земные коты не могли и недели прожить без рыбы и мяса (хотя бы в виде гранул сухого корма), то сирхи Фелиции не мыслили жизни без *качи* — так, если верить «Энциклопедии», называлась вязкая белесая масса, служившая сирхам основным продуктом питания.

Кача была результатом переработки сока деревьев с неудобочитаемым латинским названием, волею сирхов ставшего основной агрокультурой планеты.

Качу воспевали поэты, ее изображали художники, о ней охотнее всего беседовали сирхи на своих вечеринках. Самым популярным именем у сирхов было имя Качхид, что в переводе означало «влюбленный в качу».

Но самым необычным у аборигенов Фелиции был их шерстяной покров.

В отличие от человеческих волос и шерсти земных животных (представляющих собой ороговевшую ткань, вырастающую из живой волосяной луковицы, запрятанной в коже), шерсть сирхов была живой от кончика и до корня.

И эта живая шерсть могла менять цвет в зависимости от того, что в данный момент требовалось ее хозяину. Сирхи были хамелеонами!

Нет, это не делало разумных жителей Фелиции похожими на экраны визоров. Но стоило сирху полежать минут пять на песочке, как сам он становился желто-коричневым. Стоило ему заснуть на ветке местного платана, как его шерсть начинала отливать кофейным и фисташковым.

Кстати говоря, тот сирх, за которым гнался Эстерсон, был зелено-серым — от хвоста и до спинного гребня. Он двигался довольно неуклюже и Эстерсон не мог взять в толк, как же это ему, такому медлительному и неповоротливому, удалось водить его за нос добрых два часа и притом оставаться совершенно незамеченным!

Наконец он сообразил, что все это время сирх попросту двигался по ветвям нижнего яруса. Ведь эти перепонки между лапками и бедрами у них вовсе не для красоты. И гребень кожистый — тоже. Эстерсону ли не знать, что гребень этот есть не что иное, как стабилизатор!

Сирхи, на манер земных белок-летяг, неплохие летуны. Бесшумно перепорхнуть с ветки на ветку, с дерева на дерево — для любого сирха дело немудреное.

«Какой же я кретин! Смотреть нужно было не в кусты, а на кроны!»

Эстерсон пригляделся: у сирха, которого он почти уже догнал, на боку светледа рваная рана, из которой сочилась молочно-розовая кровь.

«Неужели моих рук дело?» — ужаснулся Эстерсон, вспоминая, как с перепуту палил по кустам из «ЗИГ-Зауэра».

«Ничего себе удача — начать новую жизнь на другой планете с убийства беззащитного существа!»

Он пригляделся повнимательнее. Нет, ранение совершенно не было похоже на огнестрельное!

Скорее уж под беднягой не вовремя сломалась ветка и он, падая, напоролся на острый сук.

— Стой! Слышишь, парень, стой! — крикнул Эстерсон, когда его отделяли от сирха каких-то пять шагов.

Сирх обернулся и испуганно посмотрел на Эстерсона. Конечно, он не понял смысла обращенных к нему слов. Но шаги ускорил — на всякий случай.

Эстерсон тоже подналег. Чего он хотел — пожать сирху лапу? Поболтать? Но как? Ведь «Сигурда» при нем не было!

Но об этом Эстерсон тогда не думал. Он нагнал сирха и положил руку ему на плечо.

Конечно же, это была ошибка.

Сирх вновь повернул к Роланду свою мохнатую морду, которая тут же сменила цвет на черно-серый (позже Эстерсон узнает, что этот цвет в эмоциональной палитре сирхов отвечает за крайний испуг), единожды моргнул своими ореховыми глазами, расслабленно присел на задние лапы и... с обреченным вздохом повалился на землю.

Вот уж чего Эстерсон не ожидал так не ожидал.

— Эй, парень, ты что, в обморок, что ли, упал? — вслух спросил конструктор, теребя сирха за опущенное пепельно-серой шерстью плечо. — Я тебя испугал, да?

Но сирх не издавал ни звука.

Он лежал с закрытыми глазами и, кажется, даже не дышал!

Эстерсон сел на корточки рядом с сирхом и закурил. Вид у него был озадаченный.

Затушив сигарету, он посмотрел на часы. С тех пор как сирх свалился на землю, прошло уже десять минут.

— Эй, ты чего? Тебе плохо, что ли? — робко спросил Эстерсон.

Ответа не последовало.

Инженер чувствовал себя растерянным. Однажды при нем упала в обморок его секретарша, сеньора Талита. Дело было в Санта-Розе — Грузинский обнаружил в сейфе с секретными документами невесть как проникшую в святая святых мышь. И ладно бы просто обнаружил и тихо пришиб каблуком. Так он, дебил, довел свое открытие до широких слоев общественности!

Услышав радостное сообщение Грузинского, сеньора Талита побледнела и брякнулась на спину, в аккурат напротив сейфа. Помнится, не смутившийся ничуть Грузинский еще пошутил как-то особенно уместно. А может, процитировал какую-то неведомую классику. В том духе, что «мышь — это животное, чей жизненный путь устлан телами упавших в обморок женщин».

«Но обморок Талиты продолжался никак не больше минуты! А этот котяра дрыхнет уже четверть часа!»

Сирхи, конечно, анатомически и физиологически устроены несколько иначе, чем люди. Поэтому у них и обморок может продолжаться дольше, рассуждал Эстерсон. И все-таки они ведь тоже дышат кислородом! Ведь они, — по крайней мере, если верить альтернологам, — имеют схожую с человеческой структурой мозга и систему обмена веществ.

В таком случае, разве возможно, чтобы сирхи были способны часами обходиться без дыхания? Скорее всего нет.

Эстерсон посмотрел на сирха — тот по-прежнему не шевелился. Шерсть на нем поникла, а из его пасти потекла малоэстетичная бело-розовая пена. Мышцы сирха обмякли. Вид у него был... вид у него был... совершенно дохляческий!

«А что, если он и впрямь умер? От испуга?» — вдруг подумал Эстерсон.

— Эй, парень, ты что, сдох?

Тут ему в голову пришла свежая мысль: «Если бы я заговорил на языке сирхов, может, мне удалось бы привести его в чувство. Недаром же все психологи мира в один голос твердят про волшебную силу родного языка!»

Вдохновленный своей идеей, Эстерсон бросился за рюкзаком, который остался на родниковой поляне. Он обернулся довольно споро — сбегал туда и обратно, прилепил к плечу визуальный плаг-ин «Сигурда», а на руку надел сам электронный переводчик. Склонился над сирхом и заговорил:

— Меня зовут Роланд. Я — друг. Я прибыл с планеты Земля с туристическими намерениями. Я не хочу ни тебе, ни твоему народу ничего плохого. Если ты болен, скажи мне, как я могу помочь тебе...

И так далее, и тому подобное.

Эстерсон упомянул взаимовыручку, которую должны оказывать друг другу люди и сирхи. Уверил, что сражен наповал красотами Фелиции. И признался, что хотел бы добраться до заброшенной исследовательской станции. Он даже извинился перед сирхом за то, что погнался за ним!

Но реакции не последовало. Видимо, извинения сирха не впечатлили.

А когда наступили сумерки, Эстерсону ничего не оставалось, кроме как признать: первый же встреченный им сирх скоропостижно издох. Скончался, не приходя в сознание. По крайней мере отсутствие дыхания, существенное понижение температуры тела, а также внимание, которое проявили к телу несчастного лес-

196 ные насекомые, свидетельствовали именно об этом.

— Кто же знал, что они такие трусливые! Кто же знал! Ну, конечно, я читал, что сирхи впечатлительны. Но до такой степени, чтобы сразу откидывать коньки! Может, конечно, ушибся когда падал. Или ранка на боку смертельной оказалась — занес какую-нибудь быструю инфекцию... Бывает же такое!

Громко причитая, Эстерсон покинул тело сирха и вернулся к роднику.

Там он надул палатку и разогрел себе ужин — на сей раз его ждал сублимированный говяжий бульон с луком (жирный, сытный и горячий), банановое желе (эта химия была так себе), рагу из овощей с молодой бараниной и сгущенное молоко.

Но даже деликатесный по робинзоновым меркам ужин не смог утешить Эстерсона. Он был мрачнее тучи. Ведь его Пятницу постиг летальный исход прежде, чем они успели обменяться именами, стеклянными бусами и религиозными воззрениями!

Так состоялся первый в личной истории инженера Роланда Эстерсона контакт с представителем инопланетной цивилизации.

Два следующих дня Эстерсон провел в размышлениях над своей нескучной судьбой.

Было очевидно, что тех съестных припасов, которые он взял с Цереры, ему хватит максимум на две недели. И это — при условии строжайшей экономии (про которую он, в свете недавних треволнений, как-то не особенно вспоминал, считая, что хорошее настроение важнее расчета).

Сколь ни были легки пакеты с сублимированным бульоном и желе, с растворимым кофе и сливками, а взять по сто единиц каждого блюда у Эстерсона не было никакой возможности.

«ЗИГ-Зауэр» и сорок патронов к нему, навигатор-ориентировщик, перочинный нож (добытый в результате нечеловеческих ухищрений — ведь на «Боливаре» строго следили за тем, чтобы кто-нибудь кого-нибудь не прирезал!), универсальный скотч, палатка (превращавшаяся при нужде в нечто вроде надувного спасательного плота), сигареты и лекарства, сухой спирт, ножницы, зубная паста и щетка, автоматический переводчик системы «Сигурд» с визуальным плаг-ином и электронной «Энциклопедией», ложка, миска, термос с системой фильтров, а еще смена белья и теплый свитер...

Все это он тащил с собой, ибо знал: без этих костылей он не пройдет по просторам звездоземья и десяти километров.

Ясное дело, что при такой загрузке рюкзака места для пары лишних банок со сгущенным молоком просто не оставалось!

Эстерсон полностью обследовал полуостров, на который его зашвырнула судьба, и убедился: этот клочок

земли необитаем (если не считать за «обитателя» того единственного сирха, труп которого, кстати сказать, чудесным образом исчез — по крайней мере на следующее утро конструктор его на прежнем месте не обнаружил).

На полуострове не было выявлено никаких следов жизнедеятельности сирхов — ни домов, ни рыбацких шалашей, ни дорог. Отсутствовали и приметы деятельности цивилизаций седьмой ступени развития: ни пустых консервных банок, ни одноразовых стаканчиков. Что удивительно, это обстоятельство начинало печалить Эстерсона.

Он скучал по общению. Ему начинало казаться, что даже малоразвитые ленивые сирхи смогли бы частично удовлетворить его насущные социальные потребности...

Все это было Эстерсону внове.

Как же так? Ведь он всю жизнь считал себя мизантропом и эгоистом, нуждающимся по-настоящему лишь в самом себе!

Выходит, ошибался?

Необитаемый полуостров соединен с материком песчаной косой. Но она непреодолима. По крайней мере, с психологической точки зрения.

Может быть, улучив момент, можно было бы добраться до материка, если бежать по отмели сломя голову в пиковый час отлива?

Наверное, какой-нибудь записной смельчак, наподобие тех, что орудуют в героических и приключенческих фильмах, на месте Эстерсона так и поступил бы. Но конструктору хватало честности признаться себе: он скорее сгниет в лесу с хвойными грушами заживо, чем еще раз решится испытывать добронравие монстра, которому по силам проглотить истребитель...

Не раз и не два Эстерсон смотрел в бинокль на заброшенную станцию, ломая голову над тем, как же все-таки до нее добраться.

Увы, поплыть к станции на лодке было практически равносильно тому, чтобы отправиться по косе пешком. И в том, и в другом случае Эстерсон был совершенно беззащитен перед чудовищем и полностью зависим от опасной водной стихии.

«Но ведь сирх, тот самый несчастный трусишка, каким-то образом оказался здесь? Ведь он же наверняка живет там, на материке? Или это был такой же Робинзон, как и я? Но тогда где его дом и хозяйство?» — недоумевал Эстерсон.

Тем временем операция по поимке беглецов продолжалась. За последние дни вертолеты стали появляться реже, но зато кружили они дольше. Иногда они снижались почти до самых верхушек деревьев и подолгу висели на одном месте. Случалось и

такое, что с борта вертолетов открывали ураганный огонь по лесу, а потом спускали по тросам парочку проверяющих.

Правда, все эти инциденты с пальбой происходили довольно далеко, на большой земле. И конструктору если и приходилось бояться, то не за себя, а за сирхов. Впрочем, что-то подсказывало ему: проворные аборигены так просто подстрелить себя не дадут.

Поначалу появление рейнджеров сильно действовало Эстерсону на нервы. Но вскоре он привык к этим бесплодным воздушным рейдам.

В конце концов ему было приятно знать, что люди — обыкновенные люди — где-то совсем близко.

И даже тот факт, что эти люди суть жестокие и решительно настроенные враги, мечтающие лишить его свободы или даже застрелить на месте, этого странного удовольствия — удовольствия, которое трудно понять тем, кто никогда не ночевал в джунглях чужой планеты в полном одиночестве, — не портили.

Впрочем, радость, которую испытывал Эстерсон от созерцания попыток преследователей отыскать его, не мешала ему принимать необходимые меры предосторожности.

Он не разжигал костра днем (а только ночью и только в специальной, сооруженной для этой цели землянке, чей дымоход был укрыт ветками с листьями, фильтрующими дым). Он практически не выходил из-под защиты деревьев, а свою палатку замаскировал так тщательно, что несколько раз в рассеянности проходил мимо и потом долго искал, чувствуя себя заблудившимся в трех соснах растяпой.

Впрочем, Эстерсон знал: поиски прекратятся со дня на день. И хотя эта мысль, несомненно, радовала его, в каком-то высшем смысле было в ней и сожаление.

«Как буду я бороться со скукой, когда эти стрекочущие хреновины уберутся восвояси?»

Время шло, а вопрос о том, как выбраться с полуострова, оставался без ответа, пока однажды, во время бесцельной и бездумной прогулки по лесу, Эстерсон не натолкнулся на свои парашюты, довольно небрежно сложенные и замаскированные им еще в первый день робинзонады.

Он совершенно о них позабыл. И поначалу даже не сообразил, откуда взялся здесь этот курган из древесной трухи, ветвей и опавших листьев.

Эстерсон подумал, что было бы вовсе не лишним зарыть парашюты в землю, чтобы эта куча мусора не мозолила глаза. Но ему вдруг стало жаль ценной парашютной ткани. Ограниченность ресурсов, которыми он располагал, пробудила в нем исключительную рачительность.

«Если я зарюю их, нежная ткань слезится и быстро придет в негодность. А ведь она еще может послужить! Может быть, когда я доберусь до материка, я смогу выменять ее у сирхов на что-нибудь съестное. Или, допустим, на сигареты».

Но его инженерный ум не хотел мириться с идеей мены многослойного парашютного шелка на черствый батон хлеба с отрубями, оставшегося после пикника каких-нибудь залетных землян и бережно сохраняемого семейством сирхов в качестве странного сувенира. Его пытливая натура хотела отыскать шелку более возвышенное применение.

«Может быть, имело бы смысл сделать из него парус для лодки? Если закрепить парус на мачте и поймать хороший ветер, можно добраться до станции по океану за каких-нибудь полтора часа. Глядишь, и твари головоногие не успеют опомниться...»

Эстерсон нахмурился. Нет, при одной мысли о воде ему делалось не по себе. Хоть в лодке, хоть пешком, хоть с парусом, хоть без него — все равно в азартные игры со смертью он больше не играет!

«Но как-то же люди путешествовали раньше, до того, как изобрели самолеты?» — рассуждал он.

«На чем же они передвигались? На кораблях и лодках, это ясно. На лошадях и верблюдах. На своих двоих. На воздушных шарах и цепелинах...»

Тут-то Эстерсона и осенило.

— Правильно! На воздушных шарах! Да здравствует воздухоплавание! — громко закричал он, вздевая руки к небесам.

Самолично изготовить примитивный летательный аппарат, который был бы способен перенести человека по воздуху на расстояние пяти километров, было делом не простым. Даже для конструктора экстра-класса.

И хотя проблем теоретического свойства перед Эстерсоном стояло немного, от этого было не легче: практические с лихвой их компенсировали.

Во-первых, следовало правильно рассчитать форму и размеры шара, исходя из количества наличествующего парашютного шелка.

Затем следовало вычертить выкройку будущего шара и в точном соответствии с ней нежно, чтобы не повредить структуру и покрытие, разрезать ткань. А после аккуратно соединить получившиеся части выкройки воедино при помощи универсального скотча (которого запросто может не хватить, ведь при подготовке к побегу идея заняться воздухоплаванием в голову Эстерсону не приходила — он рассчитывал использовать скотч при

200 постройке жилища). И притом так, чтобы не было ды-

рок, не то весь газ вытечет за считанные секунды, и он рухнет в океан на поживу монстрам!

Во-вторых, следовало решить вопрос о том, чем наполнять шар, буде такой вообще удастся изготовить.

«Можно, конечно, наполнить его горячим воздухом. Соорудить примитивную горелку и все такое прочее. Но будет ли достаточно одного теплого воздуха, чтобы обеспечить хорошую летучесть шара при таких скромных его объемах, какие рисуются при взгляде на количество ткани?» — спрашивал себя конструктор.

В-третьих, следовало сделать корзину, где будет находиться воздухоплаватель, то есть он, Эстерсон.

А также сплести из парашютных строп сетку, которой будет крепиться корзина к шару. И наконец, предусмотреть мешки и мешочки с балластом.

Плести корзины Эстерсон не умел. А потому было решено использовать в качестве корзины надувную лодку. Что же до вопроса о том, чем наполнить шар, то и эту проблему конструктор решил. Ясно ведь, что наполнять нужно гелием.

А в качестве источника этого газа можно использовать диковинные грибы-дождевики, в изобилии растущие на полуострове.

Еще за два дня до того Эстерсон вычитал в «Энциклопедии», что, будучи продырявленным, местный пупырчатый гриб-дождевик исторгает из себя, словно надувной мячик, небольшую порцию чистого гелия. «Энциклопедия» также сообщала, что, к сожалению, промышленного значения это фелицианское чудо не имеет.

«Небось слишком дорого обошелся бы ручной сбор грибов в местных лесах», — позлорадствовал Эстерсон.

Каждый дождевик давал около пяти кубических дециметров газа. Таким образом, одной большущей кучи грибов, которых, на счастье, в тенистых и влажных уголках леса росло вдосталь, должно было хватить для того, чтобы без проблем наполнить целый шар.

Когда зудение вертолетов над его головой наконец прекратилось, он не сразу заметил это, поглощенный необходимыми расчетами.

Только через два дня он осознал, что посланцы «Дитерхази и Родригес», похоже, убрались восвояси.

После этого Эстерсон засучил рукава и принялся за работу.

Скука отступила. Тоска по обществу — тоже. Лишь выкладываясь до конца, Эстерсон чувствовал себя самодостаточным, счастливым, полноценным.

Он трудился над шаром от рассвета и до наступления сумерек с небольшими перерывами на обед.

Да, деньги, отведенные на операцию по поимке Эстерсона, окончились и поиски беглеца прекратились. Но конструктор остался к этому факту совершенно равнодушен. Теперь у него были заботы поважнее. Да и времени радоваться у него не было. Даже по ночам ему снились летающие исполины. В последний раз такое случилось с ним во время работы над первым прототипом «Дюрандаля».

Прошло две недели, и шар состоялся как факт физической реальности.

Его припухшее оранжевое тело теперь было разложено на поляне, тщательно очищенной от всего, что могло проколоть или повредить деликатную ткань.

Под раскидистым платаном громоздилась гигантская пирамида грибов-дождевиков — три дня Эстерсон потратил на то, чтобы собрать и доставить их к месту старта.

Палатка была трансформирована в лодку лишь этим утром. И надута она была до каменной твердости.

Внутри нее и рядом с ней находились многочисленные мешочки с балластом, сшитые из остатков ткани, а также множество камней — от маленьких до настоящих валунов, обвязанных лианами (все парашютные стропы пошли на обнимающую шар сетку и тали управления). Эти камни должны были удерживать наполненный шар и корзину до момента взлета.

Эстерсон с гордостью оглядел свое воздухоплавательное хозяйство.

— Не хуже, чем делали восемьсот лет назад! — вслух заключил он.

На радостях он позволил себе сигарету, что в последнюю неделю делал нечасто, пытаясь растянуть удовольствие на возможно более долгое время.

Эта сигарета была одной из четырех последних. Эстерсон очень надеялся, что на материке, буде его приземление пройдет успешно, ему удастся встретить хоть одного заядлого курильщика.

«Может быть, сирхи тоже курят?» — надеялся Эстерсон.

Ему мучительно не хотелось отказываться от своей вредной привычки. Особенно здесь, на Фелиции. Может быть, потому, что курение было одной из немногих повседневных практик, роднивших его с прошлым, с миром обычных людей, людей, среди которых он вырос и состоялся как личность.

Бросать курить теперь? После того как он «бросил» уже столько всякого — пить кофе, болтать по вифону, флиртовать с сеньорой Талитой, ругаться с кретином Марио,

мусолить справочники по сопромату и протоколы испытаний? Разве это не комично?

Вдруг Эстерсон подумал о своих бывших коллегах — среди них были хорошие люди, были даже друзья.

«Интересно, что сказал бы Грузинский, если б увидел меня здесь, возле кучи этих вот грибов, рядом с шаром? А Пес? Что бы сказал Пес на это? Наверное, обозвал меня опасным психом, читавшим в детстве слишком много древних приключенческих романов?»

Эти мысли заставили Эстерсона улыбнуться. Как мало знали для него теперь чужие мнения!

Утром следующего дня конструктор зарегистрировал устойчивый юго-восточный ветер. Тот самый, который был его союзником, когда он убирал с плато катапультируемое кресло и стойку шасси.

Это означало, что ждать больше нечего.

«Сегодня!» — решил он.

Спустя три с половиной часа все собранные дождевики были выпотрошены, а шар вырос до гигантских размеров. Сразу в нескольких местах гелий тихонечко сочился сквозь обшивку шара — как ни старался Эстерсон, а сделать шар полностью герметичным при помощи одного лишь скотча ему не удалось.

«Впрочем, какая разница? На пять километров его хватит, а больше мне и не требуется!» — успокаивал он себя.

Роланд в последний раз проверил наличие и вес балласта в корзине.

Положил в корзину рюкзачок.

Обвязал вокруг пояса тали, при помощи которых он планировал уменьшать объем шара, чтобы приземлиться.

Окинул пристальным взглядом поляну — ничего ли не забыл?

Помедлив еще минуту, Эстерсон решительно извлек из-за пояса нож и перерезал самую толстую веревку, сплетенную им из древесных волокон вперемешку со шнуром парашютных строп. Веревка соединяла шар с пучком таких же веревок, но потоньше, каждая из которых оплетала камень — это был его якорь.

— Ну, с Богом! — прошептал Эстерсон.

Он хотел напоследок перекреститься — так учила его бабушка. Но шар рванулся ввысь с такой скоростью, что Эстерсон не удержался на ногах и упал на дно своей надувной корзины.

Он больно ударился спиной — падение пришлось в аккурат на рюкзачок, плотно набитый походным барахлом.

Перехватило дыхание и засосало под ложечкой — это обвязанные вокруг пояса тали сдавили диафрагму.

Эстерсон не без труда поднялся — корзину сильнейшим образом качало. Шквальный ветер трепал волосы на его голове и пронизывал холодом даже сквозь комбинезон.

Конструктор медленно подобрался к краю корзины и не смог удержаться от громкого возгласа изумления. За какие-то две-три минуты шар поднялся на сотни метров и, что ужасно, продолжал набирать высоту!

На секунду ему стало страшно, к горлу подкатила тошнота. Эстерсона сильно вырвало, просто вывернуло наизнанку съеденным поутру гороховым супом напополам с печеночным паштетом.

«Этого только не хватало», — мрачно подумал он.

Он никогда не жаловался на боязнь высоты. И надо же — такие реакции!

Приходилось признать, что в природе существуют две разновидности высоты: высота, которую ты наблюдаешь из кабины флуггера, и высота, что *разверзается* под корзиной примитивного воздухоплавательного снаряда. И эти две высоты совершенно разные, даже когда совпадают с точностью до метра!

Сердце Эстерсона громко билось у него в груди и грозило выпрыгнуть наружу. А невеста из каких подвалов души выползший страх медленно растворялся в крови и наполнял все части его тела гипнотическим безволием.

«Неужели я неправильно рассчитал объем гелия? Неужели газа слишком много?»

И хотя Эстерсон прекрасно знал, что на оба вопроса следует ответить «да» и принять срочные меры, он был не в силах пошевелиться. Смертельная усталость и апатия вдруг овладели всем его существом.

«И впрямь — к чему все эти жалкие метания? — вдруг подумал он. — В принципе есть в этом даже что-то романтическое — умереть в корзине воздушного шара от недостатка кислорода! Чем скотская, никому не нужная жизнь вдали от людей, так, может, лучше сразу смерть?»

Синева приближалась, усугубляя самогубские настроения Эстерсона.

Сама мысль о том, чтобы предпринять что-либо конструктивное — например, натянуть тали и уменьшить объем шара, рождала в душе конструктора парадоксальный внутренний протест. Он без стеснения наслаждался близостью смерти.

Корзину снова начало качать, на этот раз так сильно, что Эстерсон едва не выпал — юго-восточный ветер менялся на восточный самым неделикатным образом. Но это было не-

204 плохо, очень даже неплохо!

Когда корзина временно утомилась, Эстерсон вновь отважился посмотреть вниз.

Полуостров, на котором он провел две недели, теперь лежал далеко-далеко под ним.

Своими очертаниями он напоминал кошачью лапу с растопыренными когтями. Вот она, густая зеленка инопланетного леса. Серо-коричневое лавовое плато. Бледно-желтый шарф песка, который методично вылизывают белые языки прибора.

А вот и песчаная коса, ведущая на материк. Совсем близко (при взгляде с такой высоты) — исследовательская станция, объект его многодневных вожделений. Его заветная цель. Но что это там, на станции?

Эстерсон напряг зрение.

В это было трудно поверить, но над заброшенной станцией курился дымок! А ведь не далее чем час тому назад он самолично обозревал ее в бинокль. И все там было как всегда: запустение и безлюдье. И вот, среди всего этого декаданса, кто-то вдруг решил растопить камин!

Да-да, настоящий дым! И он валил из кирпичного дымохода!

«Кто это? Сирхи? Люди? Новая исследовательская группа, получившая жирный правительственный грант на восстановление хозяйства и продолжение наблюдений? Или неласковые мальчишки и девочки, подписавшие контракт с концерном «Дитерхази и Родригес» на поимку такого-сякого Эстерсона, предателя человечества?»

Конструктором овладело жгучее любопытство. Такое жгучее, что сопротивляться ему было совершенно невыносимо — точно так же, как еще несколько минут назад невозможным казалось предпринять что-то ради своего спасения.

Нежданный дымок вывел Эстерсона из предсмертного оцепенения и вернул ему интерес к жизни.

Борясь с оглушающим ветром, конструктор встал в центре корзины и, напрягая все свои мышцы, натянул тали.

Шар выпустил порцию газа. Полет чуть-чуть стабилизировался, но тут же шар снова рванулся вверх.

И тогда Эстерсон прибег к последнему, рискованному средству — он выпустил в шар полную обойму из своего «ЗИГ-Зауэра»

Газ повалил из дырок с громким свистом. Шар перестал набирать высоту и даже, кажется, начал снижаться!

Спустя несколько минут, когда шар приблизился к земле, Эстерсон наконец позволил себе перевести дух и снова подошел к надувному борту лодки.

Теперь коса и побережье со станцией уже остались далеко позади. Восточный ветер неуклонно сносил шар в

глубину континента — туда, где виднелись бледные меловые горы. Но Эстерсон не унывал — он знал, что преодолеет любое расстояние, вернется к берегу и узнает, доподлинно узнает, кто и зачем зажег огонь на покинутой станции.

Он без усталости натягивал тали деревянными от усталости руками, а шар все снижался.

Последний рывок — и перед ним замелькали верхушки испанских фикусов. Еще рывок — и корзина с Эстерсоном зацепилась за агрессивно растопыренные ветви высокого платана, а сам шар был прибит к кронам соседних деревьев порывом ветра.

Корзина накренилась, Эстерсон вывалился из нее и стремительно полетел вниз.

— А-а-а-а! — орал он громко, как только мог.

Не будь он обязан таями, он непременно разбился бы о землю, ибо высота дерева, крона которого легко раздавалась в стороны под тяжестью его тела, была не менее тридцати метров.

Но тали сдержали и смягчили роковое падение. Если не считать одного сломанного ребра и двух десятков синяков, приземление удалось на славу.

Это был самый сильный приступ маниакальной любознательности, который доводилось когда-либо испытывать Эстерсону за всю его жизнь.

Не успев толком прийти в себя, он тут же отрезал тали, вколол себе обезболивающее и бросился по направлению к станции. Что-то подсказывало ему — он поступает правильно. И хотя разум нашептывал ему целые саги о неразумии благородного мужа, идущего на поводу у собственного любопытства, на саги эти ему было плевать.

— К черту рассуждения! — повторял Эстерсон.

Он спрятался в густых кустах в десяти метрах от станции и начал вслушиваться. Первым, что он услышал, была песня.

Oj moroz, moroz,
Ne moroz' menya,
Ne moroz' menya,
Moego konya...

Песню пела молодая женщина. Голос у нее был глубоким и сильным. Слова песни показались Эстерсону совершенно непонятными, а потому он извлек из рюкзака свой «Сигурд», включил в режиме текстового интерфейса и воззрился на дисплей.

«Ага. Язык — русский. Что ж, это уже кое-что. По крайней мере это не козни «Дитерхази и Родригес». За-

кон Южноамериканской Директории от 2614 года иностранных граждан нанимать в военизированную охрану запрещает. И на поисковые отряды этот закон распространяется, по идее, тоже», — рассудил Эстерсон.

Тем временем женщина, скрытая от Эстерсона стенами полуразрушенного здания, добралась до следующего куплета.

Moyego konya
Belogrivogo.
U menya zhena
Oh revnivaya!

«Только что она здесь делает? Она что, одна? Или где-то тут расхаживают ее друзья и кавалеры? И с чего это вдруг на нее нашла охота попеть?»

Теперь, когда любопытство Эстерсона было частично удовлетворено, ему хотелось только одного: закурить. В его распоряжении оставалась только одна сигарета.

Что ж, вот он — тот самый миг никотинового торжества. Он заслужил его! Десять тысяч раз заслужил! И то подумать: его авантюра с самодельным воздушным шаром увенчалась успехом. Он жив и здоров, он на желанном материке и, более того, нечаянно обнаружил поющее человеческое существо женского пола и русской национальности!

Он сел на корточки, извлек из пачки последнюю сигарету, чиркнул зажигалкой и глубоко затянулся.

Вот это было удовольствие так удовольствие! Он даже глаза закрыл, чтобы мир не мельтешил перед ними и не портил впечатления...

Уфффф!

Погружение в пучины экстаза было таким захватывающим и полным, что Эстерсон не отследил момента, когда женщина смолкла.

Он докурил сигарету, втоптал бычок в красную глинистую землю и уже собрался было продолжить наблюдения, когда за спиной у него раздался металлический щелчок и его затылок вошел в соприкосновение с неким холодным металлическим предметом.

Не нужно было быть Альбертом Эйнштейном, чтобы догадаться: это дульный срез какого-то оружия.

— Не двигаться, — строго сказал женский голос. Эстерсону показалось — тот самый, что пел про белогривого коня.

— А я и не двигаюсь, — тихо ответил он и тут же получил тяжелый удар по почкам.

ГЛАВА 13

ПЕРИМЕТР ХАЙЕКА

Ноябрь, 2621 г.

Учебный авианосец «Дзуйхо»

Первая точка Лагранжа системы 3ε мля — Луна

Плавно открылись створы навесного бронепояса жилой палубы. Прямо мне в глаза ударило яркое солнце.

Я улыбнулся, широко, как чеширский кот, и, закрывшись от прямых лучей ладонью, придвинулся поближе к иллюминатору.

Сине-зеленый шар размером с медаль «За отвагу» висел слева. Нежно-желтый шар примерно тех же размеров — справа.

Левый шар назывался Земля, правый — Луна. Учебный авианосец «Дзуйхо» находился в районе гравитационного равнодействия между ними, именуемом также первой точкой Лагранжа.

В нескольких километрах от нас, то есть по космическим меркам — на расстоянии вытянутой руки, трудился большой мусорщик, раскрашенный в красно-белую шашечку. Перед ним был распахнут громадный параболический трал. За кормой мусорщика желтело уродливое вздутие: пристыкованная самоходная баржа.

Баржи эти среди пилотов назывались «мусорными мешками» и летать на них считалось делом наименее уважаемым. На «мусорные мешки» обычно распределяли двоечников из училищ Гражданского Флота, либо вербовали пилотов-неудачников из безалаберной Атлантической Директории.

Отличная вещь — иллюминатор! Часами можно сидеть и пялиться. Вроде бы ничем и не занят, а с другой стороны — как бы при деле.

Давным-давно или, как выразился бы лейтенант Цапко, «за царя Панька», считалось, что идеальный боевой корабль должен быть полностью обшит броней. И чем толще будет эта броня — тем лучше. А иллюминаторы, дескать, — преданье старины глубокой.

В самом деле, зачем иллюминаторы, если можно облепить корабль компактными видеокамерами и телескопами, а изображение от них выводить на экраны? Можно оформить эти экраны как «живые» иллюминаторы — пожалуйста! Главное, чтобы в броне корабля не было сквозных дырок, забранных стеклопакетами. И не важно, из чего стеклопакеты изготовлены — все равно самому расчудесному бронепластику

208 не сравниться по прочности с настоящей полисталью.

Стало быть, из-за иллюминаторов страдает защищенность корабля. Это не дело!

И тогда новые боевые корабли было решено строить без иллюминаторов. Совсем. И без других смотровых щелей для визуального наблюдения. Окна панорамного обзора убрали даже из ходовой рубки.

Вместо них наворотили массу мощных оптических устройств — вдесятеро больше, чем было раньше. И сделали «видеоиллюминаторы», а проще — *вилюмы*.

Все были счастливы. Лет пять.

После чего оказалось, что среди экипажей кораблей новых проектов ширится настоящая эпидемия клаустрофобии. И не просто клаустрофобии, а крутого маниакально-депрессивного психоза наихудшего пошиба.

Космофлотчики психовали без кусочка натурального Черного Неба. Их мучили бессонница и удушье.

В конце концов начались настоящие ЧП. Мичман одного из кораблей рукояткой табельного оружия разбил экран вилюма. Когда по сигналу «Неисправность оборудования» к нему в каюту ввалились ремонтники, он прострелил одному из них ногу. Потом спятивший мичман прорвался с боем в шлюзовый отсек... открыл внутренние двери... открыл внешние двери... И выпрыгнул! В объятия Черного Неба, стало быть...

«Как же так?! — недоумевали военные психологи. — Но почему?! Вот в старину, бывало, плавают люди на атомной субмарине. Вокруг света под водой. По три месяца света белого не видят — и ничего! И никаких вилюмов у них не было! А тут летает фрегат пару недель — и половину команды потом надо в лечебницы Каратанги отправлять! Чтобы интерес к жизни вернуть. Выходит, вконец обмельчало нынешнее племя? Но как?! Но почему?!»

Как да почему — о том, может быть, что-то выяснено. И в докторских диссертациях изложено. Под грифом «Совершенно секретно».

Научные обоснования мне, конечно, не известны, зато известны итоги: примерно сто лет назад проекты кораблей всех классов перестали приниматься к рассмотрению, если в них отсутствовали «живые» иллюминаторы. А в тех злосчастных фрегатах и линкорах, где стояли вилюмы, иллюминаторы пришлось спешно прорубать во время модернизации.

Спасибо тебе, безвестный сбрендивший мичман. Своим подвигом ты прорубил этот замечательный иллюминатор, за которым Земля, Луна и звезды.

Примерно так я рассуждал, подперев щеку рукой.

А вот Коле, который, как легко догадаться, был моим соседом по каюте, на такие тривиальные предметы, как родные небесные светила, было наплевать с высокой колокольни. Он валялся на койке и, бесцельно щелкая моей счастливой зажигалкой, читал высокоученую книгу «Актуальные проблемы межзвездной энергетики».

Учитывая, что книга была отпечатана на давным-давно вышедшей из моды синтетической бумаге мерзкого голубоватого оттенка, ее возраст перевалил за сто пятьдесят. Актуальность тогдашних проблем этой самой энергетики представлялась сейчас по меньшей мере спорной.

— Не сочти за ограничение прав твоей разумной личности, — вкрадчиво сказал я Коле, — но не мог бы ты... не мог бы ты, черт побери, не щелкать этой штуковиной?!

— А? Что? — Коля с трудом оторвался от книги и посмотрел на меня пустыми глазами. При этом он в очередной раз машинально высек из моей счастливой зажигалки прозрачный конус пламени.

Ну как можно злиться на отмороженного?

— Интересная книжка, спрашиваю, — со вздохом соврал я. — Ведь это же позавчерашний день!

— Угу. Позапозавчерашний.

— Зачем же ее читать?

— Во-первых, надо же мне что-то мусолить. А во-вторых, старые книги иногда интересней новых. Язык хороший. И комментарии попадаются очень забавные.

— Например? — спросил я безо всякого интереса.

— А вот: «Диковинными чудачествами представляются на сегодняшний день утверждения о том, что в Пространстве удастся обнаружить достаточные запасы естественного сырья для производства люксогена, поскольку физические условия...»

— Ну там не позволяют, ясно. И что в этом забавного?

Коля посмотрел на меня, как на имбецильного ребенка.

— Скажите, кадет Пушкин, а говорит ли вам что-нибудь название «Паркида»?

— Паркида? М-мм... планета такая.

— Правильно. Планета. Где?

— В Конкордии? — неуверенно предположил я.

— И это правильно. Вы делаете успехи, кадет Пушкин. Если так дальше пойдет, может быть, и доверим вам мытье гальюнов на флагмане Первого Ударного флота.

— Благодарю за оказанное доверие! — рявкнул я, подыграв Кольке.

А что мне было делать — ну не обижаться же? Он по жизни эрудит, а я — всего лишь тупой служака. Зато у меня невеста в Конкордии. И бицепс на два сантиметра больше.

— Не спешите благодарить, кадет Пушкин, — продолжал издеваться мой друг. — А Паркида, эта вот планета, чем знаменита?

— Она... самая большая?

Я не придурился. Я действительно ничего особенного припомнить о Паркиде не мог. Мало ли планет?

— Она большая. Но не очень. Не как Юпитер. И до Марса не дотягивает. И Луна, пожалуй, побольше будет. А так — большая. Под определенным углом зрения. — Коля веселился вовсю. — Скажем, если в упор ее разглядывать — большая, конечно. Носом в Паркиду упереться — и смотреть в оба...

Я не утерпел и несильно двинул его кулаком в бок.

— Задолбал, правда. Давай уже про свой люксоген и пошли обедать, а то время.

— Саша, но это же все знают! Из этого большой тайны никто не делает! Паркида — фантастический заповедник планетообразования! Это небесное тело, которое на восемьдесят процентов состоит из углерода и легких металлов, а на остальные двадцать — из так называемых люксогеновых песков! То есть это одно огромное месторождение того самого естественного сырья, из которого производится люксоген! Ее открыли через два года после того, как была издана эта вот книга!

Коля потряс у меня перед носом «Актуальными проблемами межзвездной энергетики».

— Вот теперь вспомнил. Я это знал. Да. Я знал, что конкордианский люксоген производится из природного сырья. Поэтому он получается хороший и дешевый. А наш весь синтетический, жутко дорогой и для него нужны более сложные реакторы.

— Да, конечно же, знал! Просто у тебя вся башка этой Иссой забита! Ты даже во сне с ней разговариваешь, казанова из Тамбова!

— Правда? — Я, кажется, покраснел.

— Стану я тебя разыгрывать. Хочешь проверить — стрельни у начхоза «Сигурд» и поставь ночью на запись.

— Делать больше нечего. Ты мне так скажи: о чем же таком я с ней разговариваю?

Тут уже покраснел Коля.

— Да о таком всяком... Личном...

Я не виделся с Иссой пять месяцев. Собственно, с того самого дня как попрощался с ней в санатории «Чахра».

Не скажу, что эти пять месяцев были для меня «сущей пыткой» или «кромешным адом». Но, конечно, ког-

да выдавалась свободная минута, я по Иссе скучал. И довольно сильно.

Спасало меня то, что свободные минуты выдавались нечасто. Стоило нам, выжившим в наотарской бойне кадетам, вернуться в Академию, как Федюнин взял нас в оборот. Чтобы, значит, мы не расслаблялись и не зазнавались.

— Что, голубчики, повоевали? Это очень хорошо. Герои! Орлы! А сколько же боевых вылетов вы сделали, орлы?

Неожиданно для самих себя орлы припомнили, что боевой вылет был сделан ровно один — тот самый, грандиозный, по плану операции «Сияние». После «Сияния» боевых действий, как известно, уже не было. Мы с Колей в составе эскадрильи Готовцева слетали несколько раз на патрулирование и разведку. Но, слава Богу, джипсы с Наотара убрались, а потому Экспедиционный Флот сдал свой боевой участок эскадрам Конкордии и отпирался из системы Дромадера восвояси.

В общем, получилось глупо: столько нервов, а боевой вылет один-единешенек! А ведь все мы имели хорошие шансы погибнуть в ходе «Сияния». Многие и погибли — как Егор Кожемякин, Леонид Фрайман или трое наших кадетов, вылетевших в составе злополучной эскадрильи И-01, из которой не вернулось больше половины машин.

О том мы Федюнину и говорили.

— Один. Один боевой вылет, товарищ капитан первого ранга, — сказали мы. — Но зато какой! Джипсы были повсюду! Они сновали вокруг нас, как акулы! Подсчитано, что на каждую минуту огневого контакта пришлось три потерянных флутгера! Но мы дрались как львы! И кровавая победа наша...

— Это я знаю, — отвечал Федюнин. — Погибшим — вечная слава. Кадетам Колпину, Рубину, Власику и Терентьеву, каждому посмертно, присуждено звание лейтенанта и славная боевая медаль «За отвагу». Их имена украсят самый верх второй золотой доски на нашей Аллее Героев, которую, кстати, сейчас готовят к установке. Как я знаю, даже те, кому не хватило боевых машин, во время контратаки джипсов подвергались на борту авианосцев смертельной опасности. Мне уже сообщили, что Власик пал смертью храбрых именно на авианосце «Три Святителя», когда четверка джипсов обстреляла жилую палубу корабля. А вы, выжившие, примите мои поздравления. И благодарность от командования в личное дело.

— Служим Директории! — рявкнули мы с формальным энтузиазмом.

Чувствовалось, Федюнин клонит куда-то... К чему-то... Но даже проницательному Самохвальскому не хватило сооб-

212 разительности сразу раскусить нашего комфакультета.

— А теперь, товарищи кадеты, хотел бы вам кое-что напомнить. Пока вы по любезному приглашению Народного Дивана Конкордии прохладжались на шикарных курортах и вступали в *разные* сношения с офицерами наших братьев по Великорасе...

При этих словах Федюнин выразительно поглядел на нас с Колей. Мы же глядели точно перед собой и лихорадочно соображали, кто кого заложил — я Колю или Коля меня.

— ...Так вот, в это самое время ваши товарищи уже начали сдачу летней сессии. Причины вашего отсутствия, конечно, уважительные. А потому каждому предоставлена законная отсрочка на месяц. Но экзамены надо сдавать. Все до последнего. У нас особенных нет, если еще не забыли.

О мать-перемать! Ну как же так?! Мы же орлы! Настоящие боевые офицеры — даром что без мечей и звездочек! С нами за одним столом пили коньяк лучшие люди эскадрильи И-02! Нас хвалил сам Готовцев! Да что Готовцев?! Тоцкий называл нас... как же он нас называл?.. «стражами будущего»!

А в торжественном обращении Народного Дивана как сказано, знаете, товарищ комфакультета? «Длань Ахурамазды над вами, пламенные львы Наотара!»

И что же теперь получается? Садитесь зубачить статуты орденов, пламенные львы Наотара?

А ведь контр-адмирал Туровский обещал нам, что вылеты в зоне конфликта и боестолкновения пойдут нам в зачет как экзамены по летной и огневой подготовке!

Все эти соображения мы Федюнину и предоставили. Без грубостей, в деликатной форме, конечно.

— Что обещал контр-адмирал Туровский, я отлично помню. Но вы же по числу вылетов и боестолкновений не добрали до нужных показателей, ребята!

— А мы пять раз, между прочим, летали. Если с патрулированием считать, конечно, — вставил Коля.

— В зоне конфликта вы летали *один* раз. Это был ваш единственный вылет — он же и боестолкновение. А четыре патрульных вылета после того, как джипсы очистили Наотар, в расчет не берутся. Потому что конфликт закончиться успел. И следовательно, летали вы не в зоне конфликта, а... просто так. В мирном космосе, товарищ кадет.

— Но это же было настоящее патрулирование, товарищ капитан первого ранга! — поддержал я Колю. — С полным боекомплектom на борту! Между прочим, на соседнем авианосце во время патрулирования один флутгер погиб. Из-за сложной летной обстановки в районе раздробления астероидов на орбите Наотара.

— Правила есть правила, кадет Пушкин, — отрезал Федюнин.

— И ведь это верно, товарищи кадеты! — воодушевленно воскликнул сукин сын Белоконь. — Во время наотарского инцидента мы повысили свое боевое мастерство! Так покажем же его нашим экзаменаторам!

— Белоконь, хоть бы раз вы промолчали, — хмуро сказал Федюнин. — Все свободны.

Остаток июня и весь июль мы сдавали зачеты и экзамены. Зачетов было под двадцать. Экзаменов — пять: два практических и три теоретических. Практические — это огневая и летная подготовка. Теоретические — военная медицина, тактика воздушно-космического боя и статуты орденов.

К счастью, большинство преподавателей и инструкторов вошло в наше положение. Нет, вы не подумайте: все они были честными, исполнительными офицерами. Эти достойные бывалые мужчины и женщины были готовы пристрелить на месте любого кадета, который попытался бы взять их «на жалость». Мы и заикнуться не смели ни о чем вроде: «Мы только что с войны вернулись... Нас чуть не убили... Поставьте нам зачетик не глядя...»

И все-таки в том равновесном положении между «зачтено» и «не зачтено», когда любой препод обычно с удовольствием отправляет на пересдачу, нам скрепя сердце зачет все-таки ставили. И от иезуитских дополнительных вопросов берегли.

Например, всем было известно, что капитан-лейтенант Гридасов, специалист по обмундированию, снабжению и комплектации, обожает экскурсии в историю своего предмета. Экскурсы были интересны и воодушевляющи, но потом ведь их приходилось припоминать к зачету! А между тем среди любимых дополнительных вопросов Гридасова значились такие, на которых потерял бы репутацию иной доктор исторических наук.

Полная походная выкладка римского легионера и организация пиратских станций снабжения в Карибском бассейне (Земля, семнадцатый век). Экипировка русского фузилера времен Екатерины Великой и НЗ спасательного бота колонизационной комплектации (Объединенные Нации, двадцать четвертый век).

Так вот, что же Гридасов спросил у меня на зачете после того, как я худо-бедно осветил основной вопрос: хранение и транспортировка ракет класса «космос—космос»?

Скосив глаза куда-то в угол, капитан-лейтенант прогундосил:

— Ну а теперь дополнительный вопросик... Тако-ой... Скажите, Пушкин, вот нашли вы в пустыне на необитаемой планете контейнер с серебристым грифоном в черном щите.

214 Кому он принадлежит?

Я обалдел. Мне показалось, что я ослышался. Да это же... Да это же... Любой ребенок знает!

Но, разумеется, виду я не подал и глубокомысленно отвечивал:

— Военфлоту Объединенных Наций.

— Хорошо-о... Хорошо-о... А теперь представьте себе, что контейнер этот маркирован тремя красными полосами и черным восклицательным знаком в желтом круге. Что это значит?

«Да он что меня — за дурачка держит?!» — возмущился я.

— Это значит, что контейнер принадлежит разведотделу и внутри него находится секретное оборудование или техдокументация, или еще что-то исключительно важное. Вскрывать такой контейнер я не имею права ни при каких обстоятельствах. И даже подходить к нему близко не рекомендуется. — Я не удержался и с улыбкой добавил: — А еще это значит, товарищ капитан-лейтенант, что какому-то офицеру разведки надо голову оттяпать. Контейнеры с тремя красными полосами, во-первых, обязаны находиться под постоянным надзором вооруженной охраны из осназа мобильной пехоты. И во-вторых, их нельзя оставлять под открытым небом — тем более посреди пустыни.

Гридасов тоже улыбнулся:

— Правильно мыслите, кадет. Давайте зачетку.

И так далее, и тому подобное. Преподаватели нас жалели и мы успешно приближались к благополучному концу сессии. На военной медицине меня спросили какую-то элементарную фигуру про повреждающие и летальные перегрузки. На тактике воздушно-космического боя — маскировочные свойства кометных хвостов и автономных протуберанцев сверхлегких звезд.

Но нашлось, разумеется, одно исключение из общего правила «Ветеранам Наотара подмахни зачетку даром».

А именно: пресловутые «Статуты орденов».

То ли нас расслабила атмосфера всеобщей благорасположенности. То ли мы уже вымотались на предыдущих зачетах-экзаменах...

Опуская подробности, скажу лишь: даже эрудированный Коля был отправлен на пересдачу. Что уж говорить обо мне!

Но со второго раза Коля «Статуты» все-таки сдал. А вот у меня с голубоглазым капитаном третьего ранга Петром Конрадовичем Грюневальдом вышел такой разговор.

— Ну что ж вы, Пушкин, так плаваете, а? И ладно бы предмет был ерундовый. Какое-нибудь там комплектование-обмундирование или, прости Господи, астроботаника. Но ведь «Статуты» — это альфа и омега! Это краеугольный ка-

мень воинской дисциплины! Источник чести! Гарант доблести! Ордена и медали — индикатор личной отваги и боевого профессионализма любого воина! А статуты — универсальные, объективные, выверенные веками критерии, позволяющие выразить и увековечить воинскую доблесть, так сказать, количественно! Кван-ти-та-тив-но. Измерить неизмеримое, понимаете?

Понимаю, уж конечно. А я-то всю жизнь думал, что неизмеримое мерют квантовым микрометром.

— Так точно, товарищ капитан третьего ранга. Признаю свою вину. Но, Петр Конрадович, — я решил отойти от уставного обращения, надеясь этим растопить лед в сердце старого педанта, — честное слово, Петр Конрадович, я доучу недоученное летом! Обязательно! Но сейчас мне бы троечку! Посмотрите, у меня по пять баллов за оба практических экзамена! Я исполнял священный долг помощи братьям по Великорасе! Я хочу служить России и Великорасе дальше! А без этой троечки... Без этой троечки меня лишат стипендии!

— Даже и не знаю, что с вами, Пушкин, делать... Ведь если я вас спрошу, в каком году был учрежден «Герой России», вы все равно не ответите... А это ведь должен знать каждый... А, постойте-ка! Кажется, кое-что можно сделать... — Петр Конрадович глубокомысленно подпер подбородок рукой и на минуту замолчал.

Наконец он просиял:

— Черт с вами, первый раз в жизни пойду на компромисс с совестью. Устроим вам, хе-хе, практическое занятие по орденам, медалям и памятным знакам. Вы знаете, где находится Девятнадцатый бокс?

— Не могу знать!

— Ах да... Ну так сейчас узнаете. Девятнадцатый бокс — это в Восточном Ремонтном секторе космопорта Колчак. Один из группы старых боксов, в которых раньше обслуживали «Андромеды», а недавно оборудовали перевалочные склады. Так вот, я вас туда официально командирую, от Академии. Выправлю все необходимые документы и пропуска по форме. Вы временно войдете в состав интендантского взвода, который, как я знаю, сейчас еле справляется с возросшим объемом грузов. В частности, в Девятнадцатом боксе скопилось множество медалей и нагрудных знаков. Поможете с этим разобраться. По возвращении доложите и получите свою долгожданную тройку.

Задание показалось мне совершенно бредовым. По большому счету я ничего не понял. Но поскольку речь шла о бесценной, золотой экзаменационной оценке, я без лишних

216 вопросов воодушевленно поблагодарил доброго препода...

...А уже через полтора часа я сидел в Девятнадцатом боксе на раскладном стульчике и, вполголоса матерясь, зарабатывал свою тройку.

Девятнадцатый бокс оказался исполинским ангаром без конца и без края. До самого потолка громоздились контейнеры, покрытые маркировкой всех видов и расцветок. К стыду своему, даже после недавней и вполне успешной сдачи экзамена «Обмундирование, снабжение и комплектация» я не понял и трети условных обозначений.

Шагающие и стационарные погрузчики трудились без устали. Вносили, выносили, ввозили, вывозили, закатывали, выкатывали, сортировали и перемешивали.

Космопорт кишел осназом мобильной пехоты. Невысокие, плечистые, очень подвижные крепыши с одинаково невыразительными лицами трижды проверили у меня документы. На главном КПП Колчака, в воротах Восточного Ремонтного сектора и на входе в Девятнадцатый бокс.

А куда же делась обычная флотская охрана? Почему весь космопорт взят под контроль осназом?

Создавалось такое впечатление, что по мановению волшебной палочки Колчак со всеми своими потрохами стал не просто охраняемым, а секретным, совершенно секретным объектом особой важности!

Космопорт ходил ходуном.

Раз в несколько минут с апокалиптическим ревом взлетали и приземлялись «Андромеды».

Где-то по соседству рычали танки.

Пол бокса размашисто дрожал.

Неожиданно один из незакрепленных контейнеров тихонько стронулся с места и пополз. Контейнер находился на самой верхотуре штабеля. Не успел я заорать «Полундра!», как рифленный короб ахнул на пол.

К счастью, у основания штабеля никого не оказалось. Из треснувшего контейнера, меченного желтыми полосками и ромбами, тонкой струйкой потек бурый порошок. Насколько я понимаю — растворимый какао.

Местные интенданты относились к подобным происшествиям по-деловому.

К разбитому контейнеру подошел сержант и, злорадно ухмыльнувшись, поставил галочку в своем планшете. Над головой у сержанта уже ворочал клешнями шагающий погрузчик. Раз-два взяли — и, оставляя за собой дорожку из какао, погрузчик притащил контейнер на ту же площадку, где трудился без устали ваш покорный слуга.

А трудился я вот над чем.

Среди миллионов тонн прочих грузов на перевалочные склады Колчака недавно поступили несколько ящиков медалей и нагрудных знаков. В отдельном контейнере были доставлены красивые коробочки, обитые изнутри красным сафьяном.

По оплошности персонала — вроде той, с какао, которой я стал свидетелем, — ящики с медалями попали под гусеницы танка. Ящики превратились в труху, медали и нагрудные знаки перемешались.

Мое ответственное задание заключалось в следующем. Я должен был, во-первых, выбраковать все цацки, покореженные танковыми гусеницами. Во-вторых, рассортировать медали и нагрудные знаки по типам. И в-третьих, помочь ефрейтору Попелю разложить их по коробочкам.

Медалей было сравнительно немного, причем больше половины — «За оборону Отечества». Вторую половину составляли «За отвагу» и «За боевые заслуги», а также пригоршня редких медалей Нахимова и Ушакова.

Зато нагрудных знаков было — мать честная!

«Мастер-пилот», «Мастер-штурман», «Летчик-снайпер», «Комендор-снайпер», «100 мягких посадок», «200 мягких посадок», «500 мягких посадок» — это само собой. А в придачу к ним: «Десять боевых вылетов», «Двадцать», «Пятьдесят» и даже «Сто»!

А теперь подумаем.

Даже в моей, кадетской, летной карточке числилось восемьдесят семь вполне успешных приземлений и стыковок. И потому значки вроде «100 мягких посадок» меня совсем не удивили.

А вот полноценный боевой вылет был один.

Если считать вместе с патрулированием в районе Наотара — пять. Боевых вылетов было пять и больше не предвиделось.

А у меня под ногами лежала россыпь «полтинников» и «соток»...

Кому и за какие заслуги будем их раздавать, дорогие товарищи?

Вопросом о «сотках» я поделился с ефрейтором Попелем, который раскладывал по коробочкам красивых «Комендоров-снайперов» — золотые (ну, золотистые) медали, на которых в геральдическом перекрестье прицела разламывался надвое геральдический же линкор.

Попель театрально покосился на двух осназовцев, которые с карабинами наперевес прогуливались вокруг нашей сортировочной площадки. Вдохнул. И нехотя процедил:

— Это все знают, Саша.

— А я вот не знаю, Боря.

(Терпеть не могу фамильярности! Я с Попелем на брудершафт не пил, между прочим.)

- Ты слышал, что зеленые какую-то планету у Клона оттапали?
- Я не только слышал, я там бывал.
- Да ты что?! — Глаза Попеля округлились в геральдические прищелы. — Так правда, что месяц назад заваруха была?
- Правда. Очень зловредные зеленые попались, — заверил я. — Но планету мы им не отдали.
- Ну тогда точно война будет. Большая война.
- С кем?
- Ясное дело с кем: с этими зелеными.

В родную Академию я вернулся оглушенный милитарным бедламом Колчака и обогащенный новыми прогнозами будущего от ефрейтора Попеля. В кармане у меня лежала благодарность командира интендантского взвода и искореженный танковыми траками значок «Десять боевых вылетов» (взял на память из металлолома, подлежащего списанию).

Петр Конрадович Грюневальд вывел в моей зачетке каллиграфическое «Удовлетворительно», на чем сессия для меня благополучно завершилась.

Это событие мы отметили грандиозной попойкой. По иронии судьбы в тот же день на Аллее Героев появилась доска с фамилиями ребят, которые на нашу попойку не попали.

Это был прекрасный повод поупражняться в черном юморе. Но все мы этим поводом отчего-то пренебрегли.

А еще через два дня нам выправили законный месячный отпуск и Академия опустела. Одним из первых на большую землю урвал Коля. Он горячо зазывал меня в гости, но я был непреклонен: нет, спасибо, нет, в другой раз, спасибо, очень тронут, нет, не могу, нет, нет, нет.

Коля обиделся. В самом деле: на борту «Трех Святителей» я клятвенно обещал ему, что, если только нам суждено живыми вернуться из системы Дромадера, мы вместе облетим Европу на летающей даче его родителей, потанцуем девчонок и поедим водки. Увы, «Чахра» радикально изменила мои виды на будущее.

Мне нужна была Исса, а не летающая дача Колиных родителей.

«Обиделся — и черт с ним», — с такими мыслями я переступил порог кабинета Федюнина.

Чтобы мы с Иссой сделались женихом и невестой, требовалось *всего лишь* (оцените мою иронию) подать документы в конкордианский Комитет по Делах Личности. Но ситуация осложнялась тем, что жених (то есть я) был гражданином Объединенных Наций да вдобавок еще и военнотружашим.

Я был обязан получить письменное разрешение командира факультета Федюнина. Завизировать его у начальника Академии Туровского. Затем собрать массу справок и выписок в нашей канцелярии. А потом уже двигать пакет документов через Министерство Внешних Сношений дальше, в Конкордию.

После этого Комитет по Делах Личности, получив второй пакет документов от Иссы, заводил на нас папочку. Может, электронную, а может, и обычную, на липучках. Объявлял нас женихом и невестой и назначал испытательный срок в полтора года.

Но даже положительное решение конкордианских бюрократов немного бы для меня значило без возможности видеть Иссу и держать ее руки в своих ладонях.

Конечно, любовь через световые года — дьявольски романтическая штука. Но если читатели амурного трэша потребляют романтику пипеткой и чайной ложечкой, то пилоты истребительной авиации ежедневно жрут ее из корыта — черпаком и совковой лопатой. А потому, проносясь на раскаленном истребителе над ледяными горами Заполярья, вываливаясь в полуобмороке из кабины «Горыныча» в объятия флотских врачей, пилотам хочется грубого ржаного хлеба.

«Вот так: жевать ржаной хлеб с вареньем, за одним столом с Иссой. И танцевать с ней под заторможенную музыку. И заторможенно прикасаться губами к ее губам. А посылать воздушные поцелуйчики далекой звездочке, возле которой кружится планета, где тоскует в одиночестве любимая, — это удел мужественных хлюпиков из эпоса Колонизации», — подобные мысли казались мне крутыми и циничными. Можете смеяться над наивным Ромео, но о том, чтобы «сделать это с ней по-взрослому» я вообще не думал.

Итак, при первой же возможности я хотел всеми правдами и неправдами добиться внеочередного отпуска. И полететь прямиком на Вэртрагну, в гости к Иссе.

Но для такого дальнего путешествия требовались деньги. Которые еще предстояло заработать. И в этом тоже мне мог помочь Федюнин и никто другой.

— Что ж, ничего не имею против, — сказал каперанг. — Ты парень боевитый, герой Наотара и так далее. Подпишу тебе любую характеристику — только сочинять ее сам будешь, у меня с краснобайством туго. А уж работы на Новой Земле хоть отбавляй. И на морском терминале, и здесь, в Академии, и, конечно, в космопорту. Самая простая работа у нас, но платят больше всего в Колчаке. Там крупная модернизация началась, каждый работник на вес золота. Сам понимаешь: гражданских со стороны привлекать

220 нельзя, а стройбатальонов на всех не напасешься.

— Спасибо, товарищ каперанг. Хочу в космопорт.

— Ну и чудно. Пойдешь прямиком к суперинтенданту Колчака, он с тобой разовый контракт оформит.

— Хорошо, товарищ каперанг. А мое заявление, насчет невесты?

— Ах да, заявление... — Федюнин поглядел в окно. — Скажи, Пушкин, а откуда такая странная идея? Жениться на офицере Конкордии?

Ну началось! То, чего я больше всего боялся!

Я с трудом выдавил:

— У нас любовь.

— За пять дней? Или сколько вы там на курорте вместе крутились?

— Так точно. Но у нас все очень серьезно, товарищ каперанг.

— Серьезно или не серьезно, Пушкин, — Федюнин хлопнул ладонью по столу, — но дать разрешения я тебе не могу.

— Но почему, товарищ каперанг?!

— Я твой командир. А ты — подчиненный. Отчитываться перед тобой я не обязан. Более того: ты *не имеешь права* требовать от меня отчета в моих решениях.

Если бы Федюнин просто сказал «А иди ты на...», я развернулся бы и вышел — честное слово. Но именно потому, что он счел нужным столь пространно напомнить мне о субординации, я почему-то решил, что еще не все потеряно.

— Поймите же, мы действительно любим друг друга! Жаль, что вы не видели Иссу! Вы бы меня сразу поняли! Я не смогу жить без нее, понимаете?! Товарищ капитан первого ранга, я вас умоляю! — Голос мой дрогнул.

Да, я сам себе был противен. Мне только расплакаться у Федюнина в кабинете не хватало. Когда я патетически воскликнул «умоляю!», от моего чувства собственного достоинства осталось мокрое место.

Но бывают такие обстоятельства, когда надо наплевать на достоинство. На честь. На воспитание. Это банальнейшая вещь, я признаю. Но тот, кто любил по-настоящему, воздержится от насмешки над злосчастным кадетом Пушкиным.

— Не раскисай, — сказал Федюнин почти дружелюбно. — Если б все было в порядке, я бы, конечно, разрешил. Но ваш брак не имеет будущего. А потому настоятельно рекомендую тебе забыть эту Иссу Гор, как дурной сон.

Я не очень хорошо соображал. Но, уловив, что каперанг чего-то недоговаривает, встрепенулся:

— Что значит «не имеет будущего»? Это уж нам решать! **221**

— Нет, Пушкин. Это решаете не вы, не я и даже не контр-адмирал Туровский. Отношения с Конкордией могут испортиться в любую минуту. Испортиться так сильно, что ты себе даже и представить не можешь.

— Не понимаю...

Терпение Федюнина лопнуло.

— А тебя никто и не просит понимать! Свободен. Кругом... марш!

Остаток дня я провел как в тумане. Нет, я не пустился во все тяжкие, как сделал бы на моем месте любой англосакс. Я не напился, не подрался с часовыми и даже не предпринял попытки броситься под поезд на монорельсовой дороге (оно и понятно: монорельс стоял на профилактике).

Помню, часа два я гулял по дорожке вдоль фасада Академии и успел раз триста прочесть надпись «Кормить лишайники запрещается».

После сотого прочтения надпись потеряла для меня остатки смысла. Зато после двухсотого смысл вернулся — но уже какой-то свежий, возвышенный.

«Кормить лишайники запрещается» читалось мною теперь как лозунг дня, как мудрость нового Экклезиаста. Но нащупать точный перевод этих слов на сакральный язык мне не удавалось примерно до двухсот восьмидесятого прочтения.

И вдруг меня прорвало! «Прикуривать от священного огня запрещается!»

Запрещается! Запрещается!

Этим словом все закончилось для меня там, на Ардвисуре. И теперь действительность поставила вторую точку, пожирнее, поверх первой.

Какой же я осел! Надо было еще тогда догадаться!

Никогда не держать мне рук Иссы в своих руках! Никогда не раскачиваться в такт клонской музыке! Потому что:

Держать руки Иссы в своих руках — запрещается!

Раскачиваться в такт клонской музыке — запрещается!

Вообще: продолжать какие бы то ни было отношения со своей идеальной, абсолютной любовью — запрещается!

А что же разрешается?

А разрешается — посылать воздушные поцелуйчики далекой звездочке, возле которой кружится планета, где тоскует в одиночестве любимая.

222 Я сел на дорожку и долго лупил красный песок кулаками. Пока они не стали такими же красными.

Однако у *этой* истории конец все-таки был неожиданный и счастливый.

Следующим утром меня отыскала секретарша Федюнина. Заметим: не вестовой, а секретарша *лично*.

Приказ: явиться незамедлительно!

Я нехотя вполз в кабинет, от одного воспоминания о котором у меня сжимались кулаки.

Федюнин встретил меня долгим, нехорошим взглядом исподлобья.

— Садись, Пушкин.

Я сел.

Федюнин молчал. Я молчал.

Минуты через три каперанг спросил:

— Пушкин, ты не хочешь письменно отказаться от своего заявления?

— Какого заявления, товарищ каперанг?

— Ёлкин дрын, да какого же, а?! Разумеется, насчет Иссы Гор!

— Не хочу, товарищ каперанг.

— В таком случае поздравляю, — замогильным голосом сказал Федюнин и протянул мне... мое заявление со своей размашистой визой и печатью факультета!

— Товарищ каперанг!.. — Меня, если честно, душили рыдания. — Товарищ!.. Я даже не знаю...

— Понял, понял. — Федюнин грустно улыбнулся. — Можешь ничего не говорить.

Куда там, ничего не говорить!

— Спасибо, Вадим Андреевич! Большое человеческое спасибо! Я знал, я был уверен, что вы войдете в наше положение! Вы себе представить не можете...

И я пустился объяснять ему, что благодарность моя не имеет границ. Ну то есть никаких. И если эти границы вдруг сыщутся, я буду последней скотиной. И много чего еще в том же духе.

Федюнин деланно кивал. Дескать, понятно-ясно. Когда я наконец закончил и замолчал, пожирая каперанга влюбленными глазами, он тихо сказал:

— Пушкин, в качестве благодарности сделай, пожалуйста, одну вещь.

— С радостью, товарищ каперанг!

— Я вчера, наверное, не в настроении был. И насчет Конкордии я тебя неправильно... ориентировал. Наша дружба с Конкордией, похоже... будет только крепнуть. Так что прошу тебя забыть о нашем вчерашнем разговоре. И никогда никому о нем не рассказывать. Обещаешь?

— Конечно! То есть так точно!

— Хорошо. А теперь можешь отправляться к Туровскому за второй подписью.

Будь я малость поумнее, я бы задался вопросом: «А почему все-таки Федюнин такой грустный?»

Но, конечно же, тогда я этим вопросом не задался.

Остаток лета я работал как вол.

Уже знакомый мне Восточный Ремонтный сектор Колчака преображался на глазах. За несколько дней миллионы контейнеров, которые под конец перестали помещаться в ремонтных боксах, так что их складировали прямо под открытым небом, растаяли как дым. «Андромеды» потрудились на славу — и в боксах вдруг стало пустынно, безлюдно и гулко.

Первую неделю своей контрактной работы я помогал интендантскому взводу разгружать Семнадцатый бокс.

Вторую неделю я провел разнорабочим: мы азартно крушили и рушили освобожденный бокс вместе с четырьмя соседними. Специальной демонтажной техники почему-то не сыскалось. Стены ломали обычными танками, а обломки растаскивали шагающими погрузчиками.

А в начале третьей недели меня после короткого инструктажа приставили к пеноструйной машине: страховидному агрегату, похожему на слона с четырьмя хоботами.

Мы строили нечто новое и огромное. Судя по размерам — ангар для авианосца. Но, как легко сообразить, ангары для авианосцев никто не строит. А потому нам, рядовым рабочим, оставалось гадать, кому и зачем в непосредственной близости от летного поля понадобилось ставить несколько десятиэтажных корпусов, образующих при взгляде сверху исполинский шестиугольник с километр в поперечнике.

Что это? Гостиница? Казарма? Новый штаб флота?

Так нам и сказали! Как и всё в космопорту, стройка была секретной, совершенно секретной. Повсюду сновал осназ со своим назойливым жужжанием. «Предъявите пропуск», «Назовите пароль», «Стой, сканирование радужки!» и «Стой, обыск!».

Но платили действительно хорошо. Я бы даже сказал, для моей отсутствующей квалификации — подозрительно хорошо.

Правда, особая квалификация оператору пеноструйной машины и не требуется — в штатных ситуациях этот механический слоник работает в полностью автоматическом режиме. Но прислеживать как бы он кого не затоптал или не закатал в шар строительной пены кто-то все-таки должен.

224 Вот я и прислеживал.

А двадцать пятого августа, когда уже шли отделочные работы и из морского терминала начала поступать новенькая мебель, все мы наконец сообразили: да это же госпиталь, братцы!

Огромный госпиталь. На несколько тысяч коек. С бесчисленными операционными, с мощными гистерезисными машинами, фармацевтическими лабораториями, протезным цехом и неизбежным в подобных учреждениях моргом.

Так-то вот. Мало, оказывается, у нашего флота госпиталей, клиник, санаториев и профилакториев. Поэтому надо построить еще один, громадный — прямо в крупнейшем военном космопорту Европы.

Куда мир катится?

Почему-то я ждал, что в сентябре грянет буря. Подозрительно голубым было небо над Академией, чересчур веселенькими и бодрыми показались мне однокурсники.

Но сентябрь прошел — и ничего не случилось.

И в октябре ничего не случилось тоже.

Мы снова учились. Изо дня в день, по шестнадцать часов в сутки.

В ноябре я окончательно забыл о ящиках с нагрудными знаками, которые очередная «Андромеда» увезла из Колчака на борт неизвестного транспорта.

Забыл о странном поведении Федюнина.

И о том, что в двадцати километрах от нашей Академии стоит — огромный и безлюдный — госпиталь с законсервированным до времени моргом.

Да и как было обо всем этом не забыть, если наши с Иссой документы наконец попали в Комитет по Делах Личности?

Если на очередных учениях у моего «Горыныча» заглохли оба двигателя и я, не рискнув катапультироваться над ледяными водами Атлантики, еле дополз на безмолвной машине до заброшенного аэродрома в Норвегии?

Если наконец во второй декаде ноября командование факультета решило устроить для нас большую прогулку на обратную сторону Луны — крупные учения, по итогам которых, между прочим, нет-нет да и отсеивали с выпускного курса пару-тройку кадетов?

После обеда нас проинструктировали по поводу сценария завтрашнего учебного вылета и отправили по каютам.

Но мы были уже стреляными воробьями. Чтобы учения да без какой-нибудь подковылки? Держи карман шире! Сигнал тревоги на «завтрашний» учебный вылет мог раздаться в любую минуту.

Только мы расслабимся, засядем за нарды и шахматы — а тут и тревога. А может, за полчаса до отбоя. Или через полчаса после.

Будь бдителен, кадет! Что, если завтра война? А если *сегодня*?

Поэтому мы с Колей улеглись на свои застеленные кровати, не раздеваясь и даже не разуываясь. Он взялся было снова мусолить «Актуальные проблемы межзвездной энергетики», но тут к нам в каюту без стука вошел Володя Переверзев.

— Что я вам сейчас расскажу!.. — сказал он, делая большие глаза.

Володя умеет превратить любую издыхающую муху в большого информационного слона. Умело воспользоваться этим предложением, чтобы навязать беседу. А потом ловко свернуть на свою излюбленную колею: знали бы вы, какая моя Настена умница, какая она красавица-разумница, как я скучаю по ласковой девочке и т.д.

(Думаете, Настена — его девушка? Как бы не так! Володя — уроженец Калмыкии; а кого в Калмыкии больше, чем людей? Правильно, лошадей. Так вот, Настя, а точнее Наста — кобыла из табуна его старшего брата — коннозаводчика.)

Володи нам только сейчас не хватало! Я нехотя буркнул:

— Ну.

А Коля молча закрыл книгу и, что твоя Жанна д'Арк перед последним причастием, возвел очи горе.

— С Цереры угнали истребитель. Новейший, — сообщил Володя с таким горделивым видом, будто бы истребитель был вражеским и он лично провернул эту авантюру, за что ему повесят капитанские погоны и Золотую Звезду Героя.

— Ну и что?

— А то, что угонщика не поймали. И истребитель тоже исчез. Тут неожиданно оживился Коля.

— А почему с Цереры? Там разве есть база?

— В том-то и дело, что, оказывается, есть. И не только база, но и завод. Вот прямо с завода и угнали.

— Что за истребитель? Российский?

— Не-а. Американский. Южноамериканский, разумеется.

— А ты-то сам откуда знаешь?

— Я случайно слышал, как Кайманов с Богуном злорадствовали по этому поводу.

(Кайманов — это командир «Дзуйхо», а Богун — заместитель Федюнина, руководитель наших учений.)

— Это ж небось военная тайна. А ты как ее услышал, так сразу растрепывать пошел. — Коля укоризненно покачал головой.

— Так я ведь не кому попало. — Володя покраснел. —

226 Тем более это тайна не российская, а чужая. И если Кай-

манов с Богуном об этом знают, так, наверное, не такая уж и тайна.

— Ты все равно не трепись, голову снимут. Давай уж лучше твою кобылу обсуждать.

— Настю, что ли? — Володя пожал плечами. — Да я вас ею уже, наверное, задолбал... Вы лучше послушайте, что я еще про тот истребитель слышал. Это не машина, а сказка. Потому что в полете этот истребитель — внимание! — все время прикрыт защитным полем!

— Защитным полем?

— Да.

— Врешь.

— За что купил — за то продал.

— Этого не может быть. Чушь. Деза, — покачал головой Коля.

— Злостная дезинформация, — поддакнул я. — И в угон не верю. Да еще такой, чтоб машины не нашли. Куда ты денешься из Солнечной на истребителе?

— Ну уж не знаю куда... Этого Кайманов Богу не говорил... — Володя призадумался. — Может, он никуда из Солнечной не делся. А, например, на Юпитер свалился.

— Ага! На Юпитер! — воскликнул я. — И кто тебе только зачет по логии Солнечной ставил, Переверзев? Ты знаешь, где Церера, а где сейчас твой Юпитер?!

— Вот именно! Они же с Церерой в этом году на разных концах системы! — воскликнул Коля. — Без пары градусов противостояние! Вот уж не истребитель, а сказка. Дальность полета — миллиард километров! И скорость миллионов десятых. Вжих — и с Цереры на Юпитер!

— Ребята, я понял! Все ясно как божий день! — похохотывая, заявил я. — Это рекламная акция ЮАД! Такие истребители хорошие делаем, что у нас их прямо с завода угоняют! Горяченькими! И продают их угонщики...

— ...Естественно, джипсам! — воскликнул Коля. — Потому что эти истребители летают лучше даже джипсов! Но поскольку взрослые джипсы в кабину не помещаются, они их для своей малышни закупают. И когда полностью эскадрилью укомплектуют — тут всем каюк и амба. А потому военфлоту надо срочно закупить истребители у Южной Америки!

— «Хагены» отдыхают! «Горынычи» на свалку! — веселился я.

— Проект «Громобой» стал позавчерашним днем! — вопил Колька. — Покупай истребитель мечты!

— Истребитель «Деза» — лучшая машина тысячелетия!

— «Деза» — самый страшный кошмар вашего врага!

— Завелись джипсы? Купи «Дезу» — и порядок!

— Ваш сосед мешает вам спать? Громко слушает музыку? Тарахтит газонокосилкой? «Деза» в рассрочку — и пусть *ему* не спится!

Поначалу Володя наблюдал за нашим весельем с унылой улыбкой. Но вскоре и он расхохотался.

Стоило нам растопить лед Володиной серьезности, как по коридорам «Дзуйхо» раскатились трели боевой тревоги.

Кадеты, по машинам? Так мы и думали.

В этом вылете мы отрабатывали очень неприятную тактическую тему: «Автономный выход на объект атаки в режиме ручного пилотирования».

До Луны наша учебная эскадрилья летела колонной. Но на высоте в десять километров над лунной поверхностью наши машины разошлись по радиусам во все стороны горизонта.

С этого момента каждый из нас был предоставлен самому себе. Задача стояла общая, но выполнять ее мы должны были поодиночке.

По условиям учений, я выключил все средства связи, автопилот и большой поисковый радар. Вводная уверяла, что «в предыдущих боях все эти устройства были повреждены огнем противника, а на борту авианосца закончились запчасти».

Отдан ли под суд начальник ремонтной базы эскадры — вводная наших учений умалчивала. А ведь это самое интересное! Именно по вине этого виртуального начальника я теперь должен был на ручном управлении пройти весьма неприятный маршрут.

Достичь терминатора, то есть линии, отделяющей дневную сторону Луны от ночной. Это около тысячи километров.

На ночной стороне снизиться до полутора километров и сбросить скорость. Затем, сверяясь с картой и данными малого «ландшафтного» радара, без помощи автопилота и внешних средств наведения, пролететь восемьсот километров до объекта атаки. При этом мне предстояло обогнуть два больших кратерных цирка, выписав, таким образом, нечто вроде полного периода синусоиды.

Если все маневры будут выполнены правильно, через сорок минут мой «Горыныч» выйдет на рубеж атаки.

А при ошибке в пилотировании? При ошибке в пилотировании возможны варианты.

В лучшем случае я рискую заблудиться, запоздать с выходом на рубеж атаки и сорвать выполнение учебной задачи. А вот в худшем — и косточек моих не соберут. Потому как, уклонившись от маршрута, врезаться в гору я мог за милую душу.

Вдобавок ко всему, как сообщала вводная, «средства
228 противокосмической обороны противника могут оказать

активное противодействие как при полете к цели, так и во время атаки объекта».

Эта отточенная военно-бюрократическая формула означала, что условный противник будет нас искать и будет в нас стрелять.

Лазеры и ракеты у него, конечно, не боевые. Но аппаратура в специальных контейнерах, установленных перед вылетом на наши машины, зафиксирует каждое условное попадание.

И тут, снова же, возможны варианты.

Какие? О, их слишком много. Проще об этом не думать. Надо просто следить за приборами, любоваться купольными городами на горизонте и готовиться к переходу терминатора.

Кто не знает, что темная сторона Луны превращена в один грандиозный военный полигон?

Это знают все.

Темная сторона Луны не продается. Темная сторона Луны безраздельно принадлежит военфлоту Объединенных Наций и никому больше.

Тут надо кое-что уточнить. Из того, что эту сторону — всегда невидимую с Земли — ради красного словца называют темной (хотя правильнее говорить «обратная»), по сей день среди далеких от космоплавания людей бытует заблуждение, что Солнцем она никогда не освещается.

Это не верно. Луна вращается вокруг своей оси с периодом примерно двадцать восемь суток. Соответственно так называемая «темная» сторона получает свои две недели лунного дня и, конечно же, две недели лунной ночи.

Если бы, например, наши учения проводились неделю назад, над темной стороной Луны сияло бы Солнце. Но, поскольку нас натаскивали на самые неблагоприятные условия, учения проводились лунной ночью.

Кратеры, горные хребты и грандиозные «моря» освещались только отраженным светом Земли (кое-где), звездами и — в избранных секторах — циклопическими прожекторами-отражателями, смонтированными на искусственных спутниках Луны. Эти прожекторы площадью в несколько километров собирают и перенаправляют снопы солнечного света на лунную поверхность.

При необходимости такой светильник очень легко притушить — достаточно отвернуть главный рефлектор в сторону.

Пройдя терминатор, я обнаружил, что все спутниковые прожекторы выключены. Мой путь освещали одни лишь звезды.

Ландшафтный радар довольно легко нашел мою первую точку входа. Я сбросил тягу и осторожно ввел свой «Горыныч» ровно посередине между крутыми стенами кратерных

цирков «Бурый-2» и «Гремящий». (Вся топография Луны переписана в Генштабе по-новому — традиционные названия не используются; уж не знаю почему: то ли тайну военную стерегут, то ли боятся, что «Герцшпрунги» да «Штернберги» — это для нашего брата-пилота слишком сложно.)

Видимость почти нулевая, но усилители оптики работают неплохо. На экранах вижу ландшафт вполне отчетливо. Правда, весь — в голубоватом, мистическом свете.

Цирк «Гремящий» я обогнул безо всяких приключений. Держась примерно в пятистах метрах от его скальной стены, дописал первую полуциркуляцию и собирался уже начать поиски второй точки входа...

Но тут, увы, начались сюрпризы.

Запищали датчики.

ОБЛУЧЕНИЕ ПОИСКОВЫМИ РАДАРАМИ
УГРОЗА В ПЕРЕДНЕЙ ПОЛУСФЕРЕ
ОБЛУЧЕНИЕ РАДАРАМИ НАВЕДЕНИЯ

Следующим сообщением должно было стать роковое «Захват радаром наведения».

Ага, держите карман шире!

Отстрелив пару ложных целей, я немедленно поставил истребитель «свечой».

Задрав нос в зенит, «Горыныч» тихонько заныл и начал стремительно набирать высоту.

Перехватило дыхание.

В кабине заплясали красные сполохи — это приборная доска предупредила об опасных перегрузках.

Сам знаю, дура!

ЗАХВАТ РАДАРАМИ НАВЕДЕНИЯ
КООРДИНАТЫ БАТАРЕИ: НЕТ ДАННЫХ
ДИСТАНЦИЯ: НЕТ ДАННЫХ

Бортовые системы моего «Горыныча» не успевали высчитать параметры неприятельской зенитной батареи. Но для принятия решения я не нуждался в точных цифрах.

На моем маршруте движения, наверняка во-он за тем подозрительным скальным торосом, устроена засада. Три-четыре мобильных зенитки ближней дальности типа «Клевец» или «Кистень». А чего еще можно ожидать здесь, на Луне, в Богом забытом ущелье? Не стационарных же батарей!

230

Но и эти бьют без промаха. Стоило мне замешкаться на секунду с противозенитным маневром — я оказался бы у них в прямой видимости и был бы расстрелян на горизонтальном полете.

Но и сейчас, когда моя машина, надрываясь, прет в гору, их радары наведения вцепились в меня мертвой хваткой. Это значит, что на счет «раз-два-три» счетверенные лазеры «Клевца» (или спаренные «Кистеня» — какая, к бесу, разница?) всадят в меня смертельную дозу излучения. Даром что учебно-тренировочную — обтекать перед Богуном (а потом и перед Федюниным) мне ну никак не хотелось.

Поэтому я, прямо из «свечи», кладу истребитель на крыло.

Резко отворачиваю на сто градусов вправо.

Жду пять секунд, пока далеко внизу подо мной не проплывет гребень кратера. Выравниваю машину.

Пикирую.

БАТАРЕЯ ОТКРЫЛА ОГОНЬ

ОТКЛОНЕНИЕ, ВЕРТИКАЛЬ: 0.4... 0.3... 0.2...

ОТКЛОНЕНИЕ, ГОРИЗОНТАЛЬ: 0.7... 0.5... 0.3...

Промазали!

Промазать-то промазали, но...

...Башни вращаются вслед за мной...

...Стволы лазерных пушек стремительно падают вниз, нагоня мою машину...

БАТАРЕЯ ВЕДЕТ ОГОНЬ

ОТКЛОНЕНИЕ, ВЕРТИКАЛЬ: 0.2... 0.1... 0.0...

ОТКЛОНЕНИЕ, ГОРИЗОНТАЛЬ: 0.3... 0.2... 0.1...

...Цифирь на экране дает уже не больше ста метров отклонения по горизонтали...

...А по вертикали уже и вовсе ничего не осталось...

Успеть бы!

КОНТАКТ С БАТАРЕЕЙ ПОТЕРЯН

Даа-а.

Да.

Да!

Вконец очумевший от пикирования, едва успеваю перевести машину в горизонтальный полет.

Приборная доска выносит укоризненный вердикт:
«Опасное пилотирование».

Опасное, конечно. Зато мой план сработал! Они не успели! Ни одного кванта в меня не вклепили!

Теперь я надежно защищен от проклятых лазерных пушек скальной стеной «Гремящего». Из-за нее лучше не высовываться, а потому я не спешу набирать высоту. Прижимаясь к лунной поверхности, несусь через кратер.

Кратер большой, уютный и совершенно безопасный.

У меня есть целая минута на раздумья.

Устроители учений своего добились: я был вынужден уйти с основного маршрута. Теперь я имею все шансы заблудиться. Вторая точка входа для меня заказана. Значит, на кратер Черноглаз — цель нашего вылета — мне придется выходить с востока, оставив проклятую батарею в двадцати, а лучше и в тридцати километрах к югу.

А что у нас на востоке?

Поглядим на карту.

На востоке...

На востоке у нас...

Нет, не этот квадрат...

Следующий...

Море «Плоское».

Ах, штабная фантазия! Плоское! Как это здорово придумано!

Но море — это понятие селенографическое. А о чем говорят наши флотские условные обозначения?

Ни о чем не говорят.

Море как море. Здесь нет склада боеприпасов, нет полигона зенитчиков (над которым, кстати, можно нарваться на настоящую боевую ракету), нет — и это главное — какого-нибудь зловещего периметра.

На Луне, да и не только на Луне, периметрами обычно называют то, что из соображений секретности назвать своим именем ну никак нельзя. Даже для своих. Своих, но — не посвященных в *этот* секрет, в *эту* тайну.

Периметром может оказаться: испытательный полигон экспериментального оружия; оперативная база пехоты особого назначения; военная тюрьма, в конце концов.

Периметры обычно не нумеруются. Им присваивают условные названия — ничего не говорящие, конечно. Например, «периметр Люкса» или «периметр Климата».

На картах вблизи от наших маршрутов были обозначены три периметра: Энгуса, Магнуса и Стефана.

От периметра Энгуса я прошел в ста километрах, когда искал первую точку входа. Остальные меня вообще не

беспокоили: они были очень далеко, в полосе действия моих товарищей.

Итак, бояться нечего.

Я достиг противоположного края кратера, лихо перемахнул его и, вновь снизившись, направился к морю Плоскому.

Прямо по курсу — невысокий кряж. За ним начнется глубокая впадина моря. Я пролечу над ней минут семь, а потом поверну на запад.

При разборе учений с меня, конечно, спросят за самоуправство. Но, учитывая засаду, которая поджидала меня на основном маршруте, мои действия наверняка будут квалифицированы как «инициативные» и «единственно верные».

Я даже предвкушал благодарность от начальства. Но додумать свои честолюбивые мысли я не успел.

Оптика передней полусферы нащупала на приближающемся кряже какие-то искусственные объекты. Они выглядели как невысокие столбики и тянулись через весь кряж с небольшими интервалами.

Система предупреждения об опасности помалкивала. Значит, эти столбики не имеют отношения к противокосмической обороне условного противника.

Но что это такое, черт побери?

Когда до кряжа оставалось совсем немного, столбики вдруг ярко засветились. Оказалось, что эти штуковины сделаны из полупрозрачного материала двух цветов: красного и желтого. Такая окраска вопит: заметь меня!

Да заметил я, заметил. Ну и что?

Раздумывать о столбиках мне было некогда. Мало ли кто, когда и зачем их здесь ставил? На Луне человечество топчется многие века. О заброшенных базах и вяло трепыхающейся автоматике, которой полтыщи лет, сложены легенды, былины и анекдоты. Так что мне теперь — какого-то списанного сейсморазведочного оборудования пугаться? Ну завелось оно по старой памяти, ну батарейки хорошие оказались...

Главное, что моя карта насчет этого кряжа и моря, которое простирается за ним, критической информации не сообщает. Так не робей, кадет Пушкин! Вперед и только вперед!

Кряж был высотой метров семьсот. Я в своей обычной манере — то есть резко — набрал высоту и, промчавшись параллельно пыльным отрогам хребта, завершил «горку» пологим пикированием.

И вот когда я увидел...

Нет, не так: когда я *получил возможность* осмыслить увиденное, я обалдел.

Но в тот момент мне было некогда. Потому что автоматика истребителя атаковала меня ураганом информации.

Там было все: угроза спереди и угроза сзади, опасное пилотирование, опасность столкновения, запуск зенитных ракет, сотня неопознанных объектов на земле и полдюжины — в пространстве.

Да куда же меня занесло???

Прямо на меня надвигался залитый непроглядной чернотой силуэт какого-то чудища. У страха глаза велики, а потому космический корабль неизвестной конструкции в первый миг показался мне размерами со все море Плоское.

Но уже через секунду я сообразил, что:

— он действительно велик, но вряд ли больше нашего, земного авианосца;

— корпус чужака закупорен в силовое поле неизвестной природы, которое полностью скрадывает его очертания;

— инопланетяне заходят на посадку, а я имею неосторожность пикировать аккурат в середину их корабля.

Разинув рот от изумления (и, честно, сразу же взмокнув от страха), я заложил левый вираж — такой крутой, на какой только был способен мой «Горыныч».

Мы разошлись с исполином в считанных метрах.

И тут в меня влепили.

Уж не знаю откуда стреляли — с борта корабля или с лунной поверхности. Но последствия обстрела были налицо: над «Горынычем» почти одновременно вспыхнули два алых шара. Еще парочка ослепила камеры задней полусферы.

Видимо, инопланетяне, как и мы, применяют аэрозольно-фугасные боеголовки.

Будто двадцать кувалд жახнули по корпусу истребителя разом. Прямо мне в лицо брызнули обломки бронеколпака кабины. Забрало моего летного скафандра выдержало эту шрапнель — но переживание было не из приятных.

Дернулась, опала и ушла в точку картинка на ландшафтном радаре.

Вслед за радаром умерли две трети приборной доски.

Катапультироваться?

Ну уж нет! Кем бы ни были неведомые чужаки, хозяйничающие на нашей родной Луне, они только что показали степень своего дружелюбия. Попасть к ним в плен? Никогда!

Я не должен думать о спасении. Но мой долг — немедленно сообщить об этой чудовищной агрессии своим!

Как знать, может, всей жизни осталось полминуты,
234 но я буду бить в набат до последнего вздоха!

Я решительно включил аппаратуру связи — тут уже не до условностей вводной!

О чудо! Связь работала!

Правда, только на передачу. Главные антенны приемника, похоже, срезало осколками. Таким образом, вводная учений неожиданно оказалась удручающе близка к истине.

— Всем, кто меня слышит! Всем, кто меня слышит! Говорит борт СВКА-23. В районе лунного моря «Плоское» атакован неопознанными объектами. Повторяю: объекты неопознанные, предположительно — инопланетного происхождения. Всем, кто меня слышит! Прошу немедленно сообщить командованию флота! В районе лунного моря «Плоское» обнаружены неопознанные объекты. Поведение — агрессивное. Атакован четырьмя ракетами. Имею повреждения. Кадет Александр Пушкин, пилотирую истребитель «Горыныч», борт СВКА-23. Повторяю...

Одновременно с этим я без разбору нажимал на все кнопки самообороны.

Из уцелевших подфюзеляжных контейнеров брызнули веером ловушки всех типов и мастей. Они должны были сбить с толку неприятельские радары и отвести в сторону зенитные ракеты.

А кроме того, я дал на двигатели полную мощность. Дуря от перегрузок и непрерывного пищания зуммеров, я выскочил из зоны моря Плоского, как пробка из бутылки.

Одновременно я набирал высоту — от Луны подальше, к Черному Небу поближе.

А Черное Небо, кстати, зияло звездными пробоинами прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки. Ведь бронеклоп кабины был разбит ракетным обстрелом вдребезги — и только тоненькое забрало скафандра отделяло меня сейчас от абсолютного вакуума.

Централизованный обогрев истребителя потерял актуальность из-за разгерметизации кабины. Теперь моя судьба полностью зависела от надежности автономного жизнеобеспечения скафандра.

Я констатировал, что кончики моих пальцев уже заledenели. Ступни стали холодными, как летное поле Колчака в полярную ночь.

Ой-ой. Кажется, одним из осколков эти сволочи перебили в моем скафандре некий важный проводок, ответственный за терморегуляцию.

Преследуют ли меня?

Повторили они ракетный залп или нет?

Эти вопросы отодвинулись на второй план.

Главным было: успею ли добраться до своих, даже если меня сейчас не подстрелят? Как бы не привез мой «Горыныч» домой сосульку в заиндевевшем изнутри скафандре...

Надо срочно определяться: куда лететь?

До родного «Дзуйхо» я вряд ли дотяну. А кто здесь есть поблизости?

Крепости. Орбитальные крепости должны быть обязательно. Но как мне их найти, если не работают радары?

Визуально? Хе-хе.

Тогда вот тебе другой вариант, кадет Пушкин. Разворачивайся, снижайся и ищи на поверхности Луны любой военный объект. Лучше всего — периметр. Каждый периметр обязательно имеет свой небольшой космодром. Конечно, прав на доступ внутрь периметра у тебя нет. Но наши поймут, разберутся, в обиду не дадут. Какие могут быть условности, если на Луну высадились чужаки?!

Но развернуться я не успел.

Прямо по моей приборной доске побежали вспышки приливной лазерной сигнализации. Кто-то висел у меня на хвосте с небольшим превышением и, переведя лазерные пушки в учебно-тренировочный режим, обстреливал мой «Горыныч» безобидной морзянкой.

Тут только я обнаружил, что нахожусь в теплой компании. Прямо над моей головой, а также по обоим бокам истребителя и, вероятно, снизу тоже, шли боевые флуттеры. Они летели так близко, что я мог разглядеть головы пилотов под бронеколпаками.

На флуттерах я что-то не заметил опознавательных знаков, но это были наши, наши! «Горынычи» последней, восьмой модификации — отменные истребители-перехватчики с двигателями зубодробительной мощности.

Я восторженно показал ребятам большой палец — дескать, молодцы, нашли!

И тут же заорал в микрофон:

— Ребята! Срочно передайте командованию: в море «Плоском» — высадка чужаков. Чужаки в море Плоском! Если слышите меня — помажьте крыльями!

В ответ мне невежливо покрутили пальцем у виска.

Ничего не понимая, я решил разобрать лазерную морзянку, которая продолжала настойчиво мигать на моей приборной доске.

«Следуй... за... нами... Не... немедленно... заткнись... Иначе... пристрелим...»

В подкрепление своих требований висевший у меня на хвосте флуттер выпустил ракету. Она прошла совсем недалеко от моего «Горыныча» и взорвалась в двух километрах впереди по курсу.

Вот ведь падлы!

На борту орбитальной крепости я провел три дня.

И все три — в карцере.

На день мне выдавали два пластмассовых стаканчика с трубочками. В одном была изгаженная сотым циклом очистки вода, в другом — морковно-рыбно-картофельное пюре. Вкусное, как люксоген.

Карцер имел размеры метр на метр на полтора. В углу было отверстие диаметром двадцать сантиметров для утилизации пластмассовых стаканчиков и отправления естественных надобностей.

Зато я наконец мог поспать вволю, насладиться биением собственного сердца и, поднеся руку к губам, ощутить теплое дыхание живого существа. Насколько приятнее быть живым существом, чем ледяной статуей в кабине загнанного «Горыныча»!

А еще я мог в деталях восстановить то, что увидел за несколько суматошных секунд в море Плоском — когда мой истребитель счастливо разминулся с неохватной тушей черного корабля.

Впадина моря была залита флюоресцирующей жидкостью. Насколько хватало глаз.

И вот прямо в этой жидкости лежали в ряд огромные туши. Надо полагать, такие же точно звездолеты, как и тот, в который я едва не врезался.

Темень кругом была крошечная — если не считать свечения жидкости. Но это свечение, увы, было слишком слабым, чтобы помочь разглядеть звездолеты в деталях.

И все равно увиденное потрясло меня больше, чем «родильные дома» джипсов на Наотаре.

Объясню.

Может ли жидкость сохранять текучесть при температуре, близкой к абсолютному нулю? По-моему, нет. Но вот есть такая жидкость, оказывается.

Море на Луне — абсурд. Эскадра неведомых кораблей — абсурд вдвойне, ведь недаром Луну стерегут орбитальные крепости!

Неужели технологии чужаков столь совершенны, что они смогли «отвести глаза» нашим средствам орбитального контроля?

А если нет, если командование знает об их присутствии, то почему не предпринимает никаких мер? Почему, например, не предупредило нас?

Может, мы проиграли эту войну за две минуты? Вдруг, пока я летал над Луной, Объединенные Нации капитулировали? А оккупационные силы чужаков хозяйничают по всей Солнечной?

Увы, все может быть...

Впрочем, как показал опыт библейского Ионы, сохранять присутствие духа можно и в утробе кита.

Поэтому каждый раз, когда через вертушку в двери мне поступали очередные стаканчики, я задорно орал: **237**

«Товарищи! Я свой! Кадет Александр Пушкин, Северная Военно-Космическая Академия! Свяжитесь с учебным авианосцем «Дзуйхо»! Имею информацию нулевой степени важности! Отведите меня к коменданту! Товарищи, вашу мать! Мы же все люди, все мы человеки! Ну хоть сигарету дайте, нехристи!»

Куда там! Ни сигареты, ни одного человеческого лица. Только хари осназовцев — да и те я видел дважды.

Первый раз, когда меня выволокли из «Горыныча» после успешной (тьфу-тьфу-тьфу) посадки на орбитальную крепость.

И второй раз — когда дверь карцера наконец уехала в потолок.

— Заключенный, лицом к стене, руки за спину!

— Товарищи!..

— Молчать!

На голову мне надели мешок, щелкнули наручниками.

Поволокли куда-то.

Мелькнула мысль: «Что, если попросту выкинут в открытый космос? По указке чужаков?»

Но вместо открытого космоса я оказался в небольшой комнате со стенами, выкрашенными в цвет некрашеного алюминия.

Это я узнал, естественно, только после того, как конвой снял с меня мешок и удалился. Наручники, впрочем, они оставили.

Передо мной стояли стол и стул. Напротив, через стол, сидел... капитан второго ранга Богун, заместитель Федюнина!

— Здравия жела...

— Садись.

В комнате не было ни иллюминаторов, ни других излишеств. Только на дальней стене висел небольшой пейзаж в деревянной рамке. Три березки, овражек и ельник вдалеке.

На Богуна мне смотреть не хотелось. Его глаза — красные, как у кролика — сулили мало хорошего.

— Пушкин, ты раздолбай.

— Так точно, товарищ кавторанг!

— Ты — ходячий анекдот.

— Согласен!

— Тебя надо отправить юнгой на тремезианский мусорщик.

— Готов выполнить любой приказ родины!

Мне послышался короткий смешок.

Но, переведя взгляд с березок в рамке на Богуна, я обнаружил, что тот по-прежнему серьезен и грозен.

— Рассказывай, как дело было.

Я рассказал. Все без утайки. Всю свою историю — от перехода терминатора до посадки на орбитальную крепость.

— Еще раз. Почему ты решил пересечь кратер «Гремящий»?

— Я оказался там в результате противозенитного маневра. Уходил от огня условного противника.

— Почему не вернулся к первой точке входа? Ты мог попробовать обойти батарею с другой стороны, вдоль «Бурого-2».

— Тогда я бы точно сорвал график. Это был бы крюк — в три раза больший, чем через Гремящий и Плоское.

— Тебе знакомо это устройство?

Богун показал мне какую-то мелкую прозрачную дрянь вроде контактной линзы.

— Нет.

— Никто никогда не давал тебе такое устройство?

— Да нет же, товарищ кавторанг! Я не знаю, что это такое!

— Это шпионский видеоглаз. У тебя есть такая штука?

— Нет, — я вздохнул. — У меня такой штуки нет.

— Тебе передала такой видеоглаз офицер конкордианской разведки Исса Гор. Правильно?

— Нет.

— Исса Гор заставила тебя работать на конкордианскую разведку. Верно?

— Не верно.

— Кто и когда рассказал тебе о периметре Хайека?

— Я не знаю, что такое периметр Хайека. — (Интересно, сколько елочек в том ельнике на картинке?) — Никто никогда не рассказывал мне о периметре Хайека.

— Ты не работаешь на конкордианскую разведку. Верно?

— Не верно... То есть да, верно, конечно, верно!

— Так да или нет?

— Да, не работаю.

Богун будто бы меня не слушал.

— Известно ли тебе, что такое периметр Хайека?

— Нет, мне не известно, что такое бу-бу-бу, — (ага, семнадцать елочек выписаны обстоятельно; и еще мы видим сорок три верхушки). — Бу-бу бу-бу-бу неоткуда знать.

— Исса Гор упоминала о секретном объекте в море «Плоское».

— Нет. Никогда. Бу-бу-бу.

— Ты видел светящуюся ограду периметра. Почему не отвернул?

— Я не знал, что это ограда. На моей карте не было никакого периметра.

— Ты слышал предупреждения охраны периметра?

— Нет. По условиям учений у меня были выключены все средства связи.

— Почему ты решил, что на Луне — чужаки?

Тут я не выдержал. То, что мы находимся внутри детектора лжи, я уже догадался — не ребенок. Иначе Богуну нет

смысла перефразировать по три раза одни и те же вопросы. Но зачем заставлять меня по три раза повторять idiotские догадки?!

(То, что они idiotские, я понял, когда он показал мне видеоглаз и упомянул какой-то периметр Хайека. Теперь ясно, что вляпался я не в войну с инопланетянами, а в гнусные секреты военфлота.)

— Да я ведь уже говорил, товарищ кавторанг! — закричал я. — Корабли — неизвестной конструкции! Нас таким не учили! Да еще море это светящееся! Море — на Луне! И стреляют — без «здрасьте»! Ладно, для меня эти корабли — неизвестные. Но они-то должны были видеть, что летит обычный истребитель, российского производства. Они-то эфир слушали! Должны были знать, что учения идут неподалеку, а?

Пока я разорялся, Богуну прямо в руки, откуда из-под столешницы, выползла распечатка. Видимо, первичный результат тестов детектора лжи.

Результатами кавторанг, похоже, остался доволен. Он удовлетворенно кивнул и сказал:

— Остынь. И послушай, как это выглядело с их стороны. Орбитальная крепость, которая следит за подступами к периметру, видит, что из «Гремящего» выскочил истребитель. И летит прямо к секретному гелевому космодрому, на который в это время садится столь же секретный линкор. Охрана периметра на всех частотах орет: «Истребитель, прочь! Убирайся обратно! Будем стрелять!» Ты — ноль внимания. Понимаю: связь выключена. Но они-то об этом не знают! И о том, что твоя машина принимает участие в учениях, они тоже не знают, потому что тренировки пилотов Академии — это наше собственное дело. Мы не должны оповещать о них всю Луну. А ты прешь вперед — и они видят, что тебя надо сбивать, иначе каюк линкору. Так это тебе еще повезло, что «Горыныч» — маневренный истребитель, а у них зенитчики сонные оказались. Ведь ты вел себя не то как шпион, не то как сумасшедший! А потом, когда ты начал в эфир орать, что тебя инопланетяне атакowali, они поняли: ага, это кадет, парень скорее всего случайный. Сбивать его не надо. Но сажать — надо! И проверять — надо! Потому как, может, ты дурак, а может, и хуже — шпион, который на дурака косит.

— Вот вы меня и проверяете, — подсказал я. — А за что трое суток в карцере продержали?

— Ты, Пушкин, наверное, плохо жизнь знаешь.

— На то похоже.

— Предварительная официальная версия, которую нам спустила Генеральная Комендатура Луны, знаешь какая была?

240 «Разбился в пределах периметра N».

— Ого.

— Вот именно. Тебя, летуна, живьем похоронить могли. Тут как раз военная тюрьма неподалеку. Посадить тебя в одиночку, дело твое отдать ленивому дознавателю, потом потерять... И сидел бы ты до самой старости под номером «трижды шестнадцать» на глубине сто метров под лунной поверхностью. А запаянный гроб с твоими «останками» закопали бы с умеренными почестями в ближайшем купольном военном городке.

— И что же меня спасло?

— А откуда ты знаешь, что «спасло»? — Богун прищурился. Как написали бы в газетном очерке — «лукаво», но если без газетчины, то «злобно». — Может, у тебя фальшивый гроб еще впереди.

Но меня уже было не запутать. Я прищурился — надеюсь, столь же злобно, — и с расстановкой произнес:

— Вы — человек не из их песочницы. Преподавателя Академии не допустили бы ко мне, если б продолжали настаивать на том, что я разбился. Со мной работали бы только офицеры контрразведки флота.

— А недаром за тебя, Пушкин, Федюнин так хлопочет. Головы не теряешь.

— Так это товарищу каперангу спасибо?

— Да. В течение двадцати четырех часов он вышел через эскадр-капитана Тоцкого на адмирала Пантелеева. Тот связался с Генеральной Комендатурой Луны. А у Пантелеева такие полномочия, что ему были вынуждены сообщить правду. Которую адмирал не счел нужным скрывать от Федюнина, а тот — от меня. Контрразведке было, пожалуй, легче бочку мыла выпить, чем разрешить мне с тобой встретиться. Но в итоге мы все-таки достигли компромисса. Слушай официальную версию...

Вот такая жуткая история. О том, как меня чуть не угрохали свои. Из-за семи секунд, проведенных над периметром Хайека. Таким секретным, что даже на *секретные* карты его не нанесли.

Теперь я могу эту историю рассказать.

А тогда — не мог.

После разговора с Богунем меня переправили на Землю, в следственный изолятор контрразведки флота. А еще через неделю я вернулся в Академию. Пройдя через великое множество инструктажей и заучив как «Отче наш» официальную версию моих злоключений.

Меня сразу же обступили с расспросами. Мне трясли руку. Хлопали по спине.

Володя Переверзев проникновенно вопрошал: «Ну, старик, как оно?»

Коля Самохвальский улыбался, а в глазах его стояли слезы:
«Уж не чаяли...»

А что я мог им рассказать?

Летел.

Нарвался на засаду.

Сбился с курса.

Отказали двигатели.

Падал.

Катапультировался.

Флуггер разбился.

Искали.

Нашли.

Лечили.

Вылечили.

Спасибо докторам!

ГЛАВА 14

В ПЛЕНУ У АСТРОБОТАНИКА

Ноябрь, 2621 г.

Биостанция «Лазурный берег»

Планета Фелиция, система Львиного Зева

— Эй-эй, полегче, полегче, дамочка! — прохрипел Эстерсон, заваливаясь набок.

Положение это было унижительным, и вдобавок лежать на сломанном ребре оказалось больно. Но зато теперь он мог как следует разглядеть агрессивную незнакомку.

Высокие измазанные грязью сапоги у самого его носа перетекали в облегающее стройные ноги черное трико.

Еще выше — свежая рубаша армейского покроя, вся усаженная карманами и кармашками, сильная длинная шея, черные кудри спускаются на самую грудь, загорелые руки держат карабин, сосредоточенное лицо с широкими котиковыми бровями, бейсболка с матерчатым козырьком...

Никакой косметики. Никаких украшений. Ногти коротко острижены.

Если бы не шикарные волосы, эту поджарую, спортивную женщину с развитыми мускулами было бы легко принять за юношу. Особенно со спины.

«И я назвал ее дамочкой! Да это не дамочка, а монстр какой-то — наподобие тех, что в охране на Церере служат...» — вздохнул Эстерсон и закрыл глаза.

— Больно? Ничего, оклемаешься, — процедила «дамочка» и вновь ткнула ему в спину носком сапога (правда, на этот раз аккуратней). Опустить карабин она, конечно, и не подумала. Ее высокий лоб пересекла озабоченная морщина. Видимо, женщина размышляла над тем, что ей следует предпринять дальше. Наконец, она что-то для себя решила:

— Так... Теперь выброси оружие вон туда... в кусты... И встань на четвереньки. И без выкрутасов, пожалуйста! А то будет хуже!

— Да с чего вы взяли, что у меня вообще есть оружие? — тихо спросил Эстерсон.

— Почему-то в этом я не сомневаюсь.

— Интересно, почему?

— На Фелиции легче встретить Папу Римского, чем нормального человека. А ненормальные все при пушках. Всегда.

— Откуда вам знать, нормальный я или ненормальный? — поинтересовался Эстерсон.

Он был согласен на любые дискуссии, лишь бы не вставать на четвереньки и не расставаться со своим стальным другом.

— Ненормального сразу видно. Посмотри на себя — да ты вообще на животное похож! На гориллу!

Несколько секунд Эстерсон молчал — пытался представить себе, как он выглядит со стороны. Нечесаная борода, грязный, изорванный комбинезон, под ногтями — траурные каемки грязи. Пожалуй, иная горилла выглядит более ухоженной...

— Извините, — пробормотал конструктор. — Я не рассчитывал, что судьба готовит мне такую приятную встречу... В такой глуши...

— Приятную встречу! — презрительно фыркнула незнакомка. — Скажешь еще! Что тут приятного — в грязи валяться, да еще под прицелом!

— В том, чтобы лежать в грязи под прицелом, и впрямь ничего приятного нет, — согласился Эстерсон. — Просто я соскучился по людям. Даже ваше сомнительное обращение кажется мне роскошным.

Незнакомка чуть приподняла козырек бейсболки стволом карабина и, немного подумав, заключила:

— Пожалуй, для рецидивиста ты выражаешься слишком кудряво.

— Для рецидивиста? — переспросил Эстерсон.

Он уставился на свой «Сигурд» — нет ли в его окошке сообщения о возможной ошибке переводчика? Или хотя бы пометки «перевод условен». Ничего подобного там не было. «Может быть, она приняла меня за кого-то другого?».

— Именно. Для рецидивиста, — невозмутимо подтвердила женщина. — Для убийцы и террориста, если точнее.

— А почему, собственно, я должен изъясняться как рецидивист? — Эстерсон так осмелел, что даже привстал на локте. — Может, объясните?

— Нечего тут объяснять. Ты должен быть похож на рецидивиста, потому что ты и *есть* рецидивист.

— Логика железная, — простонал Эстерсон.

— При чем тут логика?! — вспыхнула женщина и дуло карабина снова уставилось прямо в лоб инженеру. — И так все ясно! Ты думаешь, я тебя не узнала? Как бы не так! Ты — рецидивист Роланд Эстерсон!

— Я действительно Роланд Эстерсон, но я не...

— Рассказывай! Да мне тобой, сучья морда, все уши прожужжали! Мне, черт бы тебя побрал, работать не дают! Все эти вертолеты! Все эти командиры! Брутальные мачо в черных комбинезонах, с нашивками «DR»!

«DR означает «Дитерхази и Родригес», — сообразил Эстерсон. — Мачо были, конечно же, из корпоративной охраны».

— Да мне дырку в голове пробурили! Из-за тебя и твоего сообщника Станислава Песа! Так что нечего тут валяться, сдавай пушку и вставай на четыре! Быстро! А то знаю я вас таких хороших — небось специально время тянешь. Ждешь, когда дружок тебя хватится и вызволит...

— Пан Станислав Пес утонул, — сдавленным голосом сказал Эстерсон. — Так что вам волноваться нечего. Никто за мной не явится.

— Утонул?

— Утонул. Если быть совсем точным, его сожрал морской гад. Вместе с истребителем, на котором мы приземлились.

— Каким еще истребителем? — нахмурилась женщина.

— Я думал, вы знаете.

— Что еще я должна знать?

— Я думал, брутальные мачо вам сказали, что я угнал истребитель собственной конструкции и совершил вынужденную посадку там, на полуострове. Но произошла небольшая нестыковка.

Машина вместе с моим, как вы его назвали, сообщником
244 оказалась в воде — там, в лагуне...

— Если бы знала, я бы сразу туда, на полуостров, этих DR-мудозвонов и направила. Сэкономила бы себе две рабочих недели.

— Извините, конечно, но я не от хорошей жизни истребитель утнал, — сказал Эстерсон. — Мне, между прочим, тоже жилось не сладко...

— Да полно врать-то! Все я про тебя знаю! И про то, как ты, дважды судимый пилот Эстерсон, захватил пассажирский корабль и обокрал его, мне, между прочим, рассказывали! И про то, как ты взял в заложники экипаж. И про то, сколько невинных жертв...

— Да кто вам наболтал всю эту чушь?! — возмутился конструктор. В запале перебранки он даже уселся на корточки и отвел указательным пальцем ствол карабина в сторону. — Во-первых, я никого не убивал. И не брал в заложники... Почти. Во-вторых, то был не пассажирский корабль, а транспортник. В-третьих, мы ничего не крали! Ничегошеньки! Мы просто спасались бегством! Это было бегство и больше ничего! Ни-че-го!

— Ну почему все преступники такие однообразные? — скептически скривилась женщина. — Всегда пытаются выставить себя бедными сиротками. Наивными жертвами обстоятельств.

Эстерсон понял, что амазонка с карабином не верит ему. Люди концерна «Дитерхази и Родригес» закомпостировали ей мозги на совесть.

— Короче, мне все это надоело. Тут и без тебя дел полно, — вдруг заключила женщина. — Так что делай, как я велю. Выброси пушку, руки за голову...

Скрипя всеми суставами, Эстерсон встал на колени и медленно, стараясь не делать резких движений, полез в нагрудный карман, где почивал его «ЗИГ-Зауэр».

Всклипнула застежка-липучка. Спустя секунду он был разоружен.

— Так-то лучше, — удовлетворенно сказала женщина, засовывая «ЗИГ-Зауэр» себе за пояс. — Вставай на ноги и пошли. Посидишь пока у меня в подвале, на станции. А там уже за тобой и из консульства прилетят.

— Как хоть вас зовут-то? — спросил Эстерсон, вышагивая по тропинке к домику, притаившемуся среди деревьев, которые инженер для себе окрестил «тополями».

— А какая тебе разница?

— Вообще-то никакой. Просто любопытно.

— Знаешь, у нас, у русских, есть такое присловье: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали».

— Что-то я не очень понял... К чему это, а? Вас Варварой зовут, что ли?

— К тому, что тебе не должно быть никакого дела до того, как меня зовут. Понятно? Мне с тобой детей не крестить. Сейчас свяжусь с консульством и — скатертью дорога! Надеюсь, вечером этого дня мы с тобой распрощаемся навеки.

— А вы не очень-то любезны, — пробормотал Эстерсон.

Женщина не ответила. Она лишь ткнула его карабином между лопаток и принялась насвистывать какую-то мелодию, в которой Эстерсон не сразу узнал давешнее «Oj, mogoz, mogoz...».

Вот и сбылась мечта Эстерсона посетить научно-исследовательскую станцию на мысу.

Вблизи она вовсе не казалась заброшенной, хотя, конечно, выглядела неухоженной.

Бурьян оккупировал некогда нарядные клумбы, сорная трава исполосовала зеленью мощенные красной плиткой дорожки, а каменный забор, опрятно побеленный во времена процветания, посерел, оброс мхом, а кое-где и вовсе обвалился.

Разве что океан шумел здесь очень по-курортному.

Хлам и техномусор образовали пестрое подобие пирамиды Хеопса, южный скат которой оканчивался в аккурат у калитки.

А над самой калиткой реял насаженный на стальной вертел орел хулиганского вида: герб Российской Директории.

— Заходи, чего встал. — Женщина снова подтолкнула конструктора дулом карабина.

Скрипнули петли. Эстерсон оказался за воротами.

Эстерсон в оживлении вертел головой — вокруг было столько интересного!

Тут и там стояли затянутые пыльным брезентом аппараты сомнительного предназначения, с колесами и без, а за самым ближним к Эстерсону домом с куполообразной крышей (над ним-то и курился дымок!) просматривалась череда обложенных бело-желтой плиткой бассейнов. Воды в них, правда, не было.

Аппараты и бассейны были единственным, что напоминало о славном научно-исследовательском прошлом этого места.

Все прочее скорее вызывало мысли о заброшенных земных колониях на далеких планетах, к которым начисто потеряла интерес корпоратская сволочь, но которые почему-то остались дороги нескольким десяткам чокнутых энтузиастов, оставшимся жить в них просто потому, что жить там им нравилось.

На ветру хлопало вывешенное сушиться бельишко — Эстерсон чиркнул нежным взглядом по четырем парам кружевных женских трусиков.

На белом садовом столике у входа скучала грязная чашка, из которой свисал хвостик чайного пакета. Рядом лежал не-

А на ступеньках дома в образцовом беспорядке громоздились стоптанная женская обувь.

Но самое забавное Эстерсон увидел последним. Под самыми окнами дома... был разбит огород! Грядки помидоров, картофеля, капусты, жизнерадостный изумрудный бордюр петрушки...

Все это выглядело довольно трогательно. Эстерсон улыбнулся и зашагал по дорожке к дому.

— Эй, ты куда это? — строго сказала женщина. — Домой я тебя не приглашаю. Тебе — в подвал. Там и будешь сидеть.

Эстерсон вздохнул и поплелся туда, куда указывала женщина. А что ему еще оставалось делать?

Кряхтя и охая, он спускался по крутым ступеням с фонариком в руках. Следом за ним шествовала женщина. Судя по некоторым признакам, она нервничала не меньше Эстерсона, оттого и грубила самозабвенно.

— Пошевеливайся, дружок! Пошевеливайся!

— Извините, мадам... Но у меня сломано ребро, а действие обезболивающего потихоньку оканчивается, — пробормотал Эстерсон.

— Ничего, в тюрьме подлечишь.

— Может быть, я могу рассчитывать на ваше милосердие? Как бы не было осложнений...

— Милосердия у меня нет ни на грамм. Но если найду что-нибудь в аптечке, я тебе принесу. Я не зверь.

— Благодарю.

— Рано благодаришь. Я еще могу передумать.

Еще десять ступеней. Эстерсон остановился отдышаться.

— Ну, что опять?

— Ничего. Просто нужно отдохнуть.

— Внизу отдохнешь. Времени у тебя будет навалом. Пока я с консульством свяжусь, пока из консульства прилетят...

— Послушайте, но я же не сделал вам лично ничего плохого. Почему вы настроены ко мне так враждебно?

Женщина ответила не сразу. Видимо, подбирала выражения позабористей.

— А как, по-твоему, я должна быть настроена к рецидивисту, который убивает людей? С какой стати я должна доверять тебе?

— Но вы же доверились людям из «Дитерхази и Родригес»?! Хотя, казалось бы, с какой стати? — с издевкой спросил Эстерсон и тут же продолжил: — Между прочим, если уж говорить об убийствах людей, концерт «Дитерхази и Родригес» даст фору любому маньяку-рецидивисту. Да что маньяку? Во всех алькатрасах мира не наскребется столько маньяков, что-

бы по числу жертв сравняться с этим славным концерном, производящим, между прочим, отнюдь не презервативы и не детские игрушки! «Дитерхази и Родригес» — это мины сорока моделей, истребители, фрегаты, ручное оружие и боеприпасы! Заводы концерна за месяц производят столько смерти, что ее с лихвой достанет, чтобы угробить всю вашу Российскую Директорию. Всех дряхлых старичков и грудных младенцев! Это говорю вам я, человек, проработавший в этой конторе долгие годы! «Дитерхази и Родригес» — вот кто настоящие убийцы! И надо же, этим людям вы верите, а мне нет!

— Видал, как расчирикался, — проворчала женщина, однако в ее голосе Эстерсону послышались нотки сомнения.

— Между прочим, не смутил ли вас, моя прекрасная незнакомка, тот факт, что эту планетку прочесывала вовсе не полиция и не какой-нибудь осназ, а корпоративная охрана?

— Можно подумать, есть разница...

— Разница есть! Видели ли вы хоть когда-нибудь корпоративную охрану на тушении пожара? На спасательных работах? На поимке сбежавшего из зоопарка вольтурнианского всеяда? При освобождении заложников?

— Ну... Допустим, не видела.

— И вам не показалось странным, что концерн, производящий оружие, вдруг взял и заинтересовался каким-то рецидивистом? Да так заинтересовался, что решил выделить из своего бюджета миллионы терро на то, чтобы тарыхтеть вертолетами и портить вам нервы?

— Не знаю, — мрачно сказала женщина. — Не знаю. В твоих словах, конечно, есть доля истины...

— Доля истины! — саркастически воскликнул Эстерсон.

— Но... Но, честно говоря, мне все равно, кто и для чего тебя ловит. Рецидивист ты или нет, а все равно тебя надо сдать в консульство. И пока за тобой не прилетят, ты будешь сидеть здесь.

Только тут Эстерсон осознал, что они уже пришли к месту его заключения.

Женщина включила свет и подвал уставился на конструктора широко распахнутыми глазищами голубых ламп.

Подвал был перегороджен надвое стальной решеткой, оба края которой были вмурованы в пенобетон: верхний — в потолок, нижний — в пол. Таким образом, из дальней части подвала получалось нечто вроде тюремной камеры.

Она была наполовину завалена самым разным строительным хламом: отчетливо различались обрезки труб, баллоны и пакеты, рулоны теплоизоляционной и лю-

минофорной пленки, перфорированный металлический профиль, мешки с порошковым клеем.

В камеру вела дверь — тоже из стальных прутьев, — которая запиралась на замок. Дверь, кстати, была приоткрыта — видимо, хозяйка не очень-то верила в то, что кто-то из местного населения позарится на все это барахло.

— Заходи, располагайся, — сказала женщина и распахнула перед Эстерсоном дверь. — Чувствуй себя как дома.

— Я думаю, у вас отличное чувство юмора, — заметил конструктор.

— Для рецидивиста ты слишком много думаешь.

Женщина ушла, а Эстерсон получил возможность осмотреть свое жилище и поразмышлять над затаенным узором судьбы, вытканным последними событиями.

Вот, например, эта станция.

Стоило ли мечтать о ней, чтобы в конце концов оказаться за решеткой? Стоило ли строить воздушный шар, чтобы теперь, в прохладной и сырой тиши, мучиться от рвущей грудину боли и ожидать, пока консульство пришлет вертолет?

Или даже так: стоило ли драпать с Цереры, чтобы рано или поздно вернуться на нее же, только в качестве пойманного беглеца?

«То-то генерал Родригес обрадуется...»

Но эти мысли вызвали у Эстерсона неожиданно сильное отвращение. Вроде бы все так, но только... Но только ну его к черту, этого Родригеса!

«Нет, она права. Я и впрямь слишком много думаю! — решил конструктор и усилием воли прекратил свои пустопорожние медитации. — Нужно действовать, а не думать. Нужно бежать!»

Легко сказать: бежать. Что — перегрызть прутья стальной решетки? А может, лучше прорыть подкоп в бетонном полу?

Чтобы чем-то заняться, Эстерсон принялся за осмотр хлама.

Он внимательно прочел этикетки на баллонах со строительной пеной, постучал о пол волейбольным мячом (его брат-близнец остался лежать до времени за ворохом русских газет и журналов трехлетней давности), осмотрел содержимое картонных ящиков — поношенные джинсы, измазанные краской футболки, ракетки для настольного тенниса, спущенный надувной диванчик, облысевшая щетка для чистки бассейна, короче — хоть сейчас открывай секонд-хенд.

Но ни взрывчатки, ни ножовки для работы по металлу, ни даже простенькой циркулярной пилы среди хлама,

увы, не обнаружилось. Таким образом, с идеей перепилить прутья тюрьмы пришлось расстаться сразу.

А замок? Может быть, его получится открыть? Хакнуть? Обмануть?

Но замок оказался целиком и полностью механический, без всякой электроники. Хакать в нем было нечего. Требовался банальный ключ.

Тут на Эстерсона накатила усталость. Он соорудил себе лежбище из газет и журналов (пол был холодным, почти ледяным) и улегся на него, подложив себе под голову огнетушитель, обмотанный тремя парами потертых джинсов.

Он сам не заметил, как погрузился в тревожную дрему, из которой его нескоро выдернул звук шагов на лестнице, ведущей в подвал.

«Неужели так быстро прилетели, живоглоты проклятые?» — пронеслось у него в мозгу.

Конструктор мигом открыл глаза, ороговел душой и уселся на своей «постели». Вид у него был затравленный.

К счастью, это была всего лишь амазонка. Она волочила за собой по ступеням латексный матрас.

Она бросила матрас у самой решетки, буркнула что-то невразумительное и стремительно убежала наверх.

Во второй раз она тоже вернулась не с пустыми руками. А с подносом, на котором стояла кастрюлька с ароматным варевом, пачка печенья в шоколаде и пакет яблочного сока.

— Вот, ужин тебе принесла, — прокомментировала женщина. — И матрас. А то еще простудишься. Ночи холодные... в подвале-то...

— Они сказали, что приедут только утром? — поинтересовался Эстерсон.

— Они еще ничего не сказали. Тебе повезло. Или не повезло — даже не знаю.

— В каком смысле?

— Тут буря случилась. Вытяжной аэростат антенны о тучи стучит, как бараний хвост. Связи нет. Старье — давно выкидывать пора...

— В общем, вы не можете поговорить с консульством. Правильно?

— Правильно. Но ты не очень-то радуйся. К утру наверняка распогодится.

— То есть как минимум до завтрашнего полдня — я ваш гость.

— Гость — это, пожалуй, слишком. Лучше — узник.

По правде говоря, он был ужасно рад, что женщина его навестила. Да и грубила она теперь не в пример меньше — наверное, потому, что толстая стальная решетка позволяла ей больше не тревожиться о своей безопасности.

— А как насчет обезболивающего? — Эстерсон умоляюще посмотрел на свою тюремщицу.

— Ах да! Конечно! — Женщина мигом извлекла из нагрудного кармана инъектор из набора первой помощи и протянула его сквозь решетку.

— Спасибо!

— Скажешь еще — спасибо. За такую-то ерунду... — пожала плечами женщина.

Эстерсон немедленно воспользовался инъектором — спустя минуту режущая боль в боку начала потихоньку стихать.

— Ну как? — спросила женщина.

— Уже лучше.

— Тогда держи матрас и приятного аппетита. А я, пожалуй, пойду. Еще пожелания есть? — спросила она. И, видимо устыдившись собственной услужливости, добавила гораздо более равнодушным тоном: — Раз уж я вызвалась быть образцовой тюремщицей, придется возиться тут с тобой...

— Пожелания есть, — неожиданно для себя брякнул Эстерсон.

— И какие?

— Не волнуйтесь, совершенно невинные.

— А я и не волнуюсь. Выкладывай.

— Первое пожелание: сигареты. Я не курил с самого утра. Хотя бы одну...

— Это не проблема. Открой вон ту коробку... Не эту. Правее. Да-да, которая рядом с красным баллоном. Там должна лежать пара блоков «Тройки». Это моего мужа... И зажигалка там тоже должна быть. Верно?

— Верно! Тут одних зажигалок дюжина! — возликовал Эстерсон, сидя на корточках перед невзрачной коробкой, оказавшейся на деле подлинным никотиновым кладом. — Надо же, сообразительности не хватило этот ящик проверить! Ну кто бы мог подумать, что счастье совсем рядом! Под боком!

— Счастье — оно всегда под боком, — философично заметила незнакомка. — Нужно только научиться его находить... Ну ладно, а второе пожелание?

Эстерсон замялся в нерешительности. Но все-таки вымолвил:

— Посидите со мной хотя бы пять минут. Пожалуйста. Это ведь не очень сложно, правда?

— Не сложно, — кивнула женщина. — Только зачем?

— Зачем? — растерялся Эстерсон. — Просто так... Впрочем, я понимаю. Вас, наверное, ждут... Ваш муж, например.

Женщина ответила не сразу.

— Меня никто не ждет. Тем более — муж, — сказала незнакомка и в ее голосе Эстерсону почудились обиженные нотки.

— Извините, если наступил на больную мозоль. Я понимаю, в жизни бывает разное... Я сам, признаться, разведен. И мой развод — до сих пор не могу думать о нем спокойно...

— Во-первых, я не спрашивала вас о вашем семейном положении.

— Ура! Я ликую! Вы перешли со мной на «вы»! — с улыбкой возопил Эстерсон.

— Не дожدهшься. Это просто случайности! — Видимо, расстаться с амплуа грубиянки его собеседнице было непросто. — А во-вторых, мой муж никогда со мной не разводился. Он погиб. Поэтому он не может меня ждать, ясно?

— Ясно. То есть на мою вторую просьбу вы отвечаете категорическим «нет».

— Именно, — кивнула женщина. — У меня полно дел наверху.

— У меня есть еще третья просьба. Последняя. И маленькая.

— Ну?

— Скажите, как вас зовут.

— Вот уж не понимаю, зачем тебе нужно мое имя!

— Видите ли, еще в частной школе для мальчиков имени Оксеншерна меня учили обращаться к дамам либо по имени, либо по фамилии, либо по титулу. Учителя объясняли мне, маленькому мальчику Роланду, что обращаться к женщине «эй, ты!» или «извините» неприлично. Титула у вас скорее всего нет. Остаются, на ваш выбор, либо имя, либо фамилия. А можно...

— С каких это пор уголовники учатся в частных школах? — с издевкой спросила женщина.

— У нас в Швеции считается, что главное для уголовника, особенно же для рецидивиста — иметь хорошие манеры. Чтобы не осрамиться перед надзирателями и сокамерниками... А если серьезно, мне уже осточертело повторять вам, что никакой я не уголовник. И не рецидивист!

— Ладно. Полина Пушкина.

— Что?

— Полина Пушкина, — повторила женщина. — Меня так зовут. Полина — имя, Пушкина — фамилия.

Эстерсон опустил глаза и замолчал. На губах его блуждала улыбка гурмана — он словно бы пробовал на вкус имя своей новой знакомой. А когда он поднял глаза, в них явственно читалось: конструктор доволен.

— Полина Пушкина, — медленно повторил Эстерсон и, сдвинув брови, будто бы припоминая что-то важное,

добавил: — А этот русский поэт... м-м-м... Алексей Пушкин... Он не ваш родственник? Я хотел сказать, не ваш предок?

Не успев дослушать вопрос до конца, Полина громко расхохоталась. То ли ее рассмешила серьезность, с какой был задан этот вопрос, то ли она представила себе, какой важной павой могла бы ходить, будь она и впрямь наследницей автора «Медного всадника».

Полина смеялась довольно долго и вскоре Эстерсон тоже начал похихатывать — за компанию.

— Нет, Александр Сергеевич Пушкин, к сожалению, не мой предок. Хотя одна из моих прабабушек потратила половину унаследованного от отца-архитектора состояния на то, чтобы доказать обратное. Увы и ах! К сожалению, Пушкин — довольно распространенная русская фамилия. Оказалось, что восемнадцать поколений назад мой далекий прадед взял ее взамен своей настоящей фамилии, Придыбайло, чтобы прошлое не мешало ему скрываться от ревнивой жены. Так, посреди кубанских степей, мой предок из какого-то Придыбайло превратился в однофамильца великого человека. Но Пушкина-поэта я все равно очень люблю. А моя мать его просто обожала. Знала наизусть «Египетские ночи» и, конечно, «Онегина». И даже назвала в его честь моего брата Сашу. — Полина тяжело вздохнула.

— А что, ваш брат тоже погиб? Как и муж? — участливо поинтересовался Эстерсон.

— С чего ты взял, что Саша погиб?! — вспыхнула Полина.

— Ну... Вы так многозначительно вздыхаете... Словно случилось непоправимое...

Но настроение у Полины уже переменялось. Она снова стала мрачнее тучи и разговорчивость ее тут же превратилась в сварливость.

— Какая тебе разница, что произошло? — возбужденно затараторила она. — Да, я не видела его много лет. Но из этого не следует, что с ним что-то случилось! Думаю, он сейчас студент какого-нибудь университета. Если ума хватило экзамены вступительные сдать, а с этим делом у него всегда было туговато... И вообще, зачем ты лезешь в мою жизнь?!

— Извините... Я не собирался никуда лезть... Я просто спросил... Просто задал вопрос про поэта Пушкина... У нас он очень популярен... Даже улица в Стокгольме, на которой жила моя бывшая жена, в его честь называется, — зачастил Эстерсон.

— А-а... Улица... — Полина скептически скривилась. — Теперь все ясно! А я все голову ломаю, откуда рецидивисту знать старинную русскую поэзию... В общем, я пошла.

Приятного тебе аппетита.

И Эстерсон снова остался в одиночестве. Он споро расправил-ся с принесенным ужином и принялся размышлять о побеге.

Вот если строительную пену задуть между прутьями, она могла бы расширить зазор между ними настолько, чтобы просунуть в него голову...

А когда можно просунуть голову, значит, путь свободен — эту истину люди постигают обычно еще в роддоме.

«Но как сделать так, чтобы пена держала нужный объем? И хватит ли пены? Прежде нужно прикинуть, каким количеством пены я здесь располагаю... И не просрочена ли она, а то ведь расширяться не будет».

Но мысли Эстерсона отчего-то не желали следовать строгим путем логического анализа ситуации. Вместо этого они упорно сползали к незнакомке, которая оказалась теперь очень даже «знакомкой».

Ну и фрукт эта Полина! Вроде бы такая чувствительная — и в то же время такая грубая.

Характер — как у героинь Достоевского. Силумит наполо-лам с шоколадным ликером.

А фигура у нее ничего! Очень ничего! И волосы такие рос-кошные, с красноватым отливом...

Интересно, Полина их подкрашивает или они у нее от при-роды такие?

А талия почему такая тонкая? Интересно, она гимнастикой специально занимается? Или в прошлом была танцовщицей? А может, гимнасткой?

И одета со вкусом. Для Фелиции, можно сказать, даже стильно.

Эстерсон не узнавал сам себя — в кои-то веки он интересо-вался даже не особенностями женской красоты, а способами ее поддержания и преумножения.

Думать про Полину Пушкину инженеру было приятно. И вопросов, которые Эстерсон мечтал задать своей тюремщице, накопилось с полсотни. Его интересовало все: и как погиб ее муж, и почему она не знает ничего о своем родном брате, и чем именно занимается красивая одинокая женщина на бере-гу инопланетного океана. Хотелось также знать, что случи-лось с прежними обитателями базы и есть ли у нее дети. И сколько же ей лет, наконец?

«Как жаль, что она ушла, — сокрушался Эстерсон. — А впро-чем, я сам виноват. Спутнул ее своей настойчивостью».

Правда, довольно скоро мысли о Полине заложили крутой вираж и столкнулись нос к носу с мыслями о побеге.

«Если я не придумаю, как отсюда сбежать, то она не ровен час свяжется-таки с консульством. Тогда уж точно

ответов на свои вопросы я не узнаю никогда. Разве что она будет писать мне в тюрьму письма. Хотя на это, конечно, надежды мало».

Значит, строительная пена.

Судя по надписи на баллоне, ее должно хватить — на пару прутьев ровно, но должно. При том, правда, условии, что будет найдено решение проблемы об удержании пены в объеме.

Но главное, как удалить затвердевшую пену после того, как она раздвинет прутья? Она же закупорит путь к бегству! И что будет толку от того, что прутья разошлись, если он не сможет воспользоваться забитым пеной лазом?..

Эстерсон лежал, закинув руки за голову и вперившись в подтеки на потолке невидящим взором конструктора при исполнении.

Он так увлекся своими расчетами, что услышал шаги Полины, только когда она уже была в подвале.

В одной руке она несла раскладной стульчик с матерчатой спинкой, а в другой — пляжную сумку с размашистым кличем «Сочи!» поперек slashающего морского пейзажа.

Когда Полина поставила сумку на пол, в ее пластиковой утробе отчетливо грянуло нечто стеклянное.

Ее взгляд был совсем не строгим, можно даже сказать озорным.

— Какой приятный сюрприз! — галантно приветствовал вошедшую Эстерсон. — Вот уж не ждал гостей в полвторого ночи.

— Что-то не спится, — бросила она, раздвигая свою табуретку у самой решетки. — И потом, я подумала, может, у вас опять ребро болит... То есть я хотела сказать — у тебя.

«Интересное дело, — с улыбкой подумал Эстерсон. — Обычно люди радуются переходу на «ты». Пьют на брудершафт, всякие ритуалы придумывают. А я как ребенок радуюсь переходу с ней на «вы»...»

— Пока не болит, — тем временем отвечал он. — Тот анестетик, что вы мне любезно принесли, оказался очень мощным. Думаю, еще час можно не беспокоиться...

— Но подстраховаться все равно не мешает, — с этими словами Полина вынула из своей сумки бутылку водки «Пшеничная», банку консервированных черных оливок и две стопки. Все это она поставила, за неимением стола, на пол.

— Ого! — усмехнулся Эстерсон. — Вот это анестезия, я понимаю.

— Только ты не думай... То есть я хотела сказать, вы не думайте, что если мы сейчас с вами будем выпивать, так это значит, что я на вашей стороне и намерилась укрывать вас от консульства. А то что-то лицо у вас больно радостное...

— Я ничего такого и не думаю. А лицо у меня радостное потому, что я стараюсь радоваться каждому мгновению жизни, которое этого достойно.

— Неужто этому тоже учили в частной школе для мальчиков имени Оксеншерна?

— Нет. В этом искусстве я автодидакт, то есть абсолютный самоучка. Да и львиную долю его я постиг уже здесь, на Фелиции. Надо сказать, в бытность свою конструктором я жил все больше днем завтрашним или даже послезавтрашним. Только здесь я понял: жизнь — это вечное сегодня.

— Крепко сказано, черт возьми, — покачала головой Полина и разлила водку по стопкам. — За это и выпьем.

Она протянула рюмку сквозь решетку и Эстерсон осторожно взял ее, специально коснувшись руки Полины. Пальцы амазонки были длинными, тонкими, горячими.

Они выпили, причем Эстерсон сначала дождался, пока Полина опрокинет свою порцию (она сделала это очень по-мужски — быстро, отчаянно, не изменившись в лице), а затем уже выпил сам. А когда приятное тепло поползло по пищеводу, Эстерсон набрался наглости и спросил:

— Вы по-прежнему считаете, что я — убийца-рецидивист?

— Честно говоря, пятьдесят на пятьдесят. Если вы и рецидивист, то очень интеллигентный. По крайней мере обращаться к вам на «ты» у меня теперь плохо получается.

— И что, я совсем-совсем не похож на инженера-конструктора? — спросил Эстерсон, наслаждаясь оливками.

— Совсем. У настоящего инженера должны быть холеные пальцы — ведь он никогда не отрывается от клавиатуры, — мечтательно закатив глаза, начала перечислять Полина. — Он носит очки или линзы — потому, что слишком много читает. Настоящий инженер хорошо выбрит. Я представляю его себе сухопарым, тонкокостным, высоким... Он не носит комбинезоны... Только строгие костюмы... Или вельветовые брюки со свитером. И обязательно — белую рубашку с дорогим шейным платком.

— Это уже ковбой какой-то, а не инженер. Из всех людей, что доводилось мне видеть в конструкторских бюро, предложенному вами описанию соответствуют только офицеры охраны и сотрудники особых отделов. И то, как правило, низшие чины.

— Может, вы и правы. Но именно таким я вижу инженера-конструктора! И хоть кол мне на голове теши, я своего мнения не изменю! Никогда!

«Могла бы и не объяснять. Одного взгляда на нее хватит, чтобы понять: легче изменить направление вращения планеты, чем ее драгоценное мнение».

— Послушайте, Полина, а если я изобрету способ сбежать из этой импровизированной тюрьмы, вы поверите в то, что я все-таки инженер-конструктор?

— Сбежать? Отсюда? — Глаза Полины округлились, а на ее щеках, румяных от спиртного, проклюнулись трогательные ямочки. — Это невероятно! Если только я сейчас не допьюсь до ручки и не отдам вам ключ от этого вот замка, вам никогда, слышите, никогда отсюда не...

— И все-таки вы не ответили. Поверите или нет?

— Ну... Если сбежите... Если сбежите — то, пожалуй, поверю. — Полина очень по-девичьи тряхнула волосами. Это движение Эстерсон нашел весьма сексуальным.

— Обрадует вас это или нет?

— Ну, то, что вы и вправду инженер, — обрадует, конечно. Всегда ведь приятнее с инженером напиваться, чем с каким-то уголовным пилотом...

— А если я все-таки выберусь, вы обещаете не стрелять в меня из своего карабина?

— Не стрелять — обещаю. Если вы, в свою очередь, пообещаете, что не будете пытаться причинить мне вред. Хотя в консульство я все равно сообщу. Вне зависимости от того, инженер вы или нет, — твердо подытожила Полина.

— В таком случае выпьем за мой побег. — Эстерсон просунул руку сквозь решетку и, овладев холодной бутылкой «Пшеничной», разлил по второй.

— За ваш побег! — поддержала Полина. — Только не вздумайте рыть подкоп! Под вашими ногами еще полтора метра пенобетона!

Полина заливисто расхохоталась над своей шуткой. Вслед за ней комично закричал (смеяться было больно, ведь все-таки ребро) и Эстерсон. Несмотря на опасность быть выданным «Дитерхази и Родригес», несмотря на колоссальный синяк в межреберье и полную неопределенность будущего, он чувствовал, что почти счастлив.

Когда, покачиваясь словно былинка на ветру, Полина отправилась на боковую, наверху, по мысли Эстерсона, уже занимался рассвет.

Но спать ему совершенно не хотелось.

Да, он был пьян. Но не сильно — до состояния Полины, которая под конец этого сюрреалистического сабантуя-через-стальную-решетку была не в состоянии без запинки произнести слова «сиреневенький», ему было далеко. Видимо, сказывались многочисленные тренировки на Церере — с Песом и, так сказать, в «личном зачете».

После этих тренировок бутылка водки на двоих не казалась таким уж злоупотреблением. Напротив: аква вита

расширила границы его сознания и подарила маленькое, но полезное откровение.

Где-то между пятой и шестой Эстерсон наконец сообразил, как собрать из строительной пены, волейбольных мячей и огнетушителя ту *incredible machine*, которая всенепременно оживет и откроет для него путь на свободу.

Путь к доверию Полины.

Путь к... Эстерсон затруднялся (а может, и стеснялся) сказать наверняка к чему, но верил: этот путь следует пройти.

План был простым, как и все инженерные решения конструктора Роланда Эстерсона.

Спустить оба волейбольных мяча. Наполнить их пеной. Вставить их между двух прутьев, признанных наиболее перспективными. Через минуту пена начнет расширяться.

Коэффициент расширения пены «Ордофлор» огромен. Расширяющая сила — тоже. Недаром же ее так любят колонисты: объем баллона пены невелик, а спектр применения — широчайший. На иных планетах без этой дряни и сортира не построишь. Недаром на оранжевом баллоне латинский девиз «*Orbis ex nihil*», что в приблизительном переводе значит дофига из нифига.

Пена, разумеется, не порвет мячи сразу — во-первых, они из очень хорошего полимера. Во-вторых, поначалу скорость «развертывания» пены (выражение из инструкции на баллоне) невелика, хотя «сила расталкивания» (снова же — из инструкции) максимальна. Ра считатьвать на то, что она раздвинет прутья решетки на несколько сантиметров, очень даже можно.

А потом мячи, конечно, лопнут. Тут-то Эстерсон и добавит еще пены, поверх той, что уже образовала «действующий паттерн» (снова из инструкции).

Пена будет увеличиваться и лезть за борт — вот примерно туда, где сидела только что Полина. Она затопит раскладной стульчик (забрать который Полина не потрудилась), сожрет пустую бутылку, стопки и консервную банку, поползет к лестнице, но попутно отвоюет для Эстерсона еще несколько сантиметров рокового искривления...

А потом?

Как остановит он, Эстерсон, пенное буйство?

Не волнуйтесь, господа! Эстерсон буйство остановит. Огнетушителем!

Зная свойство пены прекращать расширение под действием холода, он как следует обольет пенного удава криагентом. Но, разумеется, сделает это не раньше, чем решит, что диаметр дыры, которую проделала для него пена, достато-

258 чен для побег!

А когда пена остановит свой рост, станет сначала вялой, а потом и вовсе превратится в эдакий зачерствевший бисквит, Эстерсон изрежет ее на мелкие кусочки своим ножом — ведь его-то Полина Пушкина, та еще амазонка и укротительница террористов-рецидивистов, конфисковать у него попросту забыла.

«Эх, будь я настоящим уголовником, девчонке не поздоровилось бы», — вздохнул конструктор.

Эстерсон выдвинул лезвие и проткнул первый волейбольный мяч...

...Он проделал все необходимые манипуляции в шальном, пьяном азарте. Он прихлопывал и даже пританцовывал, когда пена выползла из баллона, он визжал и подпрыгивал, как школьник, остужая пенный вулкан, он ожесточенно сквернословил, когда кромсал пенную тушу.

А когда Эстерсон все-таки выбрался из камеры и ступил на первую ступеньку лестницы, на душе у него стало спокойно.

Дверь в подвал оказалась открытой. Может быть, это Полина дала ему фору, а может — и, конечно, это было куда более вероятно, — просто забыла закрыть ее по пьяной лавочке.

После бури на станции было тихо, как в столице Конкордии на День Огня. Эстерсон медленно шел по плиткам садовой дорожки и вслушивался в звук своих шагов.

Туп-туп-туп. Туп-туп.

Теперь, когда он совершил свой маленький подвиг, он мог признаться себе: план был не ахти каким. И только чудом он теперь туп-тупает.

Потому что срок годности пены окончился год и два месяца назад.

Потому что баллон с криагентом был неполным и его едва хватило на то, чтобы охладить хотя бы тот кусок пены, который теснил решетку.

Потому что нож мог сломаться еще в самом начале экзекуции, а он сломался лишь в самом конце, когда остаток пены можно было порвать и голыми руками.

«Не иначе, как кто-то там, наверху (Эстерсон поднял глаза к небесам Фелиции — туда, где Бог), ко мне снова хорошо относится?»

Было уже совсем светло, но в окне самого опрятного домика все еще горел свет — Полина наверняка забыла потушить его, да здравствует «Пшеничная»!

Эстерсон тихо отворил дверь и вошел. Внутри было тепло, пахло геранью (вон сколько ее на подоконнике), миндалем и мылом.

Фотографии на стенах, этажерка с русскими книгами, кушетка.

«А может, ну ее к лешему? — вдруг подумал Эстерсон. — Вернуться к воздушному шару, забрать вещи, которые так и валяются там, в кустах, и айда отсюда? На волю, в леса. Ведь запросто же может сдать меня консульству, несмотря на всю нашу «дружбу»...

Но эта здравая, очень здравая мысль отозвалась в душе Эстерсона гулкой волной протеста.

Ему больше не хотелось делать ничего здорового.

Ему хотелось... да что угодно другое! Например, спать.

Инженер остановился посреди гостиной и прислушался — в соседней комнате, за неплотно притворенной дверью, громко сопела Полина — от спиртного у нее, как и у многих других сапиенсов с врожденной слабостью верхних дыхательных путей, закладывало нос.

Эстерсон улыбнулся (хотя улыбка эта исподволь превратилась в зевок).

Ему нравилось это сопение. Ему хотелось услышать его еще и еще.

Он подошел к короткой, застеленной рваным клетчатым пледом кушетке, что стояла у окна, и осторожно прилег набок.

Такой домашний запах герани...

«Ничего плохого не случится», — несколько раз повторил про себя Эстерсон, засыпая.

— Руки за голову! Я сказала, руки за голову!

Эстерсон вынырнул из сна, как ныряльщик из глубокого омута — он с трудом открыл глаза, в которые словно бы песка кто сыпнул, и стал часто-часто дышать ртом. Что происходит?

— Вставай, мать твою! Иначе стреляю!

Эстерсон не сразу понял, что обращаются к нему.

Хотя заснул он, со всей определенностью, на кушетке, теперь он возлегал на полу. На пыльном коврике подле этой самой кушетки. Неужели свалился во сне, как Шалтай-Болтай? Эх, пьянство...

— Считаю до трех. Раз... Два...

Пора что-то предпринимать. Потому что в руках у Полины карабин. Пора. Эстерсон прочистил горло.

— П-Полина, н-не надо, — прохрипел он.

— Вставай, я кому сказала! — заорала Полина. — Чего развалился, тварь?!

Корчась от боли, Эстерсон приподнялся и встал на четвереньки. Жалкое зрелище! Красивая, сильная, молодая женщина в роли охотницы, настигшей малоценную, но все же подлежащую отстрелу дичь — некрасивого, больного, немолодого мужчину.

— Где-то я это уже видел, — тихо сказал Эстерсон. — И слышал. Я, конечно, читал, что история склонна к дурным повторениям, но не до такой же степени!

— Не надо мне тут никакой истории! Последний раз тебе повторяю!

«Ну вот. Мы снова на «ты»...»

Полина, вчерашняя смешливая Полина, та самая, которая артистично подцепляла оливку на кончик языка, а уж затем отправляла ее в рот, закусывая водочку, теперь сменила амплуа на разъяренную фурию.

Черные волосы растрепаны и не причесаны, веки — красны, губы сухие. Одежда мягая, словно бы она на ночь не раздевалась (а ведь и не раздевалась).

— Что случилось, Полина? — умоляюще спросил Эстерсон, поднимая глаза.

— Это ты должен мне сказать, что случилось! Что ты тут делаешь, сукин ты сын?

— Ну мы же вчера договорились...

— О чем?

— Как это о чем? О том, что я выберусь из вашей глупой тюрьмы...

— Ничего мы не договаривались! Мы просто трепались! Понимаешь, трепались?! — выкрикнула Полина. — Кто мог знать, что ты это всерьез?!

— Ну и напрасно. Потому что я действительно инженер. И выбраться из вашей клетки для меня — не проблема.

— И как только тебе не стыдно! — Полина, казалось, не давала себе труда прислушиваться к тому, что там бормочет Эстерсон. — Как не стыдно, тварь ты эдакая!

Тут уже не выдержал Эстерсон. Он уселся на корточки и, глядя Полине прямо в глаза, сказал:

— Почему это мне должно быть стыдно? Я что, описался? Или, может, кучу тут навалил в уголку? Что вообще случилось, госпожа Пушкина? Вчера вы обещали мне, что не будете возражать, если я выберусь из-за решетки в подтверждение своей, как бы это сказать, квалификации. Конечно, вы не рассчитывали на то, что мне удастся это сделать. Но, с другой стороны, я вас за язык не тянул!

— И чего ты вообще сюда приперся? Шел бы себе на все четыре стороны! Вылез — и до свидания!

— Если это вас так раздражает, то я сейчас же уйду. Клянусь.

— Нет уж. Теперь поздно. Таких, как ты, нужно... Их нужно... — Полина замешкалась, подбирая слова — не всякому волнение придает красноречия.

Расстреливать? — ледяным тоном подсказал Эстерсон.

Да что угодно! Лишь бы вас таких не было!

В таком случае вам нечего волноваться. Один сеанс связи с консульством — и меня нет.

— Правильно. Все правильно. Вставай и пошли.

— Куда?

— В подвал.

— Не пойду.

— Пойдешь!

— Нет.

— Я тебе сейчас «не пойду»! — Полина с остервенением шелкнула затвором карабина.

Но Эстерсон даже бровью не повел — разве что стал еще бледнее.

Он остался сидеть, где сидел, неотрывно глядя на Полину. Что это на нее нашло? Как из милой смешливой дамочки, которая еще ночью рассказывала уморительные русские анекдоты про поручика с непроизносимой для шведской гортани фамилией Ржевский, она превратилась в остервенелое существо, которое не желает слушать никаких аргументов, которое не воспринимает ничего, кроме своих аффектов, своих тревог и страхов...

Страх...

Между прочим, очень правильное слово. В первую очередь она испугана.

Испугана тем, что человек, которого она оставила ночевать за решеткой, теперь очутился у нее дома, рядом с ее спальней.

Испугана своими мыслями о том, что *мог бы* сделать этот мужчина с ней, пока она была беззащитна. И то, что он ничего не сделал — не изнасиловал, не убил, не ограбил, — нисколько ее не успокаивает. Потому что страх не слушается никаких доводов. Он — сам по себе.

Она испугана тем, что в ее доме — мужчина. Одинокие женщины всегда боятся мужчин. А особенно же они боятся тех мужчин, которые хоть немного им нравятся...

Последняя мысль несколько ободрила Эстерсона и он улыбнулся. В полрта, но все-таки улыбнулся.

— Чего ты скалишься? Не слышал, что я сказала? — с нажимом сказала Полина.

— Хочешь — стреляй, — хладнокровно бросил Эстерсон. — Но в подвал я больше не пойду.

— С каких это пор ты мне тыкаешь?

— С сей минуты. Я больше не буду называть тебя на «вы».

Ты этого не заслужила. А теперь — немедленно связывайся с консульством. Скажи, что опасный уголовник

Роланд Эстерсон, тот самый, который убивал и грабил честных граждан, пойман при попытке к бегству и изолирован от общества на твоей станции. Можешь даже наручники на меня надеть, для верности. Если они у тебя есть. А если нет — можно связать меня бельевой веревкой. Вон их там сколько, во дворе. Бери любую. Я подожду.

Несколько секунд Полина смотрела на Эстерсона в тихом бешенстве. Казалось, она по-прежнему ничего не слышит и не видит — кроме своих страхов.

Эстерсон стиснул зубы и опустил глаза — его импровизированный монолог был хорош. Но цели он, видимо, не достиг. Не хватило убедительности.

Но когда Полина, по-птичьи резко всплеснув руками, швырнула карабин на дощатый пол и, закрыв глаза рукой, разрыдалась, Эстерсон понял: его услышали.

— Ну что вы, Полина, что вы... — приговаривал Эстерсон, робко поглаживая немые кудри своей неожиданной русской знакомой. — Я не хотел вас расстроить. Я совсем не хотел вас расстроить...

— За годы... годы одиночества на этой... чертовой... базе... — всхлипнула Полина. — Я стала... форменной... истеричкой...

Они сидели у пылающего камина и пили горячий черный чай.

На придирчивый вкус Эстерсона чай был не ахти каким — сладковатым, вонял сеном и консервантами. Но общество Полины способно было искупить недостатки всякого продукта.

Обычно они разговаривали до полуночи, сопровождая свои чайные церемонии поеданием галет и варенья из местной ягоды *круш*, напоминавшей по вкусу вишню, а по виду — красную смородину. Время от времени Эстерсон подкладывал в огонь символических дровишек (ведь было еще совсем не холодно, даже по ночам), а Полина бегала к холодильнику за новой порцией сладкого.

Эта идиллическая картина повторялась с небольшими вариациями уже двенадцать вечеров подряд. Но Эстерсон и Полина не жаловались на недостаток тем — им многое нужно было рассказать друг другу.

И лишь одна мысль тревожила теперь Эстерсона по-настоящему. А именно, что будет, когда в его «Сигурде» сядет последняя батарея.

«Неужели придется выучить русский?» Впрочем, эта перспектива Эстерсона скорее бодрила, чем пугала.

В тот вечер они говорили о катастрофе. Той самой, после которой Полина осталась единственным гуманоидом в округе.

Все то время, что он прожил на биостанции, Эстерсон избегал спрашивать о несчастье. Он не хотел бередить раны и без того нервной Полины, справедливо полагая, что она сама расскажет, когда найдет нужным.

И такой день наступил.

К этому дню и Эстерсон, и Полина уже привыкли к откровенным разговорам. Эстерсон без утайки рассказывал ей о себе: о нравах в дортуаре частной школы для мальчиков имени Оксеншерна, об Эрике и своем первом браке, о «Дюрандале» и о бегстве. Полина слушала очень внимательно и вдумчиво. Разве что иногда задавала вопросы, которые можно было запросто назвать бестактными и при желании на них обидеться.

«Так что получается, вы больше десяти лет того... не были с женщиной?» — спрашивала Полина, прищурившись, как профессиональный психоаналитик.

Или: «Скажите мне, Роланд, если бы сейчас тут оказался ваш сын, Эрик, у вас хватило бы духу рассказать ему все, что вы рассказали мне?»

Но Эстерсон и не думал обижаться. Он чувствовал: здесь, на Фелиции, обычные человеческие представления о том, что можно спрашивать, а что — нельзя, не очень-то работают. Здесь, на Фелиции, можно и нужно говорить обо всем.

— К началу проекта у нас здесь подобралась славная компания... Я, мой муж Андрей, инженер обслуживания глубоководных модулей, профессор Валаамский, руководитель проекта, его, так сказать, невенчаная жена и секретарь Витусик, кстати, молодая аспирантка кафедры астрозоологии. А также помощник Валаамского Константин, специалист по инопланетному интеллекту, и его коллега (а заодно любовник) Гоша...

— По-моему, очень удачно... Каждой твари по паре, — с иронией прокомментировал Эстерсон.

— Без этого нельзя, — серьезно сказала Полина. — В экспедицию всегда подбирают более или менее стабильные пары. Что-бы народ не начинал психовать на почве... на почве секса.

— Но ведь все равно психуют? — предположил Эстерсон.

— Конечно. Но гораздо менее охотно. Так вот, — продолжала Полина, — о том, чтобы психовать, никто из нас и не думал. Во-первых, мы отхватили солидный грант и просто купались в деньгах. Про деньги — отдельная песня. Но предупреждаю, она длинная.

— Люблю длинные песни. Тем более про деньги. Рассказывайте. — Эстерсон поощрительно махнул рукой.

— Ну значит, слушайте. Профессор Валаамский, светило астробиологии и заведующий соответствующим фа-

культетом Московского национального университета, в свои семьдесят шесть лет был на пике славы и успеха. Он читал лекции, за каждую из которых получал больше, чем менеджер сталелитейного цеха за месяц. Он вел научно-популярную передачу на канале «Знайка», писал книги и воспитывал молодежь. Спроси любого студента, кто у нас астробиолог номер один? Каждый тебе ответит: Валаамский. Его приглашали на кремлевские банкеты, ему давали госпремии к каждому юбилею и вообще держали за мудреца всероссийского масштаба, открывающего глаза общественности на тайны инопланетной жизни...

— Вот это да! Прямо даже завидно!

— Надо сказать, такие люди, как Валаамский, никогда не ездят в экспедиции. Зачем им дурная экзотика дальних странствий? Их и в столицах неплохо кормят. И Валаамский никогда бы не сподвигся тащиться в такую даль, если бы не Витусик. Ее со студенческой скамьи распирали идеи, а в ее близирующих карих глазах горел эрос познания. Правда, она была на пятьдесят лет моложе Валаамского. Но, как сказал мой гениальный однофамилец, любви все возрасты покорны. Как водится в таких случаях, страсть была быстрой и всепожирающей. Запахло разводом и, соответственно, скандалом. Четверо внуков Валаамского подали на Витусика в суд (за то, что она якобы присваивает научные достижения профессора, пользуясь его любовной рассеянностью). Жена принялась травить ее через Общество Защиты Нравственности и через прессу... И тогда Валаамский принял единственно верное решение: на свободу! Подальше от оков цивилизации! Назад, в молодость. А что делают биологи, когда они молоды?

— Лазают по малоисследованным планетам.

— Именно! В общем, высокие покровители, сочувствующие престарелому Ромео, тут же накидали Валаамскому денег. И хотя исследовательский проект был состряпан на скорую руку, и никто толком не понимал, чем же можно заняться на этой самой Фелиции, Валаамский с энтузиазмом принялся за подбор кадров. Так как сам профессор вовсе не собирался пахать тут на ниве науки — у него были дела и поважнее, — он серьезно подошел к тому, чтобы с ним работали профессионалы только высшего класса. Должен же кто-то делать всю черную работу? Давать результаты, под которыми будет не стыдно подписаться самому Валаамскому?!

— Так в состав экспедиции вошла астроботаник Полина Пушкина.

— Роланд, сколько можно вам повторять, что я не астроботаник, а астробиолог? — Полина наморщила нос и сделала вид, что сердится.

— Извините, Полина. Просто мне ужасно хочется написать рассказ с названием «В плену у астроботаника». Описать там все — как мы познакомились, что было дальше, ну, приврать, конечно, чтобы читать было интереснее... Эх, жаль у меня совсем нет литературного таланта... А ведь название, по моему, такое удачное, а? — Эстерсон лукаво подмигнул.

— По-моему, «В плену у астробиолога» звучит ничуть не хуже, — проворчала Полина. — Но мы снова отвлеклись. Когда Валаамский предложил мне отправиться на Фелицию, я сначала отказалась. Мой круг интересов к тому времени уже сформировался и расширять его мне было лень. Меня интересовали в основном планеты Синапского пояса. И хотя на Дурге погибла моя мать, меня это не останавливало — скорее даже распаляло. Месяца три я изображала из себя недотрогу, решительно отказывая профессору в устной и даже письменной форме. Но деньги заканчивались, мой контракт подходил к концу, а достойных предложений все не было. Мой муж Андрей тоже сидел на мели. И тогда я пошла на маленький шантаж. Я поставила Валаамскому условие: или мы с Андреем оба получаем немаленькие зарплаты по проекту и тащимся на эту долбаную Фелицию, или я остаюсь при своих. И, представьте себе, Валаамский согласился. Впрочем, что ему, это ведь были не его личные деньги!

— Вы его любили? — вдруг спросил Эстерсон.

— Кого, Валаамского?

— Нет, Андрея.

Полина ненадолго замолчала. А когда она заговорила вновь, голос ее показался Эстерсону совсем чужим:

— Любила. Но в какой-то момент я отчетливо осознала: мы скорее друзья, чем супруги... Словом, мы практически не занимались любовью... Предпочитали профессиональные разговоры... Неудивительно, что у нас не было детей — ведь они не из разговоров получаются...

— Извините, что спрашиваю...

— Ничего. То есть спрашивайте на здоровье, — горько усмехнулась Полина.

— И что? Это вы с мужем строили все эти милые домики? Копали котлованы под бассейны?

— Еще чего не хватало! Когда мы прибыли сюда, здесь все было в полном ажуре! «Спецдальстрой» соорудил биостанцию за считанные дни! В общем, когда у проекта есть деньги, а начальство далеко, занятия наукой превращаются в отдых. Жилые помещения — отдельно, лаборатории — отдельно, выходные не фиксированы, а это значит, что выходным может быть объявлен любой день. Зал для танцев, зал с тренажерами,

оздоровительный центр с криосауной... Здесь был даже розарий. (Валаамский внес в смету и его, ведь Витусик обожала розы!) Сейчас на месте розария я разбила картофельные грядки. Но тогда об огородах никто и не думал. Все жили одной только наукой! Вздох говорили о внеземных формах разумной жизни! О фауне и флоре местных океанов! Горели энтузиазмом...

— Мне знакома эта картина. В Санта-Розе я даже подумывал о приборе, измеряющем уровень энтузиазма моих сотрудников... — задумчиво сказал Эстерсон.

— Если честно, настоящий энтузиазм имелся только у нас с Гошей. Остальные его симулировали. Причем Гоша кипел идеями с самого начала (недаром же он сам напросился к Валаамскому). А я неожиданно вскипела на второй неделе одуряющего безделья. Тогда, плавая на скафе, я впервые увидела капюшона... Он был совсем детенышем, как я теперь понимаю. Это существо — я назвала его Бяшей — меня совершенно очаровало. Но главное, факт его разумности в общем-то не подлежал сомнению! Мы, конечно, пытались общаться с Бяшей, но, увы, почти не понимали друг друга! В общем, мы с Гошей принялись за дело. Конструировали тесты, дрючили частотные анализаторы, пытались вычлениить из Бяшиного ультразвукового лепета повторяющиеся конструкторы, составляли громадные фонотеки, чтобы впоследствии использовать их для создания речевого синтезатора. Мы мечтали доказать факт разумности капюшонов и продемонстрировать научной общественности, что дварвы и капюшоны вовсе не являются близкими родственниками, как это считалось ранее, а представляют собой конкурирующие эволюционные ветви. Мы планировали исследовать город капюшонов, который нам с Гошей удалось однажды увидеть. Нам мерещилась Нобелевская премия...

— А что делали остальные?

— Старик Валаамский благословил нас на подвиги и принялся писать мемуары «Моя жизнь в науке». Витусик ждала ребенка, страдая от токсикозов. Андрей с утра до ночи пыхтел в ангарах — он выполнял наши с Гошей технические прихоти, а прихотей у нас было много. Увы, в чисто научном отношении толку от него не было никакого. Поэтому, когда мы уплывали к Бяше, он, как правило, оставался рыбачить у берега. Кстати, это он научил меня виртуозно ловить пирамидозуба. Вот Константин — тот действительно нам помогал. То ли из любви к Гоше, то ли из любви к науке. Надо сказать, к работе в условиях Фелиции этот маменькин сыночек был приспособлен очень плохо. На цветение местных растений Константин реагировал аллергией с приступами астмы, 267

на местные фрукты и рыбу — поносом, а от шума прибоя у него, как правило, разыгрывалась «ужасная мигрень»...

— А что грантодатели? Так сказать, начальство?

— Они были довольны, как слоны. Российская академия наук восторгалась нашими с Гошей результатами. Нас, «группу Валаамского», даже представили к почетной ежегодной премии. Больше всего они были рады, конечно, тому, что Валаамский скрылся с глаз долой. Поскольку в его отсутствие было гораздо легче замять тот грязный скандал, который подняли в прессе и научных кругах наследники. Ведь этот скандал, помимо прочего, портил имидж всей Российской академии, где профессоров искони выставляют бесполоми существами, размножающимися при помощи черенкования.

Эстерсон громко засмеялся — очень уж ему понравилось про черенкование.

— Вы, наверное, понимаете, Роланд, что эта идиллия могла бы продолжаться десятилетиями. И нас с Гошей это всецело устраивало. Наши банковские счета росли, количество публикаций удвоилось, мы с Гошей подумывали о докторских степенях и на досуге болтали о том, в какой вуз пойти преподавать после окончания экспедиции. Разумеется, рассматривались только варианты из академического Топ-10...

— И вот однажды... — тихо сказал Эстерсон, когда Полина замолчала, посерьезнела и даже как-то съежилась. Он чувствовал: сейчас будет сказана именно эта фраза.

— Да... Именно однажды... Однажды Витусик захотела отдохнуть душой. В поселении Вайсберг намечалось мероприятие — день рождения консула Стабборна. С развлечениями у нас тут было негусто — сами понимаете, все время соображали в своем коллективе. А тут... Нас всех пригласили на настоящий прием! С шампанским и мороженым! С танцами и живой музыкой — благо, на космодроме Вайсберг совершил вынужденную посадку лайнер, на борту которого путешествовал джаз-банд «Чикаго»... И хотя живой у Витусика уже был о-го-го каким, ну, в общем, не для танцев, ею овладела навязчивая идея из серии «однова живем!» Валаамский напялил вельветовый пиджак и галстук-бабочку, мой муж в кои-то веки побрился, Гоша взял нашу лучшую рабочую камеру — чтобы заснять прием для истории, а Константин неделю разношивал новые кожаные туфли от «Гуччи» с острым носком. Только я не разделяла всеобщего порыва. Мы с Гошей подбирались к созданию синтезатора речи. Казалось, еще один шаг — и мы с Бяшей настоящие друзья... Идея тащиться в Вайсберг ради какого-то архаического джаз-банда и тем самым вычеркивать из рабочего графика три дня (один на прием, два на похмелье) казалась

мне святотатственной. Попытки уговорить меня не откальваться от коллектива потерпели фиаско...

— Мне знакомо это состояние. Даже слишком хорошо знакомо, — кивнул Эстерсон. — Из-за него я ни разу не поздравил сына с днем рождения.

— Их я тоже отговаривала как могла — сама не зная зачем. Это теперь мне кажется, что у меня включилась интуиция. А тогда я просто напоминала им, что в консульстве работают одни зануды — администраторы с подмоченной репутацией (иначе с чего бы их отправили на Фелицию?). Говорила, что там тоска и скукота — сначала все напиваются, а потом лупят из карабинов по гирляндам надувных шаров, трахаются в кладовках и ржут, как буйные психи... Наконец, я пугала их нелетной погодой: в тот вечер было получено штормовое предупреждение... Но им все было нипочем. После обеда они погрузились в наш вертолет, пожелали мне успехов на работе и улетели. А мы с Константином, которого свалил приступ астмы, вызванной цветением круша, остались двигать вперед науку. Больше я их не видела — ни Валаамского, ни Витусика, ни Гошу, ни Андрея...

— Авария?

— Видимо, да. Но установить ничего доподлинно нам так и не удалось. Обломков вертолета не нашли, и черного ящика — тоже... Так что могилки, которые можно наблюдать в садике за ангаром, — чисто символические. Там, под крестами, ничего нет, одна глина.

— Странное совпадение. Первое, что я сделал на Фелиции, была именно такая, бутафорская могилка. Я похоронил фрагмент синего свитера, принадлежавшего, предположительно, Станиславу Песу...

— Вам повезло. Мне не досталось даже фрагмента свитера.

— А потом, что было потом?

— Потом совсем скучно. Приезжала комиссия. Вынюхивала, высматривала, искала во всем скрытый смысл... Но какой скрытый смысл может быть в этой глупой аварии, когда даже открытого, так сказать, смысла там днем с огнем было не сыскать? Мало того, что из-за этого урагана я потеряла мужа и коллег, но он еще разрушил большую половину базы! Материальных убытков на семьсот сорок тысяч терро... Столько трудов насмарку! Константин, конечно, уехал вместе с комиссией — просто не выдержал. Даже свои туфли от «Гуччи» с собой не взял... В общем, это было крушение нашего проекта — его быстро закрыли, финансирование полностью прекратилось... И раньше-то было понятно, что без Валаамского нам не дадут и медного гроша.

— Но вы все-таки остались...

— А что мне было делать? Сначала, по правде говоря, я была просто убита горем. Мысль о том, чтобы уехать с Фелиции, казалась мне чистым кошунством. В глубине души я даже не верила, что все они погибли. «Мало ли как бывает? — говорила себе я. — Может, пропали без вести, совершили где-то аварийную посадку, бредут теперь через джунгли и вот-вот явятся, постучат в ворота... Может быть, хоть кто-то из них уцелел и его выхаживают сирхи?» Тем более мне часто снился Андрей... Я подружилась с сирхами, думала, может, они что-то знают? Но тщетно. Вот я и сидела тут, в этой гостиной, размышляла. О своей дурной карме в основном. Сначала астробиология сожрала мою мать, потом — мужа, что дальше? В общем, я начала думать о себе как о человеке, жизнь которого закончилась. А потом, поразмыслив, я вернулась к своим капюшонам. К Бяше... Он и его собраты — это единственное, что удержало меня на плаву в те дни. Не считая, конечно, надежды на Нобелевскую премию...

Без последней фразы Полина не была бы Полиной. Эстерсон послал ей воздушный поцелуй — она нравилась ему такой.

— Знаете, Полина, сидя в секретной лаборатории на Церере, я тоже думал о себе как о человеке, жизнь которого окончилась. Но сегодня я больше так не думаю...

— Сегодня я тоже так не думаю, — с нажимом на слове «сегодня» сказала Полина и многозначительно посмотрела на Эстерсона.

Больше они в тот вечер не разговаривали — так и допили свой остывший чай молча. Но и Полине, и Эстерсону было без слов понятно: у «Лазурного берега» еще долго будет двое обитателей.

Они будут ловить пирамидозуба. Раз в месяц к Полине будут прилетать за деликатесным мясом из Вайсберга. Эстерсон будет на это время прятаться, чтобы не попасться на глаза сотрудникам консульства.

На вырученные деньги они будут покупать кофе и шоколад, летние сандалии и лейкопластырь. А потом они будут молоть кофе, хрустеть шоколадом и налеплять на пальцы, стертые кожей сандалий, лейкопластырь. И — снова ставить ловушки на пирамидозуба. А еще они будут работать в саду и в огороде, дружить с капюшонами и учить друг друга языкам. Разве это не прекрасно?

— Спокойно ночи, Роланд, — тихо сказала Полина, притворяя дверь с свою комнату.

ДО РЕГИСТРАЦИИ — НИ-НИ!

Декабрь, 2621 г.

Хосров

Планета Вэртагна, система Зервана

— Ты прикинь, у них собака является юридическим лицом! — громогласно заявил Коля, на секунду оторвавшись от пухлой, щедро иллюстрированной книги «Свидание с Конкордией».

Сколько я его помню, он всегда что-нибудь читает. Даже переход по Х-матрице любви к чтению у Коли не отбил. Не искляючу, что он умеет читать под душем.

— Чего-чего лицом? — рассеянню переспросил я, приоткрывая один глаз.

— Юридическим лицом!

— Ну и фигли?

— Нет, ты вдумайся!

— Вдумался. Собака — друг человека. Почему бы ей не быть юридическим лицом? — бездумно пробормотал я.

— При чем тут друг человека? Это у нас собака друг человека. А у них — субъект права! Короче говоря, собак у них в Клоне судят, как у нас людей!

— И за что? За что их судят? За политическую близорукость? — предположил я, устраиваясь в кресле поудобнее.

Коля юмора не понял и снова уткнулся в «Свидание» — видимо, хотел найти ответ на мой вопрос.

— О! — Коля азартно щелкнул пальцами. — Собак судят за членовредительство по отношению к человеку и другим собакам, за воровство и за непочтительное отношение к святыням.

— И что?

— Представь себе, пописала собака на Священный Огонь. Так? Ну, поволокли ее в суд... Вынесли, значит, ей приговор... Допустим, пятьдесят ударов палкой. И порядок! Справедливость восторжествовала! А собака в следующий раз задумается, прежде чем ногу задирает, — объяснил Коля.

— Пятьдесят ударов палкой? — скривился я. — Ого!

— Ну, допустим, пятьдесят. Тут точно не написано сколько. Может, и не пятьдесят, а десять...

— Ну вот. А еще говорят: «Хорошо быть кисою, хорошо собакою — где хочу пописаю, где хочу покакаю», —

сонно резюмировал я и спрятал в кулак зевок. — А что, если у них суды для собак есть, может, у них еще и адвокаты есть собачьи?

— Может, есть. А может, и нет. Не сказано. Зато сказано другое. Традиция судить собак идет из глубины веков, еще со времен земного зороастризма, где существовал культ этого животного. «Встаньки» вообще на традициях поведены. Предки считали собак равными человеку — и мы будем. Предки собак судили — и мы тоже. Так вот: сильно я сомневаюсь, что во времена зороастризма кто-нибудь в древней Персии знал слово «адвокат», — вздохнул Коля. — А вообще, книжения — супер! Я про клонов столько нового узнал!

— Я думал, ты про них еще в Академии все узнал... Тебя же всегда Всеволод Парфеныч хвалил!

— Нет, в Академии все больше глобальные вещи были... Политическое устройство, экономика, армия... А тут подробности! Да такие, что нарочно не придумаешь! Вот например, знаешь, что они делают со своими ногтями и волосами?

— Они их едят, — наобум предположил я.

— Неправильно! Они их стригут...

— Эка удивил!

— Нет, ты постой. Они их стригут, а после этого... хоронят! — торжественно провозгласил Коля.

— Хоронят? — переспросил я.

— Хоронят. На специальных кладбищах. Тут даже написано, как эти кладбища называются. И что у каждого клона есть персональная могилка, куда он все свои ороговелости в особом платочке приносит, складывает и землицей присыпает! Во как! И так каждый месяц! А кто так не сделал хоть раз, обязан пройти обряды очищения, потому что стал нечистым...

— Ну ты эрудит. — Я со вкусом потянулся, хрустя всеми косточками. — А знаешь ли ты, кадет Самохвальский, что клоны делают со старыми бритвенными лезвиями? — скроив интригующую мину, спросил я.

— Что?

— Они ими бреются!

Коля заливисто расхохотался. И хотя анекдот этот был бородатым, надо же — Коля его не знал!

Я тоже не удержался и хохотнул. Не могу спокойно видеть, когда кто-то рядом веселится, да и Коля смеется уж очень заразительно. Даже тошнота и сонливость, которые всегда накатывают на меня после прогулок по Х-матрице, мне смеяться не мешали!

Немудрено догадаться — мы с Колей находились на борту родного «Дзуйхо»

А вот куда мы следовали — тут уже я лично не догадался бы ни в жисть. Если бы не знал точно, что летим мы — да-да! — в Конкордию. И не просто в Конкордию, а на центральную планету государства — Вэртрагну. И не просто на Вэртрагну, а прямоком в столицу, Хосров.

«Дзуйхо» вез большую делегацию кадетов и преподавателей Северной Военно-Космической Академии.

Хотя наша миссия имела ужасно пафосное название «Военные за мир и дружбу между братьями по Великорасе», фактически она представляла собой недельную увеселительную прогулку. И притом — за счет принимающей стороны.

Нужно ли говорить, что когда меня зачислили в группу достойнейших (тех, которые за мир) для визита в Хосров, я едва не тронулся от счастья. А может, и малость тронулся.

Ведь я был уверен, что после приключений на темной стороне Луны надеяться мне — в плане благосклонности командования — не на что.

Потому что лимит благосклонности командования, выделяемый Владыками Кармы каждому кадету Академии, я, по моему мнению, израсходовал лет на десять вперед самим фактом вмешательства Федюнина и Богуна в мою нескучную судьбу после кошмара в периметре Хайека.

Ан нет же! Как оказалось, не израсходовал!

Выходит, у меня очень-очень большой «лимит благосклонности командования»?

Эх, если бы можно было этот лимит измерить... Чтобы знать точно, когда грянет буря...

Но на борту «Дзуйхо» о бурях как-то не думалось. Были темы поактуальнее.

В самом деле, разве это не чудо: за казенный счет слетать в Хосров, куда ты и так собирався попасть за свои кровные деньги на Рождество или в крайнем случае летом?!

(Между прочим, о презренном металле.

Для того чтобы купить билет на рейс Мурманск — Хосров, денег требовался целый мешок. Моих прежних курых сбережений и всего, что я заработал в Колчаке верхом на пеноструйном слонике, хватало лишь на то, чтобы покрыть стоимость половины билета туда. Дорогая это штука — люксоген.)

Мысль о том, что я увижу Иссу гораздо раньше намеченного моими прагматическими расчетами срока, будора-

жила мое воображение настолько, что я начинал заикаться и путать слова.

А когда я представлял себе (я постоянно себе это представлял), каким крепким и проникновенным будет наш с Иссой первый после разлуки поцелуй, я и вовсе становился похож на идиота.

Надо мной даже начали подтрунивать.

— Да, кадет Пушкин... Как сказал классик, «любовь — не вздохи на скамейке, и не прогулки при луне»... — расчувствовался Ваня Терновой, когда я трижды за вечер проиграл ему в шашки (хотя обычно выигрывал всухую). — Ты это, в медпункт обратиться не пробовал? Там у них, говорят, имеются средства. А то скоро и в подкидного дурака проигрывать начнешь.

— Знаем мы эти средства, — заступился за меня Коля. — Бром называется... И вообще, чего ты к нему прицепился?

— Я? Да не цеплялся я. Просто человека жалко, — пошел на попятную Ваня.

— Себя лучше пожалей — столько лет петуха за горло дергать, — бросил из своего дымного угла Переверзев, предпочитавший табакокурение всем видам интеллектуальных игр.

Как и многие заядлые любители животных, Володя был склонен все проблемы сводить к вульгарной биологии. Его любимым диагнозом, который он с легкостью ставил всем несимпатичным лично ему кадетам, был *сперматоксикоз*. И снять с себя это оскорбительное обвинение можно было разве что женившись...

Кстати, о женитьбе. О ней, в отличие от поцелуев, я старательно не думал.

Я ненавижу матримонии. Ненавижу как класс — и всё.

От одного вида невестиного платья мне становится плохо. А мысль о том, чтобы хлебать шампанское из туфельки любимой и рулить в экзотическую астероидную гостиницу, где уже снят номер для молодоженов, на убранном искусственными цветами флугтере с пупсом на носу, приводила меня в тихое бешенство...

Кроме того, я с трудом представлял себе, как будут выглядеть наши с Иссой матримонии.

Мы по каким обычаям расписываться будем — по нашим или по клонским?

Едва ли Исса будет настаивать на том, чтобы я пил шампанское из ее высокого шнурованного ботинка (а другой обувью младшие офицеры клонов не снабжаются). И это

274 хорошо.

С другой стороны, мало ли какие у Иссы представления о том, как следует выглядеть свадьбе преданной дочери своей Родины?

Может быть, меня подстерегает кое-что похуже пупса и двух обручальных колечек? Мало ли чего от ее Родины можно ожидать...

К счастью, до предполагаемой свадьбы времени оставался вагон. И все эти вопросы можно было со спокойной совестью похерить.

А вот знакомство с родителями Иссы, по-видимому, похерить никак не получится.

«Они обязательно должны благословить нас», — лепетала Исса.

В ее голосе звучала такая убежденность, что я понял: торжественного обеда в обществе бывшего водителя ассенизационного трактора и перлюстраторши переписки чокнувшихся шпионов мне не избежать.

Эх, ешьте меня мухи с комарами!

Хотите верьте, хотите нет, но Хосров меня ошеломил.

Такого на Земле мне видеть не доводилось.

Какого именно — такого? Требуются пояснения.

Начнем с того, что в Хосрове было нечеловечески чисто. Первозданно чисто. Тротуары, скамейки и даже кусты — все это сияло так, как, наверное, наша Земля в первые дни Творения.

И чистота эта казалась совершенно естественной. Я бы даже сказал, единственно возможной.

Нет, поймите меня правильно: в Москве тоже убирают. И блевотиной дорожки в парках заляпаны разве только в дни государственных праздников.

В нашей столице возле урны иногда можно заметить недолежавший до цели окурочек.

В нашей столице все еще не перевелась у некоторых несознательных товарищей привычка прилеплять надоевшую жевательную резинку к первому попавшемуся на пути фонарному столбу или к подлокотнику пластикового кресла в летнем кафе. А у жителей Хосрова такой привычки, кажется, сроду не было (как, правда, и летних кафе).

В нашей столице, бывает, уронит кто-нибудь пакет с чипсами или жестянку из-под сидра, и пойдет себе дальше. Авось робот-уборщик подберет. А у них пакеты с чипсами, по всему видно, ронять запрещено.

И даже собаки у них в Хосрове на клумбах не гадят.

Наверное, уголовной ответственностью запуганы.

Мне ужасно хотелось понять, на чем держится несусветная чистота столицы Клона, которая, как известно, расположена посреди Большой Степи.

Вот я и высматривал роботов-уборщиков — ведь где степь, там и пыль? Но никакой пыли не видно! Куда же она девается? Может, у них роботы усовершенствованной конструкции и в этом все дело?

Высматривал-высматривал... Высматривал-высматривал...

Пока начитанный Коля не объяснил мне, что роботы-уборщики в столице Конкордии практически не используются.

— Тут у них люди убирают. Они ужасно гордятся, что в Хосрове самое большое число «материализаторов» на душу населения.

— Кого-кого?

— Материализаторов, — повторил Коля.

— А что они материализуют, ты, случайно, не знаешь?

— Раньше не знал. Теперь, — Коля победоносно потряс «Свиданием с Конкордией», — знаю. Они материализуют Абсолютную Чистоту. Я не шучу.

— Во как! — удивился я. — Материализуют чистоту...

— И это не считая добровольных контролеров!

— Контролеров?

— Да. Они контролируют работу материализаторов, а заодно подбирают и дочищают недоубранное. У них даже есть Лига Антигрязь! Туда все желающие записываются. И потом на досуге обертки из-под мороженого из клумб выковыривают. И соревнование соответствующее есть: кто больше мусора невзначай подберет, кто больше пыльных поверхностей протрет по дороге с работы...

— А смысл? — спросил я.

— Очень даже большой. Для них по крайней мере. Грязь — она у них не просто грязь. А самый настоящий враг. В смысле метафизическом.

— Каком-каком?

— Метафизическом. Ну как тебе объяснить? Грязь у них — это как в нашей Православной церкви — Сатана.

— Ого!

— И даже хуже, — строго сказал Коля. — А потому все, кто с грязью борется, вроде как духовно растут. Видишь вон ту тетку в светло-голубом комбинезоне?

— В косынке? — уточнил я.

— В косынке.

— Вижу.

— Минуту назад она подняла окурок, который Переверзев поленился донести вон до той урны...

— То-то я думаю: чего это у нее физиономия такая довольная!

Спустя час я смог воочию убедиться в том, что Коля не сохранил мне насчет «материализаторов».

Ровно в полдень по местному времени на улицах показались расписанные лозунгами машины с открытыми кузовами.

Из них высыпали клоны, мужчины и женщины. Судя по эталонному физическому сложению и не обремененным интеллектом глазам, все сплошь демоны. Разбившись на группы, они начали дружно драить швабрами тротуары, мыть листья на кустах (поштучно!) при помощи больших розовых мочалок, выворачивать в кульки содержимое урн и слизывать тряпками пыль с канализационных люков.

При этом их лица сияли просто-таки неземным блаженством!

В последний раз я видел такую одухотворенность в Мурманске, в церкви святого Андрея Рублева во время пасхальной службы.

Я глазел на это зрелище добрых пять минут. Пытался понять, как можно балдеть от *такой* работы. Пытался прочувствовать.

Но куда мне!

Когда «Дзуйхо» приземлился в военном секторе космопорта имени Труда (в обиходе: Хосров-2), на часах было девять утра по стандартному времени. До встречи с Иссой, которой удалось выцыганить трехдневное увольнение с родного линкора «Видевдат», оставалось без малого девяносто шесть часов. То есть четверо суток.

Этот факт можно подавать по-разному. Например, восторженно воскликнуть: «Всего четверо суток!»

А можно и простонать: «Целых четверо суток!»

В силу, видимо, врожденного пессимизма, я был склонен ко второму варианту.

Нет, это было подлинное безумие.

Чем меньше времени оставалось до прибытия лайнера «Кандарес» (который должен был привезти ко мне мою любимую из такой звездной глуши, что ее даже на небе не увидишь — пылегазовые туманности мешают), тем больше я скучал по Иссе. Тем больше о ней думал. Словно бы какая-то пружина в моей душе распрямилась одним махом и не желала сжиматься обратно, повинаясь требованиям устава и здравого смысла.

Неудивительно, что, разгуливая по клонской столице, я по минутно глядел на часы. И считал про себя: девяносто три часа, девяносто два часа, девяносто один час сорок пять минут...

— Что это ты там считаешь? Курсы валют? — поинтересовался Коля, когда я в очередной раз погрузился в свои расчеты.

— Веду учет симпатичных девчонок, — похоронным голосом сказал я.

— Ты чего? Серьезно? А как же Исса? — вытаращился он.

— Да пошутил я. Пошутил.

— Предупреждать же надо!

Коля хоть и был моим лучшим другом, а все-таки не понимал, что сколько-нибудь серьезный учет симпатичных девчонок Хосрова был для меня вещью такой же невообразимой, как, например, подача заявления об уходе из Академии по собственному желанию. Я просто не видел симпатичных девчонок. Их для меня не существовало.

А может быть так: все симпатичные девчонки Галактики в те дни как бы сконцентрировались для меня в одной-единственной — в моей Иссе.

Но Бог с ними, с чувствами. Оставим их поэтам или, на худой конец, психологам. Вернемся к клонам.

Второй отличительной чертой Хосрова была тишина. Как там было тихо!

Конечно, не так тихо, как у нас полярной ночью на Новой Земле, особенно если отъехать подальше от Академии и космопорта.

И не так тихо, как в горном Крыму смурным осенним утром.

А тихо особенным, мистическим образом. Там было тихо, как никогда не бывает в больших городах. И это при том, что в Хосрове, если верить справочникам, постоянно проживало двенадцать миллионов человек! Что, согласитесь, для столицы внеземной колонии очень даже до хрена. А ведь еще туристы?!

Ни криков, ни гудков, ни рокота-грохота вертолетов, а равно флугтеров, звездо- и планетолетов.

Не вопят дети, не скрипят подошвы неразношенных туфель, не шипит в бокалах пиво и даже собаки не лают!

Разве что прошелестит вкрадчиво монорельс, везущий трудящихся на работу. Да птичка с веточки что-нибудь прочирикает такое, очень ненавязчивое.

Сначала я думал, что тишина Хосрова — это вроде
278 как обман слуха. И что я просто слегка оглох после кос-

модрома, после трясущегося в атмосфере Вэртрагны «Дзуйхо», который, конечно, уже давно просится на металлолом.

Потом я думал, что все клоны на работе и потому шуметь некому. Но эта теория при ближайшем рассмотрении тоже оказалась реакционной.

Даже в разгар рабочего дня клонов на улице было полно.

Только вот в отличие от нашей делегации они предпочитали на улицах помалкивать. Лишь в крайнем случае они находили возможным сказать что-либо друг другу.

— У меня такое впечатление, что половина жителей Хосрова — глухонемые. По-моему, в «Чахре» с этим делом было как-то проще, — не выдержал я.

— Конечно, проще, — согласился Коля. — Так то ж на Ард-висуре. А это — столица!

— Ну и что с того? Тут что, языки всем отрезают?

— В умных книгах, — с педагогическим прищуром заявил Коля, — между прочим, написано, что Хосров — место, священное для каждого жителя Конкордии. Что помимо Народного Дивана в Хосрове расположен Атур-Гушнасп, он же храм одного из трех священных огней, он же Первый Храм, главная святыня клонов. А вблизи главной святыни, сам понимаешь, вести себя надо соответственно.

— А что, он где-то рядом? Этот Первый Храм? — спросил я, озираясь.

— По их меркам рядом! Километров двадцать — тридцать отсюда, — сказал всезнающий Коля.

Я присвистнул. Ни фиги себе — «рядом».

— А что там, в этом Первом Храме?

— Ясное дело, Атур-Гушнасп!

— А по-русски?

— Тьфу, я же сказал: священный огонь. Один из трех наиважнейших.

— Но у них же везде священный огонь! В гостинице, где нас поселили, на каждом этаже священный огонь имеется!

— Но этот священный огонь — самый священный огонь в Конкордии! — копируя обстоятельную тавтологичность клонской речи, заявил Коля. — Потому что он непрерывно поддерживается в храме с того самого дня, как земные колонисты высадились на Вэртрагне. Ибо в первый же день высадки колонисты на него наткнулись. Прямо посреди степи. Он там горел, нерукотворный. Чтобы он не погас, над ним сразу построили небольшой купол. Представляешь?

— Нет.

— И правильно. Потому что это — официально-поэтическая версия. А фактически, как мы понимаем, Атур-Гушнасп был зажжен во время первых звончков ретроспективной эволюции местной колонии. Тогда же столица получила название Хосров, планета — Вэртагна, а центральное светило системы — Зерван.

— Это ясно, — сказал я и посмотрел на часы.

До встречи с Иссой оставалось девяносто часов двадцать четыре минуты.

Программа визита, которую не то предложили, не то навязали нашему брату, оказалась насыщенной и напыщенной одновременно.

Это стало ясно уже в первый день, за завтраком, когда нам, кадетам, раздали папочки (из натуральной кожи!), в каждую из которых был вложен список ожидавших нас на Вэртагне радостей жизни.

— Ты глянь, Пушкин, чего написано! — Это был Переверзев, он тыкал пальцем в папку. — Сегодня вечером — вручение медали «За Наотар»!

— Что это за медаль такая? В «Статутах», по-моему, ничего про нее не говорилось, — с полным ртом непрожеванного плова отозвался я.

— В «Статутах» и быть ничего не могло! Потому что медаль эта совсем новая! Мне вестовой Туровского вчера по секрету рассказал. Ввели ее месяц назад. Чтобы вы, герои, без цапек не остались. — Переверзев многозначительно подмигнул нам с Самохвальским.

— Да-да, и я такое слышал, — поддержал Терновой. — Аверс у нее по-русски надписан, а реверс — по-клонски!

— Так что, она и «встанькам» тоже вручаться будет, что ли? — вытаращился Колька. В кои-то веки он узнавал новость чуть ли не самым последним.

— А как же! Мы же вместе джипсов били! Дружке — крепнуть! Разве забыл?

«Неужели мне и правда дадут медаль?» — подумал тогда я.

Вообще-то это было как нельзя кстати. В свете приезда Иссы, которая, как я уже заметил, равнодушна ко всяким знакам количественного выражения воинской доблести. И в свете грядущего знакомства с ее родителями. По крайней мере, будет с чего начать разговор.

— А вручение состоится в Чертоге Доблести! Так здесь написано! — заявил Самохвальский.

— И что с того?

— В Конкордии в Чертоге Доблести награждают только самых-самых! Это у клонов как у нас Кремль!

— Ни фиги себе! — в один голос сказали Терновой и Перверзев.

А я подумал: «Только бы не сорвалось!»

Не сорвалось.

В тот день я отошел ко сну, повесив на спинку стула свой мундир, украшенный первой медалью. Маленькой, золотой, незабываемой, как и все первое в нашей жизни.

Я долго и обстоятельно любовался приобретением и не сразу заметил, что за гостиничным окном уже занимается ультра-мариновый рассвет Вэртрагны.

Конечно, на этот рассвет я глядел совершенно пьяными глазами — очень уж затянулась процедура «обмывания» медали, которую затеяли мы с ребятами.

Но все равно, явленное мне зрелище я оценил: Хосров во всей своей подлинно неземной, невыносимой красе. Город, где родилась Исса.

Я стоял у окна в одних трусах, прихлебывая из пакетика клонскую простоквашу (к которой я пристрастился еще в «Чах-ре»), не в силах оторваться от созерцания.

Перед моим мысленным взором, как в сумасшедшей кинохронике, проносились обрывки церемонии награждения («А теперь... прошу на сцену... доблестных воспитанников... Северной Военно-Космической Академии...»), а когда я закрывал глаза, там, в глубине моего мозга, мельтешили пышные букеты, которые подносят симпатичные клонские девушки, сотни букетов, сотни девушек, каждая из которых похожа на Иссу как родная сестра.

Я открывал глаза и снова погружался в день ушедший — вот Туровский жмет мне руку, вот мы с Колей обнимаемся на радостях...

Картинки, увиденные за день прогулок по столице, сталкивались и разбегались словно в калейдоскопе. Детали первого дня разбивались на маленькие детальки и перли, перли в мозг какой-то дурной лавиной.

Вот, например, автоматы «Проверь себя». Кидаешь монетку, тебе задают вопрос. Например: «Что такое турбулентность?» Или «Зачем насекомому отека?» Отвечаешь. Если правильно — монетка возвращается. Если неправильно — монетка тю-тю.

Мы с Колей сыграть не решились. А вот идиот Перверзев проиграл порядочную сумму.

И эти автоматы у них в Хосрове везде. И все играют. И все поведены на эрудиции...

Многоголовая очередь к одному такому автомату — на нем написано «Повышенной сложности». Эту очередь я не забуду никогда...

Или вот кинотеатры. Сколько у них кинотеатров! На каждом углу! И везде на афишах одна и та же муть — уже знакомая нам «Эра Людоеда». Только теперь уже пятая серия.

А салоны ургентного ура-гипноза? Такое разве забудешь?

Вот, допустим, ты — клон из касты демонов. Идешь с работы, где получил пилюлю за халатность. Настроение ни к черту. Геморрой к зиме активизировался, нервишки шалят. Жена подала на развод. Из зарплаты вычли в помощь голодающим Наотара. Любимый сериал по телику отменили. Короче, жизнь дерьмо, в пору только вешаться.

Но ты же клон, а не какой-то там землянин или чоруг.

Тебе вешаться Родина не велит.

Поэтому ты заходишь в салон ургентного ура-гипноза, который, кстати сказать, выглядит как наша средняя синемашка, платишь символическую денюгу (как два коктейля «Заратуштра»), выбираешь программу, и опытный оператор психических процессов (я сразу представляю себе мою Иссу, красивую и молодую) загружает тебе ее прямо в мозги своим сладким, уверенным голосом: «Все путем, налицо лишь временные трудности, не надо печалиться, вся жизнь впереди...»

Наши, я помню, смеялись над этими салонами ура-гипноза, ерничали.

Вот, дескать, какие клоны тупые.

А я думал совсем о другом. А именно: в нашей Академии такие салоны тоже не помешали бы. Не знаю, как Коля или Володя, а я, может быть, тоже туда ходил бы... После карцера и общения с контрразведкой — так точно...

Наконец я допил ряженку, задернул тяжелую бархатную штору и мой персональный номер погрузился в сумерки.

«Семьдесят шесть часов», — шепотом сказал я и бухнулся на кровать лицом вниз.

Пьянству — бой!

Хоть и говорили нам это сто, нет, двести раз за время учебы в Академии, а истина сия мне не приелась. Каждый раз ее вспоминаю, когда просыпаюсь с жутким похмельем.

Голова чугунная, ноги ватные и никакие стимуляторы с душами сделать из тебя человека разумного не в состоянии.

Когда в мой номер вломился Коля Самохвальский, я чувствовал себя самой никчемной тварью во Вселенной. А вот Коля, наоборот, был как огурчик. И как ему удастся?

— Вставай, кадет Пушкин. Нас ждет Завод имени Мира во Всем Мире.

— Чего? — осипшим голосом спросил я, приподнимаясь на подушке.

— Чего слышал.

— А может, я того... не пойду? Скажи, что я заболел...

— Никаких «не пойду»! — Коля был тверд. — Ты что, с ума сошел? — добавил он шепотом. — За такие дела тебя могут из делегации вообще исключить. И отправить в Академию первым же транспортом. Ты разве не понимаешь, что на нас все смотрят? Мы — номер один! Каждый наш шаг фиксируется конкордианскими журналистами! Мы же представляем здесь все Объединенные Нации!

Конечно, в то утро у моего Коли произошло временное обострение мании величия. Но все-таки на пятьдесят процентов он был прав. Не пойти на экскурсию значило как минимум вызвать недовольство Федюнина. А Федюнину — за его благосклонность ко мне — я теперь должен был ноги мыть и воду пить.

— И что на этом долбаном заводе? — спросил я, бочком пробираясь к душевой кабине.

— Там нам будут показывать, как в Конкордии собирают истребители.

— Типа мы роботов не видели.

— Так в том-то и прикол, что там не роботы! — возразил Коля.

— А кто?

— Кони в пальто! У них ручная сборка!

— Ручная сборка... — опешил я.

— Да!

— Так рентабельнее, что ли?

— Не уверен. Но вроде бы у них, по статистике, отказов аппаратуры в бою меньше, чем у нас...

— Но это же жутко дорого! — крикнул я сквозь шум воды.

— Ты разве не понял еще — у «встанек» никто и никогда на вооружении не экономит.

Вообще-то да. Вооружение — это святое. Разве можно экономить на святом?

Я вышел из душа несколько порозовевшим — все-таки ледяная вода средство испытанное.

За столиком в гостиной сидел Коля, а перед ним стояли две пол-литровых баночки «Жигулевского».

— Освежитесь пожалуйста, кадет Пушкин, — заботливым, медсестринским тоном сказал Коля. — А то вы на мумию похожи. Тутанхамона.

Вот это было по-товарищески! По-нашему!

— А что там у нас после завода? — спросил я, с удовольствием поглощая пиво.

— После завода у нас показательный воздушный бой.

— Кто с кем бьется?

— Не написано.

— А потом?

— А потом самая скукота. — Коля сник. — Экскурсия в Первый Народный кавалерийский полк.

— Ух ты! — и куда только девалось мое похмелье! — Ты только вдумайся! В Первый. Народный. Кавалерийский. Полк.

Я люблю лошадей. Очень люблю. Даже слово «обожаю» готов употребить.

Только говорить об этом не люблю.

Почему?

Потому, что это модно нынче — лошадей любить. Разбираться в мастях и сбруе, в кормах и жокеях, отличать тракена от терца, ахалтекинца от араба, знать, что такое ногавки и чем они отличаются от подгарков.

Спорить о сравнительных достоинствах муромских тяжело-возов и тяжело-возов конкордианских.

Бросать как бы между прочим: «Ненавижу чистокровных верховых, они так быстро потеют!» или «Все наездники — хлюзды, другое дело стиплеры, вот где мужество!».

Хвастаться, кто и на каких конных мероприятиях побывал во время увольнений и отпусков. Кто на Кубке Директории, кто на Северном Дерби, а кто на выставке «Лошади в древнем мире»...

Модно это. А значит — любому идиоту доступно.

А меня от всего «модного» с самой школы крутит. Наверное, особенным быть хочется. Вот и получается, что когда Переверзев свою Настену с пеной у рта превозносит, мне только и остается, что помалкивать. Не уподобляться же занудам!

Я люблю носить свою любовь в себе. Таить ее. Выдерживать, как дорогое вино.

Но когда Коля объявил об экскурсии в Первый Народный кавалерийский полк, изобразить равнодушие у меня не

Я просто выл от счастья. Такая возможность — увидеть лучших, самых лучших лошадей Вэртагны собственными глазами — представляется один раз в жизни. Да и то не каждому.

Я не ошибся — это было здорово.

Тысяча двести голов местной породы, которая по науке называется таширской.

Таширцы — лошади нарядные, с немислимым экстерьером, который отзывается в душе всякого конника приятным волнением.

Только вдумайтесь. Высота в холке — в среднем сто девяносто пять сантиметров! Широкая и глубокая грудная клетка, передние и задние ноги поставлены идеально правильно. А суставы, запястный и скакательный! Само совершенство! Легкая, сухая голова с длинным изогнутым затылком и прямым профилем, длинная шея с высоченным выходом, эстетно изогнутый круп, скульптурно обмускуленные подплечье и голень...

А масть? Лошадки, все как одна — изабелловые. (Для тех, кто не знает: это означает «золотые».) И голубоглазые! Лишь изредка встречаются рыжеватые да цвета речного песка. Крупные, ширококостные, резвые. Никакой простоватости, никакой грубости в движениях. А какие выносливые и работоспособные!

Ну разве кто-нибудь будет спорить, если я скажу, что таширцы — подлинные четвероногие ангелы, спустившиеся на землю за тем, чтобы одним своим неземным видом срамить наше уродство?

На экскурсии по крайней мере никто не спорил.

Все стояли как зачарованные, пока лучшие кавалеристы полка демонстрировали перед нами достоинства своих скакунов. И были не в силах вымолвить ни слова. Разве что Федюнин время от времени бормотал вполголоса «вот это да» и хмурился, хмурился, хмурился...

Даже Переверзев больше не вспоминал свою Настену. Какая уж тут Настена, товарищи...

Нет, у нас на Земле таких лошадей не сыскать.

То есть буденновцы, от которых, как известно, произвели таширцев, в Российской Директории, конечно же, имеются. И в большом количестве. Но даже самые чистокровные, самые знаменитые буденновцы до среднего таширца не дотягивают. Ни, так сказать, по эстетическим критериям, ни по спортивным.

Обидно, да?

Неужели у них в Конкордии трава сочнее и морковка каротиннее? Овес слаще? Воздух чище? Нет, что-то не

верится. Так почему же тогда таширцы — самые красивые лошади Галактики?

Но самое обидное, пожалуй, в том, что экспорт таширцев из Конкордии категорически запрещен. Наказание за попытку нарушить этот запрет в Конкордии одно: смерть.

А почему, собственно, нельзя?

Разве это не подло, лишать своих братьев по Великорасе удовольствия прилить кровь этих изабелловых ангелов к крови наших, земных коней, назвать которых иначе как коньками-горбунками у меня не поворачивался язык...

Там, на ипподроме Первого Народного кавалерийского полка, меня впервые посетила странная мысль: а ведь если затеять войну с Конкордией и выиграть ее (а как же иначе?), то можно ведь захватить не только Паркиду с ее огромными заводами по производству люксогена, не только плодородные колонии, но и этих вот золотых лошадей...

Впервые в жизни я подумал о том, что лошади стоят войны. Как какой-нибудь краснокожий с пожелтевших страниц староамериканской истории. Меня эта мысль тогда не шокировала. Сомнений не было: таширцы войны стоят.

Мой затуманенный алчностью взгляд встретился со взглядом контр-адмирала Туровского. Взгляд Туровского, как обычно свинцовый, казалось, стал еще тяжелее от каких-то стратегических дум.

Держу пари, Туровский думал о том же самом! О лошадях, которые стоят войны.

Эх, жаль я не телепат, чтобы узнать это доподлинно...

А что вытворяли кавалеристы! Да они устроили в нашу честь подлинный фейерверк трюков! И вольтижировка (когда лошадь бежит галопом на корде, а всадник вытворяет немыслимые акробатические трюки у нее на спине), и выездка (когда лошадь танцует и вышагивает), и драйвинг (когда соревнуются упряжками)...

Эх, только стой с отвисшей челюстью — и балдей.

А потом нам показывали фильм про Кира Великого, где Первый Народный кавалерийский полк, переодетый в антуражные костюмы, изображал древнюю кавалерию, которая вламывается в строй врагов и приносит персидскому царю победу за победой.

И водили по денникам, в которых было так же чисто, как, например, в моем гостиничном номере и уж наверняка не грязнее, чем в госпитале нашей Академии. Показ сопровождался хвастливыми комментариями вроде «Этот жеребец

по имени Турлыг стоит столько же, сколько восемь тонн люксогена!» и традиционными для клонов рассказами о том, как нелегко (хотя и почетно!) быть кавалеристом на службе Родины. Три раза лошадь почисти, шесть раз покорми, плюс четыре часа тренировок в день...

Да уж... Разрыдаться можно, какая нагрузка!

Откровенно говоря, таширцев я был готов чистить раз десять на дню...

А затем, в обществе храбрых конкордианских кавалеристов, которые при ближайшем рассмотрении оказались все сплошь пехлеванами (впрочем, можно было и раньше догадаться, глядя на их аристократические, нетрафаретные лица), мы пили кумыс, обедали под открытым небом, шутили и поднимали тосты за дружбу между братьями по Великорасе.

— Иго-го! — вместо тоста сказал Переверзев, когда банкет уже вошел в свою завершающую фазу «Все позволено».

— Иго-го! — поддержали его хором мы с Ваней Терновым, поднимая свои стаканы.

И только Колька Самохвальский оставался трезв среди всеобщего веселья. Со скучающей миной чужака он поглощал поджаренного на вертеле фазана. И смотрел Коля на нас с пехлеванами, второй час подряд смакующих достоинства таширцев, как на буйнопомешанных.

А еще через два дня я наконец обнял мою Иссу.

Мысли путаются, когда я пытаюсь восстановить последовательность событий в то утро.

Помню только, что вначале настырно отпрашивался у Федюнина.

Лепетал, что, мол, невеста приезжает. Совершенно необходимо... По личным обстоятельствам... Хотя бы до следующего утра...

— До утра? Да об этом не может быть и речи! Даже и на полдня проблематично. Вы хоть понимаете, что пропустите, если я дам вам разрешение? А, Пушкин? Экскурсию на образцово-показательную плантацию финиковых пальм! Вот что вы пропустите, — изрек Федюнин, строго глядя на меня исподлобья. — Ведь там нас ждут! А после экскурсии намечается концерт оркестра народных инструментов и самодеятельных хоров Хосрова. Интереснейшее мероприятие! И познавательное... Разве вы не желаете обогатиться духовно?

— Желаю! Очень даже желаю! Я, честное слово, мечтаю попасть на концерт! С детства обожаю музыку! Осо-

бенно хоровое пение! И на плантации тоже побывать мечтаю! Только...

— Что — «только»? — На лице Федюнина не дрогнул ни один мускул.

— Только... Вы же сами подписывали мою заявку на нашу с Иссой регистрацию, верно? — с мольбой проблеял я.

Конечно, Федюнин ни на минуту не верил, что сможет уговорить меня отказаться от своей просьбы. Хотя и похож он временами на голодного носорога, а мозгов у него побольше-то будет. Но и каперанга можно понять: дать мне вольную просто так, без всякого психологического давления, он никак не мог.

Ведь все-таки я прибыл на Вэртрагну в составе официальной делегации. То есть нахожусь на службе. И каждый проведенный на тихих улицах столицы клонов день засчитывается мне как часть полноценного учебного процесса в Академии. Освободить меня от посещения идеальной плантации финиковых пальм для Федюнина, с формальной точки зрения, то же самое, что снять меня с занятий!

И потом, если отпустить меня к Иссе, то почему бы не отпустить Самохвальского в Музей Бронетехники, Переверзева — на ипподром, Тернового — в синема на «Эру Людоода»? Мало ли кому еще куда надо? И что тогда останется от делегации? Кто же тогда будет обогащаться духовно?

«Товарищ каперанг... Пожалуйста!» — попросил я еще раз, одними глазами.

Наконец Федюнин сообразовал нарушить молчание и произнес:

— Что ж, кадет Пушкин... Ступайте к своей невесте... Но чтобы к началу концерта были как штык!

— К началу концерта?! Но он же в шесть часов начинается! — в отчаянии воскликнул я, быстренько соображая, что на все дела нам с Иссой отводится несчастных девять часов!

— Я сказал к началу? — пробормотал Федюнин, симулируя рассеянность. — Оговорился. Приходите к началу третьего отделения... Но не вздумайте опоздать! Помните: после окончания концерта — пресс-конференция. Не явитесь — голову сниму!

— Служу России! — рявкнул я.

Все же дела не так плохи. Десять с половиной часов в обществе любимой — это совсем не то же самое, что девять. Живем!

Потом был космопорт — стерильный и суетливый. Имени Труда.

Видимо, народные герои и религиозные деятели как раз на втором хосровском космодроме окончились. Остался один только труд. Вот именем его и назвали.

Я сидел в зале ожидания, закинув ногу за ногу, и сверлил взглядом дверь, из которой должны были появиться пассажиры лайнера «Кандарес», совершившего посадку только что.

Пятнадцать минут, двадцать...

Таможню они там, что ли, проходят?

«Да, они проходят контроль, если хотите, нечто вроде таможни», — вежливо отвечала девушка из справочной, подарив мне смурную клонскую улыбочку, которую я бы назвал «русалочьей».

«А почему таможню, ведь моя невеста Исса Гор — гражданка Конкордии?» — допытывался я.

«Не имеет значения, — объяснила девушка, — гражданка или нет. Все проходят. Потому что Хосров — это особая территория».

Слова «особый», «специальный» и «закрытый» всегда всё объясняют. Я поплелся к своему креслу.

А время шло — наше с Иссой время. Минутки, которые мы могли бы провести, нежно держась за руки, целуясь или хотя бы поглощая плов с креветками в какой-нибудь забегаловке, исправно утекали в вечность. Полчаса. Сорок минут.

Ожидание становилось невыносимым, а из-за заветной двери по-прежнему не доносилось ни звука.

Впрочем, никто кроме меня — а встречающих «Кандарес» собралась уже порядочная толпа — не нервничал. Все воспринимали задержку как нечто само собой разумеющееся. И держались как английские лорды: без сантиментов и с достоинством. А может, это их врожденная клонская отороженность сказывалась? Есть же в конце концов и в ней свои плюсы...

Я побрел к кофейному автомату и дрожащей рукой скормил ему мелкую конкордианскую денежку с чеканным портретом бородатого хлыща в архаическом скафандре (как оказалось впоследствии, так клоны представляли себе Гагарина). Автомат содрогнулся в конвульсиях, зафырчал и стих, мигом потушив все лампочки — судя по всему, стаканчик заклинило прямо в жерле как раз на мне.

— Твою мать, — вполголоса выругался я.

Я был зол на весь мир — на этот автомат, на девушку из справочной, на Федюнина, на себя и даже на устроителей концерта. Почему все так безобразно?

И в этот момент моего плеча коснулась легкая женская ладошка. В том, что ладошка женская, у меня сомнений не было — мужчины кладут руку на плечо совсем-совсем не так.

Я обернулся, ничего особенного не ожидая.

И ахнул...

Передо мной стояла... нет, не Исса, как мне (и вам?) хотелось бы.

Передо мной стояла Риши Ар.

На ее открытом лице сияла чуть застенчивая улыбка, а ее фигура, все изгибы которой старательно подчеркивала эластичная ткань армейского комбинезона (в районе груди он был явно мал на пару размеров), лучилась жизненной силой. Ее бравая выправка кричала: «Служу Конкордии!» И только глаза у нее были бездонными и грустными — как тогда в «Чахре», среди олеандров.

— Встань на путь солнца, Александр! — сказала Риши и первой протянула мне руку.

Но руку я отверг — совершенно стихийно, надо сказать. Тут словно бы какая-то сила толкнула меня вперед. И я... заключил Риши в крепкие объятия. В дружеские объятия, разумеется.

— Как я рад тебя видеть! Ужасно рад! — повторял я, скалясь во все тридцать два зуба. Я вовсе не кривил душой ради вежливости — эмоциональный подъем был налицо. — Вот уж не чаял тебя тут встретить! Какими судьбами?!

— Я тоже совсем не ожидала... Иначе... — Риши засмушалась и опустила глаза.

— Иначе что?

— Иначе я.... Я бы подождала, пока Исса пройдет контроль, — наконец нашлась она. — И только потом вышла... Ты не думай — я не стала бы испытывать твою вежливость, если б знала!

— При чем тут вежливость? — пожал плечами я. — Так что, выходит, Исса тебе не сказала, зачем летит в Хосров?

— Нет.

— Гм... Я думал, вы подруги...

— Были подруги. То есть мы и сейчас подруги. Но уже не такие близкие, — объяснила Риши. — В последнее время мне трудно дружить с Иссой, как раньше, понимаешь? И не потому, что она плохая, а я — хорошая... Здесь другие причины... Ты должен понять.

Тут уже пришла моя очередь опускать глаза.

Я не был готов вести такие откровенные разговоры о личном прямо перед встречей с невестой. И все же каким-то

290 странным образом мне все это нравилось.

Более того, я чувствовал, что если б не Исса, я с удовольствием провел бы с Риши несколько часов в хорошем ресторанчике, посасывая «Заратуштру» и обсуждая всякую ерунду. Не знаю уж что, но было в Риши что-то располагающее, проникновенное. И это «что-то» никак не было связано со «сперматококциозом» и «женитьбой». Скорее, все это имело отношение к душе — вечной и нетленной, к той самой, про которую писали великие поэты.

— Я слышала, вы подали заявление в Комитет по Делах Личности? — спросила Риши. Ее голос предательски дрогнул на слове «заявление».

— Подали, — кивнул я. — Даже не знаю... Все это произошло так быстро. Я просто не успел опомниться!

— Иногда хватает нескольких секунд для того, чтобы узнать свою любовь, — серьезно сказала Риши и посмотрела мне прямо в глаза.

Получилось ужасно двусмысленно.

С одной стороны, она наверняка всего лишь хотела вежливо ободрить меня. Мол, быстро — это не беда, в делах амурных скорости другие. Но мне в словах Риши вдруг послышался совершенно другой смысл. Мне явственно вспомнилось то утро в «Чахре». И ее неожиданное признание, сделанное при полном и бесповоротном отсутствии взаимности с моей стороны. Признание, которое больно укололо меня в самое чувствительное место моей души. Пусть на секунду, но укололо.

Видимо, я слишком долго молчал. Риши враз поймала мою мыслительную волну и застеснялась еще больше. Выходило, что ее слова можно расценивать как низкую женскую провокацию: вот, я по-прежнему тебя люблю, а ты такой бездушный. Но ведь Риши Ар — офицер Конкордии. Разве офицеры занимаются низкими женскими провокациями?

— Знаешь, — вдруг сказала она, и я имел удовольствие наблюдать, как ее смуглые щеки затапливает румянец. — Пользуясь случаем, я хотела извиниться перед тобой за тот... инцидент... на море.

— Почему извиниться? Ведь ты не сделала мне ничего плохого! За что же извиняться? — мягко возразил я. — Это прозвучит, наверное, не очень красиво, даже эгоистично как-то прозвучит... Но мне было лестно... приятно...

— Все равно прости, — замотала головой Риши. — Это было так некстати! Я много думала об этом. И мне было стыдно...

— Да брось, Иришка, брось! Мы же друзья. Помчишь, ты говорила, что мы — друзья? — сказал я и ободряюще потрепал ее по плечу.

— Это ты говорил. Ты...

Риши закусила губу и уставилась в белый мраморный пол зала ожидания — разводы на мраморе считала?

Я с ужасом осознал, что, кажется, переборщил со своим показным оптимизмом. И со своим дружеским участием. Какой из меня психолог? Из робота-уборщика и то вышел бы лучший — при соответствующей коррекции программного обеспечения.

Вот разревется сейчас Риши в три ручья и объясняйся потом перед Иссой, которая может в любой момент к нашему обществу присоединиться. Враки всякие придумывай, чтобы для ревности и всяких вопросов с подковырками повода не давать...

В общем, требовалось экстренное вмешательство. Но какое?

Если бы мой стаканчик не заклинило в автомате, можно было бы предложить Риши растворимого кофе. Если бы в зале ожидания можно было курить — я галантно поднес бы ей пачку сигарет и призывно хрустнул зажигалкой. А когда она сказала бы, что не курит и мне не советует, я поругал бы себя за рассеянность. В любом случае это было бы что-то. А так все мои мысли — и все ее мысли — крутились вокруг той прощальной «сцены у фонтана».

И тут меня осенило.

— А знаешь, Иришка, ведь Коля Самохвальский тоже приехал со мной! Представляешь?

— Николай? — наморщила свой высокий лоб Риши, словно что-то припоминая. — Николай здесь?

— Ну да. Мы приехали сюда в составе делегации от нашей Северной Военно-Космической Академии.

— Вот это да! Какая новость! — вяло обрадовалась Риши. — Коля такой образованный...

— Думаю, он будет ужасно рад тебя видеть! Хочешь, я дам тебе его телефон в гостинице «Эстегаль»?

— Ну... Давай. А впрочем, у меня едва ли будет время, я ведь всего на сутки... — пробормотала Риши и снова скисла.

Я занервничал. Ну что делать, что? Покосился на заветные двери — к счастью, они по-прежнему были закрыты. Господи, ведь с такими делами я могу запросто проморгать Иссу. Вот это будет номер!

Впрочем, как я ни тшился, а выпроводить Риши и вернуться на свой наблюдательный пункт я никак не мог.

292 Просто не мог. И дело тут было не в вежливости и не в

сострадании к несчастно влюбившимся. А в чем-то совсем другом. В чем? Нет, на этот вопрос я ни тогда, ни сейчас не ответил бы.

— Послушай, у тебя сигареты есть? — вдруг спросила Риши и наши взгляды снова встретились.

В ее глазах больше не было слезливой поволоки. Они снова стали ясными и лучистыми — ей все-таки хватило самообладания не расплакаться. Я украдкой вздохнул с облегчением.

— Сигареты есть. Постой, ты разве куришь? — удивился я.

— С недавних пор — да. Нервы успокаивает.

Я искательно похлопал себя по карманам и вскоре извлек на свет Божий пачку «Явы-200». Открыл. Она взяла сигарету, по неловкости тотчас же сломала ее, вытянула другую и типично клонским жестом (у «встанек» вообще-то миллион значимых жестов — они умеют говорить мало) потребовала огня.

— Постой, Иришка, но мы же в зале ожидания! Тут везде таблички — курить категорически запрещено! И штрафы немалые! — счел своим долгом напомнить я.

— Это им, — Риши с пренебрежением указала на толпу встречающих, — курить запрещено. А мне можно.

Впервые я подумал о том, что Риши, коль скоро она из касты пехлеванов, несмотря на свое скромное лейтенантское звание, по должности запросто может оказаться большой начальницей с нескудными привилегиями. Вот, например, стоит и нахально дымит, в глазах — стена. А переодетые в штатское агенты службы безопасности, которых пруд пруди в любом космопорту, делают вид, что безобразия не замечают и что никаких штрафов за курение в природе нет. С каких это делов? Она что — генерал?

От Риши не укрылась моя нервозность. Она посмотрела на часы и сказала:

— Не переживай, Саша. Исса появится здесь не раньше, чем через четыре с половиной минуты. Эту информацию мне сообщил контролирующий офицер двадцать пятого гейта — того самого, который обслуживает «Кандарес».

Риши глубоко затянулась и тут же добавила тихим виноватым голосом:

— Знаешь, Саша, я должна сказать... В общем, я тебя обманула. И теперь чувствую себя неловко... Если по правде, то я, конечно, знала, что Исса едет сюда, чтобы встретиться с тобой...

— Так Исса тебе все-таки сказала! — непонятно чему обрадовался я.

— Нет, я узнала об этом не от Иссы. Чувства помutilи мой разум. Я сочла возможным воспользоваться своим служебным положением, чтобы увидеть тебя.

— Служебным положением?

— Да. — Риши выпустила густое кольцо дыма и закашлялась. — Мои служебные полномочия позволяют мне не проходить контроля. Совсем. У меня была фора по времени. Я знала, что смогу увидеть тебя первой... Ох уж эти проклятые привилегии!

— А-а... Привилегии... — попугаем повторил я.

— Но через минуту мое время окончится, мне пора уходить, — с каким-то сверхъестественным спокойствием в голосе продолжала Риши. — Не хочу, чтобы Исса увидела меня рядом с тобой. Еще раз прощай, Александр...

И тут в меня словно чертик махонький вселился. «Ну же! Хотя бы одно невинное прикосновение!» — шептал он мне на ухо, подталкивая на бестолковщину.

— Слушай, Иришка, можно хоть сегодня тебя поцеловать на прощание, а? — спросил я невинным голосом. — Чисто по-дружески!

— Сегодня можно, — шепотом сказала Риши и, едва позволив мне мазнуть по своей персиковой щеке губами, повернулась ко мне спиной, бросила недокуренную сигарету прямо на мраморный пол и быстрым армейским шагом, в котором удивительным образом сочетались напор и изящество, устремилась к выходу.

О чем я думал в тот момент? Что шептала мне интуиция? Она шептала мне о том, что вопреки здравому смыслу мы с Риши еще встретимся. И это будет невероятная встреча.

Что ж, как показало будущее, в тот раз интуиция меня не подвела.

А через две минуты я все-таки увидел мою Иссу.

Надо сказать, тонкие черты лица моей возлюбленной и соблазнительный холод ее манер враз вытеснили из моего сознания особенности Иришиной армейской походки. Я сразу погрузился в состояние, которое можно было без натяжек назвать нирваной.

Все, что говорила и делала Исса, казалось мне прекрасным. Я улыбался как кретин, которому подарили живого слона.

— Курить вредно. Ты разве не знаешь? — говорила Исса.

— Знаю. Больше не буду, — отвечал я, отправляя бычок в ближайшую урну. — Давай поднесу рюкзак. Он, по-моему, тяжелый...

— Не надо. Боюсь, как бы ты его не уронил.

— Ну даже если я его и уроню, что будет? Там что, секретная хрустальная аппаратура?

— Что еще за глупости! — возмутилась Исса. — Я никогда не беру с собой ничего секретного в увольнение!

— А что же там?

— Подарки для родителей. Они у меня такие славные! — оживилась Исса. — Для папы я купила модель линкора «Видеда-т», очень дорогую. А для мамы — набор насадок для кухонного комбайна. Там даже есть одна, которая позволяет чистить ананас!

— Здорово.

— А еще я купила им пижамы и набор шампуней для жирных волос!

— Вот это да!

— И коробку конфет «Гордость Гиларии». Между прочим, у них внутри — подслащенное верблюжье молоко!

— Вкусно, наверное...

Вот в таком духе мы и разговаривали. То есть говорила в основном она, а я с блаженным видом кивал и улыбался.

Правда, минуте этак на двадцатой в моей душе шевельнулись все двенадцать голов гидры скептического недоумения. Все-таки я представлял себе нашу встречу после столь долгой разлуки совсем не такой...

Никаких поцелуев — Исса не позволила мне себя чмокнуть, сославшись на то, что на людях необходимо особенно строго соблюдать приличия. С объятиями вышла та же история. Но Бог с ними, с тактильными ощущениями — в конце концов Риши, которая позволила мне поцеловать себя именно на людях, в здании космопорта, запросто курила под вывеской о штрафе. Может быть, Риши просто смелая девушка, может, ей и впрямь все можно, а вот Исса — девушка несмелая и ей все нельзя. Но хотя бы поговорить о чувствах, а?

Она даже не сказала «Я по тебе соскучилась».

Она даже не шепнула «Я люблю тебя».

Она просто кивнула мне и сказала «Встань на путь солнца, Александр».

А может, Исса не виновата, просто я совсем рехнулся от любви? Может быть, я сентиментальный? Или у меня пресловутый переверзевский сперматоксикоз?

— Давай пойдем куда-нибудь позавтракаем, а? — предложил я. — Посидим поболтаем...

— Идея хорошая, но у нас ведь так мало времени! — всплеснула руками Исса.

— В каком смысле — «мало времени»? — насторожился я.

— Нас ведь ждут!

— Кто?

— Как это кто? Мои родители! Мама, наверное, уже на стол накрывает... Через сорок пять минут мы должны быть у них! А ведь до Красной Горы еще нужно добраться.

— Добраться — это не проблема! Возьмем такси — и всех дел! Потом, можно ведь опоздать чуток, а? — Я игриво подмигнул Иссе и попытался приобнять ее за плечи.

Куда там! Исса посмотрела на меня так строго, что я тут же убрал руку. Все ясно: на улице обниматься неприлично...

— Может, хоть кофе зайдём выпьем?

— Ты разве забыл, Александр, что я не люблю кофе?

— Тогда какао! Или чаю! Или хоть воды, а?

— Не понимаю, зачем тратить деньги на ерунду. Моя мама божественно заваривает зеленый чай!

Клянусь, во время сеансов дальней связи моя Исса была совсем не такой.

Не скажу, чтобы наши разговоры напоминали секс по телефону (которым мы с Самохвальским злоупотребляли на первом курсе Академии). Не стану также врать, будто она цитировала мне монологи Марины Цветаевой и Эмили Дикинсон. Нет. Она всегда была немного прохладной. Немного церемонной. Немного надменной. Но она никогда не была такой вредной!

Может быть, ее подменили враги Родины? Подсунули мне какого-то андроида с глючным интерфейсом...

Может быть, у нее на работе неприятности?

— На службе все в порядке, — казенным тоном отвечала Исса. — Просто нагрузка большая. Приходится много трудиться. Но ведь это труд на благо Родины!

— Слушай, может, у тебя кто-то завелся? — не отставал я. — Так ты только скажи. Я пойму...

Исса посмотрела на меня как на профессионального провокатора. Она высоко вздернула свой точеный носик и рассудительным тоном отвечала:

— Нет, Александр. У меня никого нет. И не может быть!

Ведь мы уже подали заявление в Комитет по Делах Личности!

Она сказала это с такой убежденностью, будто и впрямь была на триста процентов уверена в том, что какая-то бумажка с подписями может служить нерушимым гарантом верности.

Впрочем, я решил больше не донимать мою невесту идиотскими вопросами. Я просто шел рядом и любовался ее стройной фигурой, ее резковатыми, исполненными внутренней силы движениями, тем, как ветерок играет прядями ее черных, с каштановым отливом, волос.

Все же Исса была очень красива. А разве честно требовать от красавицы покладистости?

В общем, я отказался от идеи завлечь Иссу в кафе. Нет, на чай с какао мне было наплевать — я всего лишь хотел побыть с Иссой наедине. Поддержать ее за руку, как тогда, на Ардвисуре. Заглянуть ей в глаза. Просто заглянуть — ничего особенного не говоря. Я столько раз представлял себе нашу встречу! Но раз мама уже накрывает на стол...

— Как хоть их зовут? — спросил я, когда такси уже въезжало в мрачный спальный район на северной оконечности Хосрова.

— Кого?

— Ну, твоих родителей.

— Ты разве до сих пор не знаешь?! — Глаза у Иссы стали размером с чайные блюдца.

— Ты же раньше не говорила...

— Маму зовут Шарида, а отца Дьямаш. Называй их папаша Дьямаш и мамаша Шарида — у нас так принято. И помни: они очень хорошие люди!

Медали бывают разные. Памятные и боевые, ценные и не очень.

Золотая Звезда Героя дает уйму служебных и гражданских преимуществ, а лучшее применение для «20 лет службы в вооруженных силах» — экстравагантная подставка под стопку водки.

Медаль «За отвагу», несмотря на свое скромненькое название, означает, что ее обладатель — мертвец. В большинстве случаев ее дают посмертно — как, кстати, и Звезду Героя.

Но если кавалер этой славной медали жив, значит, он везунчик, сорвиголова и храбрец из храбрецов, который своим телом заткнул перебитый топливопровод корабельного реактора или вынес восемнадцать раненых товарищей с поля боя под шквальным огнем неприятельского реактивного дивизиона. Одна медаль «За отвагу» стоит ящика бронзовых висюлек «За оборону Отечества», какие по адмиральскому произволу

иногда могут выдать totally всем, кто пробыл хоть два часа в зоне вооруженного конфликта.

Но почему, товарищи, не существует медали «За роскошь человеческого общения»? Я б ее давал таким героям, как я. И носил бы с такой же гордостью, как «За отвагу».

— ...А вот на Трайтаоне история одна была, — громко разглагольствовал папаша Дьямаш. — Там один сержантик, Чор его звали, тихоня такой... Мы думали, он того... Ну, это...

— Чокнутый? — подсказал я.

— Да нет... Не то... — Дем принялся ожесточенно чесать затылок, чтоб быстрее думалось.

— Заболел? — предположила мамаша Шарида.

— Не... Он это... в самоволку ходил... каждый вечер... Мы думали он, значит...

— Шпион? — вставила догадливая Исса.

— Да не... Какой шпион! Кому она, Трайтаона ентая, нужна... Мы думали, он девчонку себе... девчонку завел! Дело ж молодое! — Папа многозначительно подмигнул нам с Иссой.

— Ха-ха-ха! — откликнулась мамаша Шарида.

— Значит, проследили мы за Чором... Незаметно так... Интересно нам было... А там это, как его... оказалось, что не девчонка это вовсе!

— Неужели парень? — не выдержал я.

— Парень? — вытаращились на меня мамаша Шарида, папаша Дьямаш и Исса.

Они явно не поняли моего юмора. Вообще, меньшинства в Конкордии обсуждать было не принято. Да и были ли у них вообще какие-либо «меньшинства», судить не берусь.

— Не... Не парень... Кролик это был!

— Кролик?

— Кролик!

— Так это он к кролику, что ли, каждую ночь ходил?

— То-то и оно! Кормил его морковкой! А мы-то думали — к девчонке. Там на Трайтаоне девчонки хоть куда! Ядреные! Глазами так и стреляют, негодяйки! А Чор к кролику! Уа-ха-ха! Уа-ха-ха!

— К кролику! Хи-хи-хи! Надо же! Хи-хи-хи! — развеселилась его супруга. — Ну просто нарочно не придумаешь! Хи-хи-хи!

— Папочка, ты прелесть! — Мою Иссу тоже душил смех. Похоже, совершенно неподдельный.

298 — Очень, очень остроумно! — скалился я.

Через час такого общения у меня начало сводить скулы от наигранных улыбок.

А папочка у моей Иссы был натурально балагуром.

За историей про тихоню Чора и его возлюбленного кролика последовала другая. Про то, как, снова же в армии, на Трайтаоне, папаша Дьямаш, тогда еще молодой дем, выиграл спор у своего друга рядового Гевану, который утверждал, что пукнуть больше пяти раз подряд невозможно физически. Папаша Дьямаш посрамил неверующего благодаря специальной технике, которой его, в обмен на пачку сигарет, обучил рядовой Бун, в обществе которого папаша Дьямаш сидел в карцере за мелкое прегрешение.

Рядовой Бун, по уверениям папаши Дьямаша, мог, испустив ветры, затушить целый канделябр со свечами. В чем суть техники папаша Дьямаш так и не рассказал, а стоило бы. Впрочем, Иссе и ее маме история понравилась безотносительно.

Затем нашему вниманию было предложено развернутое художественное описание закатов над военной базой на Трайтаоне. Уверен, в текстовой записи все это напоминало бы суперавангардный роман о видениях наркомана, принявшего порцию отменной дури — учитывая широту словарного запаса и богатство экспрессивных средств рассказчика.

За закатами последовало не менее художественное описание морально-этических достоинств лейтенанта Ездигерда.

«Не человек — скала!» — говорил папаша Дьямаш, тыча пальцем в выдавшую виды фотографию: мужчина с вострым лисьим лицом и бычьей шеей мужественно смотрел в объектив, приобнимая двух смазливых медсестер в шапочках и белых халатах...

— На одной из них он потом женился, — с нежной улыбкой промолвил папаша Дьямаш. — Кажется, на левой.

— А в прошлый раз ты говорил, что на правой, — укоризненно заметила Исса.

— Эх, память уже дырявая.

Как ни странно, все, что рассказывал папаша Дьямаш, принималось обществом на «ура».

В течение первого часа меня это удивляло. На мой вкус истории были затянутыми и скучными.

В течение второго часа — оставляло равнодушным. «Отключаться» с умным видом я научился еще на занятиях по «Обмундированию, снабжению и комплектации». А к концу третьего часа я даже начал получать от этого кошмара удовольствие из серии «Бывают же такие простые и доб-

рые люди!». Или: «Как хорошо, что моя Исса уродилась не в мать и не в отца!»

А еще мы кушали и пили — мамаша Шарида бдительно следила за тем, чтобы я не пропускал ни одной рюмки, а папаша Дьямаш раза три указал мне на то, какой я «худенький». А потом они хором пели для меня песни — незамысловатые и прямые, как и все искусство клонов.

Когда же подошло время прощаться, мамаша Шарида отвела меня в сторонку и, смагивая нечаянную слезу, спросила:

— Ты же не будешь обижать мою девочку, когда вы поженитесь?

— Никогда, — шепотом заверил ее я.

Увы, нашу доверительную беседу грубо прервали. Подошел папаша Дьямаш и, дыша на меня перегаром, заявил:

— Вы ж смотрите только, балбесы. До регистрации — ни-ни!

Честное слово, после всего этого я искренне раскаялся в том, что временами, в обществе Кольки Самохвальского, позволял себе называть своего отца Ричарда невеждой.

Однако стоило нам с Иссой, которая после визита к родителям на глазах расцвела и оживилась, выйти на улицу, как я уже забыл про выписанную себе медаль.

Исса так ласково льнула ко мне, что...

В общем, хотя «по-взрослому» ничего такого у нас не сложилось, мне все-таки стоило огромных трудов не опоздать к началу третьего отделения растреклятого концерта.

Мы встречались с Иссой еще дважды, но обе эти встречи оставили в моей душе ощущение незаконченности. Недосказанности. Незавершенности.

Довольно неприятное это было ощущение. Как сказал бы Самохвальский — фрустрирующее.

И не в том дело, что нам с Иссой так толком и не дали побыть вдвоем — все время нужно было следить за тем, чтобы куда-нибудь не опоздать, не нарушить каких-нибудь приличий, чтобы оставаться «комильфо», чтобы не перейти от поцелуев к чему-то, что уже не является поцелуями...

А как же любовь, спросите меня вы, которая побеждает все социальные условности?

А вот хрен она что победила.

По крайней мере в нашем с Иссой случае.

Мне было страшно признаться себе в том, что временами, чинно сидя рядом с Иссой на скамеечке в публичном парке имени Безымянного Героя, я втайне мечтаю о том,

чтобы снова увидеть ту Иссу, которая являлась на сеансы дальней связи — открытую, чуток романтичную, рассеянную. Что я страстно хочу, чтобы Исса, из реальной клонской девушки-офицера, суровой и деловитой, снова превратилась в эдакую Аэли-ту, инопланетянку мечты, чье физическое тело располагается в десятках и сотнях парсеков от меня.

Впрочем, на моей решимости взять Иссу в жены все эти мечтания и соображения никак не сказывались. Я по-прежнему был тверд. До фанатизма.

Может быть, потому, что я был убежден: стоит нам сочтаться браком и образы девушки-мечты и клонского офицера навеки сольются в одно целое? Эх, черт его знает!

Последний день в Хосрове выдался особенно муторным.

С утра нас инструктировала контрразведка флота: хватывали с ничего не выражающими, как задницы, лицами.

Они рассказывали, как именно нам следует прошерстить наш багаж и одежду — чтоб, значит, вражеские шпионы чего туда не подсунули. Ежу было ясно, что наш багаж будет проверяться этими же самыми ребятами еще не раз. И что инструктаж нужен только за тем, чтобы облегчить дармоедам работу (ну и для поднятия общей бдительности). Увы, от того, что мы это понимали, инструктаж короче не становился.

Мне пришлось особенно туго — из-за «связи с офицером Иссой Гор».

Самохвальский, Терновой и Переверзев уже отправились пить пиво и чистить перышки перед финальным банкетом, а я все еще расхлебывал последствия своих увольнений большущей столовой ложкой...

— Офицер Исса Гор не обращалась к вам с просьбой взять с собой какую-либо передачу?

— Нет.

— Почему?

— Ей некому передавать передачи. У нее нет друзей на Земле.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Какие подарки дарила вам офицер Исса Гор?

— Никаких.

— Совсем никаких?

— Совсем.

— Почему? Ведь она же ваша невеста?

— Не знаю. Спросите у нее почему.

— Что вы можете сказать о своих отношениях с офицером Риши Ар?

— Ничего. То есть у нас дружеские отношения.

— Знает ли об этих отношениях офицер Исса Гор?

— Не знает.

— Почему?

— Я не хотел, чтобы она ревновала.

— Но вы же сказали, что у вас с Риши Ар дружеские отношения?

— Это не имеет значения. Иногда люди ревнуют любимых даже к собакам. И к коням.

— Кого конкретно вы имеете в виду?

— Никого. Это просто пример.

— Сказала ли вам офицер Риши Ар о своем новом назначении?

— Не сказала. А куда ее назначили?

— Вопросы здесь задаем мы. Почему Риши Ар не сказала вам о своем новом назначении?

Бу-бу-бу... бу-бу-бу...

Чтоб вы все сдохли, несчастные козлы!

И не лень же им было следить за мной в Хосрове-2! Вот куда идут деньги российских налогоплательщиков! Чтобы всякие бездельники разбирались в перипетиях личной жизни одной ужасно важной персоны — кадета четвертого курса СВКА Саши Пушкина.

А потом было прощание с Иссой — короткое и колючее.

— Звони мне, — сказал я.

— Ты тоже мне звони, — сказала она.

Мы даже не поцеловались на прощание. Ведь в холле гостиницы, где горел священный огонь, приличия нужно было соблюдать особенно тщательно...

А потом был банкет с тостами.

Мир... Взаимопонимание... Добрососедство... Помощь... Пример Наотара показал... Светлые идеалы прогресса... Да здравствует взаимовыручка... Великие достижения культуры... Культура объединяет... Общее историческое прошлое... Вместе мы непобедимы... Крепить узы дружбы... Крепить оборону Великорасы...

А на прощание всем нам подарили по томику «Шахнаме». На русском языке. Станный подарок, правда? Впрочем, если вдуматься, не страннее всего остального.

Я вертел чудесно изданный и шикарно иллюстрированный томик в руках и думал о том, что никогда в жизни, ну просто никогда мы в нашей Академии не додумались бы до того,

302 чтобы дарить конкордианской делегации «Братьев Карама-

зовых» на клонском. Ну или там былины про Добрыню Никитича, что, как аналогия, точнее.

В самом деле, можно было по-разному на этот подарок смотреть. Можно было назвать его идиотским — ну кто и когда «Шахнаме» будет читать? Терновой на дежурстве по этажу?

А можно было назвать его оригинальным и тонким. Вот не читал Терновой «Шахнаме», а теперь прочтет, обогатится духовно!

Но как ни смотри, а одну мораль я из экскурсии на Вэртрагну вынес: Клон нам, землянам, как кость в горле.

И не потому, что они «не такие». Не потому, что между нами столько различий. А потому, что различия эти не так огромны, как нам хотелось бы. Потому, что сходств слишком много. И это бесит.

Мы и Клон — это два кривых зеркала, поставленных одно напротив другого. Мы отражаемся в них, они — в нас. Сейчас обеим сторонам нравится рассматривать веселые, хоть и кривые картинки. Но что будет, если нам это зрелище надоест?

ГЛАВА 16

ВЕЛИКОРАСА КРЕПИТ ОБОРОНУ

Декабрь, 2621 г.

Биостанция «Лазурный берег»

Планета Фелиция, система Львиного Зева

— А хотите, я вам еще спою? — Полина лукаво покосилась на Эстерсона.

— Честно?

— Да.

— Очень хочу!

— Тогда слушайте.

Iz-za ostrova na strezhen',
Na prostor rečnoj volny,
Vyplyvajut raspisnye
Sten'ki Razina chelny...

Вдруг синие закатные небеса с грохотом раскололись надвое.

Эстерсон инстинктивно втянул голову в плечи и из-под ладони поглядел вверх.

Рукотворные кометы — числом не меньше двух десятков — вырвались из-за верхушек деревьев на Необитаемом полуострове и помчались над океаном.

Это были, конечно же, флутгеры — Эстерсон слишком много лет провел в мире современных летательных аппаратов, чтобы принять ревуший звездопад за вторжение древних властителей Вселенной или огненную колесницу Илии с ангельским эскортом.

Но чьи они? Откуда? Зачем здесь?

Полина инстинктивно схватила обеими руками за локоть Эстерсона.

— Вот так Стеньки Разина челны... — пробормотала она.

Кометы тем временем удалились в сторону открытого океана. Небесный рокот стал ровнее и глуше.

— Полина, вы не ждете гостей? — тревожно спросил конструктор.

— Я — точно нет. А вы?

— Согласитесь, даже для «Дитерхази и Родригес» это было бы жирновато.

— Выходит, это не к вам и не ко мне. Может, что-то знают в консульстве?

Флутгеры описывали нисходящую циркуляцию воздушного торможения. Стая светящихся точек теперь плыла далеко над горизонтом.

Шум их двигателей казался отзвуком далекой-далекой, ленивой грозы.

— Имеет ли смысл спрашивать? — пожал плечами Эстерсон. — Я толком не понял: это боевые флутгеры или транспортные. Но для обоих вариантов у меня есть объяснение. Если флутгеры транспортные — значит, это просто ваши коллеги, которые оторвали грант на... например, на масштабную геолого-разведку. А если боевые — значит, это обычные учения.

— Оба варианта не выдерживают критики, — покачала головой Полина. — Не могу себе представить такого гранта, который позволил бы арендовать двадцать флутгеров. И вообще, все флутгерное сообщение Фелиции идет через крошечный космодром Вайсберг, который находится в полутора тысячах километров отсюда. От Вайсберга по всей Фелиции летают вертолетами

304 либо используют катера и вездеходы.

— Значит, на орбите Фелиции появился авианосец и наш mosquitoный флот решил немного пошалить в здешней атмосфере. Кстати, глядите: они снова приближаются!

— Я же сказала, что критики не выдерживают оба варианта. Фелиция — демилитаризованная зона. Можете не верить официальным документам, но поверьте мне, как старожилу: наши военные относятся к статусу Фелиции с пиететом. Ладно еще пара-тройка вертолетов, но армада флуггеров — совершенно невероятная гостья!

— Но должно же быть какое-то объяснение!

— Поэтому я и хочу связаться с консульством.

Полина наконец отпустила локоть Эстерсона и встала. Тот, однако, остался сидеть:

— Вы идите, а я постараюсь рассмотреть их получше. Они снижаются.

Через пару минут после того, как Полина подняла над радиорубкой привязную антенну, флуггеры вновь пронесли над головой Эстерсона.

В какой-то момент конструктору показалось, что сейчас они зацепят раскрашенный красными и белыми полосами вытяжной аэростат. Но, конечно, флуггеры прошли выше.

Они двигались куда медленнее, чем в первый раз. Значит, успели погасить скорость и готовятся к посадке. Но где же им садиться, если, как сказала Полина, Вайсберг — единственный космодром на планете — находится на другом краю континента?!

Два клина, один за другим. В каждом — по девять машин. Наступающая темнота не помешала Эстерсону разглядеть их силуэты и определить совершенно точно: это средние транспортники с двумя двигателями и трапециевидным крылом. Не «Андромеды», а что-то поменьше.

Может, вообще гражданские машины?

Но гражданский флот не учит своих пилотов летать в строю...

Эстерсон начал перебирать все существующие модели транспортных и пассажирских машин Объединенных Наций.

Больше всего похоже на немецкий «Грайф». Но у «Грайфа» крыло стоит под другим углом к фюзеляжу... Может, темнота и вечерняя дымка исказили силуэты? Или, может, ему повстречались «Грайфы» какой-то неведомой, свежайшей модификации?

Пока Эстерсон судил да рядил, флуггеры пролетели еще несколько километров вдоль береговой черты, одновременно с этим все больше и больше снижаясь. Теперь сомнений не оставалось: они намерены сесть!

Но куда? Не в океан же?!

Эстерсон озадаченно почесал затылок.

«А почему бы и нет? Конечно же, в океан! Именно: в о-к-е-а-н! На воду! Достаточно только предположить, что флуттеры — конкордианские, и все сразу же встанет на свои места!»

Это был громкий проект пятилетней давности. Эстерсон вдруг вспомнил его отчетливо, как будто он затевался вчера. И хотя здесь, на Фелиции, он изо дня в день добросовестно старался забыть свою прежнюю биографию и карьеру конструктора, полностью стереть профессиональную память и переписать ее заново чем-нибудь задушевным было, увы, невозможно.

Перед его мысленным взором в мельчайших подробностях предстали те дни, когда этот конкордианский проект обсуждался его коллегами на все лады.

Гидрофлутгер. Скоростной летательный аппарат, который может покинуть борт космического корабля, войти в атмосферу и сесть, в случае необходимости, на воду. Когда речь идет об обычном самолете, эта задача кажется банальной. Но когда нужно научить приводняться (и взлетать с воды!) воздушно-космический аппарат, то есть флуттер, возникают сложнейшие технические проблемы.

Эти проблемы настолько головоломны, что, оценив связанные с проектом риски и промышленную стоимость гидрофлутгера, специалисты военного флота сказали: «А зачем, собственно? Может, обойдемся без посадок на воду?»

В Конкордии посчитали иначе. И создали единственный на всю Сферу Великорасы военно-транспортный гидрофлутгер.

Эстерсон даже помнил, как он называется...

Как же он называется?..

Словом каким-то таким, для шведского уха корявым...

Тут конструктор не сдержался и пустился в радостный пляс: профессиональная память все-таки начала сдавать позиции! Он не знает, как называется эта машина!

И самое приятное: знать не желает.

Плясал Эстерсон неуклюже. Но, видимо, довольно забавно — о чем свидетельствовал смехок Полины.

Она только что вышла из радиорубки с консульским телефоном на свернувшемся в свиток отрезе полимерной бумаги.

— Роло, вы — один из самых странных людей, каких мне доводилось встречать в своей жизни, — сказала Полина.

— Это плохо? — смущенно улыбнулся Эстерсон.

— Нет.

— Связались с консульством?

— Да — не то к счастью, не то к сожалению. Вы никогда не догадаетесь, кто к нам пожаловал.

— Уже догадался. Это Клон.

— Откуда вы знаете?!

— Вы, кажется, все никак не привыкнете, что я настоящий космический конструктор. Я узнал в этих грохочущих ящиках у нас над головой плод многолетних мучений моих конкордианских коллег. Так что же пишет консульство?

— Да вот, полюбуйтесть.

Эстерсон принял бумагу, оказавшуюся на ощупь холодной и скользкой, как рыба.

Сообщение было отпечатано на семи стандартных языках Объединенных Наций. Чтобы не возиться со сканером «Сигурда» (который капризничал после купаний под здешними дождями), Эстерсон отыскал между китайским и хинди вариант текста на немецком и с горем пополам прочел.

Статус: публичный

Отправитель: консул Вильгельм Стабборн, колония Вайсберг

ВСЕМ, КОГО ЭТО КАСАЕТСЯ

В соответствии с Договором о Совместном Укреплении Обороны от 4 ноября 2621 года вооруженным силам Конкордии разрешено создать маневренную базу флота на планете Фелиция (пп. 7 и 9.4 Договора).

При этом статус Фелиции как демилитаризованной зоны сохраняется повсеместно, за исключением акватории залива Бабушкин Башмак и ста двадцати кв. км прилегающей к нему суши (см. карту в Приложении 4 Договора).

Соблюдение интересов граждан Объединенных Наций и разумного местного населения Фелиции гарантировано повсеместно на территории демилитаризованной зоны (п. 11.2 Договора).

Прошу отнестись к конкордианским военнослужащим как к союзникам, призванным защитить наши совместные интересы в данном секторе Галактики и обеспечить оборону Сферы Великорасы в случае агрессивных действий вероятных противников.

— Слава тебе, господи, — облегченно вздохнул Эстерсон. — А я уж грешным делом подумал: война.

— Я тоже, — мрачно сказала Полина.

— Ну так радоваться надо!

— Радоваться нечему. То есть спасибо, конечно, что не война. Но в том, что у нас под боком будет хозяйничать военщина, я ничего хорошего не вижу.

— Как-нибудь образуется. Клоны — народ дисциплинированный. И о моей скромной персоне они не знают ровным счетом ничего компрометирующего. Признаться, для меня было бы куда хуже, если б здесь решил строить базу наш родной флот.

— О себе вы никогда не забудете подумать, — сказала Полина с горечью в голосе. — А о сирхах, которые живут на холмах над заливом? Об океанских городах моих подопечных? Вообще, Фелицию вам не жалко?

Эстерсон покраснел.

— Извините, Полина... Вы правы. Я привык рассуждать, как форменная свинья. Меня не учили другому, понимаете? Но я стараюсь научиться.

— Видно, плохо стараетесь... Впрочем, и вы меня тоже извините. Мне, наверное, не понять, что это такое — все время жить в страхе перед своими бывшими работодателями.

— Eto nemnozhko hrenovo, — сказал Эстерсон по-русски.

Полина не сдержала улыбки.

Они помолчали.

— Ну что, пошли ужинать? — предложил конструктор.

— Пойдемте. Кстати, Роло, вы не могли бы лечь сегодня со мной?

— Простите?..

— Я поставлю вам раскладушку в гостиной. Там вполне просторно. Мне будет спокойнее, если мы будем спать под одной крышей.

— Вы боитесь?

Полина немного помедлила с ответом, потом нарочито твердо ответила:

— За вас. Начинается местная солнечная зима. Я не хочу, чтобы вы простудились.

Было тепло и безветренно. Маленькая ложь Полины растрогала Эстерсона. Но конструктор не нашелся, как выразить ту сложную гамму чувств — благодарность, нежность, дружескую иронию, — которую вызвала в нем эта русская женщина, хотевшая во всем казаться сильной и независимой амазонкой.

Издали донесся нарастающий гул.

Не было смысла комментировать друг для друга очевидное:

флуггеры высадили рекогносцировочный отряд и возвращаются на орбиту за подкреплением.

До залива Бабушкин Башмак, где клоны, если верить дипломатическим витийствам, взялись крепить оборону Великорасы, по прямой было семнадцать километров.

По мнению Эстерсона — достаточно далеко, чтобы не обращаться на новых соседей ни малейшего внимания.

По мнению Полины — достаточно близко, чтобы новые соседи рано или поздно сунули свой длинный нос в их дела.

Вывод, который сделала Полина, был по-женски парадоксален: надо устроить генеральную уборку и заготовить вдоволь деликатесов. Ведь в любой момент можно ждать гостей! И какими бы ни были их намерения, добрыми или злыми, как бы она сама ни относилась к клонам — плохо или очень плохо, — долг хозяйки обязывал.

Теперь у них с Эстерсоном прибавилось работы. Надо было наконец-то вычистить авгиевы конюшни заброшенных бассейнов, подновить все дорожки и клумбы, убрать песчаные заносы вдоль обращенной к океану части забора...

Чем они и занимались — почти не разговаривая, перебрасываясь в иной день лишь десятком-другим фраз.

Флутгеры сновали туда-сюда круглые сутки. Правда, они изменили посадочный маршрут и заходили на Бабушкин Башмак с востока. Поэтому об их полетах можно было судить только по блужданию неприметных звездочек над горизонтом.

Зато спустя несколько дней появились вертолеты. Одна пара проходила над океаном мимо биостанции ровно в восемь десять утра по местному времени и возвращалась спустя час. Второй патруль летал вечером, перед заходом солнца.

Один вертолет всегда тащил под брюхом огромную раму металлоискателя. Другой — буксировал по волнам длинный оранжевый банан на подводных крыльях. Эстерсон предполагал, что это контейнер комплексной разведки.

Как всегда, конструктор не ошибался.

Теперь уже Эстерсон не считал, что расстояние в семнадцать километров — такой уж огромный буфер между биостанцией и клонами.

Четыре дня кряду он, заслышав рокот вертолетов, спешил укрыться где-нибудь под крышей или под пологом леса. От греха подальше. Клоны, конечно, никак не связаны с «Дитерхази и Родригес», а все-таки лишняя предосторожность не повредит.

Но на утро пятого дня произошло вот что.

Эстерсон, помахивая пульверизатором с серебряной краской собственного изготовления, подновлял российского орла у входа на биостанцию. Для этого ему пришлось 309

забраться на последнюю ступеньку стремянки. А поскольку стремянка угрожающе покачивалась, склонный к перестраховке конструктор привязал и ее, и себя к арке над калиткой при помощи нейлоновой веревки.

Эстерсон так заработался, что позабыл о времени. Океан в тот день штормило. Когда конструктор наконец расслышал, что в ворчание волн вплелись новые звуки, было уже поздно: вертолеты показались из-за мыса.

Вдобавок Эстерсона подвела чертова веревка, на которой были накручены три узла. Когда он взялся их второпях развязывать, они затянулись еще туже!

Оставалось что?

Перестать суетиться, напустить на себя беззаботный вид и трясти пульверизатором, в котором как назло закончилась краска!

Вертолеты поравнялись с биостанцией. Эстерсон поднял на них глаза. И... с ужасом обнаружил, что они зависли на месте! И не просто зависли, а повернулись к биостанции своими остекленными мордами и беззастенчиво на него пялятся.

Все время летали мимо, а тут надо же — висят! Причем если под одним, как обычно, болтается металлоискатель, то второй... не отягощен ничем. А где же оранжевый банан?

Эстерсон выругался.

После чего он, за неимением лучших альтернатив, вымученно улыбнулся и помахал вертолетам рукой.

Те будто бы только и ждали, когда обитатели базы обратят на них внимание. Одна машина — с металлоискателем — сразу же продолжила патрульный полет. А вторая, радостно рывкнув турбинами, понеслась прямо на конструктора.

Когда через пару минут Эстерсон наконец справился с проклятыми узлами на веревке, конкордианский вертолет, вздымая змеистые песчаные буранчики, уже приземлился на берегу перед биостанцией.

Полина и Эстерсон стояли в воротах станции — прямо под орлом, источающим едкий аромат свежей серебрянки.

Вдоль забора к ним вышагивал высокий офицер в безупречно подогнанной по фигуре, выглаженной, чистенькой форме. Смуглое лицо офицера светилось дружелюбной улыбкой.

В правой руке он нес ладный кейс защитного цвета. Левой — придерживал ножны парадного палаша.

310 — Ну и субъект, — прошептала Полина.

— Не говорите, — тоже шепотом отозвался Эстерсон. — Напомните еще раз: как меня зовут?

— Андрей. Андрей Рогожин.

— Ro-go-zhev?

— Да нет же. Ро-го-жин. Последний слог — «жин».

— Тыфу ты, ну и китайщина...

— Расслабьтесь, Роланд. Помалкивайте и предоставьте весь разговор мне.

Офицер остановился в пяти шагах от них.

— Встаньте на путь солнца! — сказал он и улыбнулся еще шире.

Синхронный переводчик офицера повторил эту фразу по-русски.

Если бы с Эстерсоном не было «Сигурда», он бы ни черта не понял. Но вставленная в ухо радиогорошина исправно нашептывала ему перевод.

«Что же, клоны загодя навели справки в консульстве и узнали, что хозяйка биостанции — русская? — встревожился Эстерсон. — Так ведь они могли выведать и насчет того, что официально она здесь живет одна!»

— Здравствуйте, — ответствовала Полина.

— Zdravstvujte, — на своем благоприобретенном русском повторил конструктор. Он решил в целях маскировки из всех сил эксплуатировать свой куцей словарный запас и только в крайнем случае перейти на шведский.

— Капитан Вариз Мир-Мирое, заместитель коменданта базы, — отрекомендовался офицер.

— Полина Пушкина, биолог, начальник исследовательской станции «Лазурный берег». А это мой муж, Андрей Рогожин. Инженер-механик.

Эстерсон степенно кивнул.

— Рад встрече с благородными людьми, — сказал капитан. — Мы сразу заметили вашу станцию. И решили, что с соседями надо обязательно подружиться. У нас, в Конкордии, дружба очень ценится, — прибавил он со значением.

— Дружба ценится везде. А потому, милости прошу к нам в гости. — Полина отошла на шаг в сторону и сделала широкий пригласительный жест.

Они прошли на открытую веранду, где стоял стол, молниеносно сервированный предусмотрительной Полиной за те пять минут, пока Вариз шел от вертолета к станции. Были расставлены приборы и свежие цветы. Оставалось только отправить Эстерсона на кухню с указанием достать из

холодильника закуски, засунуть в микроволновку главное блюдо и поставить чайник.

Капитан, в свою очередь, распахнул свой кейс и извлек оттуда бутылку вина, красивую жестяную коробку таинственных морепродуктов, гроздь бананов, две плитки шоколада и шикарную книгу... на русском языке!

О том, что книга именно на русском, догадаться было несложно: хватало одного взгляда на обложку, где стилизованной под арабскую вязь кириллицей было выведено...

— «Шахнаме», — прочла умница Полина вслух, чтобы понял и Эстерсон.

— О-о-о! — Конструктор решил отделаться самым примитивным, интернациональным возгласом восхищения.

— Да-да, — самодовольно ухмыльнулся конкордианец. — Именно «Шахнаме» и именно на русском языке. Но время подарков еще не пришло.

— Андрей, дорогой, пора сходить на кухню, — ласково напомнила Полина.

Стоило шведу исчезнуть, как офицер, понизив голос, осведомился:

— Простите, госпожа Пушкина, может быть, это лишь мое заблуждение, но мне кажется, что ваш супруг чем-то недоволен. Он столь немногословен...

— Ничего подобного. Он всем доволен и всему рад. Но у нас в семье, видите ли, давно установился матриархат, — с вызовом ответила Полина.

— Вот как? — изумился капитан. — А что, это какая-то давняя традиция русского народа?

— Нет. Русский народ патриархален. Но не забывайте: я — начальник станции. А Андрей — мой подчиненный. Соответственно общение с консульством, с гостями и коллегами веду в основном я. Такова субординация.

— Прямо как в армии, — покачал головой капитан. — А ведь ваш муж с виду куда старше вас. Он не смущается своим угнетенным положением? Простите, конечно, что задаю столь откровенные вопросы — мы, пехлеваны, так воспитаны.

— Ну что вы, господин Мир-Мирое. Я охотно отвечу вам. Но — вопросом на вопрос. Скажите, могут ли быть причины для недовольства у мужа такой женщины, как я? — и Полина полоснула офицера уверенным, вызывающим взглядом.

Мир-Мирое покраснел и отвел глаза.

— Отлично сказано, да будет мне Аша свидетельницей, — пробормотал он. — Что ж, вы полностью удовлет-

ворили мое любопытство... Кстати, можете называть меня просто Варизом.

Тем временем появился Эстерсон. Он безмолвно расставил на столе блюда с закусками и столь же безмолвно сел.

Вариз вскрыл коробку с морепродуктами — это оказались ни много ни мало трепанги.

Эстерсон, в свою очередь, раскупорил принесенную гостем бутылку с красным вином. Судя по добротному дизайну пробки, довольно пристойным.

Он разлил вино по бокалам.

— Я поднимаю свой бокал за дружбу, — торжественно, почти строго провозгласил Вариз. — За дружбу между нами и нашими расами. За Великую Конкордию и Объединенные Нации!

Полина с Роландом переглянулись и тоже сделали строгие лица. Оба прекрасно понимали, что в такой момент даже легкая тень ироничной улыбки может превратить корректного Вариза в опасного психа.

Чокнулись.

Выпили.

Вино оказалось сухим, что несказанно обрадовало Эстерсона. Это означало, что хмельной эффект будем самым слабым из возможных. Даже полусладкое вино на фоне здорового образа жизни последних месяцев могло сейчас быстро развязать ему язык. А оживленное общение с конкордианцем, разумеется, в его планы не входило.

— Кстати о дружбе, — сказала Полина. — Как я понимаю, вы к нам надолго?

То ли переводчик барахлил, то ли капитан оказался туповат, но ответил он о другом:

— Нет, что вы. У меня полно дел на строительстве базы. Так что я не намереваюсь злоупотреблять вашим гостеприимством больше часа.

— Вариз, я имела в виду, долго ли Конкордия намерена использовать Фелицию как военный плацдарм?

Пехлеван враз поскущел.

— Не могу знать. Но боюсь, что долго. Будь небо над моей Родиною безоблачно, мы не стали бы, конечно, строить базы в таких глухих уголках Галактики. Увы, небо небезоблачно, Тучи сгущаются.

— И кого же вы боитесь?

— Лично я — никого не боюсь.

Взялись за еду. Принесенные Варизом трепанги были приготовлены по какому-то диковатому рецепту

и, с точки зрения землян, оказались малосъедобными: жесткими и кислыми.

Забавно, но и Вариза, похоже, трепанги в восторг не привели. Он даже не нашел нужным этого скрывать (хотя морепродукты по рецептам Родины теоретически должны были оцениваться пехлеваном только в самых превосходных степенях).

— По-моему, этих трепангов готовили как препарат от цинги, — тяжеломерно пошутил капитан. — Сплошной витамин С.

Поскольку ситуация, как ни крути, была весьма принужденной, даже такие шутки шли на вес золота. Полина и Эстерсон рассмеялись.

Тут донесся звонок таймера микроволновки.

— Ничего, голодным вы не останетесь. Сейчас мы вас угостим чем-то особенным, — пообещала Полина.

Эстерсон, который уже вполне освоился с ролью молчаливого мужа и идеальной домашней прислуги, сходил на кухню и вернулся с глубокой стеклянной сковородой, из-под крышки которой рвался во все стороны пар.

— Пахнет многообещающе! — воскликнул Вариз.

— Это фирменное блюдо нашей станции, — пояснила Полина. — Акула, тушенная с грушами. Разумеется, «акула» и «груши» — термины условные. Ведь речь идет о флоре и фауне Фелиции. В действительности на сковороде лежат хищная рыба семейства бесхребтовых пирамидозубов и плоды растения из рода вечнозеленых гигантидов. Это дерево местное население называет *опуром*, а его плоды — *пурикой*.

(Кстати, пурика и была той «грушей с ёлки», которую Эстерсон в свое время нюхал на Необитаемом полуострове. Полина, переняв кулинарный опыт сирхов, научилась избавлять пурику от тошнотворного запаха и готовить из нее настоящие деликатесы.)

Лицо Вариза исказила гримаса отвращения.

— Так вы едите здешних рыб? И плоды?

— Разумеется. — Полина пожала плечами.

— И это тоже что-то местное? — Вариз ткнул вилкой в салат, который уплетал минуту назад.

— Нет. Это капуста, лук и огурцы с нашего огорода.

— А этот сыр? Из чего он?

— Сыр я привезла из Вайсберга. Надо полагать, он сделан из обычного коровьего молока.

314 Вариз облегченно вздохнул.

— Может, вы и насчет акулы с грушами пошутили? — с надеждой спросил он.

— Нет. Это настоящий лазеревый пирамидозуб. Который плавает в океане, в ста шагах от нас. Он очень вкусный. Я бы ела его каждый день, если б он легко ловился. А так, все, что поймаю, я, как правило, продаю повару консула Стабборна. Он платит хорошие деньги...

— А груши? Вы сказали, у них есть название на примитивном языке местного населения? Не значит ли это, что нечистые сирхи тоже едят эти груши?

— Господин Мир-Мирое, — в глазах Полины сверкнули молнии. — Язык местного населения не такой уж примитивный. А сирхи — чистые и добрые существа. Я попросила бы вас впредь воздержаться от расистских суждений. По крайней мере в моем присутствии.

Капитан выпрямился и расправил плечи. Ноздри его хищно раздувались. Эстерсон испугался, как бы горячий пехлеван не тяпнул Полину своим офицерским палахом.

Однако спустя полминуты Вариз погасил бурю эмоций («Как смеет эта женщина приказывать?! И кому — посланцу Великой Конкордии!»). Сказалась офицерская выучка. Он с горем пополам расслабился и, старательно контролируя свой голос, сказал:

— Извините меня. В самом деле, на сирхов можно смотреть по-разному. Я уважаю вашу точку зрения. Однако от вашего угощения я вынужден отказаться. Традиции моего народа запрещают прикасаться к нечистой пище, которая не прошла соответствующих обрядов освящения.

— А как же капуста и сыр? — ехидно поинтересовалась Полина. — Вы уверены, что я совершила над ними соответствующие обряды?

— Не хотел бы вовлекать вас в эти тонкости, — примиряюще сказал Вариз. — Но если в двух словах, то на традиционную человеческую пищу у нас, пехлеванов, нет строгих запретов. Кроме некоторых особых случаев. А вот пища других миров — особенно та, которую употребляют аборигены, — для нас совершенно неприемлема... К дэвам эту тему! Знаете что? Давайте еще выпьем!

С этими словами Вариз ловко расплескал по бокалам остатки вина.

— Позвольте мне сказать? — спросила Полина.

Эстерсон и Вариз воодушевленно закивали.

— Я хотела бы поднять этот бокал за Фелицию, — сказала она, внимательно наблюдая за реакцией капита-

на. — За прекрасную планету, которой люди, к счастью, еще не досаждали своим навязчивым вниманием.

— Я понял вас, — многозначительно сказал Вариз. — Поверьте, госпожа Пушкина: и я, и мое начальство, и наши подчиненные — все мы пришли сюда с миром. Мы уважаем чужую жизнь — даже нечис... Извините. Я не к тому веду... — Капитан, поморщившись, потер лоб. — В общем, я поддерживаю ваш тост: за Фелицию!

Потом поговорили о станции. Полина рассказала Варизу свою историю, которую Эстерсон уже слышал. Правда, ту часть, которая касалась катастрофы, Полина дала в отредактированной версии. Согласно ей, от банкета удалось отвертеться только Полине и «мужу», то есть Эстерсону...

— Значит, вы по сей день продолжаете исследования океана Фелиции? — поинтересовался капитан.

— В меру наших сил. Не люблю громких слов, но здесь мы нашли свою вторую родину.

— Простите мне мою настырность... Но у вас, наверное, есть какие-то специальные аппараты? Скафы, скутеры, подводные лодки?

— Увы, больше нет. Остались лишь мягкие водолазные костюмы и обычная моторная лодка.

— Скажите, а раньше, когда биостанция функционировала как большой исследовательский центр, вы, наверное, использовали стационарные подводные сооружения?

Эстерсон снова начал с интересом прислушиваться к радиогорошине «Сигурда» в своем ухе. Что за странные вопросы у этого конкордианца? К чему он клонит?

— Разумеется. У нас было несколько обитаемых модулей, которые мы размещали на дне при помощи транспортного вертолета.

— Недалеко от берега?

— Сравнительно. А почему это вас так интересует?

— Видите ли, госпожа Пушкина... Вряд ли следует делать секрет из того, что ваша научная станция волей-неволей попадает в зону безопасности нашей базы. Поэтому-то мы и вынуждены тревожить ваш покой вертолетными патрулями. Аппаратура патрулей засекла крупный металлический объект. Сравнительно недалеко отсюда, в километре от берега, на глубине сто двадцать метров. Технические условия не позволяют точно определить его размеры и форму. Этот объект сильно нас встревожил...

(Эстерсон подметил, что стоило только Варизу заговорить о предмете своего профессионального интереса, как темп речи офицера повысился раза в полтора. Голос его сделался резким, в нем зазвенела командирская сталь.)

— ...Не исключено, что враждебные силы — предположим, чоруги — заслали сюда автоматическую разведывательную станцию. А может быть, и разведывательно-боевую. Мы запросили специальное водолазное оборудование, но прибудет оно нескоро. Поэтому я надеялся, что на вашей станции сыщется хотя бы скаф. Нам очень хотелось бы исследовать этот подводный объект визуально. Кстати, это было бы и в ваших интересах: если мы и вправду имеем дело с устройством инопланетного происхождения, соседство с ним может представлять опасность в первую очередь для вас.

— Увы, нет ни скафа, ни подлодки. Мягкие костюмы, как вы понимаете, не позволят спуститься так глубоко. — Лицо Полины выражало искреннюю готовность помочь и столь же искреннее сожаление, что помочь-то нечем. — Но уверяю вас, Вариз: вертолеты обнаружили один из наших подводных модулей. Когда проект официально закрыли, их не стали эвакуировать — сочли нерентабельным. Их просто списали. Так они и стоят там, на дне.

— А у вас нет карты с точным расположением модулей?

— Документацию и отчеты экспедиции увезла комиссия. Остался только наш с Андреем личный архив. В нем нет почти ничего о модулях, они были не в нашей компетенции.

— А сколько их было?

— Три. Но только один из них — металлический. Два других были изготовлены из радиопрозрачных и немагнитных материалов. Специально, чтобы не пугать местных гигантских головоногих, шестое чувство которых основано на восприятии мельчайших флюктуаций магнитного поля.

— Ну что же... В таком случае не буду больше утомлять вас расспросами. Еще раз простите мою настырность. Но если вы заметите что-то необычное... Скажем, какой-то свет под водой, звуки, движение — я прошу вас немедленно сообщить об этом мне.

С этими словами Вариз положил на стол перед Полиной своеобразную визитку. На ней — между прочим, на русском и немецком языках — были указаны имя, звание и должность владельца. А кроме этого — частоты персонального канала связи и позывные срочного вызова.

— Таких визиток в мои руки еще не попадало. Сохраню как сувенир.

— Надеюсь, не только как сувенир... — слащаво улыбнулся Вариз. — Кстати, ваши слова напомнили мне, что наступило время подарков!

Офицер взял в руки томик «Шахнаме», который все время беседы пролежал на краю стола и так примелькался, что Полина с Эстерсоном уже успели о нем позабыть.

— По решению Народного Дивана, — сообщил Вариз, — были заново переведены и переизданы старинные предания моего народа. Лучшие переводчики трудились над тем, чтобы все народы Объединенных Наций получили возможность узнать истоки нашей веры и нашего величия. «Шахнаме» — это сказание о славном герое Исфандияре, неутомимом борце с посланцами тьмы. Народный Диван надеется, что Объединенные Нации в скором времени узнают для себя много нового о моей Родине. Я верю, что «Шахнаме» станет ключом к пониманию между нами!

Покончив со словоблудием, Вариз с поклоном передал драгоценную книгу Полине. Та поблагодарила — насколько могла сердечно.

— Spasibo, — брякнул Эстерсон, в роли русского мужа молчаливый как рыба.

Вариз открыл рот, чтобы разразиться прощальным благодарственным словом гостеприимным хозяевам.

Да так и замер с отвисшей челюстью, глядя куда-то мимо Эстерсона.

Глаза его остекленели.

Рука поползла вниз — к голенищу сапога.

Полина и Эстерсон обернулись.

Размахивая лапами, с самым беззаботным и одновременно хозяйским видом по двору биостанции топал сирх.

Его шерстка была покрыта зелеными и серо-коричневыми пятнами нескольких оттенков. Это значило, что абориген только что выбрался из леса — ведь шкура сирхов, как помнил Эстерсон, обладает хамелеоновыми свойствами. «Сейчас погуляет по песочку и станет светло-желтым», — подумал конструктор.

Только в одном месте — на боку — Эстерсон заметил у сирха нежно-серое пятно. Шерсть в этом месте, похоже, никак не отреагировала на прогулку по лесу. Скорее всего не воспримет она и цвет песка на дорожках. Странно...

Появлению сирха Эстерсон изумился не меньше Вариза.

Несмотря на то, что аборигены Фелиции сегодня незримо присутствовали за их столом, оскверняя трапезу бла-

гочестивого пехлевана, конструктор давно уже перестал относиться к сирхам, как к данности подлунного мира.

После загадочной встречи с одиноким аборигеном на Необитаемом полуострове, Эстерсон ни разу не видел сирхов — даже издалека. Да и с Полиной у них хватало других тем для общения. Сирхов они вспоминали только пару раз — как существ, Полине знакомых, но не склонных к тесным контактам с людьми, живущих по своим законам, отстраненно, будто бы в параллельной реальности.

Полину, однако, появление сирха несколько не смутило. Она помахала рукой и выкрикнула тарабарское приветствие, из которого Эстерсон смог разобрать только нечто вроде «Кашид».

Сирх оглянулся на ее окрик. Шерсть на его лице на мгновение приобрела голубой оттенок. Он махнул лапой и, не уделив больше Полине ни грана своего драгоценного внимания, направился напрямик к капустным грядкам.

— Да это же сирх! — воскликнул наконец сообразительный Вариз.

Он вскочил на ноги.

Плетеное кресло за его спиной опрокинулось с глухим стуком. В правой руке Вариза блеснул крошечный плоский пистолетик — извлеченный, видимо, из-за голенища сапога.

— Не смей! — отчаянно крикнула Полина, тоже покидая свое кресло со стремительностью пантеры.

Эстерсон, сразу же позабыв о том, что ему лучше бы помалкивать, заорал на чистейшем шведском:

— Да вы с ума сошли, Вариз! Это *всего лишь* сирх!

Не обратив внимания на вопль Эстерсона, Вариз, не спуская глаз с сирха, спросил у Полины:

— Вы... общаетесь с аборигенами?

— Редко. Но иногда они все-таки приходят ко мне в гости. Немедленно уберите пистолет. Иначе я доложу о вашем поведении в консульство — и вашу бандитскую базу уберут с планеты за двадцать четыре часа!

Вариз перевел полубезумный взгляд на Полину.

— Что ж, законы гостеприимства священны, — прошипел он, нехотя отводя пистолет в сторону. — А насчет «бандитской базы»... не советую... Честное слово, госпожа Пушкина, лучше бы вам заниматься своей биологией.

Тем временем сирх, из-за которого разгорелся весь сыр-бор, и ухом не повел. Он присел перед самым большим капустным кочаном, оторвал от него огромный лист и, 319

тихонько курлыкая себе под нос что-то умиротворенное, принялся жевать.

— Так вы... кормите его... капустой?! — Смуглое лицо капитана пошло серыми пятнами.

— Я ему не нянька, а он — не мое домашнее животное. Что хочет — пусть то и ест, мне не жалко.

В заключение их беседы капитана Вариза Мир-Мирое вытошнило капустным салатом. И неудивительно: ведь к этой капусте, возможно, прикасалось нечистое животное!

— У нас сегодня большой приемный день, — устало улыбувшись, сказала Полина, когда взбешенный пехлеван убрался восвояси. — Давайте, Роланд, зайдем в дом за приставкой к моему переводчику и я познакомлю вас с Качхидом.

— Что-то знакомое... А, вспомнил! Это любимое имя сирхов. Что-то вроде «любитель качи», да?

— Вы не поэтичны. Не «любитель», а «влюбленный в качу».

— Однако ваш друг не блещет оригинальностью.

— В именах сирхов царит анархия. Вообще-то его зовут Тан У Боцу-Боцу. Но это имя — парадное. Сирхи обычно такие имена не используют. Да и передают их, как правило, не акустической речью, а цветовым переливом шерсти на лице. Для повседневной жизни взрослый сирх выбирает себе нечто вроде прозвища, на которое он охотно отзывается.

— Но если они почти все влюблены в качу, как же они различают друг друга по прозвищам?

— Да никак. В письменной записи они, конечно, рисуют имя полностью, логограммами. Нарисуют «Качхид Тан У Боцу-Боцу» — и все будет ясно. А так, в жизни, они идентифицируют друг друга по запаху, по ушам, по множеству других признаков, которые мы с вами даже не заметим.

— А этого Качхида вы давно знаете?

— Уже пятый год. Когда-то он жил в лесу недалеко от станции. Раньше мы с ним частенько виделись, гуляли вместе по берегу, собирали качу. Но за последний год я видела его только один раз. Кажется, в феврале.

— А что он делает в лесу? Сирхи ведь, кажется, раса оседлая? И живет компактными поселениями?

— Верно. Но мой Качхид — отшельник. Между прочим, он поэт и философ. Уважаемая персона среди соплеменников. Как он выражается, «его судьба — поиски Скрытой Качи».

— Да он интеллектуал!

— Вот именно. А эти самовлюбленные кретины из Клона считают, что сирхи лишены разума!

Разговор происходил в доме. Полина металась из комнаты в комнату, пытаясь найти самодельную цветоэмулирующую приставку к ее переводчику (довольно старой модели, Эстерсон такой никогда не видел). У самого-то конструктора такая приставка была — без нее разговор с сирхом за пределами «моя-твоя-не-понимай» был невозможен, ведь основной смысл сирхи передавали и воспринимали не акустически, а визуально.

— Кстати, Полина, насчет этого клонского долдона. Вы ему правду сказали насчет модулей на дне океана? И насчет того, что на станции нет ни скафа, ни подлодки?

Полина, которая копалась в бездонном ящике письменного стола, отвлеклась и озорно посмотрела на Эстерсона.

— Все модули, конечно же, были эвакуированы — они больших денег стоят. Поэтому я понятия не имею, что нашел металлоискатель клонов. Но если их бредовая фантазия вдруг окажется явью — я буду только рада. Пусть автоматический разведчик чоругов проникнет на клонскую базу и взорвет там все к чертовой матери!

— Вряд ли это чоруги... — пробормотал конструктор, вспоминая о затонувшем «Дюрандале». — Все-таки как насчет скафа? Вы не ответили.

— Ага, вот она! — воскликнула Полина, извлекая наконец приставку из-под груды хлама. — Идемте, Роланд. Потом поговорим.

Они застали Качхида продолжающим поиски Скрытой Качи в капусте. Сирх сидел, подобрав к груди согнутые задние лапы и оперевшись на свой роскошный хвост. Он держал капустный лист двумя руками и, откусывая от него крошечные кусочки, жевал с видом отрешенным и задумчивым. Глаза его были прикрыты, по шерсти на лице перетекали плавные волны яично-желтого цвета.

Неожиданно автоматические переводчики Полины и Эстерсона, только что настроенные биологом на диалект местных сирхов, забормотали:

— Хорошо... Очень хорошо... Хорошо... Очень хорошо...

Эстерсон вздрогнул от неожиданности. Ведь сирх пока что не проронил ни звука! Но конструктор тут же сообразил, что сканеры переводчиков прочитали визуальное сообщение, безадресно посылаемое в окружающую среду изменчивой шерстью сирха.

Поэт и философ повернулся к ним и, не открывая глаз, сказал:

— У него есть стрелялка. Если он будет стрелять, я обижусь.

— Злой бесцветик ушел, — сказала Полина. — Он не будет стрелять в тебя, терпеливый Качхид.

— Злой бесцветик ушел, — согласился сирх. — Но стрелялка у него тоже.

Качхид указал рукой на Эстерсона. Глаза его были по-прежнему закрыты (или так казалось?).

«Обоняние такое хорошее? Или слух?» — подумал конструктор.

— Так-так, — грозно сказала Полина, обращаясь к Эстерсону. — Вы, оказывается, знакомы?

— Первый раз в жизни его вижу! За все время на Фелиции я встречал одного сирха. Но он упал с дерева, получил смертельное ранение и умер у меня на глазах!

— Отчего же он получил смертельное ранение, а? — Полина, казалось, готова задушить Эстерсона своими руками. — Вы в него стреляли? Признавайтесь!

— Стрелял. — Эстерсон вздохнул. — Но — вслепую. Я не знал, что за мной следит абориген. Думал, это какое-то опасное животное или, хуже того, следопыт-землянин. К тому же я не попал ни разу. Клянусь!

— Вы оба мелете чепуху, — встрял Качхид, нехотя разлепляя розовые веки. — Ты, Полина, зря говоришь, что мы знакомы. Я не знаю, как зовут этого бесцветика. И ты, незнакомый бесцветик, тоже зря говоришь. Я не умер. Я лежал, поспал без сновидений, потом встал и пошел. В одном ты прав: я сам упал и напоролся боком на противную палку. Вот след.

Сирх похлопал себя по боку, заросшему короткой пока что, светлой шерстью.

Полина вздохнула с облегчением.

— Я рада, что мой друг тебя не обидел. Не бойся его — он больше не достанет свою стрелялку.

— Ни в коем случае! — горячо заверил Эстерсон. — Никогда не буду стрелять в сирхов. Вы такие хорошие!

— Это верно, хорошие, — согласился Качхид. — А как тебя зовут?

— Роланд.

— Роланд... Произносить трудно, но приятно. А меня зовут Качхид.

— Очень рад знакомству, Качхид.

— Чтобы получился правильный перевод, нужно говорить «Наше знакомство устроено качей», — подсказала Полина. — К сожалению, не все диалекты языка сирхов были правильно запрограммированы нашими лингвистами. По той же причине некоторые слова, например «человек» и «пистолет», переводятся буквально.

— Наше знакомство устроено качей, — послушно повторил Роланд.

— И пройдет с большой миской качи! — радостно подхватил сирх.

— Скажи, Качхид, но ведь тогда я видел тебя мертвым! Ты не дышал!

— Не очень-то вежливо. — Сирх совсем по-человечьи покачал головой. — Никогда не говори кому-то, что видел его мертвым. Кроме того, это глупость. Если сирх жив сейчас, значит, был жив и раньше. И если ты говоришь сирху, что видел его мертвым, значит, ты лжешь. Понял? Это и глупо, и невежливо в одно и то же время.

Эстерсон про себя отметил, что Качхиду не откажешь в способности к аналитическому мышлению. И еще он вдруг обнаружил, что, несмотря на бесцеремонные манеры сирха, общение с ним доставляет ему огромное удовольствие!

Во-первых, это был первый настоящий инопланетянин, с которым Эстерсону довелось говорить в своей жизни. А во-вторых, он чувствовал, что с Качхидом можно общаться открыто на любые темы. Совсем не так ощущал он себя полчаса назад в обществе капитана Мир-Мирое!

— Извини, — сказал Эстерсон. — Впредь буду иметь в виду. И все-таки как ты объяснишь мою ошибку?

— Наверное, ты просто дурак, — без затей ответил Качхид.

— Не обижайтесь на него, Роланд. Снова языковая проблема, — вставила Полина.

— Ты видел меня, когда мне было плохо, когда я заснул сном без сновидений, — пояснил сирх. — Это значит, что мне нужно было спасти себя. И я спасся. Дырка в боку заросла, я встал и пошел дальше.

Полина пояснила:

— У сирхов громадный регенеративный потенциал. Пожалуй, ни у каких других известных позвоночных по всей Галактике такого не сыщешь. Но за скоростную регенерацию организм платит почти полной остановкой нормального, основного метаболизма. Вместо общего метаболизма включается специальный механизм локальной мутации тканей. С точки

зрения человеческой физиологии это нонсенс. Но сирхи перед регенерацией входят в особое психосоматическое состояние, которое отдаленно напоминает целительские трансы некоторых древних народов Земли. В общем, это сложно, — заключила Полина, изобразив смешную гримаску отчаяния.

Однако любопытство Эстерсона было не так-то легко удовлетворить.

— А как тебе удалось пробраться на тот остров, где мы встретились? Ты не боялся огромных чудовищ, которых можно повстречать в океане по пути к острову?

— Боялся. Очень боялся, — легко признал Качхид. — Никого мы так не боимся, как жестоких *дварвов*. Но я, как мудрец и рисовальщик словами, был обязан пройти это испытание!

Сирх энергично вскочил, отбросив недоеденный капустный лист. Он взмахнул руками. Кожистые перепонки-крылья, доселе совсем неприметные, громко хлопнули о спинной гребень. Шерсть на его загривке встала дыбом.

И он продолжал изменившимся голосом, нараспев, под аккомпанемент цветковых всплесков, пробегающих по его лицу:

— Я обрел в себе силу и поплыл. Четыре дня и четыре ночи продолжалась моя борьба с мокрой стихией. Шестеро дварвов окружили меня. Я обратился к Большой Луне, но она не слышала меня. Я обратился к Маленькой Луне, но она отвернулась от меня. Капля качи могла бы спасти меня. Но качи не было! Ни капли! Ни малюсенькой росинки!

— На самом деле — это стихи. Насколько я понимаю их язык, действительно талантливые, — шепнула Полина. — Но, увы, и метр, и цветовая рифма совершенно теряются в переводе.

— Тогда я сказал себе: «Качхид, сейчас тебя раздерут на четыреста сорок четыре кусочка. Луны не помогут тебе. Не жди качи, качи нет. Но Скрытая Кача есть во всем! В мокрой стихии! В легкой стихии! В твердой стихии! В горячей стихии! Но значит — и в тебе! Испей Скрытой Качи из своего сердца! Дварвы да устроятся!» И я нашел в себе Скрытую Качу, и испил ее, а дварвы бежали. Утром пятого дня я вышел на берег... — Качхид неожиданно замолк и, опустив руки, поделился по-человечески здравой мыслью: — Глупо ожидать ваших восторгов.

— Нам было очень интересно, — серьезно сказала Полина.

Эстерсон решил оставить свои впечатления при себе. Но от одного вопроса не удержался:

324 — Ты действительно добирался до острова четыре дня?

— Можно подумать, я дохлая рыба, — с этими словами сирх потешно закудаhtал. Не требовалось комментариев Полины, чтобы понять: Качхид смеется.

— Ты, Роланд, не понимаешь, — продолжал сирх. — Когда художник вроде меня рисует словами, он делает так, чтобы было красиво. Чтобы сердца других сирхов веселились. А что было на самом деле, никто слушать не хочет. Про «на самом деле» и так все знают. А теперь отринем глупую болтовню. Полина, на твоих дисках еще не закончилась музыка?

— Я же говорила, что музыка на дисках обычно не заканчивается. — Полина снисходительно улыбнулась.

— Замечательно! — Сирх энергично вскочил, отбросив недоеденный капустный лист. — Тогда идемте скорее!

ГЛАВА 17

БРАТЕЦ ЛИС И БРАТЕЦ КРОЛИК

Январь, 2622 г.

Северная Военно-Космическая Академия, Новая Земля

Российская Директория

Путем сложнейших математических вычислений, подкрепленных одним блистательным интуитивным озарением, я заключил, что могу безболезненно потратить на зимний отпуск тысячу триста терро.

Много? То-то же.

Дело в том, что двадцать девятого декабря мне позвонила Исса. Поздравить «с вашим праздником Навэход». Разумеется, если бы Исса сказала «Новый год» на фарси, мой переводчик сработал бы правильно. Но мой далекий и обожаемый офицер Исса Гор старательно тщился выговорить название этого лучшего в мире праздника по-русски. Вот и вышел непереводимый «Навэход».

Что было очень мило с ее стороны.

Остальное, увы, не радовало.

Исса сказала, что линкор «Видевдат» в составе какого-то особого отряда отправляется в дальний поход.

«Глубинная разведка. Ты должен знать, что это означает. Больше я тебе сказать не могу».

Что такое глубинная разведка? Смотря в каком смысле. В чисто военном — рейд по стратегическим тылам противника. Но Конкордия ни с кем не воевала, поэтому такой вариант отпадал.

Значит, оставался условно мирный смысл термина: исследование космоса. «Условно» — потому что куда бы ни направлялся линкор, его главный калибр всегда готов распылить любую точку на экранах радаров, которой вздумалось летать не по законам небесной механики.

Итак, мирная глубинная разведка. Линкор, пара фрегатов и три-четыре танкера совершают переход по Х-матрице на пределе дальности маршевых двигателей. Дозаправляются люксогеном с танкеров. И снова — переход. И снова.

Так можно допрыгаться до ядра Галактики. А в ядре Галактики интересно. Там чудеса, там леший бродит, как сказал мой великий тезка — по другому, правда, поводу. И между прочим, в соответствии с «Памяткой о Наотарском конфликте», именно из ядра Галактики произошла раса межзвездных кочевников-джипсов...

Все это быстро увязалось для меня в стройную гипотезу. Хотя Родина и запретила Иссе Гор называть конечный пункт их глубинной разведки, «Видевдат» отправляется искать метрополию джипсов. А после этого Конкордия — возможно, в союзе с Объединенными Нациями — постарается эту метрополию уничтожить. Или по крайней мере блокировать.

— Значит, та девушка, как ее... Риши, да?.. тоже с тобой летит? — спросил я с деланным равнодушием.

— Капитан Риши Ар со мной не летит, — без выражения ответила Исса. — Ее перевели с нашего корабля на другую работу. Но ты, Александр, должен спросить меня о другом.

— Ты права, извини. Когда ты вернешься из глубинной разведки?

— Вот это правильный вопрос, Александр. Наш поход будет смертельно опасен. Опаснее, чем путешествия первых колонизаторов. Поэтому — я, увы, не преувеличиваю — мы можем не увидаться никогда.

— Исса, зачем ты такое говоришь?.. Я желаю тебе... И себе...

— Не желай ничего, Александр. Прощай.

«Сеанс связи прерван вызывающей стороной».

Вот так поговорили... А где же «Я тебя люблю»?

Когда человек при прощании уверяет, что не увидится с вами никогда, это значит, что вы обязательно еще встретитесь. Но — не там и не тогда, где вы планировали до такого вот неожиданного прощания.

Чувствуете? Если прозвучали трескучие слова — «смертельная опасность», «далекий поход», «прощай», «навсегда» — значит, конец всем прежним планам. Но еще не конец отношениям!

А мистическая сила наших брачных документов в Комитете по Делах Личности? Это ли не самый надежный якорь для нас в бурном океане жизни?

Копить деньги — значит строить планы. Но после разговора с Иссой я понял, что планов лучше не строить. А значит, деньги что?..

Вот-вот. Судьба еще сведет нас. Обязательно. Но, затянув пояс потуже, складывать грош к грошу на билеты Мурманск — Хосров, отказывая себе в элементарных радостях жизни... Не слишком ли?

От бесконечной войны искусственного полярного дня с естественной полярной ночью у меня ехала крыша. Все лето я проторчал на Новой Земле. В Хосрове отдохнуть не вышло. Перед зимними экзаменами (сессия начиналась 12 января) мы получили законные рождественские каникулы.

Колю с его летающей дачей я снова послал на три веселых буквы. Благо, обижаться он уже устал.

Третьего января хрупкий курортный вертолет, весь расцвеченный рекламой самого себя, то есть компании «Крымские вертушки», высадил вашего покорного слугу на горе Демерджи. Точнее — на припорошенной снежком лужайке перед приютом «Братец Лис». (Как легко догадаться, в двух километрах, за буковым лесом, впоследствии сыскался и его приют-двойник «Братец Кролик».)

«Приют» звучит по-сиротски, и, отправляясь из Симферополя на Демерджи, я ожидал увидеть двухэтажный барак из посеревших сосновых досок, в котором туристы-экстремалы прячутся от непогоды и поют душераздирающие песни про крепкую мужскую дружбу и «девушку по имени Весна».

На деле «Братец Лис» оказался очень приличной гостиницей, мастерски вписанной в горный ландшафт. В четырех углах здания росли исполинские американские секвойи. Как их удалось здесь укоренить? Не могу знать. Знаю только, что прикладная садово-парковая ботаника может все! Секвойи были самыми настоящими и вот на этих-то четырех секвойях, 327

как на сваях, на высоте в несколько метров над землей, было... подвешено здание гостиницы!

Шутка. Конечно же, здание только казалось подвешенным — отчего я и говорю, что над проектом гостиницы работал мастер своего дела. На самом деле «Братец Лис» покоился на мощных балках, загнанных в горный склон.

Под левой фасадной секвойей сидел лис. Настоящий. В ошейнике, но не на привязи. Вероятно, ручной. И вероятно, тот самый, который «братец».

Стоило мне выйти из вертолета, как лис подбежал ко мне и, глядя на меня невыносимо умными глазами, замахал хвостом.

— Что? — спросил я.

— Представьтесь, пожалуйста, — сказал лис.

О Господи! Я чуть не поседел.

Но не поседел все-таки. Сообразил, что голос доносится из радиоболталки, вмонтированной в его ошейник.

Через дрессированного лиса я поболтал с невидимым администратором и выяснил, что отец ждет меня в номере 319.

Да, в такую глушь меня могла занести только сыновья любовь. Собственно, я брал билеты на флуггер до Симферополя, а не до насыпного космодрома «Массандра» только потому, что полагал застать отца в столице Крыма. Хотел сделать ему сюрприз.

Но автопривратник в квартире отца сообщил, что «Господин Ричард Пушкин изволил уехать» и тут же раскололся, куда именно господина Ричарда Пушкина понесли черти.

«Господин»! Ох уж эта богема... Хорошо хоть не «месяе»...

— Я провожу, — сказал лис и, привычно заматаив хвостом свои следы, побежал к гостинице.

«Странно все-таки, почему в речи администратора первое лицо переносится на эту зверюгу. Точнее было бы «он проводит», — думал я, ступая на выхавшую мне под ноги лестницу. — Или лис все-таки обладает разумом и говорит от своего лица? Но ведь какие бы то ни было эксперименты по акселерации мышления животных запрещены! И создание симбионтов тоже. И вживление нейронных устройств в нервную систему позвоночных запрещено. Ладно бы еще наш брат военный, в бункерах какого-нибудь периметра экспериментировал... Но вот так, у всех на виду! В гражданском учреждении!»

Задать прямой вопрос лису я счел бестактным. В конце концов туристический бизнес — это всегда смесь волшебства

с шарлатанством. Так лучше уж думать, что волшебство.

Отец, как всегда, был неподражаем.

— О, медаль! Пилотка! Форма! Не мерзнешь?! Кокарда с крылышками! Богато! Слушай, а ты в каких войсках-то служишь? Все никак не запомню! Крылышки — это авиация, да?!

— Военно-космические силы, папа.

— Звездолетчик?! Отлично! Леське похвастан! Подумать только, мой сын, мой Сашка — звездолетчик! А медаль за что? За Наотар? Как-то не по-русски!

— Это в Конкордии, папа.

(В сотый раз напоминать отцу, что я не «служу», а учусь, что я не «звездолетчик», а истребитель, что это не «кокарда», а нагрудный знак, который выдают после двухсот часов пилотирования? О нет, увольте.)

— Конкордия? Постой-постой... Конкордия на латыни означает «согласие», верно?

— Да.

— И что это за согласие такое? На какой планете? Что-то новенькое...

На элегантном стеклянном столике стояла початая бутылка коктейбельского портвейна и две немывые чашки. Именно чашки, не бокалы.

В продолжение общения с отцом я сполоснул одну из них, наполнил портвейном до краев и сразу осушил. Чтобы, стало быть, папанина трескотня мне поскорее стала по фигу.

— Этому новенькому уже триста лет с гаком, — вздохнул я, наливая себе вторую дозу горько-сладкого коктейбельского транквилизатора. — Конкордия — огромное государство. С кучей планет, законопослушных собак и красивых девушек.

— Как интересно! Конкордия! Скажите пожалуйста! И девушки, говоришь, красивые? Ха! Ну если название страны латинское, так и говорят там, наверное, на латыни?

Люблю папу за то, что за пределами мира театра и хороших женщин любые прописные истины предстают в его глазах великолепными откровениями, источником фантастических гипотез и уморительно нелепых предположений. Я отпил вина и терпеливо объяснил:

— Страна названа на латыни потому, что это наше, земное название — Конкордия. А на родном конкордианском языке, то есть на фарси, это будет какой-то «кишлак-мангышлак». Ну, условно. Так вот, этот «кишлак-мангышлак» переводится с фарси примерно как «согласие». Но не называть же страну просто Согласие? Вот наши поли-

тики, чтобы удобно всем было, перевели еще раз, на латынь. И получилась Конкордия.

— Ни-че-го не по-нял, — гордо сообщил мой родитель и расхохотался. — О, Сашка, да ты уже весь портвейн вылакал! А родному отцу оставить?!

— Па, ты уже, по-моему, в кондиции.

— Да? Ну ладно. Так о чем бишь мы? Ага! О тебе. Ну и как там? — Он воздел руки к потолку и пошевелил пальцами.

— Где?

— Ну, там. В космосе.

— Довольно холодно.

— Что?.. А; юмор?! Ха-ха-ха! Смешно! Надо будет Леське...

— Кто такая Леська?

— Как, я же говорил!.. А, не тебе.. Да, верно! Тебе еще не успел! Леська — гениальная актриса. Понимаешь, ге-ни-аль-на-я!

— Папа, я понимаю. Но кто она такая? Кроме как актриса?

— Кто такая?.. Хм...

Тут надо понимать, что собой представляет мой отец. Это большой пятидесятилетний мужчина с брюшком простительных для его образа жизни размеров. У него крупные, приятные черты лица и малость неряшливая, но в целом представительная артистическая шевелюра с проседью. Насколько я понимаю жизнь, он принадлежит к тому типу мужчин, о котором говорят, что «он нравится женщинам».

Если моего отца засунуть под контрастный душ, прогнать через сауну и массажиста, одеть в дорогой шерстяной костюм, побрить, причесать и выставить на сцену под свет юпитеров, зал ахнет: «Глядите! Глядите! Какое благородство! Какая стать! Речь! Манеры!»

И вот этот мощный муж, пребывающий в носках, трусах и не застегнутой, мятой рубашке, вдруг пригорюнился, обхватив голову руками, уставился в пол и растерянно повторил:

— Кто такая?..

— Па, это не принципиально, — смилостивился я. — «Гениальная актриса» — мне уже достаточно.

Но он меня не слышал. Он вспоминал.

Вспомнил:

— Леська — моя жена! — ликующе провозвестил отец.

Я покосился на его пальцы. На обеих руках — ничего, даже отдаленно напоминающего обручальное кольцо.

— Поздравляю, — сухо сказал я.

Я давно уже сбился со счета. После развода с моей матерью отец женился раз восемь. А может, и все во-

семнадцать. Каждый раз, когда мы с ним виделись, при нем была новая женщина. Всех их он любил «до беспамятства». Всех называл женами и гениальными актрисами. А потом они исчезали, как миражи в пустыне.

Хотя папана в последнюю очередь был склонен слушать своих собеседников или тем более следить за их реакциями на свою болтовню, в тот раз мой скепсис от него не укрылся.

— Эх, Сашка, ты меня не понимаешь... Поверь: у нас с ней все по-настоящему. Как у людей. И на сцене она — королева. Богиня! Бесценный самородок! Таких одна на миллион, на миллиард! Я люблю ее до беспамятства. И не только как женщину. Как человека!

— И где наш самородок?

— Какой?

— Ну, Леся.

— А, в Ялту махнула. Хочет кисуля моя посмотреть, как из моря звездолеты взлетают. Вдохновения ищет. Ей в образ войти нужно, понимаешь?

(Насчет того, что «из моря», то есть с массандровского насыпного космодрома, взлетают не звездолеты, а флуттеры — да и то редко, — я промолчал. А насчет того, что в Ялте веселая кисуля может искать не только вдохновения, но еще и смазливых котиков, я и подумать боялся. Все-таки неприятно это: полагать, что вот прямо сейчас у твоего родного отца отрастает очередная пара ветвистых рогов.)

— В образ, понимаю. А что за образ?

— Анна Каренина! А?! Каково?! Богато?!

— Богато. Так может, ей лучше пойти на монорельсе полежать? Для образа?

— Ха-ха-ха. Хе-хе-хе. Хо-хо-хо. Уморил. Нет, Сашка, сразу видно: не театрал ты! Кухни нашей не знаешь! Вот ты мне скажи: что такое, по-твоему, Анна Каренина?

— Женщина. Несчастная. Убитая любовью.

— Это ясно. А в смысле образа?

— Образ трагический.

— Опять не то! Мимо! — ликующе вскричал папа и возбужденно потер руки. — Эх, звездолетчик ты мой! Сынуля дорогой! Что за лепет?! Ясное дело, в ваших университетах этому не учат! Да и мои коллеги!.. Не понимают!.. Бездари! Так вот: Каренина — это энергия! Персонифицированная энергия либидозного пресуществления. А? Трактовачка?!

— Чудесно.

— Стало быть, ключом к образу является что? Энергия! Полет! Напор! Грохот космодрома! А потом — все! Стоп-кадр! Обрыв! Силенцио! Дальше — тишина! Нирвана! Хлоп — и пресуществилась! В нечто высшее! Целестиальное! Чувствуешь?! «Бытие и ничто» читал? Помнишь?!

— Такое не забудешь.

— То-то же! Вот она, сцена: Леська и рельсы. Она — в короткой юбке и кожаной жакетке, как тогда было модно. Ножки, грудь, сапожки, все дела — залюбуешься! И рельсы — страшные, блестящие! — из-за кулис да прямо в зрительный зал! Контраст: холодный металл и она... Живая, горячая, чувственная, ах!.. И вот Каренина, по-твоему, что? Скажи — лежит на рельсах? Лежит, да?

— Ну, по логике... По Толстому, опять же...

— Мимо! Мимо, сынуля! Накось выкуси! Лежит, ха! Да никогда! Каренина танцует и поет! Гимн энергии! Ритуал перехода! Это короночка! Песня Сольвейг! Ну, почти. Без двух минут Верди, честно. А слова — прямиком от Варганова! Представляешь? Сам Варганов писал!

Варганов — это имя. Без скидок. Варганов — это «Московские коты» и «Девушка по имени Весна», это «Царь Мочило» и «Китежград». Первоклассные текстовки для супермюзиклов, известных далеко за пределами Российской Директории. В Северной Америке, говорят, экзальтированная молодежь на «Царе Мочило» разносила вдребезги целые оперные стадионы. Англосаксы, конечно, варвары... Но факт показательный.

Правда, широкой публике известны в основном имена Роя Стеклова — композитора, и Бубы Джамджидзе — режиссера-постановщика. Константина Варганова, автора текстов, редко когда упоминают широковещательно. Я-то, как причастный к новостям этого цеха через папаню, за такими вещами краем глаза слежу. А публике, по-моему, все едино: что Варганов, что Перси Биши Шелли, что Дед Мороз и его отморозки.

А вот интересно, что заставило Варганова взяться за перо ради какой-то региональной постановки в Симферопольском театре музыкальной комедии?

— А, папа? Какой Варганову интерес? Ты извини, но я не поверю, что вам хватило денег ему на гонорар.

— О! Растешь, растешь! Вопрос верный! По драматургии, так сказать, верный! А по сценике — извини! По сценике вопрос никуда не годится!

— То есть?

— То есть не все дело в деньгах! Есть еще волшебная сила слова! Искусства! Мы с Леськой рванули в Москву! Она спела! Станцевала! Я Варганову все объяснил! Показал наброски! Он увидел потенциал! Он согласился! Поработать на перспективу! Мы поедem с «Карениной» в Москву! Понимаешь, Сашка?! В Москву!

— Здорово, па. Тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить, — сказал я, прикидывая, какую роль на самом деле могла сыграть пресловутая Лесья в деле увещевания Варганова. И что за танцы она танцевала в его апартаментах на Таганке, пока мой восторженный отец валялся пьяным в гостиничном номере где-нибудь в Филях.

— Да куда там сглазить! Все на мази! А потом на сцену вылетит поезд! Паровоз! Представляешь? Настоящий! Прямо по рельсам! По Леське! Зал вскрикнет! Завопит! И тут! Оно! Пресуществление! Вместо кровавых кишок в зал полетят цветы! Каренина взорвется розами и лилиями! Ловишь метафору?! А?!

О-о-о, полцарства за портвейн...

Но, конечно, я приехал в Крым отдыхать, а не коллекционировать пустые бутылки.

Выпив с отцом приличествующее случаю, следующим утром (был вторник) я уже стоял на вершине Ай-Петри. Передо мной простиралась шикарная горнолыжная трасса «Ай-Петри — Соколиное». На ногах у меня были лыжи, в голове — ветер, впереди — двадцать километров затяжного спуска.

В среду я баловался дайвингом в искусственно подогреваемой Балаклавской бухте.

В четверг отбивался от ялтинских проституток под табличкой «Памятник архитектуры» на ветхом фасаде знаменитейшей «Ореанды». Проститутки клялись-божились, что все они, как одна — четырнадцатилетние девственницы из профессорских семей. Морды у них были и впрямь интеллигентные, но я не соблазнился.

В пятницу я ходил из Фороса на зафрахтованной яхте в Судак. В субботу возвращался из Судака.

Субботним вечером, восьмого января, я решил еще раз вернуться к своему папане в приют на Демерджи. Когда я прощался с ним во вторник утром, он уверял меня, что останется в «Братце Лисе» еще минимум на неделю.

Поэтому я решил поздравить его с минувшим Рождеством, а с утра в воскресенье погулять по горам.

Снега на Демерджи навалило порядочно. Местами — по пояс. Перед приютом успели расчистить только вертолетную площадку и тропинку к главному входу. Снег сказочно сверкал в свете фонарей с голубыми фильтрами, развешенных на секвойях. Вертолетная площадка была обозначена огромным красным крестом из люминофорной пленки.

Когда я вышел из аэротакси компании «Крымские вертушки», мои часы показывали восемь часов тридцать девять минут по Москве. Привычка военного человека: сорок — пятьдесят раз в день смотреть на часы. Хорошая тренировка чувства времени.

Для тех, кто забыл: московское время отстает от универсального на триста обычных минут. Соответственно во втором окошке моих часов я видел: «01:38, 09.01.22». В Крыму был еще вечер восьмого, а в космосе уже царила ночь девятого.

Вертолет за моей спиной степенно поднялся в воздух и отправился дальше, в Алушту.

Поскрипывая свежим снегом, я пошел к приюту. Ожидал, что мне навстречу выбежит дрессированный лис, но его что-то нигде не было видно.

Издалека донесся громкий, гулкий хлопок. То ли пассажирский флутгер где-то над Ангарским перевалом перешел звуковой барьер, то ли...

Одним махом погасли все фонари на секвойях.

И все окна приюта.

Я вдруг обнаружил, что вокруг меня не видно ни зги.

«Что за фигня?» — подумал я.

Я остановился. Сбросил с плеча сумку. Закурил. И начал ждать, когда снова появится свет. Идти наобум, сбиваясь с дороги, увязая в сугробах вокруг тропинки и нагребая полные ботинки снега, мне совершенно не хотелось.

Небо было густо затянуто тучами. Огни Алушты, Большой Ялты, Севастополя и Симферополя, как мне казалось, должны были бы окрасить тучи розовым и хотя бы немного рассеять тьму своим отраженным, пусть и тысячекратно ослабленным светом.

Но увы. Ни малейшего намека на этот эффект, который раньше мне доводилось наблюдать неоднократно. То ли под Демерджи лежал еще один облачный слой, то ли крымские города были затянуты туманом... (Предположить, что электричество исчезло *во всем Крыму* я в тот момент, конечно же, не мог.)

Единственным источником света оставалась люминофорная пленка на вертолетной площадке. Но, увы, она освещала

Из приюта не доносилось ни звука. Это неудивительно, если вспомнить звукоизолирующие качества современных стройматериалов и стеклопакетов. Но в тот момент это абсолютное безмолвие показалось мне зловещим.

«Расслабься, Пушкин, — сказал я себе. — Версия первая: пьяный идиот и рубильник. Версия вторая: трезвый шутник и все тот же рубильник. Версия третья: какая-нибудь зверушка и... снова же рубильник! Может, дрессированный лис шалит? Ну ничего, сейчас кто-то из персонала доберется впотьмах до распределительного щитка — и все будет в норме!»

Других версий не было. Ведь известно, что такие ужасы, как «авария на подстанции», «обрыв проводов», «короткое замыкание», «сгоревшие пробки», отошли в область преданий лет четырехста назад. Гражданская энергетика надежна, как Солнце! Может, разве где-нибудь в Нью-Йорке или Детройте? Нет, даже там это совершенно невероятно...

Сигарета догорела, я начал мерзнуть, но фонари не загорались. Вдалеке снова бабахнуло. Горы сильно искажали звук, но мне показалось, что на этот раз флутгер перешел звуковой барьер в стороне Севастополя.

Разлетались, мать их за ногу...

Итак, света не было. Глаза мои хоть и привыкли к темноте, но ничего, кроме едва приметных силуэтов секвой разглядеть по-прежнему не удавалось. Между тем стоять посреди заснеженной поляны до утра я не собирался.

В карманах моего модного (и поэтому, увы, очень короткого) пальто не сыскалось ничего, похожего на бумагу или целлофановый кулечек. Тогда я принялся на ощупь изучать содержимое сумки и вскоре обнаружил искомое: «Памятку о Наотарском конфликте».

Мы с Колей, как участники боев, получили эти брошюрки после возвращения из Хосрова. Он свою прочел от корки до корки сразу же, я успел промусолить только несколько страниц. Думал, на каникулах ознакомлюсь — на самом деле там было что почитать. Ученые времени даром не теряли, все анализировали: останки джипсов, результаты видеосъемки, тысячи проб грунта, воды, воздуха и астероидных обломков. И выдали для армии итоговый документ: кто такие джипсы, откуда взялись и как с ними бороться.

О чем только в «Памятке» не писали! О том, что джипсы в их современном виде являются результатом длиннейшей эволюционной драмы, которая длилась, возможно, десятки миллионов лет. Особые условия планеты, занесенной

в недра шарового звездного скопления, давным-давно заставили их цивилизацию озаботиться управляемой генно-имплантационной перестройкой организма... Решение проблем защиты от жесткого излучения... От экстремальных температур... Войны с неведомыми нам, но явно очень агрессивными соседями... Не исключено — гражданские войны... Имплантация боевых устройств... Живые ткани-антигравитаторы...

Коля от этих звонких фраз, опрокидывающих всю научную картину мира, приходил в ликование. Я — терял аппетит. Потому так ни разу в Крыму «Памятку» и не открыл.

И вот теперь я держал ее в руках.

Это документ секретный. Но не очень. Показывать его гражданским нельзя, но и хранить в спецбиблиотеке не обязательно.

А вот уничтожить «Памятку» можно. После прочтения. Но, похоже, придется мне приступить к уничтожению секретных бумаг незамедлительно.

«Будто бы война началась», — ухмыльнулся я. Знал бы я тогда!..

Я выдрал несколько первых страниц (потом оказалось, что последних, — в темноте не очень-то разберешь) и скрутил из них жгут. Щелчок зажигалки — и свет моего жалкого факела выхватил из темноты ближайшие метры дорожки...

Трижды останавливаясь, чтобы сделать новый факел, я все-таки добрался до приюта.

И только после этого, ха-ха, вспомнил, ха-ха, что по вине талантливого архитектора, мастерством которого я восхищался в понедельник, у этой растреклятой домины отсутствует человеческая дверь! А есть только механизированная лестница-трансформер, которая вместе с крыльцом выезжает навстречу гостю! Но ведь вся эта идиотская роскошь тоже хочет электричества! А его все нет!

Да что у них там, в самом деле, с рубильником?! Мыши съели?!

Я уже совсем замерз. И мне стало до жути не смешно.

Я начал орать.

Услышан я не был. Звукоизоляция, товарищи, тепло- и звукоизоляция...

Но когда я уже намеревался начать обстрел окон гостиницы снежками, а лучше — увесистыми ледышками, где-то справа от меня под, так сказать, днищем приюта, распахнулся люк аварийного пожарного выхода.

На снег лег прямоугольник долгожданного... да-да, света!

Правда, слабенького какого-то, синюшного
Из люка вниз опустилась обычная лесенка, с перекладинами.
Наверху лесенки показались сапоги.
Ура!
Люди!
Спасен!

К полночи, то есть спустя три часа, все обитатели «Братца Лиса» смирились с тем, что ни электричества, ни связи не будет по меньшей мере до утра. Из отсутствия электричества вытекала не только банальная темнота, но также холод и голод. Вряд ли нужно напоминать, что электричество питает отопительные радиаторы, кухонные плиты, кофемолки, кофеварки, соковыжималки, чайники и т.д.

Впрочем, некоторые задумались над этим первый раз в жизни. Например, один харьковский книготорговец полагал, что отопление в гостинице — «термоядерное». Старший менеджер объяснил ему, что это Казантипская энергостанция — термоядерная, а вырабатывает она обычное электричество, которое раздает по проводам и СВЧ-каналам на пол-Крыма.

— А электричество — это разве не поток разогретых атомных ядер? — спросил книготорговец у менеджера с видом победителя.

Но этот болван хоть знал слова «электричество» и «термоядерный». А вот его жена почему-то все относил на счет... озона! О том, что озон — это газ из трехатомных молекул кислорода, она, конечно же, не подозревала. Зато озон в ее воспаленном воображении тек по проводам и наполнял все светильники мира. При этом он таинственным образом разогревался и, стало быть, светился.

И ладно бы она так считала! Мало ли на Земле гражданских, которые путают флутгеры со звездолетами, чоругов считают вымершим африканским племенем, а Конкордию — пригородом Мадрида?!

Но что вытворила жена почтенного коммерсанта, когда в их номере погас свет! Посчитав, что «озон охладился», она первым делом достала зажигалку и поднесла ее к настенной лампе! И не успокоилась, пока не начался пожар, который ей посчастливилось героически одолеть при помощи подушки и бутылки газированной воды.

И все такое прочее.

В центральном холле «Братца Лиса», к счастью, имелся настоящий камин. Который можно было топить настоя-

щими дровами. Сказалась специфика заведения — все-таки горный приют, а не какая-нибудь пафосная гостиница «Москва», в которой даже мебели нормальной нет — вся сплошь летающая.

Правда, настоящие дрова (от фирмы «Крымдрова» — хотите верьте, х* гите нет) в приюте сожгли во имя романтики еще на новогодней вечеринке.

Тот добрый человек, который сбросил перед моим носом лестницу через пожарный люк, как раз и собирался в поход за дровами. Над ним в ту минуту все смеялись, но ему, самому осведомленному, было уже не до смеха.

Звали доброго человека Роман и работал он врачом «скорой помощи». Фамилию-отчество он при нашем знакомстве называть не стал, хотя и был по меньшей мере вдвое старше меня.

Роман хоть и был гражданским, но флутгер от звездолета отличал и за мировыми новостями следил. А потому он был единственным постояльцем приюта, который прихватил с собой в отпуск портативный визор. Визор питался как от сети, так и автономно, от аккумуляторов.

Правда, в горах он ловил картинку с наземного ретранслятора посредственно, а спутники брал не все и не всегда. И все-таки визор был хоть и маленьким, но полноценным окном в большой мир.

Так вот, когда пропал свет, а экспедиция к распределительному щитку показала, что все рубильники стоят в положении «Вкл.», Роман сразу заподозрил, что дело нечисто. Он вернулся к себе в номер и, пока все паниковали, включил визор.

На месте всех местных каналов зияла первозданная синева. Что вызывало резонный вопрос: а работает ли вообще ай-петринский ретранслятор?

Тогда Роман начал искать инфоспутники и после нескольких бесплодных попыток ему удалось нащупать сочинскую редакцию круглосуточного канала «Новье».

За восемь минут прямого эфира он узнал, что:

- по Кавказу объявлена космическая тревога;
- на космодроме в Керчи по невыясненным причинам разбился пассажирский флутгер и начался большой пожар;
- с кубанских баз произведен массовый взлет истребителей-перехватчиков;
- в Крыму произошла большая авария в энергосетях; по одной версии, землетрясением (?) разрушены силовые подстанции, по другой — перегрелись (!) казантипские реакторы;
- в районе Пятигорска сошел с направляющей (!) и

338 улетел в пропасть поезд-монорельс.

Но самым мрачным был не этот необъяснимый обвал катастроф и нелепых версий. А то, что через восемь минут трансляция была прервана весьма оригинальным образом.

На экране визора промелькнула заставка и вместо логотипа «Новые» в углу появились массивные рубленые буквы государственного канала «Первый».

Человек в военной форме, подсматривая в бумажку, сообщил примерно следующее: «Товарищи! Совет Директоров России просит вас сохранять спокойствие. Если вы в настоящее время находитесь в движущихся транспортных средствах, настоятельно рекомендуем вам немедленно остановиться. Аэротакси и другие легкие летательные аппараты должны совершить посадку — по возможности, за пределами населенных пунктов. Рекомендуем населению временно воздержаться от употребления воды из коммунальной сети. Всех военнослужащих, находящихся в отпуске или увольнении, просим немедленно явиться в распоряжение органов военной администрации. Военнообязанным мобилизационного резерва рекомендуем не покидать мест постоянного жительства. Ни в коем случае не выключайте визоры, вифоны, телефоны, средства мобильной связи...»

— Ирония судьбы в том, — грустно улыбнулся Роман, — что при этих словах картинка исчезла. И сколько я ни пытался, других каналов поймать не удалось. Я хотел позвонить по мобильнику домой, но сигнала не было. Думаю, пропал примерно в то же время, что и электричество.

Мы с Романом стояли на опушке букового леса по колено в снегу. В руках мы держали большие охапки обледеневших сучьев. Увы, лучших дров нам не попало, а ничего похожего на электротопор персонал «Братца Лиса» предоставить Роману не смог.

О том, что мои ноги промокли насквозь, что немеют нос и уши я давно уж позабыл. Я думал только о двух вещах. Раз нужно топливо — значит, его надо раздобыть, и если другие постоянцы этого не понимают, то я просто обязан Роману помогать. И второе: как выбраться с этой чертовой Демерджи?

Ведь приказ есть приказ. Раз я военнослужащий, значит, место мое — в ближайшей комендатуре! Где она, кстати? В Алуште вот, например, есть?

— В общем, Саша, если хочешь знать мое мнение, в России произошел военный переворот. А может, и в других директориях тоже, — таким оригинальным предположением увенчал Роман свой рассказ.

— Военные перевороты так не делаются, — возразил я. — Зачем ронять флуггеры с пассажирами и взрывать монорельс? Зачем портить связь и энергоснабжение? Наоборот: все гражданские информканалы должны работать безукоризненно! Достаточно бросить на Дворец Директоров батальон мобильной пехоты и сообщить по всем каналам, что отныне у нас правят не пятеро королей экономики, а один-единственный наполеончик.

— А предлог? Сам посуди: под каким предлогом ты проведешь наверх своего наполеончика? Из истории мы знаем, что таким предлогом с конца двадцатого века всегда были вездесущие террористы. Придумай террористическую организацию. От ее имени проводи несколько громких диверсий. И население любой директории, любой планеты само поднесет тебе скипетр и державу!

— Вы думаете... вы хотите сказать... что диверсии произведены нашей собственной армией?!

— Не исключаю. А завтра-послезавтра военные найдут «виновных». Какой-нибудь «Фронт возвращения Аляски» или «Белую Армию Крыма». Как ты сам понимаешь, конкретное название фиктивной организации роли не играет.

— По-вашему, наша российская армия на такое способна?!

— Ну, не обижайся. Я видел тебя мельком вечером в понедельник. Ты был в форме. Но я же не хочу сказать, что ты — участник заговора.

— Да что вы знаете про армию?! Вы хоть одного офицера близко видели?!

— Я — капитан медслужбы. В отставке. Служил на Люции. Так что, Саша, офицеров я видел близко. Так близко, как не дай Бог тебе увидеть. Не только снаружи, но и изнутри. Когда отравленные иглы тамошних стрелохвостов из их селезенки выковыривал. Да и меня самого из-за этих проклятых стрелохвостов комиссовали.

— Извините, товарищ капитан в отставке. Но в вашу теорию о военном перевороте я не верю.

— Да какой я тебе «товарищ капитан»! Я же сказал: Роман. Можно на «ты»... Но если это не переворот, то какая твоя версия?

— Мобилизация под предлогом нападения неведомого врага. Стратегическое развертывание под видом паники. То есть я вообще не верю, что были настоящие диверсии. Я думаю, это грандиозный спектакль. Симуляция.

— Уууу-у, какое мышление... Далеко пойдешь... А зачем нужно сейчас стратегическое развертывание? С кем воевать будем?

— Этого я вам... тебе... сказать не могу.

— Ну намекни хоть: с чужаками?

— Ясное дело, с чужаками. Зачем же со своими воевать?

Вот под такой разговор мы и притащили свою ношу в приют, под конец условившись выдать остальным минимум информации. А именно: по визору Роман видел сообщение о том, что на Казантипской энергостанции приключились какие-то безобидные неполадки, из-за которых пришлось ее временно останавливать. А потом у визора сели аккумуляторы.

Посреди ночи я ничего предпринимать не собирался. Узнал только, что мой отец покинул приют два дня назад. И что дамы, с которой он приезжал, во время его отъезда с ним не было.

Я обсушился у камина. Съел кусок полусырой говядины, кое-как зажаренной на угольях. И, наслушавшись бредовой трепотни гражданских, отправился спать.

Утро я начал со скандала.

— Вот мое удостоверение! Вот моя боевая медаль! Лыжи и лыжные ботинки — я больше ничего не прошу! Я готов заплатить, в конце концов!

Хозяин гостиницы оставался непреклонен:

— Я повторяю: у нас нет лыж. А тем более — ботинок.

— И радиостанции у вас нет?

— Только терминал СВЧ-стандарта. Но он, увы, все еще не заработал.

— Но как же у вас может не быть лыж?! На чем вы тут всю зиму ходите?!

— Мы не ходим. Мы вызываем аэротакси. Через СВЧ-терминал.

— А ваши постояльцы?! Разве они не ходят на лыжах?!

Хозяин не выдержал:

— Молодой человек! Не знаю, как где, но в мой приют люди приезжают не за тем, чтобы таскать свою задницу по горам! Здесь трахаются! Ясно вам?! Трахаются!

— А что, на лыжах — тоже романтично... — сдался я. — Извините мою резкость, но мне нужно срочно попасть в Алушту. Что вы мне посоветуете?

— Умнее всего — дожидаться включения электричества и вызвать аэротакси. Но если вам так уж не терпит-

ся, попробуйте сходить к «Братцу Кролику». У Эллы, это хозяйка, кажется, были лыжи. А может, санки.

Роман со мной идти наотрез отказался. «Ты военнослужащий — вот и топай, — сказал он. — А мне тут нравится. Темнота — друг не только молодежи. У меня тут кое-что с одной женщиной вроде склеилось. Так что — до свидания и удачи!»

«Удачи и тебе», — сказал я и пошел через заснеженный буковый лес в соседний приют, размышляя над тем, что профилирующее направление сервиса в приюте «Братец Лис» было указано его хозяином удивительно точно. Один я, как всегда, романтик. И от проституток отказался, и в Балаклаве всех симпатичных студентов проморгал...

Вот и «Братец Кролик». Почти точная копия «Лиса», только нормальные ступеньки с нормальной лестницей там все-таки сыскались.

Ожидаемого кролика с ошейником у входа не оказалось. (Наш лис, кстати, тоже за ночь так и не объявился.)

Я открыл незапертую дверь и нос к носу столкнулся с заплаканной женщиной в енотовой шубе. Что-то подсказало мне, что передо мной хозяйка гостиницы, Элла.

— Вы его... не видели? — дрожащим голосом спросила она.

— Кого?

— Лапочку мою... беленькую...

— Кролика? — догадался я. — В ошейнике?

— Видели?! — встрепелась она.

— Увы, нет. Просто предположил.

— Как же вы могли... предположить? — Элла высморкалась. — Если... не видели?

— Я из соседнего приюта. Там был лис. Тоже в ошейнике.

— Ах, ну да...

— А давно он исчез?

— Со вчерашнего вечера нет... Ума не приложу, как это возможно?! Я звала его по радио... он не отвечал... А потом исчез этот дурацкий свет...

«Вот чертовщина... Лис... Кролик... — что-то эти зверушки мне совсем перестали нравиться. — Нет зверушек... Нет света... Нет связи... А что, если?..»

У меня возникла идея. Совершенно безумная. Настолько безумная, что могла оказаться правдой.

— Скажите... — Я сделал паузу, соображая, как бы деликатнее спросить. — А вот ваш кролик... Он ведь был говорящий?

— Конечно!

— То есть дрессированный и говорящий? У него был свой речевой синтезатор, да?

— Да! Да! Да какая вам разница?!.. Пропал мой беленький. — Элла готовилась разреваться с новой силой.

— Спокойно. Спокойно. Перед вами — представитель вооруженных сил. Вы, наверное, еще не знаете, что в стране объявлена мобилизация?

— Что?

— Мобилизация. А это значит: угрожаемый период. А это, в свою очередь, значит, что все гражданские лица должны военным всемерно содействовать. Например, спокойно и внятно отвечать на их вопросы. Ясно?!

Глаза у меня, наверное, были недобрые. Что и подействовало на Эллу отрезвляюще.

— Ясно... товарищ.

— Отлично. В таком случае вопрос: лыжи есть?

— Д-да.

— Лыжные ботинки?

— Да.

— Откуда взялся ваш кролик? Где и когда вы его купили?

— Год назад. У одной фирмы.

— У какой?

— Да есть в Симферополе одна... «Инофауна»... Торговала всякими импортными диковинами для нашего бизнеса...

— Импортными?

— Ну, инопланетными. Чучела экзотических рыб, террариумные зверюги, растения с других планет... Лицензия у них была! Вы не подумайте! Все — после карантина и контроля! Дорогущее — жуть!

— Кролик — инопланетный?

— Д-да. То есть он — обычный кролик. Но — акселерированный и с имплантом...

«Акселерированный. С имплантатом», — мысленно поправил я Эллу, но перебивать не стал.

— Их привезли с какой-то планеты... И лисичек... И оленей... Потешных таких... Привезли их... Сейчас вспомню... С планеты... Асура?

— Ардвисура?

— Точно!

«Ардвисура! — Я чуть не упал. — Клонская планета! Клонский кролик!.. Да-а-а, не за курорты ордена дают!..

И не одни только курорты у них там, на Ардвисуре!.. Но неужели же... Не-у-же-ли?!»

— И много их купили?

— А вы бы говорящую зверушку не купили? Дорогие они были — жуть! Но многие хозяева гостиниц, ночных клубов, ресторанов раскошелились. Это же самый писк! Мы с соседом даже вывески под своих зверей сменили. Раньше мой приют назывался «У Эллы», а его — «Горный рай».

— Спасибо за сотрудничество, Элла. А теперь слушайте. Я беру у вас лыжи и лыжные ботинки. Оставляю вам в залог двести терро, хотя мог бы этого и не делать. И даю два совета. Первый: поскольку электричества еще долго не будет, рекомендую вам и вашим постояльцам сходить за дровами. Второй: если появится ваш братец кролик, или братец лис, или какой-нибудь олененок, медвежонок, кабанчик в ошейнике, — пристрелите его! Я знаю — у хозяев гостиниц обычно есть хотя бы пистолет. Немедленно пускайте его в ход!..

— Но почему?!..

— Элла, вы мне не поверите. Но вы должны верить. Эти зверушки могут взорвать ваш приют к чертовой матери. Вместе с вами.

— Как?!

— Вы не поймете. Слушайте окончание моего второго совета. Убитого зверька постарайтесь сохранить. Главное — сохраните ошейник. И при первой же встрече с военными отдайте им со словами: «Проведите экспертизу ошейника на наличие скрытого контура управления». Вы запомните или вам написать?

Выборочная память. Выборочное зрение. Мы видим то, что хотим видеть. А то, что кажется маловажным, скучным, бессмысленным, проваливается на дно памяти.

Кажется, оттуда уже нет возврата? Ничего подобного. Событие-детонатор может взорвать лед на озере отложенных воспоминаний. И порою оттуда лезет такое...

Когда я вылетал из Мурманска в Симферополь, команда смуглолицых спортсменов стояла в очереди на минский рейс. Клоны направлялись на чемпионат Российской Директории по хоккею. Правда странно? Чемпионат — российский, а на него спортсмены аж из Конкордии прилетели. Зачем? Визит дружбы? Товарищеский матч с победителями турнира?

Или вот, когда я был в Ялте, по набережной мимо меня прошла парочка средних лет, тихонько переговариваясь

344 на фарси. Судя по лицам — типичные демы из Хосрова.

Интересно, на каких работах хосровские демы зарабатывают себе на отдых в Крыму? На материализации Абсолютной Чистоты?

Вспомнился лимузин с дипломатическими номерами, виденный мною в Судакe. Из него вышла умопомрачительно стройная, высокая женщина с плоским чемоданчиком. Из-под ее пальто выглядывало длинное, до самых щиколоток платье. Такие ни с чем не спутаешь. Такие носят только заотары. Что было у нее в чемоданчике? Смена белья и косметичка? Походно-полевой алтарь огня? Или?..

Наконец, «встаньки» из нашей Академии! Что учудили-то, а?

На лето они, как и я, остались в Академии. Только я пахал в космопорту, а клоны продолжали зубрежку.

В октябре все клонские кадеты с четвертого курса добились, чтобы у них приняли зимнюю сессию экстерном. И успешно сдали все экзамены!

А в конце декабря они столь же успешно и тоже экстерном сдали летнюю сессию — в счет еще не наступившего тогда 2622 года! И когда я покупал билеты в Симферополь, эти ребята уже получили дипломы об окончании СВКА, собрали пожитки и отбыли на Вэртрагну, принимать в своем военном ведомстве офицерские патенты!

К чему такая спешка? Я понимаю: усердие, любовь к знаниям... Узнай сегодня больше, чем знал вчера! И все-таки не прямой ли приказ Родины стоял за клонским рвением?

Зверушки эти проклятые, переделанные клонскими биотехниками на Ардвисуре... Ведь надо же было, черт побери, запретить их производство в Объединенных Нациях, но оставить в законах лазейки для импорта этой дряни из Конкордии!

— Да поймите же, кадет, здесь у меня не Генеральный штаб! Повторяю: мы знаем не больше вашего! Совет Директоров еще не дал официальной оценки происходящему! Никаких приказов, кроме тех, которые содержатся в Желтом Пакете, мы не получили!

Глаза у капитана Лемзенко, заместителя начальника алуштинского мобпункта, были красные. И сам он был красный, как вареный рак.

— Товарищ капитан! Но это же просто! Поделитесь моими соображениями с начальством! Откуда мы знаем, сколько еще диверсий запланировано?! Может быть, многие из них удастся предотвратить!

— Не сейте панику, кадет! Кстати, покажите-ка еще раз документы. Как, вы говорите, попали на наш мобилизационный пункт?

На мобилизационный пункт я попал вот как.

За шесть часов я добрался от «Братца Кролика» до трассы Алушта — Симферополь. Снял лыжи с ботинками, оставил их в сугробе у обочины. Потом я обул кроссовки и трусцой направился вниз, в Алушту.

На дороге было пустынно. Один раз у меня проверил документы усиленный патруль МИТРАНа — милиции транспортного надзора. Удивительно, но старший сержант, начальник патруля, не смог сообщить мне никаких новостей.

Да, по сетям военной связи объявлены угрожаемый период, чрезвычайное положение и мобилизация. Да, были взрывы — на космодромах, подстанциях, ретрансляторах, водоопреснительных узлах. Нет, гражданская связь в Крыму не восстановлена. Нет, виновники не названы. Нет, во всех визорах пустые синие экраны. Нет, подвезти не можем, не имеем права оставить вверенный участок. Подождите пять часов, придет смена и тогда...

Я потопал по дороге вниз. В Крыму в январе вечерет очень рано. Однако быстро наступающая темнота не помешала мне разглядеть две огромные шапки дыма: на востоке и на западе. Судя по всему, над Керчью и над Массандрой.

Наконец меня догнала колонна громадных пожарных машин с белой трафаретной надписью «Херсон-Пассажирский». Их послали сюда, за тридевять земель, с херсонского космодрома тушить пожары в Массандре. Кроме этого, несколько цистерн везли пресную воду, доставка которой прекратилась по всему южному берегу Крыма.

Увидев на мне военную форму, пожарники милостиво остановились и подбросили меня до Алушты. От них я тоже не узнал ничего путного.

В Алуште было темно и так же безлюдно, как на трассе. Все сидели по домам и гостиницам, подчиняясь приказу о чрезвычайном положении. Улицы патрулировались МИТРА-Ном и какими-то солдатами-перестарками. У милиционеров было табельное оружие, солдаты довольствовались охотничьими ружьями и железными прутьями.

Полноценной комендатуры в Алуште не было — только моб-пункт. У патрулей я выпросил его адрес и вскоре предстал пред красны очи Лемзенко.

— Товарищ капитан, как вы не понимаете? Это же война!

— Это не война, а угрожаемый период, — отрезал капитан. — Была бы война — нам уже объявили бы!

— Хорошо. — Я вздохнул. — Пусть будет угрожаемый период. В вашем Желтом Пакете написано, что делать в

этом случае бедному сироте из Северной Военно-Космической Академии?

— Ирония неуместна. Вы должны немедленно отправиться в расположение вашей части. В данном случае — в Академию. А я должен оказать вам всемерное содействие.

— Очень хорошо. В таком случае — оказывайте, товарищ капитан!

— Вы видели толпу солдат и офицеров во дворе? Все такие же, как вы, отпускники. Думаете, им не хочется в свои части?..

Тут в его кабинет без стука влетел какой-то майор. Видимо, начальник мобпункта.

— Ваня, только что, из Москвы... Открывай Красный Пакет... Война!

В неприкосновенных контейнерах дипломатической почты...

В тайниках коммерческих транспортов...

В секретных отделениях люксогеновых цистерн...

В карманах и багаже, в виде безобидных авторучек, зажигалок и брелоков...

Клоны провозили на Землю диверсионное оружие. Оружие террора и хаоса.

Спортивные делегации и туристы, оркестры народных инструментов и самодеятельные хоры, дипломаты и стажеры, проклятушие лисы и кролики (зоозомби, как их впоследствии назвали) — все они были солдатами первого удара, которые девятого января, в один час тридцать минут по универсальному времени, начали по всей Земле операцию «Затмение» — часть стратегического плана «Исфандияр».

Причем — горжусь Россией! — именно наша Директория была сочтена самой мощной и опасной. А потому время начала операции было подобрано так, чтобы «Затмение» у нас, во-первых, совпало с крупным религиозным праздником, и, во-вторых, началось с наступлением темноты. Что, конечно, гарантировало и успех большинства диверсий, и многократное усиление психологического эффекта.

Страна была шокирована происшедшим. После официального объявления войны и обращения Совета Директоров к народу России шок только усилился.

Поэтому путешествие из Алушты на Новую Землю, которое раньше можно было совершить часа за полтора, заняло у меня двое суток.

В ночь на девятое отлично подготовленные клонские пилоты (поднявшиеся на борт, разумеется, инкогнито —

в том числе и с паспортами граждан Объединенных Наций!) захватили множество пассажирских флуттеров и направили их на различные цели. В Крыму атаками камикадзе был уничтожен Симферопольский медиацентр (вместе с кучей ретрансляторов) и сильно повреждены два космодрома.

Опасаясь дальнейшего применения этой тактики, спешно учрежденный Совет Оборона отменил одним махом все пассажирские рейсы в России. Ждать, когда пассажирские флуттеры вновь взлетят и начнут по мобплану бесплатно возить военных, я не мог.

Поэтому сначала я в компании трех танкистов, одного зенитчика и двух пехотных сержантов на борту мобилизованного аэротакси добрался до Симферополя.

Пролетая над Ангарским перевалом, мы наблюдали очередную невеселую картину: дорога была перегорожена поваленными деревьями, перед которыми горели две милицейские машины.

Как я потом узнал, та часть клонской агентуры, которая не погибла во время ночных диверсий девятого, разбежалась по горам и продолжала партизанскую войну на нашей же территории! Конечно, за ближайшие две недели их всех перестреляли (в плен почти никто не сдался), но шуму они наделали много.

Главное, их дерзкие налеты словно бы говорили землянам: глядите, даже ваша центральная планета погружается в хаос. А теперь представьте, что же творится на вашей галактической периферии!

Кстати, это мне еще крупно повезло — причем дважды.

Блуждающие клонские диверсанты запросто могли ухлопать меня, пока я спускался на лыжах из «Братца Кролика» и топал по дороге в Алушту. А второй раз, когда мы глядели из аэротакси на горящие милицейские машины и обсуждали, не стоит ли рядом с ними приземлиться, нас было проще простого достать ракетой переносного зенитного комплекса! (А такие штучки у диверсантов имелись — из заблаговременно подготовленных дипломатической резидентурой тайников в горах.)

В Симферополе я застал частичную эвакуацию. Это был еще один деморализующий фактор «разбойного нападения шайки конкордианских варваров» — как метко, хотя и несколько односторонне охарактеризовал Совет Оборона блистательный по замыслу и, увы, безупречный по исполнению дебют Конкордии в той войне.

Уже вечером десятого в штабах поняли, что пронирыливый зоозомби, повинуюсь командам скрытого контура управления, может взять из тайника мину размером с пачку

сигарет, укрепить ее, где предусмотрено программой, и активировать часовой механизм тычком носа. После чего летит к чертям силовая подстанция, кабель, водопроводная труба. Как видите, не один я был такой умный.

Но в отличие от меня генералы мыслили масштабнее. А если зоозомби используют химическое оружие? Ведь есть такие яды, ста граммов которых хватит, чтобы уложить в сыру землю целый город! Яд может быть порошком — тогда его нужно подсыпать в сеть городского водоснабжения. Может быть летучим соединением: тогда достаточно разбить небольшой флакон на центральной площади города.

А сибирская язва? А чума-Л (штамм с планеты Лючия)? А дифтерия-Т (трайтаонская)?

А вот еще одна перспектива, не лучше предыдущих: старые проверенные термоядерные бомбы.

Правда, термоядерный фугас не провезешь в контейнере дипломатической почты. И не закопаешь так вот запросто где-нибудь в окрестностях Киева или Москвы. Однако вся беда в том, что операция «Затмение» проходила не только на Земле, но и в космосе.

Все торговые и пассажирские корабли Конкордии, находившиеся в Солнечной системе к началу девятого января, оказались вооруженными рейдерами. В первые же минуты войны из раскрывшихся транспортных отсеков и люков в фальшивых надстройках выскользнули многотонные черные рыбыны. Прежде чем на орбитальных крепостях успели сообразить, что происходит, над нашей системой противокосмической обороны разразилась ракетная гроза.

Ракетные удары были нанесены по антеннам дальней связи и батареям большого радиуса действия. В космическом щите Земли были пробиты бреши. Залатать их за день или два было невозможно. В любую минуту из Х-матрицы, следуя дорожкой, проторенной ряжеными «купцами», могли выйти полновесные линкоры. И ударить по нашим городам не конвенциональными силумитовыми, а термоядерными ракетами.

— Да иди ты, — отмахнулся Коля. — Ты же знаешь, что атомное и субатомное оружие применить невозможно. На спутниках космического контроля сразу же сработают детекторы, а излучатели системы «Nigredo» за две секунды раскроют над любым регионом противоатомный зонтик. И все атомные боезаряды превратятся в безобидный свинец!

— Как же, как же! «Алхимик космической эры!»
«Чудо-поле»! Я даже наизусть помню тот абзац учебни-

ка. «В 2115 году новый Колумб физики, профессор Белградского университета Данко Липич, автор Великого Закона Супергравитации, вместе с учениками рассчитал и создал первую экспериментальную установку дистанционной трансмутации. Затратив энергию, достаточную для того, чтобы вскипятить все Адриатическое море, профессор Липич, не выходя из своей лаборатории, превратил пять граммов урана, находящиеся в бронированном помещении на дне заброшенной шахты, в пять граммов свинца».

— Вот именно, Саша, вот именно. И уж кому, как не нам с тобой, знать, что в 2309 году излучатели Липича были наконец доведены до ума и поставлены на боевое дежурство. Поэтому уж чего-чего, а ядерных атак можно не бояться!

— Да я уже ничего не боюсь. Скорее бы в бой — а там все равно. Как видишь, я оптимист. А вот генералы — пессимисты. Так что эвакуация Симферополя проводилась прямо у меня на глазах.

Дело было уже двенадцатого, в Академии. Мы с Колей делились новостями. Я рассказывал, как тащился на перекладных из Алушты. А он — как мобилизовал родительскую летающую дачу и пытался добраться на ней из Валдая в Мурманск.

При этом Коля не знал о запрете на полеты персонального транспорта. И когда какая-то бронеколонна в районе Петрозаводска открыла по нему беглый зенитный огонь, он принял ее за конкордианских десантников на отечественной технике.

Потом он долго уговаривал коменданта Мурманска поднять по тревоге ближайшую эскадрилью, чтобы разгромить супостата на марше. За дезинформацию и паникерство его хотели судить военным трибуналом. Но он сбежал (во дает!) и, прибившись к компании каких-то звездолетчиков, благополучно приплыл с ними на морской терминал Колчака.

— Хм, а в Мурманске, кажется, эвакуации не было.

— На севере, я смотрю, вообще порядка больше. Впрочем, и в Крыму, если так подумать... Понимаешь, что меня удивило... Эвакопункты в Симфере были развернуты так четко, словно бы тамошняя комендатура только того и ждала. Вот что странно! На каждом перекрестке как из-под земли выросла большая палатка. Там стояли строгие девушки и юноши с повязками «Территориальная оборона». И всем выдавали сухпай, аптечку, резиновые перчатки, респиратор, тампоны с антидотом, фонарик и еще, кажется, схему маршрута эвакуации.

— Да? Тебя это удивляет? — насмешливо спросил

350 Коля. — А это не удивляет?

Он ткнул пальцем в плакат на стене.

Плакаты эти появились в Академии повсюду. Их же, кажется, я видел в Каховке, где ожидал военного транспортника до Москвы.

Плакат был такой: прямо на зрителя, будто бы конь, встающий на дыбы, прет огромный танк Т-10 российского производства. Под его гусеницами — раздавленный танк врага. Какого врага — легко догадаться, ведь во все стороны разбегаются солдаты в клонских мундирах с совершенно одинаковыми и притом очень неприятными лицами. (Типичная художественная гипербола: на клонах — именно парадные мундиры, какие у них носит, кажется, только Первый Народный кавполк.)

Над танком летят наши флутгеры, а надо всем этим еще и аллегория: российский орел когтит перепуганного, ревушего крылатого быка.

И бодренькая надпись: «Орел мух не ловит».

— Ладно, полиграфия у нас оперативная. Но художники какие шустры оказались, а? И сюжет игривый такой, победный, — продолжал Коля. — А ведь только позавчера признали, что война началась. Тут бы что-нибудь вроде «Защити колыбель цивилизации!» или «Стоим насмерть!» — а то на плакате мы уже войну выиграли и веселимся. Ха-ха-ха, орел бычка поймал, хи-хи-хи, он мух не ловит...

На общем собрании Академии первым говорил контр-адмирал Туровский. Говорил не по существу, зато мало. Козырными словами были: временное, сплотиться и крушить.

Коварное, неспровоцированное нападение. Разбойное. Хуже татарина. Шайка конкордианских варваров.

Временное овладение инициативой. Временные успехи противника. Сплотиться под знаменами. Сокрушительный отпор. Временные трудности. Крушить врага везде. Покоя ни днем, ни ночью.

Будет с позором изгнан. Сокрушен. Сплоченными.

Затем, как начальник крупнейшего факультета и старший по званию, выступил Федюнин. Тоже, слава Богу, коротко. И — чудо! — почти по существу.

Введена военная цензура. Трибуналы. Расширены полномочия осназа и контрразведки. Все каналы транслируют только то, что разрешено пресс-центром Совета Обороны. Перлюстрация переписки.

Никаких разговорчиков. Ни малейшего намека на пораженческие настроения. Обо всем сразу же докладывать старшему командиру. В ваших же интересах.

Теперь — закрытая информация. Для своих.

Тяжелые бои по всей периферии. Конкордианские десанты на пяти планетах. Полностью потеряна связь с тремя из них. Два крупных эскадренных сражения. Нанесен значительный урон превосходящим силам противника. Обе эскадры отведены в тыл на переформирование.

— Ну и самое главное. То, что касается непосредственно вас. — Федюнин, мастер всех и всяческих интригующих пауз, замолчал, дожидаясь, когда в зале воцарится абсолютная, гробовая тишина. — Кадетов двух первых курсов пока что решено доучивать. Правда, по ускоренной программе. Третий курс получает распределение на флот сразу после сдачи зимней сессии. Командование обещает выдать вам лейтенантские звезды после первого же боя. Четвертому курсу зимняя сессия засчитывается автоматически, прямо сейчас. Завтра кадеты четвертого курса получают офицерские патенты, парадное оружие, погоны и форму. После чего поступают в распоряжение главкома военного флота России.

— Ура! — выкрикнул Переверзев.

И тут — честное слово, в едином порыве, не сговариваясь, не ради хорошего пропагандистского кадра — мы бешено зааплодировали и заревели, как буйволы:

- Уррра! Ураааа! УРААААА!

ГЛАВА 18

ВЛЮБЛЕННЫЕ БЕСЦВЕТИКИ

Декабрь, 2621 г. — Январь, 2622 г.

Биостанция «Лазурный берег»

Планета Фелиция, система Львиного Зева

Качхид прожил на биостанции три дня. За это время он успел съесть половину капустной грядки, переслушать всю фонотеку в диапазоне от русских народных песен (XIX век) до грандиозной кантаты «Звздопроходцы» (XXIV век) и сочинить короткую поэму «Влюбленные бесцветики».

Если капусту Качхид жевал с аристократической ленью, то музыку поглощал как жадный варвар. Выставляя

на проигрывателе-комбо скорость воспроизведения «х8», он тратил на ознакомление с двухчасовой оперой пятнадцать минут. Что Качхид при этом успевал расслышать — для Эстерсона поначалу оставалось загадкой.

Конструктор предполагал, что сирх валяет дурака. То есть воспринимает музыку и пение просто как забавную какофонию, стимулирующую пищеварение. Каково же было его изумление, когда на второй вечер Качхид сказал:

— А теперь споем.

Полине, похоже, было не привыкать к такому обороту дел. В режиме «Разделенные дорожки» она убрала голос солиста и оставила только музыкальное сопровождение. После чего из проигрывателя полился чистый инструментал «Ямщика».

Полина запела. А Качхид подхватил!

Эстерсон был сражен наповал. Качхид, со всей определенностью, не знал русского языка. Он не понимал его и не смог бы выразить свои мысли по-русски. Качхид не имел музыкального образования. Но, обладая то ли общим для всех сирхов, то ли персональным даром какого-то чудного «фотографического слуха», он умудрялся вполне музыкально петь на русском языке!

Конструктор не сомневался, что если бы Качхиду дали пару раз прослушать бразильские или конкордианские песни, он с тем же успехом запел бы на португальском и фарси.

Что же касается поэмы «Влюбленные бесцветики», то она привела в душевное смятение обоих обитателей биостанции.

Поэма повествовала о том, как лирический герой (читай: Качхид) провел четырехста сорок три дня в скитаниях. А на четырехста сорок четвертый он повстречал на границе твердой и мокрой стихии сказочное селение, обнесенное высокой стеной. В селении жили два бесцветика.

Один бесцветик был сильный, красивый, добрый и ласковый. Звали его Женщина. А второй был тоже сильный, но «шерстнолицый», умный и мужественный. Его звали Мужчина.

Эти бесцветики были влюблены друг в друга больше, чем каждый из них был влюблен в музыку и ученые беседы, которые заменяют бесцветикам качу. Но любовь Мужчины и Женщины не находила выражения, потому что каждый из них считал проявление своей любви слабостью. Оттого они оба были несчастливы.

Лирический герой (напомним: Качхид) переживал за Мужчину и Женщину. Но, проведя в обществе этих замечательных бесцветиков некоторое время, пришел к выводу,

что они счастливы и в своем несчастье. А он, лирический герой, несчастлив даже в своем счастье.

Закончив декламацию, Качхид развернулся и, не прощаясь, ушел в лес.

Солнечная зима, которую предрекала Полина, вступала в свои права.

Львиный Зев был звездой того же спектрального класса, что и Солнце. Но будучи старше, несколько меньше и холоднее Солнца, Львиный Зев обладал одной любопытной особенностью, свойственной некоторым остывающим звездам, — Экваториальным Пятном.

Эстерсону, по роду занятий подкованному в астрофизике, было известно, что любая звезда, как и планета, вращается вокруг своей оси. Но поскольку звезда не твердое тело, а гигантский раскаленный газовый шар, то разные слои этого шара вращаются с разной скоростью, которая к тому же зависит и от широты, на которой этот слой находится.

Более того: эти слои в некоторых случаях могут опускаться в глубь звезды и вновь подниматься поближе к поверхности, в фотосферу. Например, поведение пресловутых темных пятен на Солнце связано как раз со сложнейшими процессами перетекания, перемешивания и вращения различных газовых слоев в оболочке нашей материнской звезды.

Громадное — куда большее, чем солнечные, — и действительно очень темное пятно Львиного Зева было вытянуто вдоль звездного экватора, занимая почти всю его длину. При этом оно, будучи сформировано в основном из тяжелых атомов, то «подгорало» и опускалось в глубь Львиного Зева, то вновь поднималось на поверхность, почти вдвое ослабляя мощность излучения звезды. Этот процесс астрофизики называли «дыханием».

Солнечная зима наступала тогда, когда Львиный Зев совершал «вдох». Происходило это примерно раз в двести местных суток (которые почти не отличались по длительности от земных).

В конце ноября по универсальному календарю Львиный Зев как раз «вдохнул».

Звезда потускнела. Количество света, излучаемого Львиным Зевом в пространство, уменьшалось с каждым днем. Становилось всё прохладнее. Температура воды в океане упала до плюс шестнадцати по Цельсию. Температура воздуха даже днем не поднималась выше двадцати четырех. Ночами могло быть и плюс

354 десять. По местным меркам, это была адская стужа.

Первую половину дня, почти не переставая, дул сильный западный ветер. Он пригонял все новые караваны туч. В сумерках начинались и шуршали всю ночь напролет затяжные дожди.

В один из редких ясных вечеров Полина обратила внимание Эстерсона на замечательное небесное явление, которое, по ее словам, удавалось наблюдать не чаще трех-пяти дней в году.

Огромный красный диск Львиного Зева уже скрылся на треть за горизонтом. Экваториальное Пятно сейчас, когда блеск светила был ослаблен дымкой, можно было увидеть невооруженным глазом. Пятно перерубало Львиный Зев почти ровно пополам.

Оба спутника Фелиции — Ухо-1 и Ухо-2 — недавно взошли в той же стороне, где Львиный Зев садился. Они висели над горизонтом по обеим сторонам заходящей звезды.

И вот в подступающих сумерках взаимное положение звезды, перечеркнутой Экваториальным Пятном, и спутников Фелиции оказалось таким, что возникла полная иллюзия льва с распахнутой пастью. Пастью льва было Экваториальное Пятно, его головой — диск звезды, а ушами — спутники.

Разумеется, сходство было не портретное, а скорее мультипликационное. И все-таки воображение легко перерабатывало эту картинку в настоящего льва — не то зевающего, не то ревущего. Точно так же, как впадины морей на лунном диске человеческое восприятие превращает в черты печального женского лица.

— А я-то все гадал, отчего у спутников Фелиции такие смешные названия! — воскликнул Эстерсон.

— И что же вы думали? — поинтересовалась Полина.

— Да глупости всякие. Например, что это черный юмор звездодоходцев. Фольклор, так сказать. Скажем, легенда о каком-нибудь невезучем корабле-разведчике, который взорвался ровно посередине между двумя спутниками Фелиции. А уши пилота разлетелись в разные стороны и упали на спутники. Вот и назвали: Ухо-1 и Ухо-2.

Полина расхохоталась.

— Роланд, вы замечательный!

— Спасибо. — Эстерсон смущенно потупился. — По-моему, я слышу это первый раз в жизни.

— А «я тебя люблю» вы часто в своей жизни слышали?

Вопрос был задан таким непривычным тоном, что Эстерсон не сразу уловил его смысл.

А когда уловил, то не стал спешить с ответом.

Он повернул голову и обнаружил, что Полина очень внимательно на него смотрит.

Молодежь обычно разрешает красноречивую неловкость подобных пауз поцелуем. Но вот молодости-то конструктору как раз и не хватало.

— Вы будете смеяться, Полина, но только от своей матери. Раза четыре. За женой я подобных откровений не припомню.

— Хотите услышать?

Эстерсон глубоко вздохнул.

— Да.

— У вас есть шанс. Но — не будем торопить события.

Конструктору тоже не хотелось форсировать развитие и без того приятных отношений с Полиной. Он даже не мог толком для себя решить, прав ли оказался Качхид, уверяя в своих прощальных стихах, что бесцветики влюблены друг в друга, или это была всего лишь поэтическая гипербола.

Однако если не любовь, то симпатия и приязнь к Полине были для Эстерсона очевидны.

Он несколько раз составлял для нее букеты из местных «ромашек» и «колокольчиков» и задумывался над тем, не найдется ли в списанной аппаратуре, наполняющей подвалы станции, хотя бы трех граммов золота. Эстерсоном завладела идея фикс собственноручно изготовить для Полины золотое колечко.

Впрочем, поиски посеребренных или вызолоченных волноводов пока не дали результата, а забот у него и так хватало.

Еще вечером того дня, когда их посетил Вариз Мир-Мирое, Полина призналась конструктору, что скаф на станции все-таки имеется. И притом довольно неплохой: двухместный самоходный аппарат, способный опускаться на глубины до километра и держать крейсерскую подводную скорость пятнадцать узлов.

При желании в скаф можно было погрузить еще двух человек или дополнительное исследовательское оборудование. У этого замечательного аппарата был даже свой крохотный шлюз, позволяющий впускать и выпускать аквалангистов!

В дополнение ко всему, благодаря применению сверхлегких пеномасс, он весил каких-то несчастных полтонны. И был снабжен специальным самоходным шасси-транспортером, которое позволяло с удобствами спустить аппарат на воду, а потом принять его обратно.

Скаф Полина от комиссии в свое время утаила. Она спрятала его в подводном гроте и наврала, что его вме-

сте с транспортером смыли штормовые волны. Потом Полина перевезла скаф в смотровую яму полуразрушенного вертолетного ангара.

Полина не стала рассказывать Варизу об этом аппарате по трем причинам. Во-первых, ни малейшей симпатии клоны ей не внушали. Во-вторых, она посчитала, что если кого-то обуяла параноя из-за неопознанного подводного куска железа, пусть этот кто-то сам рискует своим имуществом ради сомнительных исследований. И наконец, в-третьих, электродвигатель скафа сломался полгода назад.

— Зря вы все-таки ему соврали, Полина, — покачал тогда головой Эстерсон. — Вы могли бы предложить Варизу выгодную сделку. Конкордианцы вам — ремонт, а вы им за это — разрешение воспользоваться скафом.

— Не хочу никаких сделок с Клоном. Принципиально, — отрезала Полина. — Да и зачем мне услуги этих фанфаронов? Я ведь знаю, что на моей станции появился талантливый инженер. Которому я целиком и полностью доверяю!

Тот разговор стал вызовом Эстерсону. С наступлением солнечной зимы он дни напролет проводил в заплесневелых стенах вертолетного ангара, ковыряясь в скользком от графитовой смазки механическом сердце скафа.

Место поломки он нашел довольно быстро. Но вот устранить ее оказалось непросто. А еще сложнее было гарантировать стабильную работу скафа в течение хотя бы двухчасового ходового цикла.

В электрооборудовании, двигателе и редукторе скафа оказалось множество износившихся деталей.

Стершиеся электрощетки.

Растрескавшиеся прокладки.

Убитые аккумуляторы.

Весь декабрь Эстерсон провел в борьбе с мировой энтропией.

Вариз Мир-Мирое больше не появлялся. По крайней мере собственной персоной. Но вертолетные патрули продолжали шнырять туда-сюда, прошупывая каждый квадратный метр песчаных пляжей и прибрежной акватории.

Утром 8 января Эстерсон сообщил Полине, что скаф, по его мнению, «либо будет плавать сегодня, либо не поплывет никогда».

Было решено провести ходовые испытания, когда на базу уберутся вертолеты вечернего патруля, то есть

после заката. В самом деле, не выводить же скаф на глазах у клонов!

Целый день оба нервничали и старательно делали вид, что совсем, ни капельки не волнуются.

Когда наконец мимо биостанции прополз вечерний патруль, они бросились в ангар едва ли не бегом.

Там уже было подготовлено все необходимое, в частности водолазные костюмы и кислородные патроны. Поскольку Эстерсон боялся, как бы скаф не заглох где-нибудь на глубине, было решено провести первые испытания по шадящей программе.

А именно начать с плавания в надводном положении вдоль берега. Если все будет нормально — предпринять погружение на небольшую глубину. Пройти немного под водой — и вернуться на станцию. А если скаф заглохнет и откажется всплывать, они покинут его в гидрокостюмах.

Эстерсон не стал делиться с Полиной своими опасениями, что клоны скорее всего ведут радарное наблюдение и могут засечь на воде даже их крошечный кораблик. Узнав о подобной опасности, Полина наверняка настояла бы на немедленном погружении. А вот этого-то конструктор боялся даже больше, чем клонов.

В конце концов от Вариза Мир-Мирое всегда можно будет отбрехаться. Они не подчиненные капитана, а граждане Объединенных Наций. А значит, имеют законные основания врать клонам что угодно. Есть у них скаф или нет — дело личное.

Тихонько зажужжали моторы транспортера. Легко преодолев на своих широких колесах песчаный пляж, транспортер со скафом вошел в воду.

Чтобы справиться с прибоем (к счастью, по океанским меркам — довольно слабым), им пришлось завести транспортер туда, где волны уже доставали им до подбородка.

Транспортер был заранее заякорен ими за ближайшее к кромке воды дерево. Кроме того, они опустили четыре специальных лапы с шипами. Теперь можно было не бояться, что ворчливая стихия утащит транспортер на глубину.

Напоследок Полина выставила таймер транспортера на полторы минуты. Это значило, что спустя девяносто секунд фиксаторы отпустят днище скафа и суденышко, предоставленное само себе, свободно заскользит по волнам.

Через верхние люки Полина и Эстерсон залезли внутрь своей карманной подлодки. Назвать кабину просторной не

358 повернулся бы язык даже у пигмея. Толкаясь и поскри-

пывая гидрокостюмами, они кое-как втиснулись в жесткие сиденья акванавтов.

— С Богом!

— S Bogom!

Полина запустила электродвигатель и плавно вывела его на полную мощность.

Под днищем шелкнули фиксаторы.

Скаф задрал нос на волне, потом провалился вниз и шустро рванул вперед.

К гордости Эстерсона, их плавание прошло как по писаному. Они прогулялись по двум лунным дорожкам, поугали в придонных водорослевых чащобах пирамидозубов и даже выхватили прожектором из океанской тьмы какое-то громадное существо, которое конструктор со страху принял за дварва.

Полина, смеясь, объяснила, что дварв значительно больше. И быть его здесь не может, потому что не может быть никогда. А они видели всего лишь парамедузу — гигантскую колонию простейших по типу земного вольвокса. Эти колонии кочуют в океанских глубинах Фелиции, временно собравшись в некую форму, напоминающую издавна огромный блин обычной земной медузы.

Полина была счастлива.

— Роланд, вы себе не представляете, что значит для меня вновь получить возможность настоящей полевой работы!

— Полевой?

— Ну да. Где бы ни проводил биолог свои наблюдения — в лесу, под водой, в воздухе или на горной вершине, — такая работа называется полевой. Главное, что он работает в прямом контакте с живой природой! А вот когда биолог сидит под крышей и возится с микроскопами и препаратами — это уже лабораторные исследования. Даже если его лаборатория развернута на скальном карнизе под хлипким тентом или в ржавом баке изпод люксогена.

— А с аквалангом небось много не наплаваешь?

— Особенно во время солнечной зимы. Холодно, знаете ли!

— Что-то мне подсказывает, что я вас завтра целый день не увижу, — грустно улыбнулся Эстерсон. — Уплывете небось в гости к своему любимцу Бяше?

— Волнуетесь за меня?

— Конечно!

— В таком случае придется взять вас собой.

— Ой...

— Бойтесь?

— Я?.. Как вы могли подумать?!

Когда они завели транспортер со скафом обратно в ангар, было далеко за полночь. Прятать в смотровую яму все это хозяйство не стали — сил уже ни что не оставалось.

Эстерсон включил генератор и поставил аккумуляторы скафа на подзарядку. Полина притащила и положила в кабину скафа, чтобы с утра не забыть, какое-то диковинное устройство, похожее на вязанку направленных микрофонов.

— Это что еще за хре... э-э-э... простите, штуковина?

— Ультразвуковой излучатель.

— Надеюсь, ему достанет мощности, чтобы вырубить десяток дварвов?

Полина усмехнулась.

— Вам бы только дварвов вырубать. А ведь они тоже часть экосферы Фелиции.

— Не самая привлекательная часть!

— Согласна. Однако мой излучатель придуман не для истребления дварвов. А для общения с их собратьями по эволюции. С теми, которые поумнее.

— С капюшонами?

— Именно. Я, кажется, уже говорила, что под влиянием Гоши, да будет земля Фелиции ему пухом, мне удалось стать неплохим специалистом в электронике и гидроакустике. При помощи пассивной гидроакустической станции на борту скафа я научилась принимать речевые сигналы, посылаемые капюшонами. Мой переводчик обрабатывает их, за это спасибо Константину. А с помощью излучателя я посылаю капюшонам свои ответы. Разумеется, предварительно транслированные переводчиком в набор ультразвуковых импульсов.

— И завтра мы сможем поговорить с капюшонами?!

— Да.

— С каждым днем все интереснее!

Так, разговаривая о своей завтрашней экспедиции, Эстерсон и Полина добрались до дома и легли спать.

Но, увы, выспаться им не посчастливилось.

В пять часов утра к ним в гости нагрянул Качхид. Как обычно, без приглашения и без предупреждения.

— Привет... Рада тебя видеть, — без энтузиазма промямлила Полина, ожесточенно протирая глаза.

— Похоже, не очень-то рада, — угрюмо ответил сирх
360 (по его лицу при этом перебежали пунцовые и бурые по-

досы — такого Эстерсон за ним раньше не замечал). — Но я тебя понимаю. И не обижаюсь. Я принес большую миску качи.

Тут только Эстерсон, торопливо настраивающий свой переводчик, обратил внимание, что на столе стоит некий сосуд. По представлениям конструктора, это была не вполне миска, а скорее пузатый глиняный горшок, расписанный незатейливым, но симпатичным орнаментом. Сверху сосуд был плотно закрыт крышкой, зафиксированной при помощи деревянного колышка, продетого через ушки на горлышке.

Заинтригованный Эстерсон подошел к горшку и, вытащив колышек, открыл крышку. Ему в носшибанул острый запах, не вызывающий никаких определенных ассоциаций. Но, как и все незнакомое, он показался довольно неприятным, а густая масса внутри горшка — совершенно несъедобной.

Качхид тем временем продолжал:

— Это последняя миска качи, которая осталась у сирхов, живших в Барачхе. Однолистые бесцветики вырубili все деревья-качаги, и качи больше нет. Теперь в Барачхе никто не живет. Все ушли.

Эстерсону стало ясно без лишних пояснений, что Барачхой сирхи называют поселение или местность вблизи конкордианской базы. А говоря об «однолистных бесцветиках», Качхид наверняка имел в виду рядовых солдат-демов, среди которых из-за клонирования небольшого набора геномов регулярно повторялись одни и те же фенотипы.

Полина нахмурилась.

— Зачем же нам их кача, да еще последняя? — спросила она.

— Глава Барачхи сказал, чтобы бесцветики забрали эту качу себе и убирались обратно на свои злые звезды.

— Мы-то с Полиной здесь при чем? — вздохнул Эстерсон.

— Они не понимают разницы между нами и конкордианцами. Мы все для них одинаково бесцветные. — Полина произнесла эти слова таким тоном, что конструктор понял: кому-то сейчас не поздоровится.

— Вы можете передать слова сирхов и эту миску тем бесцветикам, которые срубили качаги в Барачхе и залили все своим жидким камнем. Ведь вы с ними знакомы, я видел, — сказал Качхид. — Это не вчера началось. Но только недавно терпеливые сирхи стали нетерпеливыми. После того как летающая машина сожгла наш самоезд.

— Вертолет клонов атаковал самоходный экипаж сирхов?! — ахнул Эстерсон.

— Вертолет, да, — кивнул Качхид. — Три дня назад глава Барачхи сел в самоезд и поехал говорить с бесце-

тиками. Но те говорить не хотели. Там летала эта машина. Она выстрелила — и самоезд загорелся. Глава Бараччи был счастлив, что унес оттуда свою голову и миску качи!

— Мерзавцы! — выдохнула Полина и опрометью бросилась прочь из комнаты.

— Ты куда?! — Эстерсон внезапно обратился к ней на «ты» — впервые после того похмельного утра с истериками.

Она не ответила.

Эстерсон и Качхид побежали за Полиной.

На дворе было зябко, сыро и еще совсем темно. Где-то в стороне свежестроенного космодрома взлетал конкордианский звездолет.

Хлопнула дверь радиорубки. Над ее крышей взвился вытяжной аэростат.

«С Варизом, что ли, ругаться будет?» — предположил Эстерсон. Он жестом пригласил Качхиду пройти вместе с ним в радиорубку.

Нацепив на голову наушники с микрофоном и подключив разъем своего переводчика к специальному гнезду, Полина торопливо шелкала тумблерами.

— По-моему, с капитаном Мир-Мирое говорить бесполезно, — сказал конструктор.

— Разумеется! Не собираюсь с ним ничего обсуждать. Я вызываю наше консульство. Пусть дипломаты займутся клонами на Фелиции вплотную! Они грубо нарушили гарантии, данные местному населению! Конкордия должна немедленно свернуть базу и убраться восвояси!

Консульство между тем не отвечало. Полина не менее десяти раз отправила закодированные позывные. Перебрала разные рабочие частоты. Еще раз проверила исправность аппаратуры.

— Чертовщина какая-то, — пробормотала Полина, нервно покусывая нижнюю губу. — Что они там все — умерли?!

— Может, помехи? — предположил Эстерсон. — Грозовой фронт?

— Какие, к дьяволу, помехи? — Она чуть не плакала. — Какой фронт? Вы слышите — эфир чист. Чист — но совершенно безмолвен!

Полина еще раз в отчаянии нажала кнопку, посылая кодированный пакет позывных.

Вдруг на пульте загорелся долгожданный зеленый сигнал «Линия».

— Говорит «Лазурный берег». Консульство, как слышите? Как слышите меня?..

Услышав ответ консульства, Полина изменилась в лице.

— С кем я говорю, повторите... Я вызываю консульство Объединенных Наций на Фелиции, поселение Вайсберг... Мне требуется любой официальный представитель Объединенных Наций... С кем я говорю?

Не спрашивая у Полины разрешения, Эстерсон щелкнул тумблером громкой связи. Из динамика раздалось характерное рычание конкордианской речи.

«Ну ничего себе!» — Конструктор трясущимися руками настраивал свой переводчик.

— ...специального назначения «Скорпион». Повторяю: консульство захвачено. С вами говорит Сиявуш Мадарасп, лейтенант конкордианских сил специального назначения «Скорпион». Все сотрудники консульства интернированы до окончания военных действий.

— Каких военных действий? — растерянно спросила Полина.

— В один час тридцать минут сего дня по универсальному времени начата стратегическая операция «Исфандияр». Моя Родина вступила в исторически справедливую войну с Объединенными Нациями...

— Этого не может быть!..

Лейтенант не стал доказывать очевидное. Вместо этого, как человек, мыслящий трезво и по-военному, он распорядился:

— Приказываю вам сохранять спокойствие и оставаться на территории станции «Лазурный берег». Сейчас за вами прибудет наш вертолет. Вы будете интернированы до конца военных действий. Я гарантирую вам жизнь и личную безопасность.

ГЛАВА 19

ПУШКИНОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Январь, 2622 г.

Город Полковников

Планета С-801-7, система С-801

Кто из гражданских до войны слышал о Городе Трех Звезд? Известном также как Город Полковников? А о Восемьсот Первом парсеке?

То-то же. И мы не слышали. Хоть и кадеты, вроде не гражданские.

Если соединить прямой линией Землю, колыбель цивилизации, и Паркиду, люксогоновый рай, примерно посередине окажется одна на первый взгляд ничем не примечательная звездная система.

Романтического названия она не имеет. Только ничего не говорящий номер в астрономическом каталоге и военный шифр: С-801. Цифра означает расстояние от Земли в парсеках — всего лишь.

Хоть эта система и находится на полпути от Земли к Паркиде, но конкордианская граница проходит куда ближе к Паркиде. Между Восемьсот Первым парсеком и границей — полтора десятка колоний Объединённых Наций, составляющих Синапский пояс. Это Махаон, Андобанд, Лючия, непокорная планета Дурга — и другие, не осчастливленные такими громкими названиями.

По своему расположению в пространстве С-801 — стратегическая тыловая позиция Синапского пояса. Это семь небольших планеток, обреченных со временем упасть на непомерно раздувшееся от пустого старческого тщеславия центральное светило. Шесть из них представляют собой непригодные для жизни вариации на темы Меркурия и Венеры, а седьмая, самая дальняя, до появления военных строителей была ледышкой вроде Марса.

Только в отличие от Марса на планете С-801-7 над покрытыми льдом полярными морями замерзшей атмосферы и тропическим поясом замерзшего океана космические ветры не успели наместить стометрового слоя пыли.

Не знаю, во сколько это обошлось налогоплательщикам, но атмосферу удалось частично растопить, повесив над полюсами огромные пленочные параболоиды — в тысячи раз большие, чем «прожекторы», освещающие ночную сторону Луны. А в экваториальной зоне, за счет искусственно созданного парникового эффекта, возникла даже цепь пресноводных озер.

На берегу крупнейшего озера был построен космодром. Потом еще один. И еще. Склады. Ремонтные мастерские. Госпиталь. Танкодром. Подземные резервуары люксогена. Узел дальней связи. Резервный узел дальней связи. Ангарты для техники бронедесантной дивизии. Ангарты для второй бронедесантной дивизии. Казармы для личного состава двух дивизий. Позиции для пяти дивизионов противокосмической обороны. Ангарты

364 для техники дивизионов. Казармы для личного состава

дивизионов. Учебный лагерь осназа. Космодром спецсредств. Запасной командный пункт Второго Ударного флота. Монорельсы и шоссе, чтобы связать все объекты воедино.

Все это вместе получилось чуть побольше Колчака. И чуть меньше Москвы. Как-никак, крупнейшая база флота за пределами Солнечной системы.

И было это исчадие военостроя названо Городом Трех Звезд, потому что в полдень над ним висели три звезды. Один красный гигант в зените и два белых карлика (полюсные пленочные параболоиды) на самом краю горизонта.

Местный фольклор, однако, отсылал к трем звездам на погонах армейских полковников и флотских каперангов. А уж полковников и каперангов там было!..

Восемьсот Первый парсек — о существовании которого разведка Конкордии, конечно, знала — был единственной звездной системой нашей периферии, немедленная атака которой планом «Исфандияр» не предусматривалась. Клоны не боялись людских потерь и легко пожертвовали тысячами своих диверсантов на Земле. Но вот линкоры и авианосцы надо было беречь. Клоны знали: Город Полковников атаковать безнаказанно невозможно.

Здесь накапливалось молодое пополнение с Земли. Сюда же отходили наши потрепанные эскадры, застигнутые внезапным нападением Клона на передовых базах Синапского пояса.

Мы, свежеиспеченные офицеры, были переброшены в Город Полковников верным «Дзуйхо» вместе с нашими «Горынычами». Потери в первых боях были огромны, а потому Академия передала все учебно-боевые истребители в распоряжение Второго Ударного флота.

Всю дорогу мы любовались парадными мечами и мечтали о встрече с врагом.

— «Абзу» — легкая добыча, — клеймили мы самый массовый клонский истребитель.

— «Шеду» устарели на двадцать лет, — это о модульных крепостях.

— «Фраваши» — летающая братская могила на четверых, — одной меткой фразой мы сбивали целые эскадрильи тяжелых торпедоносцев.

— У них была внезапность. Внезапности больше нет, — пел Ваня Терновой со слов Тоцкого. — Покажем клонам кузькину мать!

— Они били наших сонными. На космодромах. На стартовых столах. Теперь они узнают, что такое флот после стратегического развертывания! — красноречиво говорил ваш покорный слуга на этих стихийных митингах.

— Было бы что развертывать, — бурчал Коля. Но тихонько, очень тихонько: в те дни за такие слова свои же товарищи могли разъярить рожу и выбросить за борт. Кроме шуток.

Мы мечтали о победах. О быстром и сокрушительном контрнаступлении, которое освободит наши оккупированные колонии: Андобанд, Махаон, Каталину, Клару, Лючию. О десантах на Паркиду, Ардвисуру, Наотар, Вэтрагну в конце концов. О знаменах наций-комбатантов над затушенным клонской кровью священным огнем Атур-Гушнасп.

Кто радуется войне? Промышленники, генералы и клинические идиоты.

Промышленников и генералов среди нас не было. В кого же мы превратились, захваченные данс макабром первых дней войны?

А еще мы с Колей мечтали о том, чтобы служить и героизироваться на «Трех Святителях». И не где-нибудь, а именно в И-02, эскадрилье Готовцева.

Первый рапорт об этом мы подали Федюнину через десять минут после получения офицерских патентов.

Второй — вручили Кайманову, умоляя включить его в ближайший пакет сеанса шифросвязи.

С третьим рапортом — на рейде Города Полковников — Кайманов послал нас по матери.

С четвертым мы явились на прием к коменданту космодрома «Б», где приземлился наш «Дзуйхо».

Стоял теплый солнечный денек. Термометр показывал сакраментальный ноль по Цельсию.

Вдалеке, по левую руку, громоздились ледяные торосы высотой в пол-Монблана. По правую высились закопченные, израненные громады линкоров «Кавказ» и «Князь Пожарский».

Из бронепояса «Кавказа» команда саперов при помощи двух инженерных танков выковыривала неразорвавшийся снаряд.

Старикан «Пожарский» потерял в боях три башни главного калибра из пяти. Эластичные батареи автогенных, уместных на покореженных барбетах как изысканные ожерелья на шее толстенной бабищи, наводили красоту, удаляя стотонные сколы прогоревшей полистали.

Тут же, под бортом линкора, стояли несколько блочных флугтерных ангаров. Судя по всему, после ремонта

«Пожарский» намеревались переклассифицировать в авианесущую орбитальную крепость.

Дышалось легко и привольно, полной грудью: спасибо кислородным маскам!

Огромное красное пятно над головой не столько грело, сколько нервировало. О двух эрзац-солнцах я вообще молчу: бледные, как привидения, они напоминали НЛО со старинных любительских снимков. И вызывали примерно те же эмоции: эт-то что еще такое? Не иначе фальшивки!

Строем и с песней мы — лейтенанты на посмешище мичманам — топали от «Дзуйхо» к казарме, под которую был переоборудован выпотрошенный фрегат.

Если в наших линкорах — пусть даже крепко битых — еще чувствовались сталь, краса и сила, то этот кораблик всем своим видом говорил: я уж свое отлетал. И притом давно.

«Ну все. Рапортами нашими небось какой-нибудь жирный кадровик подтерся, — грустно думал я. — Сейчас замаринуют нас, скороспелых лейтенантиков, в стильной казарме под предлогом нашей неопытности, а там уже и война закончится. Еще, может, и в Академию вернут. Доучиваться».

Тут откуда ни возьмись наперерез нашей колонне, во главе которой горлопанил бывший старшина курса Малюков, бросились двое офицеров в отличных шинелях из синего сукна. Похоже, никак не меньше кавторангов!

Они перебросились парой слов с Малюковым. После чего тот скомандовал:

— Курс, песню прекращай! Стой! Нале-во! Равняйся!

Мы остановились.

Офицеры в синих шинелях вышли на середину строя. Первый негромко сказал:

— Всем истребителям просьба подойти к нам.

Второй добавил:

— Остальные могут продолжать движение. Вольно.

И тут у меня на глаза навернулись слезы. Наверное, специфика местного климата?

Дежа вю!

Одним из офицеров был... Шубин! Только на его погонах красовалась большая звезда эскадр-капитана, а не три средних, каперангских. А вторым был Бердник, тоже офицер 19-го авиакрыла, во время Наотарской операции — комэск-3.

Почти как в мае прошлого года, во дворе Академии.

Только тогда мы были кадетами — и нам приказывали

«три шага вперед». А теперь мы стали лейтенантами. И нас просят подойти.

Хотя, конечно, могли бы и приказать. Мы бы не обиделись.

Так что насчет «Трех Святителей» наши с Колей мечтания сбылись. Что же до контрнаступления, громких побед и десанта на Хосров...

— ...Только оборона, — повторил Шубин. — Конечно, эластичная оборона. С широким маневром, с частными контрударами. Возможны также рейды на оккупированные противником планеты, где его оборона еще недостаточно укреплена... Но настоящее контрнаступление должно вызреть. Его нужно подготовить. На передовых базах мы потеряли слишком многое. В том числе огромные склады боеприпасов и люксогена. Это горькая правда. Но вы имеете право, вы обязаны знать, что легкой победы не будет.

Любопытно было наблюдать, как от последних слов Шубина перекошило молодого типа, который сидел рядом с ним. Учитывая, что тип этот выпустился из Академии только за полгода до нас, погоны старшего лейтенанта он носил явно не за боевые заслуги.

Белоконь была его фамилия. В самом начале войны некий высокий покровитель в штабе флота налепил ему одним махом две новых звездочки и двинул на свежесозданную должность пресс-офицера «Трех Святителей». Поясняя: Белоконь стал цензором и главным краснобаем 19-го авиакрыла. Ура, товарищи!

— Это, как говорится, были плохие новости, — заключил Шубин. — А хорошие новости выпала честь сообщить капитану второго ранга Берднику.

— Хлопцы, большинство из вас знает, а молодое пополнение сейчас узнает, что «Три Святителя», «Кавказ» и «Пожарский» отличились в боях за Клару. Мы воевали отлично! Да и немцы тоже дрались как львы — спору нет. Но им повезло меньше, а нам больше. Командование благодарит нас за спасение большей части эвакотранспортов, отдельной строкой — за груженные драгоценными древоматериалами магистрали «Рене Декарт» и «Готфрид Лейбниц». Командование не винит нас в том, что яхта «Яуза» попала в руки противника. Для пилотов, которые присоединились к нам только сегодня, даю справку. «Яуза» — собственность Императорского балета России. На борту яхты балетная труппа совершала благотворительное турне по колониям Тремезианского пояса.

368 Война застала яхту в одном из космопортов Клары.

Группа уже успела подняться на борт, «Яуза» заправлялась люксогеном в двухчасовой готовности к старту. Когда «Фраваши» атаковали космодром, капитан яхты — очень опытный человек, Петр Николаевич Любимов — прервал заправку и немедленно взлетел. Это было единственно верное решение, иначе яхте с ее стремительным, полувоенным силуэтом досталось бы по полной программе. «Яуза» вышла на орбиту и уже прогревала маршевые двигатели, чтобы уйти в Х-матрицу, когда ее заметил и принудил к остановке клонский фрегат «Балх» — левофланговый фронта конкордианской эскадры. «Балх» выслал к яхте флутгер с призовой партией. В это время немецкий «Эльзас» и наш «Пожарский» ворвались в центр конкордианской эскадры и навязали огневой бой линкорам «Фируз», «Каос» и «Шапур». Эту атаку поддержали торпедоносцы с «Трех Святителей». Группа наших штурмовиков навалилась на левый фланг, добившись нескольких попаданий во фрегат «Шираз» и одного — в «Балх».

— Два попадания в «Балх» было, товарищ капитан второго ранга! — выкрикнул кто-то из пилотов-штурмовиков, сидевших в углу. — Своими глазами видел!

— Лейтенант Степашин, вы уже знаете мое мнение по этому поводу, — строго сказал Шубин. — Продолжайте, товарищ Бердник.

Кавторанг невозмутимо продолжал:

— «Кавказ» в это же время открыл по фрегатам ураганный огонь. Клоны дрогнули. Их флагман разрешил всем левофланговым фрегатам выйти из боя. Нам даже показалось, что «Яузу» удастся отбить. Но, к сожалению, призовая партия клонов уже успела захватить ходовую рубку яхты. Фрегат «Балх» и яхта «Яуза» ушли в Х-матрицу одновременно. А вот фрегат «Шираз» спустя несколько секунд взорвался, прошитый снарядами «Кавказа»...

Это было первое неформальное описание космического сражения с клонами, которое нам, выпускникам Академии, довелось услышать с начала войны.

И это было здорово! Мы слушали раскрыв рты. Молоденькие лейтенанты совсем забыли о том, что, судя по виду линкоров, сражавшихся за Клару, вторая часть истории была совсем не такая веселая, как первая. Но ее нам и не рассказали.

— Это все, что мы знали о судьбе яхты до сегодняшнего утра, — заключил Бердник. — А сейчас я расскажу кое-что, интересное не только нашему пополнению, но и всем вам, товарищи. Во время анализа протоколов радиоперехвата, который, как известно, ведется всеми кораблями

автоматически, разведка обнаружила, что перед переходом «Язуы» по Х-матрице с борта яхты было передано открытым текстом следующее сообщение: «Мало люксогена. Принял решение уходить на Вару-8». Итак, стало ясно: из-за того, что яхта вынужденно прервала заправку, после взлета с Клары люксогена на ее борту оказалось полстакана и чайная ложка в придачу. И стало быть, возможная дальность Х-перехода на момент захвата у нее была небольшой. А вы знаете, что условная ось Тремезианского пояса ориентирована под углом семьдесят градусов к линии конкордианского фронта Иама — Трайтаона, так что Клара, предпоследняя планета пояса, оказывается на расстоянии почти в триста парсеков от ближайшей стационарной базы клонов на Трайтаоне. Это плюс. Это значит, что без дозаправки перегнать яхту на какую-либо свою планету клоны не могли. Но куда-то же они делись, верно? На какую-то Вару-8. А что такое Вара, товарищи? — прищурившись, Бердник обвел комнату инструктажа лукавым взором.

Вопрос был сугубо риторическим. И на ответ кавторанг никак не рассчитывал.

Разумеется, свинью ему подsunул Коля.

— Разрешите, товарищ капитан второго ранга?

— Слушаем вас, младлей.

— В зороастрийском эпосе Вара — это убежище праведных. Соответственно можно предположить, что Вара-8 — это условное название для какой-то передовой базы. Скорее всего речь идет о построенной совсем недавно базе на Фелиции — она вроде бы к Кларе ближе всех. Если, конечно, мы не уступили по Договору о Совместном Укреплении Обороны еще полтора десятка планет в том же районе. Но насколько я помню, больше в окрестностях Тремезианского...

По всему было видно, что Коля проявил проницательность, неприличную для парня с одной серебряной звездочкой на погонах.

Белоконь скривился как среда на пятницу. Бердник угрюмо качал головой в такт Колиным словам. Пилоты что-то полуодобрительно-полуоубиженно гудели.

И только Шубин улыбался улыбкой ребенка, глядя под стол. По-моему, он давно уже не слушал и витал в эмпиреях, перечитывая не то письмо из дому, не то тактический устав москитного флота.

— Достаточно, младший лейтенант, — скрипнув зубами, сказал кавторанг. — Вы угадали. Действительно, наша раз-

370 ведка тоже предположила, что речь идет о Фелиции в

системе Львиного Зева. На первый взгляд, от этого проку мало. Ну не хватало у клонов люксогена. Прилетели на Фелицию, дозаправились и угнали яхту вместе с балеринами куда-нибудь на Йаму. А то и дальше в тыл. Однако у нашей разведки оказались длинные руки. — Бердник самодовольно улыбнулся, словно бы сам был этими «длинными руками». — Не спрашивайте как — этого мы знать не имеем права и не узнаем, возможно, даже после войны, — из системы Львиного Зева была получена информация. «Яуза» по сей день находится на синхронной орбите Фелиции, сравнительно близко от Вары-8. «Яуза» заправлена люксогеном. Но одному безымянному пока герою из экипажа яхты еще во время заправки удалось вывести из строя маршевые двигатели. Сейчас клоны их ремонтируют. Чувствуете, к чему идет?

— К большой кровище, — буркнул сидевший за моей спиной Цапко. Еще во время Наотарского конфликта я заметил: долговязый лейтенант всегда зрит в корень.

Но его слова потонули в общем оживленном гуле.

— Противокосмическая оборона Вары-8 была всесторонне проанализирована. Вывод штабных операторов: «Яузу» можно освободить в результате стремительного налета. Требуемый набор сил и средств: ударный авианосец, линкор, четыре-пять фрегатов, рота осназа. То есть ровно столько, сколько осталось на ходу в нашей, третьей эскадре. И раз уж мы проворонили «Яузу» возле Клары, то именно нам, хлопцы, командование предоставляет шанс отличиться. Заметьте: не приказывает, а предоставляет шанс. Официально освобождение Императорского балета не планируется на уровне штаба флота и не внесено в план боевой активности. Статус предложенного нам дела: каперская операция, предпринятая по инициативе экипажей третьей эскадры.

У меня глаза на лоб полезли. «Каперская операция по инициативе экипажей? Да это же против всех уставов!»

— Конечно, дело это очень рискованное. Срочное. И притом не вполне верное. Разведданные с Фелиции поступают с запозданием. Наш информатор гарантирует, что «Яуза» пробудет на рейде Фелиции еще семь суток. Но в деталях уверенности нет. На момент получения последней разведсводки трупна находилась на борту «Яузы». Но клоны могли переправить ее на Фелицию, то есть непосредственно на Вару-8. Кроме того, нельзя исключать вероятности, что не сегодня-завтра за Императорским балетом прибудет какой-нибудь конкордианский транспортник с Йамы. Но если мы все-таки решимся атаковать, если нам повезет — выигра- 371

ши очевидны. Сейчас нам, как никогда, нужна победа. Пусть небольшая, но бесспорная. Вы знаете, что Россия — традиционный лидер в мировом балетном искусстве. А потому Императорский балет — не просто культурное достояние России, но и символ земной цивилизации вообще... — Бердник перевел дух. — Итак, нам предстоит решить: будет наше авиакрыло спасать Императорский балет или риск чересчур велик, а шансы на успех ничтожны. Вопросы есть?

Вопросы сразу же возникли у двух пилотов торпедоносцев, у одного штурмовика и нашего Сергея Цапко.

Пилотов ударных флуттеров интересовали сугубо профессиональные параметры: интенсивность зенитного огня, общее устройство противокосмической обороны в системе Львиного Зева, функции торпедоносцев в предстоящей операции (грубо говоря: «кого торпедировать-то?») и так далее.

Цапко спросил кое-чего поинтереснее:

— Мой вопрос — персонально товарищу Шубину. Вопрос о секретном оружии... (Белоконь наострил уши.) Ходят слухи, что созданы истребители, которые прикриты в бою защитным полем. Если это правда, вопрос: не считает ли командование, что пришло время их проверить? В бою за «Язу»? И сразу — второй вопрос: говорят, у нас появились какие-то линкоры-невидимки... (Тут уже наострил уши я: уж не эти ли «невидимки» повстречались мне на Луне, в периметре Хайека?) Как эти разговоры понимать?

Шубин, который и без того улыбался, от вопросов Цапко пришел в превосходное расположение духа:

— Очень своевременные вопросы, товарищ лейтенант! Особенно первый. Но отвечу я вам для начала на второй. Действительно, построены и уже больше года проходят ходовые испытания новые боевые корабли. Испытывается не только техника, но и принципиально новые тактические методы ее использования. Однако использовать новинки в бою пока еще рано. Командование не намерено прежде времени раскрывать свои секреты противнику, а потому рейд на Фелицию, если он вообще состоится, будет проведен только наличными кораблями третьей эскадры. Это все, что нам положено знать... Теперь первый вопрос. Я только что получил приказ, разосланный главкомом по всем авиакрыльям флота. Приказ — о принятии на вооружение истребителя DR-19 «Дюрандаль» производства известного южноамериканского концерна «Дитерхази и Родригес». Это одноместный флуггер классической схемы. Его отличительными особенностями

являются феноменальная механизация крыла и бортовой генератор защитного поля...

(Пилоты загудели: восторженно, недоверчиво, недоуменно. Переверзев хлопнул меня по плечу и сдавленно вскрикнул: «Вот тебе и истребитель «Деза», Фома ты неверующий!»)

— К сожалению, большую часть выпущенных истребителей завезли на базы Синапского пояса как раз в рождественскую неделю. Причем разобранными, в контейнерах. Где «Дюрандали» и были уничтожены воздушно-космическими ударами противника либо нашими войсками при отступлении. Но некоторое количество «Дюрандалей» было доставлено сюда, в Город Трех Звезд. Машины сейчас собраны бригадами техников концерна, проверены и подготовлены к передаче экипажам. «Трем Святителям» достались девять истребителей; то есть ровно четверть штатного состава авиакрыла. Если вы, товарищи, примете решение утвердить нашу каперскую операцию, пилоты получают пять дней на освоение «Дюрандаля». Это мизер, но больше мы дать не можем...

— Товарищ эскадр-капитан, но ведь освоить новый истребитель за пять дней невозможно! — не сдержался Цапко.

— Невозможно. Если истребитель этот — не «Дюрандаль». Я уже имел удовольствие трижды пилотировать эту машину — во время закрытого совещания комсостава москитного флота в Тушине, в ноябре прошлого года. И должен вам сказать, что новый истребитель принципиально проще всех известных аналогов. Количество параметров управления «Дюрандалем», изменяемых пилотом, уменьшено до предела. Это сделано именно для того, чтобы можно было в кратчайшие сроки переучить летный состав на новую машину.

Цапко, однако, не отступался:

— Но если уменьшается количество человекозависимых параметров, значит, снижается свобода пилотирования, верно? Попросту говоря, у «Дюрандаля» должна быть низкая маневренность. И вероятно, проблемы с фигурами высшего пилотажа.

— Это верно, — кивнул эскадр-капитан. — Тактическая специализация «Дюрандаля» — борьба с ударными флутгерами противника и батареями ближней обороны. Как истребитель завоевания превосходства в кубатуре боевых действий он малопригоден. Но возле Фелиции мы не ожидаем встречи с серьезной группировкой неприятельских истребителей. Не исключено даже, что для «Дюрандалей» не найдется никакой работы, кроме демонстративных действий.

— Спасибо, товарищ эскадр-капитан, — сказал Цапко. — Я думаю, ребята, — он обвел глазами сидящих вокруг него пилотов, — мы уступим это чудо-оружие нашему молодому пополнению. Я еще этого чудо-истребителя в глаза не видел, но мне мой латаный-перелатаный «Горыныч» по-любому милее, пусть и без защитного поля.

Тут и Бабакулов наконец созрел на типично бабакуловский вопросец.

— Скажите, товарищ эскадр-капитан, а Дворецкая... Дворецкая там? — с придыханием спросил он.

— Не понял, — отрывисто сказал Шубин.

— Ну как же? — Бабакулов обиженно вздернул брови. Да что там обиженно — он был просто-таки обескуражен! — Агриппина Дворецкая, прима Императорского балета.

На лице Шубина брезгливое недоумение стремительно сменялось командирским всезнанием.

— Ну какой же балет без примы, лейтенант? Балет без примы — как флутгер без пилота! Правильно, товарищи?

Шубин снова был на коне!

Что сказать?

Инициатива снизу была. Вся третья эскадра рвалась в бой, спасти Императорский балет из цепких когтей конкордианских разбойников.

Командиры авианосца «Три Святителя», линкора «Кавказ», фрегатов «Лихой», «Удалой», «Ловкий» и «Норовистый», 19-го авиакрыла и 254-й отдельной роты осназа один за другим рапортовали штабу флота, что личный состав единодушно желает исправить ошибку с яхтой. Штаб флота благословил третью эскадру на бой, выписал со складов все необходимое и ласково напомнил, что в случае провала операции ответственность ляжет на исполнителей, то есть на пилотов, экипажи кораблей и хваленый осназ.

После чего наступили дни содома.

Все полученные «Дюрандали» пилоты-ветераны, согласившись с Цапко, передали младшим лейтенантам, то есть нам. Неестественно веселенький пилот-инструктор Фернандо Гомез и угрюмый представитель конструкторского бюро инженер Андрей Грузинский дрючили нас по восемнадцать часов в сутки.

Ранним утром нам вкалывали лошадиную дозу стимуляторов, поздним вечером — бычьей порцией снотворного.

У «Дюрандаля», на котором летал Переверзев, во время первого же учебного вылета отказал генератор защит-

ного поля. У моего — только с пятого раза выпустилось шасси. Один парень (по фамилии не то Ступка, не то Дупко) в аналогичной ситуации шасси выпустить не смог, посадил свой «Дюрандаль» на брюхо и от полетов был отстранен.

Все машины, на которых обнаруживались неисправности (кроме убитого борта-десять, на котором летал Ступка-Дупко), тут же ремонтировались — чего-чего, а запчастей техбригада «Дитерхази и Родригес» привезла с собой предостаточно.

Грузинский шипел и чертыхался. «Гений... гений, понимаешь ли... вот бы его самого сюда!»

Когда я не выдержал и осведомился, о каком гении идет речь, Грузинский ответил, что о главном конструкторе проекта, разумеется.

— Так он, наверное, сейчас над чем-то новеньким работает? — наивно предположил я.

— Угу. Над системой охлаждения адских котлов. — Грузинский невесело ухмыльнулся. — Создателя «Дюрандаля», друг мой, уже нет в живых.

— Жаль. Очень жаль, — смутился я.

— Послушайте, — глаза Грузинского вдруг лихорадочно блеснули, — а может российский флот взять меня на службу?

Я опешил.

— В качестве кого? Вы же гражданский!

— В качестве инженера, разумеется! Россия заказала целую армаду «Дюрандалей», я в курсе, и вам наверняка потребуются толковые начальники ремонтных бригад!

— Вот уж не знаю... А зачем вам, Андрей, это нужно? В действующем флоте сейчас очень опасно. Даже здесь, на Восемьсот Первом парсеке, может начаться страшная мясорубка. А уж наступательные операции авианосных групп...

— Опасно, опасно, я знаю, — нетерпеливо перебил Грузинский. — Но вы, Саша, наверное слабо представляете, что такое Боливар.

— А что такое Боливар?

— Тихо. Сюда идет Гомез, он стукач правления концерна. — Голос Грузинского спустился до шепота. — Так вот, младший лейтенант Пушкин, — нарочито громко сказал он, — как я уже объяснял вам, дополнительный отбор мощности от двигателей для питания генератора защитного поля приводит к тому, что...

Разговор о службе Грузинского в русском флоте продолжения не имел. Нам всем было не до того.

Но, видимо, рапорт он все-таки подал. И хотя на постоянную службу зачислить его не имели права — это

нарушало бы условия контракта Грузинского с «Дитерхази и Родригес», — контр-адмирал Канатчиков, командир «Трех Святителей», с удовольствием взял инженера на операцию.

В самом деле, лишняя светлая голова среди палубных техников была ой как нужна. Правда, как позже выяснилось, самый полезный техник сыскался не на борту авианосца, а... на самой Фелиции!

День «Д» наступил. Пробил час «Ч». В минуту «М» шесть кораблей эскадры одновременно материализовались в системе Львиного Зева.

Благодаря филигранной работе астрографов и штурманов, эскадра вышла из Х-матрицы на расстоянии 42 тысяч километров от Вары-8. По космическим масштабам, мы подошли к цели вплотную.

Через несколько секунд радары и оптика выдали исчерпывающую картину оперативной обстановки.

«Яуза» находилась именно там, где и ожидалось: на одной из синхронных орбит. С нею были состыкованы фрегат «Балх» и конкордианский транспортный флуггер.

Рядом с яхтой висела дежурная пара истребителей «Абзу» с выключенными двигателями.

Тот факт, что «Балх» по-прежнему сопровождает яхту, был истолкован контр-адмиралом Канатчиковым совершенно правильно: поскольку космодром Вары-8 до ума не доведен, он пока что может принимать только флуггеры. И значит, «Балх» вынужден устранять повреждения, полученные от штурмовиков «Трех Святителей», прямо в космосе.

«Балх» и «Яуза» были нашим планом предусмотрены...

...А вот два конкордианских авианосца на правой раковине нашей эскадры стали полной неожиданностью.

Я просто представить себе не могу, что творилось на центральном боевом посту «Трех Святителей» в ту минуту, когда операторы радаров однозначно опознали эту сладкую парочку как ударные авианосцы «Атур-Гушнасп» и «Атур-Фарнбаг».

Кой черт занес их сюда?!

Что они делают здесь — без прикрытия?!

Два ударных авианосца — это двести боевых флуггеров!

Операция под угрозой срыва! Да что там операция?! Под угрозой — третья эскадра в полном составе! Двести флуггеров могут уничтожить все наши корабли за считанные секунды!

Оставалось только дожидаться ответа на самые страшные вопросы: находятся ли авианосцы в боевой готовно-

сти? Стоят ли на катапультах заправленные торпедоносцы? А может, они уже взлетели и прячутся в тени надстроек?

Или... или мы все-таки застали мерзавцев врасплох?

Ведь, черт возьми, пресловутый информатор нашей разведки на Фелиции мог оказаться двойным агентом! Прекрасная ловушка: использовав яхту как приманку, завлечь сюда эскадру спасения и расправиться с ней одним массированным ударом!

Честно говоря, будь я Канатчиковым, немедленно приказал бы отступить. Никто не посмел бы упрекнуть контр-адмирала в трусости. Ведь два авианосца могли быть лишь частью конкордианских сил. За естественными спутниками Фелиции или за диском самой планеты могли прятаться еще авианосцы! Линкоры! Фрегаты! Да черт знает что!

Но окладистая борода, благовидные бакенбарды и мягкий взгляд Канатчикова, создававшие ему имидж доброго и даже слабохарактерного дедушки, могли ввести в заблуждение только писак из «Небесной гвардии». Руки контр-адмирала были руками превосходного мечника, а в его груди бились два сердца антроподевианта с планеты Махаон.

Я, конечно, этого видеть не мог — все мы от самого Города Полковников сидели в кабинах флуттеров, заранее поданных на элеваторы, — но отлично представляю себе, как, наполняясь взрывчатой смесью изумления, испуга и ярости, Канатчиков ахнул кулаком по ладони и рявкнул:

— Эскадре, за исключением фрегата «Удалой»: поворот «все вдруг» на авианосцы противника. Линкор «Кавказ» ведет беглый огонь главным калибром по авианосцам. Фрегат «Удалой» самым полным ходом сближается с «Яузой», на ходу атакуя узел дальней связи Вары-8 в соответствии с исходным планом. Приказ по кораблям эскадры — к исполнению! Всем флуттерам авиакрыла — немедленный взлет. Цель: авианосцы. Атака двумя волнами с перекатом от «Атур-Гушнаспа» к «Атур-Фарнбагу». В первой волне — штурмовики и истребители. Задача: подавить средства ближней обороны авианосцев, уничтожить элеваторы, катапульты и взлетающие флуттеры. Вторая волна — торпедоносцы — уничтожает корабли. При этом эскадрилья Т-01 атакует «Атур-Гушнасп» первой, выпускает все торпеды залпом и сразу же возвращается домой за боезапасом. Если повреждения «Атур-Гушнаспа» окажутся фатальными, эскадрилья Т-02 атакует «Атур-Фарнбаг». Если нет — добивает «Атур-Гушнасп», в то время как штурмовики и истребители блокируют «Атур-Фарнбаг», не допуская взлета с него флуттеров. Приказ по авиакрылу — к исполнению! Рота осназа оста-

ется в полной боевой готовности на борту своих флутгеров до дальнейших распоряжений. Всё.

Может, Канатчиков не багровел и кулаками не размахивал. Может, его приказ по эскадре звучал малость иначе. Но приказы по авиакрылу, которые пошли сверху вниз — от Канатчикова к Шубину и Тощкому, от них — к комэскам, а от комэсков к нам, были именно такими.

Атаковать авианосцы! Подавить зенитки! Блокировать катапульты!

Топи их всех!

В том вылете эскадрилья Готовцева имела полный состав. Кроме комэска, нас с Колей, Переверзева и Тернового, а также наших старых знакомых Бабакулова, Цапко и Кожемякина, в ней теперь служили еще четверо молодых пилотов, с которыми мы толком познакомиться не успели. Они выпустились в прошлом году из Южной Военно-Космической Академии. Двое были азиатами, один москвичом (есть такая нация: москвичи), еще один — русским с Махаона.

Я, Коля, Переверзев и Терновой пилотировали «Дюрандали» и составляли отдельную тактическую секцию из двух пар, следовавших сразу за парой комэска. Нам было приказано по целеуказанию Готовцева атаковать ракетами зенитные батареи авианосцев. Дело в том, что для нас, прикрытых защитным полем, лазерные пушки угрозы не представляли. Чего, увы, не скажешь о других наших флутгерах, для которых они являлись опаснейшими противниками.

Три звена «Горынычей» прикрывали нашу четверку с тыла, на случай нападения истребителей врага. Так что в атаке на авианосцы нам предстояло сыграть если и не решающую, то очень важную роль.

«Атур-Гушнасп» и «Атур-Фарнбаг» приближались: два великолепных корабля прошлогодней постройки, покрашенные в вызывающий снежно-белый цвет. Обводы корпусов — лаконичные, целесообразные; формы клиновидных надстроек — завершенные, агрессивные; срезы носовых оконечностей — без малейших декоративных излишеств, словно бы назначенные к тому, чтобы в прямом смысле слова рубить неподатливое пространство парсек за парсеком.

Наше появление все-таки застало их врасплох. Ни один кордианский флутгер пока не вышел в открытый космос. Башни всех зениток находились в положении «по-походному», а

378 пусковые люки ракетных установок были закрыты.

Похоже, конкордианцы и помыслить не могли, что после страшных потерь в приграничных сражениях Объединенные Нации отважатся на активные действия. Ну держитесь, голубчики!

Нам оставалось полминуты лету до рубежа атаки, когда силуэты авианосцев всколыхнулись, будто между нами и клонами встала стена неуместного в вакууме раскаленного воздуха. Тут же белые борта авианосцев переменили цвет, взявшись едва заметной желтизной.

Дрожание силуэта и смещение ЭМ-волн в оптическом спектре были двумя наипервейшими признаками того, что авианосцы наконец прогрели ходовые реакторы и смогли подать питание на генераторы щита.

Проснулись, мать-перемать!

Сейчас устроим вам, сони клонские, «Исфандияр» в миниатюре...

Автоматическая система наведения оружия любого истребителя устроена так, чтобы захватывать и сопровождать как можно больше мелких целей. «Дюрандаль», конечно, не составлял исключения.

Когда цель всего лишь одна, зато очень большая (космический корабль, например), она захватывается сразу, но выбрать куда именно направить ракету — невозможно. Истребитель в штатных ситуациях не должен атаковать крупные корабли, а потому автоматике все равно: попадете вы в неуязвимый для легких ракет бронепояс, в надстройку или в маневровые дюзы.

Я выключил автоматику и вручную совместил маркер захвата на дисплее переднего обзора с ближайшей башней зенитной батареи на спонсоне в носовой части корабля.

Как бы не так!

— Даю целеуказание, — передал Готовцев. — Наша батарея — кормовая. Бить, разумеется, «Муренами». Я и Тор берем крайнюю левую башню, Лепаж и Котенок — следующую...

Пришлось срочно отменить последний приказ и перебросить маркер захвата на три румба вправо.

Зенитная батарея, которую нам предстояло уничтожить, наконец ожила. Башни развернулись навстречу приближающейся армаде флуттеров, шевельнулись жальца пушек...

Мы выпустили ракеты.

Ведущая пара эскадрильи сразу же отвернула в сторону, чтобы не попасть под огонь рентгеновских лазеров авианосца. А мы вчетвером на своих «Дюрандалях» по-прежнему рвали вперед.

Наверное, у зенитчиков «Атур-Гушнасп» глаза на лоб полезли, когда от прямых попаданий вокруг наших машин разбушевались сполохи призрачного пламени — это лучи рентгеновских лазеров рассеивались в эллипсоидах защитных полей. На самих «Дюрандалях», разумеется, не осталось ни одной царапины.

Почти одновременно «Мурены» нашей и соседних эскадрилий достигли цели. Вокруг всех левобортовых батарей клонского авианосца вздулись малиновые волдыри взрывов.

На моих глазах кормовой спонсон с четырьмя башнями вырвало из бронепояса. Кувыряясь, он полетел вдоль борта корабля в открытый космос.

Более мощные ракетные залпы наших штурмовиков пришлось по тем участкам борта и палубы авианосца, за которыми должны были скрываться элеваторы и катапульты.

«Горынычи», которые решили держаться от авианосца подальше, остались где-то далеко за спиной.

А мы на своих «Дюрандалях» пошли на второй заход, прицеливаясь, куда бы еще всадить наши легкие ракеты. К сожалению, обстрелять авианосец из пушек мы не могли: его защитное поле было во много раз мощнее нашего.

«Атур-Гушнасп» вяло поплеывал из немногих уцелевших стволов по выходящим вокруг него штурмовикам и подползающим торпедоносцам. Клоны выпустили несколько зенитных ракет, но они, рассчитанные на большие дальности стрельбы, сбили только один наш штурмовик. Остальные ракеты проскочили через наш строй и умчались в сторону фрегата «Ловкий».

Второго захода между тем мы толком сделать не успели. Потому что нам передали, чтобы мы убрались немедленно с курса торпед, выпущенных флуггерами эскадрильи Т-01.

С курса?

С какого, черт возьми, курса?

Примерно так подумали мы все: я, Коля, Терновой и Переверзев. Но сделать ничего не успели. В первый раз мы почувствовали на собственной шкуре, что такое заторможенные реакции «Дюрандаля» на командные сигналы...

Громадные — каждая размером с целый истребитель — торпеды пронесли мимо нашей четверки, едва не испепелив реактивной струей крайнюю правую машину, которую пилотировал Ваня Терновой. Хороши бы мы были — подорваться на собственных торпедах!

380 Всё. Торпедоносцы — в работе.

Теперь наше право: отдохнуть две минуты, надеясь, что за это время исчезнут затмившие взор темные пятна, признак близкого перегрузочного обморока. Никому не нужен истребитель с сомлевающим пилотом на борту.

Я убрал тягу и включил секундомер. Раз... два... три... четыре... Десять... одиннадцать...

По левому борту авианосца оставалась цела одна-единственная башня носовой батареи. Она вела огонь в предельном темпе, полностью сосредоточив его на приближающихся торпедах.

Двадцать... двадцать один...

На прощание фортуна улыбнулась клонским комендорам: две наших торпеды из дюжины превратились в тучи крошечных осколков. Такие подвиги в нашем флоте оценили бы не только «Командором-снайпером», но и медалью «За боевые заслуги».

Сорок три... сорок четыре... сорок пять...

Первая же торпеда поразила «Атур-Гушнасп». Взрыв произошел прямо в надстройке, где, судя по характерным решетчатым антеннам, находился пост управления полетами.

Пятьдесят...

Через несколько секунд в авианосец попали и все остальные торпеды!

Наши ударные флуттеры показали великолепный результат, не дав ни одного промаха!

В контроллерах подрыва была выставлена небольшая задержка. Выполненные из паракорундовой стали конические боеголовки торпед прошивали сравнительно тонкий бронепояс или незащищенный участок борта и проникали в глубь помещений корабля, сокрушая все на своем пути. Уже там — в недрах трюмов, ангаров, жилых помещений, люксогеновых цистерн и двигательных отсеков — они взрывались.

Пятьдесят семь...

Из пробоин вырвались закрученные в штопор протуберанцы пламени. Они рассосались за пару мгновений, оставив на белоснежных бортах рыжие потеки расплавленного металла. Кажется, авианосец выжил...

Но тут же между верхней палубой «Атур-Гушнаспа» и бортом вдруг открылась сочащаяся раскаленными газами трещина. Она быстро расширялась, обнажая подпалубные помещения корабля.

И вдруг стало ясно, что внутри авианосца не осталось почти ничего, кроме красного, алого, медного, золотого огня.

Плотные, почти черные сгустки огня, которые когда-то

были массивными механизмами и боевыми флуттерами, вихри огня, струи и фонтаны огня...

Силуэт авианосца деформировался. Борта пестрели сотнями прогоревших плешей. Через несколько минут «Атур-Гушнасп» предстояло превратиться в крошечную газовую туманность.

От взрывов торпед сдетонировали резервуары флутгерного топлива, а от этого вторичного взрыва разрушились и люксогенные конвертеры маршевых двигателей. Вот что случилось с авианосцем, если говорить языком официального рапорта.

— «Атур-Гушнасп» оправдал свое название, — пробормотал Бабакулов. — Священный огонь как он есть...

Кто-то, кому замечание Бабакулова показалась шуткой, победительно заржал. А мне вдруг стало... нет, не стыдно... и не противно... стало мне страшно.

Клонов, то есть наших собратьев по Великорасе, я не жалел ни капельки. Хотя и погибло их в тот миг видимо-невидимо.

А может, и жалел немного, но жалость к себе обычно легко одолевает наносные чувства «цивилизованного человека», порожденные книжным гуманизмом.

Я боялся. Когда боишься, начинаешь жалеть себя, а не других. И наоборот.

Боишься и жалеешь. Скорбишь по себе любимому — и боишься еще больше.

А испугался я того, как легко стать убийцей. И не просто убийцей каких-то абстрактных клонов, а вполне конкретных: Иссы Гор и Риши Ар.

Например, Риши могла получить назначение именно на «Атур-Гушнасп». Мне ведь толком так и не разъяснили — ни наши, ни тем более Исса, — куда именно ее перевели с «Видевдата».

А «Видевдат»? Мог на месте этого снежно-белого, франтового авианосца оказаться утрюмый иссиня-черный линкор с моей невестой на борту?

Мог. Ничто ему не мешало. Одна случайность вместо другой случайности.

Что бы чувствовал я *тогда*, то есть *теперь*, то есть в том альтернативном варианте этой вот минуты, в котором распадался бы на хлопья сажи линейный корабль «Видевдат»?

Удивительно, но с самого начала войны на подобных мыслях у меня стоял блок. Непробиваемый.

Будто бы Клон был отдельно, а Исса и Риши — отдельно.

Будто бы я мог хоть на мгновение поверить, что «Видев-

ки, в то время как весь остальной флот Конкордии, отоброшенный до последней буксирно-спасательной лодки, громит наши эскадры и батареи, высаживает десанты и торпедует транспорты, закрепляется в Синапском поясе и готовится к генеральному сражению за Восемьсот Первый парсек!

Гибель «Атур-Гушнаспа» заставила меня взглянуть правде в лицо: офицеры конкордианского флота Исса Гор и Риши Арвоюют за Родину вместе с миллионами других клонов. Возможно, обе сейчас на операции. Возможно, они где-то совсем рядом. Ближе, чем подсказывает математическая статистика и позволяет усвоенный с детства «здравый смысл».

Спасение Императорского балета было возможно только после нейтрализации фланговой угрозы в виде авианосцев. Уничтожение одного авианосца уравнило шансы сторон. Но даже оставшийся в одиночестве «Атур-Фарнбаг» представлял для нас смертельную опасность.

Пока наша свора рвала в клочья «Атур-Гушнасп», клоны успели прийти в себя. С космодрома Вары-8 стартовала эскадрилья истребителей и восьмерка торпедоносцев «Фраваши». Кроме этого, не меньше трех эскадрилий успели покинуть катапульты «Атур-Фарнбага» прежде, чем против этого авианосца развернули боевые порядки наши истребители.

Буквально в течение одной минуты произошло множество событий.

«Кавказ» добился первого попадания в фордек клонского авианосца. Несколько предыдущих залпов линкора не достигли цели, поскольку авианосец умело маневрировал в двух плоскостях, ставил помехи и вел интенсивный заградительный огонь.

«Три Святителя» выпустил зенитные ракеты по приближающимся вражеским торпедоносцам.

Фрегат «Удалой», которому удалось ракетным обстрелом подавить узел дальней связи Вары-8, подошел к «Язу» почти вплотную. В это же время «Балх» отстыковался от яхты, но не отдалился от нее более чем на две ширины корпуса. Боясь задеть яхту, «Удалой» не открывал огонь по «Балху», а вместо этого предложил клонам почетную сдачу в плен при помощи световой связи.

Клонский корабль в ответ дал трехторпедный залп. Одна из торпед поразила «Удалой» в районе носовой оконечности. Фрегат вроде бы оставался на ходу, но связь с ним была утрачена.

Другим нашим фрегатам — «Лихому», «Ловкому» и «Норовистому» — ничего другого не оставалось, кроме

как сгрудиться вокруг «Трех Святителей», защищая флагман от атаки вражеских флуттеров.

Контр-адмирал Канатчиков срочно скорректировал свой боевой приказ в соответствии с изменившейся обстановкой. Разумеется, требования момента коснулись и нас, донесенные с борта «Трех Святителей» эскадр-капитаном Тоцким:

— Всем «Дюрандалям»! Повторяю: «Дюрандалям» всех эскадрилий! Новый приказ: атаковать фрегат «Балх». Фрегат не прикрыт защитным полем — вероятно, в бою у Клары были повреждены генераторы щита. Атаковать желательно пушечным огнем, потому что ракеты могут сбиться с курса под воздействием помех и попасть в яхту. Задача: подавить лазерные и ракетные установки фрегата и обеспечить подход к «Язуе» штурмовых флуттеров с ротой осназ. Вас прикроют восемь «Горынычей» эскадрильи И-02. Задача «Горынычей»...

Со вздохом облегчения я отвернул истребитель прочь от клонского авианосца, который оказался в центре грандиозной хаотической свалки. Наши штурмовики вперемешку с торпедоносцами, не выдерживая строя, атаковали «Атур-Фарнбаг» со всех сторон. На перехват устремлялись истребители «Абзу». Немногочисленные клонские торпедоносцы тоже крутились здесь же, стреляя из хвостовых и носовых башен и действуя как обычные тихоходные истребители. Жару поддавали и наши истребители, разрываясь между атаками против уже взлетевших клонских флуттеров и обстрелом катапультных погребов...

После приказа Тоцкого командование всеми «Дюрандалями» авиакрыла принял на себя наш Готовцев. Мы развернулись в двухэтажный строй фронта: вверху испытанные «Горынычи», внизу — наши чудо-машины.

Выжимая из наших двигателей все до последней капли, мы понеслись навстречу «Балху».

Я думал, что после атаки на ощетинившийся зенитками авианосец фрегат окажется легкой добычей. Но не тут-то было!

Взлетевшие с Фелиции истребители оставили свои торпедоносцы без прикрытия и повернули на нас. Они заходили нам во фланг. Готовцев со всеми «Горынычами» повернул им навстречу. Мы продолжали сближение с «Балхом».

Истребители обменялись ракетными залпами и открыли пушечный огонь на встречных курсах.

Есть! Две клонские машины взорвались! Третья отвернула с курса — явно поврежденная.

Но и один из наших истребителей развалился на куски от прямого попадания...

Пока «Горынычи» закладывали вираж, уцелевшие «Абзу», повернув влево, выпустили ракеты нам вслед.

Пуск был произведен издалека, почти с предельной дальности. Мне казалось, что этих ракет можно не бояться, и все-таки, рассыпая фейерверки ложных целей, мы резко изменили курс.

О «Балхе» мы на секунду позабыли. А зря — потому что вторая порция ракет тут же была выпущена с борта фрегата.

«Горынычи», развернувшись на сто восемьдесят градусов, в свою очередь обстреляли истребители противника. И хотя клонских «Абзу» теперь ожидала незавидная участь, свое черное дело они сделали: стая выпущенных ими ракет неуклонно приближалась к нам.

Наши «Дюрандали» оказались между молотом и наковальней. Мощные станции наведения клонского фрегата держали наши истребители мертвой хваткой. Никакие маневры уклонения не помогали. Тем более что «Дюрандаль» в сравнении с «Горынычем» был очень неуклюж, а сорвать захват радара наведения можно только исключительно энергичным маневрированием.

Единственный шанс уклониться от ракет в такой ситуации: повернуть прямо на них, сблизиться лоб в лоб, а за несколько секунд до встречи, врубив маневровые дюзы на полную катушку, постараться разойтись с ними на острых курсовых углах.

Что мы и сделали. Но, выбирая из двух зол меньшее, нам пришлось волей-неволей подставиться под ракеты истребителей.

— Саша, два «банана» на семь часов! Саша!

— Я вижу!.. За собой следи!

— Ребята, у меня...

После этих слов связь с Колькой прервалась. На камерах заднего обзора я видел взрыв возле его машины. При этом Колькин «Дюрандаль», к счастью, не развалился, но сразу начал терять скорость и рыскать по курсу.

— Коля! Коля! Отзовись!.. Младший лейтенант Самохвальский! Ответьте! Это приказ!

Коля не отзывался. Поврежденный «Дюрандаль» с белым котенком на вертикальном оперении все сильнее уклонялся в сторону. Его силуэт вдруг отчетливо проявился на фоне Фелиции, которая сейчас оказалась по левую руку от нас. Что, конец?! Падает?!

— Закончились ловушки! Где тут кнопка на постановку топливной помехи?!

— Там же бумажка есть, Володя! «Топл.пом.» написано! **385**

(«Дюрандали» поступали на флот так спешно, что техники не успели заменить стандартные испанские надписи на промышленные таблички с русским переводом — пришлось бумажки клеить.)

— Знаю, твою мать!!! У меня свет на приборке погас, не видно ни черта!!!

— Четвертая на правой подпанели слева, второй ряд сверху!

— Приготовься, Володя: я тебя своей топливной помехой прикро...

Это было последнее, что мне довелось сказать.

Первый «банан», проигнорировав все облака ложных целей, молнией метнулся ко мне и взорвался где-то под левым крылом. Истребитель вздрогнул и угрожающе затрясся.

Моя рука метнулась к рычагу катапультирования. Но, хоть я и рванул его на себя изо всех сил, долгожданного пинка под зад не последовало. Какой-то сбой в электрозапале?..

Потом были несколько мгновений шквального шипения в наушниках, а потом я обнаружил себя в открытом космосе.

Вы думаете, я катапультировался?

Как бы не так! Второй «банан», взорвавшись в аккурат между главными соплами, раскроил истребитель пополам вдоль кокпита. Бронеспинка кресла спасла меня от фугасной волны. Но спасти мой «Дюрандаль» уже не могло ничто в Галактике, потому что спасти было нечего.

Меня выбросило прочь из машины в окружении осколков бронеколпака и мелкого мусора.

Не успел я и глазом моргнуть, как стал пупом мироздания. Вокруг меня завращалось ВСЁ: звезды и спутники Фелиции, сама Фелиция и Львиный Зев, наши удаляющиеся флуттеры и различимая уже невооруженным глазом «Яуза», роение вспышек-звездочек вокруг далекого «Атур-Фарнбага» и «Кавказ», озаемый выхлопом откатников главного калибра.

Я стал центром мироздания!

Да здравствует пушкиноцентрическая картина мира!

Гамлет некогда хвастал, что, замкнувшись в ореховой скорлупе, мог бы считать себя царем беспредельного пространства. Как оказалось, ореховая скорлупа для этого вовсе не обязательна. Впрочем, скафандр и есть своего рода скорлупа... Но Гамлет имел в виду не совсем то...

На третьем, кажется, кувырке через голову (а остановиться я, как легко догадаться, не мог: дайте мне точку опоры — и я!.. и я!.. а без точки опоры — да в вакууме, да в невесомости,

386 а?) я обнаружил, что, сохранив тот импульс движения,

который имел мой «Дюрандаль» в момент взрыва, продолжаю путешествовать по космосу. И с препорядочной скоростью!

И направляюсь я в аккурат в зазор между поврежденным «Удалым» и «Яузой», оставляя «Балх» по другую сторону от яхты. Это в общем-то хорошо: есть вероятность, что за мной вышлют челнок с «Удалого». Вероятность, конечно, крошечная. Ведь на фрегате творится черт знает что — меня скорее всего просто не заметят.

Если меня не заметят...

Если проворонят...

Я буду захвачен полем тяготения Фелиции (я вообще-то уже им захвачен) и, долго ли, коротко ли, за два часа или за двадцать, войду в плотные слои атмосферы, где и сгорю без остатка.

И никто не узнает, где могила моя.

Что же, по крайней мере ответственности никакой. Пока сидишь в пилотском кресле, воплощаешь собой страшную разрушительную силу. Порою от одного движения твоего пальца зависит успех или неудача целого сражения. А наедине с Черным Небом, ты — частное лицо. Будь хоть генералом, хоть адмиралом, хоть Председателем Совета Оборона (кто у нас там, кстати, председатель? а, велика важность...).

В положении частного лица есть свои преимущества.

Можно, например, спеть песенку.

Я спел. («Если завтра война, Если завтра в поход...» Тьфу.)

Еще можно помахать руками.

Помахал.

Фигу скрутить?

Ага.

Хер показать?

Показал. (На языке жестов, разумеется.)

Можно поговорить с Богом.

Я поговорил. Нет, я не обратился к Нему с канонической молитвой. Просто поговорил, в вольной форме. Мол, претензий не имею. Понимаю: время пришло. И все-таки нельзя ли стрелочку чуть-чуть назад подвинуть — на часах, которые *мое время* показывают?

Главный вопрос я задал, но ответа не расслышал. Что бы еще сделать?

Можно составить устное завешание.

Составил.

«А все мои активы, равно как и движимое имущество, оставляю сестре Полине. Хоть она и не пишет мне уже четыре года, а папаню нашего Ричарда, кажется, и вовсе в

сердце своем похоронила. Но все-таки, уверен, что мои скромные сбережения в ее руках послужат благородному делу развития нашей передовой биологической науки.

А если я их папане завещаю, так он их просто пропьет. Прямо на моих поминках.

Дата. Подпись».

Устное письмо Иссе?

Что ж, пожалуй.

«Дорогая Исса! Должен честно признаться, не ожидал, что выпадет свободная минутка в таком месте в такое время. Однако же поверь: у меня это *первая* свободная минутка с начала войны».

Тут я застопорился. Ну и? «И несмотря на все это, я люблю тебя»?

В этом я не был уверен.

«И несмотря на все это, я люблю не тебя. А Риши.» (Хи-хи.)

Но и в этом уверенности не было.

«И поэтому я ненавижу вас обеих, и весь ваш клонский муравейник, и все ваши...»

Иэ-э-эх. Ненависти к клонам я не испытывал. Вот в чем вся загвоздка.

Почему не испытывал? А вот вам сказочка, как выразился бы Кожемякин.

В перерыве между учебными полетами на «Дюрандалях» Белоконь проводил с нами воспитательные беседы. На одну и ту же тему: «Убивай клонов — душегубов, насильников, детоубийц». В подкрепление своих слов Белоконь прокрутил однажды отрывок из клонской пропагандистской передачи, которую добыла для наших пресс-офицеров служба радиотехнической разведки.

В передаче этой, под непрерывные фанфары и грохот литавр, рассказывалось о недавних боях за Махаон.

Всё целиком нам, конечно, показывать не стали (полагаю, чтобы не смущать нас видом богатейших трофеев, захваченных клонами). Белоконь остановился на главном (с его точки зрения): звериной жестокости конкордианский военщины.

Что же там случилось, на Махаоне? На Махаоне клоны показательно уничтожили целый город. Полностью стерли с лица планеты, под чистую.

Город назывался Кирта и мирного населения там было аж триста тысяч. По колониальным меркам — много.

Клоны со свойственным им видеогурманством смаковали разрушение Кирты кадр за кадром. Воздушная армада приближается... Разворачивается широким фронтом... Сбра-

сывает планирующие кассеты... Кассеты раскрываются... Один квартал в море огня... Два квартала в море огня... Десять кварталов в море огня... Такой ракурс, сякой ракурс... Горящие заводы... Больницы... Детские сады...

Правда, кое-что меня сразу удивило: почему на улицах не видно людей? ладно, допустим люди слишком маленькие, в дыму-огне не разберешь... но где транспорт? машины-то бывают довольно большие... особенно пожарные.

Мы, конечно, распахивались не на шутку. «Гады! Это сколько же людей ни за что положили?! Выродки! Слова для них еще не придумано!»

Белоконь счел свою миссию выполненной и напутствовал нас в том духе, что клоны своими преступлениями сами поставили себя по ту сторону добра и зла, а потому нечего с ними церемониться: повесим последнего пехлевана на кишках последнего заотара!

И хорошо. Да вот Готовцев всё испортил.

Накануне рейда он собрал эскадрилью якобы для последней проверки боеготовности. И рассказал нам о том, что пресс-центр вооруженных сил вынес за скобки и о чем Белоконь, скромный старший лейтенант, знать не мог. А он, Готовцев, знал, потому что ему в Городе Полковников о Кирте рассказал... ну разумеется, один знакомый полковник!

Во время боев за Махаон расквартированный под Киртой танковый полк не нашел ничего лучше, как занять прямо в городе круговую оборону. В самом деле: оборону в городе держать сподручнее, чем в чистом поле.

У танков почти не оставалось топлива, а взять его было нелегко. Все знают, что современное танковое топливо применяется только в современных танках — и нигде больше.

Мэр Кирты намекнул командиру полка, что на последних литрах этой дефицитной жидкости военным лучше бы из города убраться, а то ведь во время боев погибнет куча гражданских.

Танкист наорал на мэра и порекомендовал всем способным держать оружие гражданам Кирты срочно записаться в ополчение. Дескать, война — дело всенародное. Мэр заметил, что война — дело в первую очередь профессиональное. И что ополченцы с кухонными ножами и самодельными гранатами много не навоюют. На том и разошлись.

На следующий день Кирту плотно окружила дивизия клонов. Что, при наличии у агрессора абсолютного превосходства в воздухе, делало положение наших танкистов совершенно безнадежным. Но вместо того, чтобы на-

чать террористические бомбежки и ракетные обстрелы, конкордианцы вступили в переговоры и предложили почетную сдачу в плен.

Командир полка отказался.

Тогда конкордианцы потребовали того же самого, что и мэр: выезжай из города, сразимся в чистом поле!

Командир полка снова отказался. Ясное дело: обороняться приятнее, чем наступать против такой силищи!

Тогда конкордианцы заявили, что дают мирному населению Кирты сорок восемь часов и открывают такие-то шоссе, чтобы все желающие могли убраться из города восвояси.

К четырнадцатому января последние легковые машины и вертолеты покинули Кирту. В городе остался танковый полк и сотня ура-патриотов, которые решили сразиться против клонов вместе с регулярной армией. У мальчишек, примкнувших к военным, на вооружении состояли в основном карманные томики Киплинга.

Вот тут-то над городом и появились штурмовики...

Полк погиб в полном составе. И ура-патриоты со своим Киплингом тоже.

«Смысл той клонской передачи о Кирте на самом деле сводился к тому, как они сберегли жизни своих людей, отказавшись от лобового штурма и предоставив город флуггерам, — заключил Готовцев. — Так что делайте выводы».

Вот такая история.

Меня лично она глубоко потрясла. Выходит, хваленая этика пехлеванов — не пустые разговоры? Таких людей не за что любить. Их даже можно не уважать. Их можно и нужно убивать — ведь они враги! Но ненавидеть — это уже как-то слишком.

Или следует поставить себя на место родителей тех пацанов, которые думали с Киплингом защитить Кирту? Что тогда запоешь?

А может, ненавидеть следовало бы Киплинга?

Вот о чем я думал, пока сочинял письмо Иссе, кувыркаясь в космосе между «Яузой» и «Удалым». К слову сказать, «Яуза» была уже совсем близко — километра два, от силы три.

И вот, вспоминая неистового певца мужества и смертных схваток за отвлеченные принципы, я вдруг обнаружил, что ко мне приближается некий белый объект. С красными ромбами на бортах. И всякими надписями на русском языке. Например:

«Берегись: сварка!» Или: «Вылет резака 12 м».

390 Это был, конечно же, беспилотный ремонтный бот.

Через пять минут его манипуляторы схватили меня за грудки и я наконец перестал вращаться. Конец пушкиноцентрической картины мира!

Спасен! Я спасен!

Почему-то я решил, что бот принадлежит фрегату «Удалой». Видимо, от стресса я совсем отупел: боты военных кораблей имеют соответствующие опознавательные знаки, а на этом не было ничего, кроме предупредительных надписей.

Когда бот повернул к «Яузе», я сильно удивился.

И даже размахивал руками. И даже кричал что-то. Вроде «Дураки, не туда везете!»

Вот было бы интересно, если б кто-то меня услышал. И повез на «Удалой».

А потом я понял, что ошибки нет.

Меня взяли в плен клоны — кто же еще сейчас есть на «Яузе», а? Что-то нашей штурмовой партии все не видно!

Тогда я потянулся за пистолетом, который должен был находиться у меня в специальном кармане-кобуре на скафандре.

Уж не знаю, что я себе думал. Стрелять в бот? Очень умно! Застрелиться? Еще умнее!

Но пистолета не было. Равно как и кармана-кобуры. Видать, сорвало о приборную доску, когда я из истребителя вываливался.

Еще через десять минут бот доставил меня в кессон «Яузы». На стене засветился дисплей внутренней связи.

На дисплее появилось знакомое женское лицо. И знакомый женский голос произнес по-русски почти без акцента:

— С вами говорит капитан Риши Ар. Вы взяты в плен вооруженными силами Конкордии. Назовите свои имя, фамилию и воинское звание.

Ей-богу, я не сразу сообразил: знакомое лицо и имя «Риши Ар» означают, что передо мной... Риши!!!

— Риши?! Привет! Вот так встреча!.. Выходит, ты мне жизнь спасла? Или это не ты ботом управляла?

Но моя Ириша и бровью не повела.

— Офицер, повторяю. Вы взяты в плен вооруженными силами Конкордии. Назовите свои имя, фамилию и воинское звание.

«В общем-то логично, — сообразил я. — Не может же она при своих сослуживцах сказать мне: «Александр, я спасла тебя во имя своей любви». Да, наверное, она и не знала, кого спасает».

Я решил оставить панибратство. Что толку выкобениваться? Мы оба на работе: и я, и она.

— Александр Пушкин, младший лейтенант флота Объединенных Наций.

Риши едва заметно кивнула.

— Младший лейтенант Пушкин, заслушайте права и обязанности военнопленного. Вы имеете право на жизнь, на питание и на медицинскую помощь. Деньги и личные вещи вы можете оставить при себе. Вы имеете право не разглашать факты, относящиеся к военной тайне вашего государства. Все находящиеся при вас документы вы будете обязаны сдать офицеру-дознавателю. Взамен вам выдадут временное удостоверение личности военнопленного...

ГЛАВА 20

ТЕСТ НА БОЖЕСТВЕННУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Январь, 2622 г.

Необитаемый полуостров

Планета Фелиция, система Львиного Зева

— Вот уж не ожидал, что проведу на этом растреклятом полуострове еще хоть одну ночь. Под конец моего здесь пребывания я его почти возненавидел, — с ухмылкой заметил Эстерсон. — А переночевал девять раз — и ничего...

— Этот полуостров на карте назван Лавовым. Оригинальностью наши консульские картографы не блистали, — сказала Полина.

— Зато я блистал, — усмехнулся Эстерсон. — Я дал ему название Необитаемый.

— А что, действительно оригинально. Вот я бы назвала его совсем просто: Грибным. В здешнем лесу полно грибов.

— Я знаю. Мой воздушный шар взлетел именно благодаря грибам. Представьте, их сердцевина содержит огромное количество гелия!

— Чему же удивляться? Эти грибы, когда приходит их
392 время, а оно наступает раз в три года, раздуваются как

детские воздушные шарики и, подхваченные ветром, взлетают! Именно благодаря гелию. А потом взрываются! Этим они обеспечивают свое распространение по поверхности планеты. У них нет спор, вместо этого прорастают обрывки их «оболочки».

— То есть в смысле вегетации эти грибы — нечто среднее между бешеным огурцом, пушилкой одуванчика и бегонией? Не удивлюсь, если узнаю, что сирхи научились употреблять в пищу даже их.

— Ты плохо знаешь сирхов! — воскликнула Полина. — В отличие от нас, людей, они очень консервативны в своих вкусовых привязанностях. Они могут питаться качей круглый год. Кача обеспечивает их организмы всем необходимым! Список продуктов, которые они *в принципе* способны протолкнуть в пищевод под влиянием голода, занял бы пунктов двадцать, не больше...

— Но как же Качхид?! Он, по-моему, ест что попало!

— Качхид — особый случай. Он сильно отличается от своих собратьев широтой мышления. Но даже Качхид всякой капусте предпочтет качу.

— Вот и позавидуешь, бывало, сирхам с их требовательностью и консерватизмом, — проворчал Эстерсон. — А то у меня от этой консервированной фасоли уже скулы сводит.

— А меня от ананасов тошнит. И от галет тоже, — вздохнула Полина. — Вот бы свежего салата из огурцов и помидоров!

Бегство со станции, которое они предприняли сразу же после того, как получили от лейтенанта конкордианских сил специального назначения «Скорпион» Сиявуша Мадараспа приказ оставаться на месте, было стремительным. Можно сказать, паническим. И как все паническое, оказалось довольно дурно спланировано.

Пока Эстерсон вывозил на стартовую позицию скаф (на котором они, собственно, и собирались бежать), Полина, как угорелая, носилась по кладовой, набивая пластиковые мешки галетами, сигаретами, фильтрами для воды, спичками и специями, столовыми приборами, салфетками, а также прокладками для критических дней.

Затем пришел черед спальных мешков и пледов, чашек и кастрюлек, одежды и обуви. Полина хватала все, что только могло им пригодиться в жизни под открытым небом, без особого разбора и толка. Вот папку со своими научными результатами она, конечно, выволокла к месту сбора в первую очередь. Полина даже фотографию группы Валаамского со стены сняла, чтобы врагу не досталась.

Когда Полина стащила все собранное на берег, Эстерсон понял: в грузовое отделение скафа не поместится и трети этого добра. Под протестующие выкрики Полины он уполовинил количество мешков. А потом уполовинил еще раз оставшуюся половину, чтобы не перегружать капризную машину.

Скаф нырнул ровно в тот момент, когда из-за деревьев на мысу показались хищные носы клонских вертолетов.

Задержись они со сборами на чуть — и лагерь для военнопленных, который стал первым нововведением на Фелиции с начала войны, пополнился бы еще двумя заключенными.

Но они успели. Аквамариново-черные воды залива надежно укрыли их от посторонних глаз.

Эстерсон и Полина практически не дискутировали насчет того, куда им направиться — времени на дискуссии у них просто не было. Поэтому когда Полина предложила укрыться на Лавовом полуострове — том самом, где когда-то приземлился Эстерсон, инженер сразу согласился. Тем более что аргументы Полины были очень убедительными.

Во-первых, там имелся вместительный грот, где можно было оставить скаф без боязни, что его засекут с воздуха.

Во-вторых, Лавовый полуостров находился в приятной близости к «Лазурному берегу» и в разумной близости к конкордианской базе.

Такое положение сулило сразу два плюса: с одной стороны, при необходимости можно будет тайком наведываться на биостанцию. А с другой — осторожным и суперпредусмотрительным клонам скорее всего никогда не придет в голову, что беглецы скрываются под самым их носом!

Кроме того, здесь был родник. И наконец, в лесу на Лавовом полуострове имелась целая роща опуров, земля которой была устлана спелой, разве что чуток подгнившей, пурикой. Правда, приготовление ее по сирхским рецептам занимало несколько часов. (А других рецептов не было: малейшее отклонение от строгой кулинарной технологии превращало яства из этого плода в то, чем пурика являлась изначально: несносное дерьмо.). Поэтому пурику они заготовили впрок, а пока решили довольствоваться консервами.

Они поселились в той же землянке, что некогда соорудил для себя Эстерсон. Она располагалась в непролазной чаще и обнаружить ее с воздуха было невозможно, что пример Эстерсона доказал со всей убедительностью.

394 Так они и жили, как Адам с Евой.

Полина перечитывала свои исследовательские заметки, Эстерсон — пересчитывал облака, а в свободное от этого в высшей степени познавательного занятия время готовил из консервов (которых, как назло, оказалось ровно два вида: фасоль с мясом и ананасы) что-то похожее на рагу.

После сытного обеда они вдвоем ходили на могилу к Станиславу Песу и за водой, прислушиваясь к далекому гудению конкордианских флуттеров, и говорили о всякой ерунде.

— Как ты думаешь, нам еще долго тут сидеть? — каждый вечер спрашивала Полина, заползая в свой спальный мешок на лебяжьем пуху.

— Думаю, совсем недолго. Эта война будет короткой. Очень короткой. На стороне Объединенных Наций — несомненное техническое превосходство. Это я говорю тебе как конструктор!

— Нет, ты не подумай... Мне здесь ужасно нравится! — заверяла Эстерсона Полина. — Если бы только не было так холодно...

Прошло еще два дня, похожих на предыдущие как пурики, снятые с одной ветки. А утром третьего Полину и Эстерсона разбудили раскаты далеких взрывов.

Спустя минуту инженер и Полина уже выбрались из своей землянки на вольный воздух.

Серело. Но хотя до настоящего рассвета оставалось еще около часа, все небо было исчерчено желто-красными сполохами.

Оранжевые и малиновые ленты падали из поднебесья, словно серпантин, прямо на базу клонов, над которой играло переливчатое зарево.

— Что за фейерверк? — поежившись, спросила Полина.

— Думаю, час возмездия настал.

—???

— Кажется, это наши пытаются уничтожить базу клонов ракетным обстрелом из космоса.

— Seriously?

— Думаю, совершенно серьезно. Хочешь, пойдем на берег посмотрим?

— Давай. Только куртку надену. А то зябко...

— А не боишься?

— Не боюсь. Думаю, сейчас клонам не до нас... Можем хоть на биостанцию вернуться — уверена, никто не заметит, да и темно еще...

Спустя четверть часа Эстерсон и Полина были практически на месте. Правда, у самой кромки леса конст-

руктор споткнулся и довольно неловко упал на живот — боль в ребре была такой оглушительной, что он едва-едва удержался от того, чтобы не заорать благим матом на пол-Фелиции.

Каково же было его удивление, когда, уже поднявшись на ноги, он обнаружил, что споткнулся вовсе не о корягу или пенек, а о стойку шасси, запрятанную им еще вначале своей фелицианской робинзонады...

— Что это за железяка? — спросила Полина, привычным жестом вынимая из кармана инъектор с обезболивающим.

— Да так... Кое-какие запчасти от затонувшего «Дюрандаля», — усмехнулся Эстерсон.

По иронии судьбы, они вышли на берег совсем недалеко от того места, где конструктор впервые углубился в леса Фелиции.

Эстерсон даже нашел импровизированную скамеечку, которую он соорудил из подручных материалов в кустах под раскидистым «платаном». Со скамеечки открывался прекрасный вид на Лазурный берег. Дальше, за мысом, лежал залив Бабушкин Башмак. Непосредственно космодром клонов отсюда не просматривался, но зато огненное пиршество на небесах было видно во всех подробностях.

На этой-то скамеечке они и обосновались. Эстерсон даже нашел в себе смелость приобнять Полину за плечи — под предлогом защиты от холода.

Зрелище, ради которого они покинули спальные мешки, оказалось не столь уж интересным. «Сerpантин» давно закончился. Один раз взлетели высоко над мысом дымные кометы — крупные обломки, поднятые в воздух мощнейшим взрывом. Да пару раз промелькнули огненные стрелы — похоже, взлетали уцелевшие клонские флутгеры.

— Скучновато, — зевнула Полина.

— Вот бы наши сейчас высадку начали... — мечтательно про-тянул конструктор.

— А может, пойдем досыпать? — предложила Полина. — И без нас справятся.

— Давай посидим еще немного. Мне кажется, обязательно должен появиться десант!

Ожидания конструктора сбылись — но не совсем так, как он надеялся. В сине-сером предрассветном небе на фоне пожара-ща проявился абрис флутгера.

Он снижался. Эстерсон присмотрелся: машина была уже недалеко. И очертания у нее были до боли знакомыми.

Спустя минуту он понял: перед ним истребитель «Дю-396 рандаль»!

Но как — не приснилось ли? Откуда здесь «Дюрандаль»? Мыслимо ли это?

Реальность хотя и хранила молчание по поводу первых двух вопросов, охотно отвечала на третий. «Дюрандаль» летит над Фелицией и его можно наблюдать невооруженным взглядом. А значит, это очень даже мыслимо.

Эстерсон вскочил на ноги и во все глаза уставился на приближающуюся машину.

Истребитель... заходил на посадку! Конечно, на вынужденную!

В качестве посадочной полосы пилот, со всей очевидностью, облюбовал тот же участок лавового плато, который некогда приглянулся самому Эстерсону. Правда, в отличие от Эстерсона, пилот «Дюрандаля» имел вполне профессиональные представления о том, как именно следует приземляться в таких условиях.

Когда «Дюрандаль» под управлением неизвестного героя коснулся земли и покатил по едва припорошенному песком плато, Полина, тревожным взглядом следившая за флуггером, повернула к Эстерсону заспанное лицо и спросила:

— Это наши?

— Наши. Представь, перед тобой — тот самый «Дюрандаль», про который я тебе рассказывал. Моя машина. Мое детище.

— А он красивый, — одобрительно отозвалась Полина, следя взглядом за флуггером, который грозил вот-вот скрыться из виду за выступом лесной опушки. — Только не пойму, почему он садится.

— Видимо, его подбили.

— Но почему тогда за ним не волочится дымный хвост, как в кино?

— Потому что мы не в кино, — снисходительно улыбнулся Эстерсон. — А впрочем, к чему гадать? Пойдем к нему, узнаем все сами...

— А если клоны уже там? Они ведь тоже видели, как он садится.

— Могли и не видеть, им сейчас не до того... И потом, вдруг пилоту требуется помощь?

...они шли быстрым шагом почти четверть часа, пока не достигли сбежавший «Дюрандаль» — истребитель застыл у самого леса, на дальнем краю плато. Недвижимый и величественный. С опознавательными знаками Российской Директории на фюзеляже под кабиной. Кроме стандартного орла, **397**

окруженного концентрическими кругами цветов национального флага, истребитель был украшен игривым белым котенком. Что выдавало в его пилоте натуру сентиментальную и добросердечную.

Рядом с ним суетился пилот, одетый в белый с красным скафандр без шлема — шлем валялся поодаль, на песке.

Пилот занимался чем-то совершенно несусветным — Эстерсон и Полина это сразу отметили. А именно: в темпе расторопного официанта он бегал к леску и обратно, благо было недалеко.

Но если туда он бежал с пустыми руками, то возвращался он, держа в руках охапку кургузых сучьев.

— Он что, погреться решил? — спросила Полина. — Или шашлыка захотелось? Чтобы нервишки расшалившиеся успокоить?

Эстерсон лишь пожал плечами.

Когда они подошли еще ближе, конструктор увидел, что сучья пилот складывает не где попало, а во вполне определенном месте — в аккурат там, где зеленела испещренная предупредительными надписями боеголовка подвешенной под правым крылом ракеты.

Эстерсона осенило.

— Я понял, что он делает. Он пытается уничтожить истребитель.

— При помощи охапки дров?! Да костер разве что кусочек крыла этой дуре в состоянии подкоптит!

— Но вот если взорвется боеголовка, даже нас осколками достанет, — мрачно заметил Эстерсон.

— А зачем ему это?

— Проще простого, — кивнул Эстерсон. — «Дюрандаль» — машина совсем новая. Я же говорил тебе, что сбежал сюда с Цереры на первом опытном образце? Конечно, мой побег никакого существенного урона компании «Дитерхази и Родригес» не нанес. Хоть я и угнал единственный готовый прототип, многотомный свод чертежей и расчетов остался. Остались специалисты и технологическая оснастка. Мой заместитель Грузинский к концу проекта ничем не хуже меня в этих материях разбирался... Так вот: не сомневаюсь, что через месяц «Дюрандаль» поставили в массовое производство. Наштамповали их наверняка уже не меньше двух сотен. Продали флотам Объединенных Наций. Тем, что побогаче, конечно. Не сомневаюсь, что половину первой партии тут же скупил Россия! Через два-три месяца новые истребители поступили на вооружение. А что полагается делать пилотам, когда ново-

му, новейшему истребителю угрожает опасность попасть в руки врага? Правильно. Им полагается уничтожить машину. Чтобы враги как можно дольше пребывали в неизвестности относительно того, что же это такое у Объединенных Наций появилось и, главное, как оно устроено.

— А не проще было присобачить к каждому «Дюрандалю» по какому-нибудь блоку самоуничтожения?

— Проще. Но кто даст гарантию, что этот блок не сработает в самый неподходящий момент? Конструктор Роланд Эстерсон таких гарантий никому не давал. Вообще, после нескольких неудачных экспериментов от блоков самоуничтожения в боевой технике отказались.

— Тогда понятно, — вздохнула Полина. — Называется, выкручивайся пилот как хочешь. Но разве не жалко уничтожать такую красоту?

— А вот мы у молодого человека спросим...

«Молодой человек» встретил появление Эстерсона и Полины не очень-то дружелюбно. А именно выхватил из кобуры на скафандре пистолет и, нацеливая его попеременно то на Эстерсона, то на Полину, заявил:

— Стой, стрелять буду!

Парень был совсем молоденьким. Взгляд его, открытый и вдумчивый, сразу же навел Эстерсона на мысль о том, что мальчишка — вчерашний кадет. У бывалых летчиков взгляды редко бывают вдумчивыми, не до того им... А брови парня были не то растерянны, не то испуганно вздернуты на лоб. «Разве может такой славный парень кого-нибудь убить? А впрочем, почему, собственно, не может?» — пронеслось в голове у Эстерсона.

— Руки вверх! — неуверенно добавил летчик на русском.

— Мы свои! — сказал Эстерсон. «Сигурд» послушно транслировал эту фразу на язык Толстого и Достоевского.

— Вдобавок мы тоже русские. Мы биологи с научной станции. Меня зовут Полина Пушкина, а его Андрей Рогожин... — сказала Полина, однако руки подняла.

— А почему русский Андрей не говорит по-русски? — Парень подозрительно покосился на Эстерсона.

— Потому что он всю жизнь прожил в Швеции.

— Господи, да какая мне разница! — вдруг вспыхнул летчик и опустил пистолет. — Русские вы или какие еще. Я вас прошу по-человечески: оставьте меня в покое. Разве не видите, что случилось?

— Видим, — согласился Эстерсон. — Вы собираетесь уничтожить истребитель «Дюрандаль», следуя инструкции об уничтожении новых машин.

Наконец-то летчик удостоил Эстерсона первого осмысленного взгляда. И в этом взгляде явственно читался вопрос: откуда ты, бородатый хмырь, знаешь название истребителя, которое я сам, младший лейтенант москитного флота, узнал только несколько дней назад? Однако этого вопроса летчик Эстерсону не задал.

— Правильно, собираюсь, — сказал он. — И если вы такой грамотный, да еще вдобавок и мой соотечественник, ваш долг — помочь мне в этом деле. Я буду также признателен, если вы, Полина, тоже к нам присоединитесь... Кстати, меня зовут Николай. Николай Самохвальский.

— Собственно, за этим мы сюда и явились, Николай. Я имею в виду, чтобы помочь вам, ведь все-таки мы же патриоты... — сказала Полина и посмотрела на Эстерсона, ища одобрения своим словам. Но лицо конструктора было скорее омрачено раздумьями, нежели озарено светом деятельного патриотизма.

— Послушайте, а что, собственно, у вас случилось? — спросил Эстерсон, придирчиво оглядывая «Дюрандаль».

— В каком смысле, «что случилось»? — с трудом скрывая раздражение, спросил Николай. Ему явно не терпелось снова отправиться за дровами.

— Я имею в виду, что за неполадка привела к вынужденной?

— А какая вам разница?

— Предположим, что разница есть, — серьезно сказал Эстерсон. — Мы с Полиной — биологи широкого профиля. В истребителях разбираемся не хуже, чем в головоногих. Особенно я.

— Господи, я же сказал вам: у меня нет времени на разговоры! — Николай страдальчески закатил глаза. — С минуты на минуту сюда могут явиться клоны. Вы что, не видите — скоро совсем рассветет!

С этими словами летчик опрометью бросился к леску. Полина вяло потащилась за ним, помогать в дровозаготовке, повторяя про себя русскую народную мудрость: назвался груздем — полезай в кузовок. Но Эстерсон и не подумал последовать за ними.

— Послушайте, Николай, вы не будете возражать, если я брошу один взгляд на приборную панель вашего чуда техники? — громко спросил он, глядя в удаляющуюся спину

— Бог в помощь, — не оборачиваясь, бросил тот.

По его тону чувствовалось: он уверен, что Эстерсону не удастся залезть в пилотское кресло. Да что в кресло! Даже и на третью ступеньку лестницы, ведущей к бортовому люку!

Каково же было удивление пилота, когда, возвратившись, он обнаружил, что не говорящий по-русски русский Андрей уже что-то вынюхивает в кабине истребителя.

Бросив на свою добровольную помощницу Полину недоуменный взгляд, Николай свалил дрова в кучу и вновь поспешил к лесу.

А когда они в очередной раз возвратились с добычей, Эстерсон уже стоял на нижней ступеньке и на его лице читалось: пищи для размышлений он нашел себе более чем достаточно.

— Да-а, — хмуря брови, мрачно заметил Эстерсон. — Так я и думал...

— Что именно вы думали? — иронично поинтересовался летчик.

— Что из-за вынужденно кретинской компоновки носовой части в истребителе «Дюрандаль» система бортовой диагностики станет самым уязвимым местом в условиях реального боя...

— Не понял?

— Чего тут понимать?! У вас интерфейс системы бортовой диагностики полетел?

— Ну... да, — кивнул Николай. — Помимо прочего...

— Это неудивительно. Трансформатор и контроллер нужно было поменять местами... В целом же, согласитесь, машина чудесная.

— ЧУДЕСНАЯ?! — взревел пилот, стремительно краснея от возмущения. — И этот летающий гроб вы называете «чудесной» машиной? Маневренность — низкая. Устойчивость — так себе. Управление рассчитано на дебилов, с ай-кью в одну цифру ровно. И это плохо. Нет никакого ресурса критического пилотирования, эта идиотская тварь либо вообще не позволяет ничего сделать, либо тут же начинает орать «так нельзя!» Что ни говори, а наши «Горынычи» куда лучше! Эх, «Горыныч» нужно было требовать...

Николай вошел в такой раж, что даже не удержался и пнул ногой колесо передней стойки шасси.

Эстерсон с виду остался невозмутим:

— Будь вы, Николай, на своем «Горыныче», то небось с нами бы тут сейчас не препирались. Ведь правда?

Судя по всему, вопрос Эстерсона ударил не в бровь, а в глаз. Потому что летчик тут же сник.

— Ну... врать не буду. Тут вы правы...

— И потом, разве наличие защитного поля не искупает низкую маневренность? — не отставал Эстерсон, испытующе глядя в глаза собеседнику. Под таким взглядом трудно врать даже профессиональным шулерам.

— Ну... в каком-то смысле, конечно... искупает, — замылся летчик. — Но ведь щит спасает только от лучевых, электромагнитных видов оружия...

— Называть машину «летающим гробом» только потому, что она не является полным совершенством, это... это... несправедливо! — Эстерсон гневно поднял в небо указательный палец.

— В принципе вы, конечно, правы, — вздохнул летчик. — Если бы не та злополучная ракета, я бы, может, и не возводил напраслину на этот истребитель...

— Ракета?

— Ну да, класса «космос — космос». «Пайкан» четвертой модификации, если быть точным... Осколки пробili центроплан в нескольких местах. Интерфейс бортдиагностики отказал. Сразу же начали перегреваться двигатели... Тяга падала катастрофическими темпами...

— ...И вот, — продолжил за летчика Эстерсон, — скорость быстро упала до такого значения, что вы оказались захвачены гравитационным полем Фелиции. Вы больше не могли заступить за вторую космическую и вернуться на авианосец.... Верно?

— Но откуда вы все это знаете! По-моему, для биолога вы слишком... слишком...

— Ничего не слишком. В самый раз, — осклабился Эстерсон.

— Был и еще один вариант — катапультироваться в открытом космосе... — добавил Николай. — Но он меня совсем не устраивал. И вот я решил сесть на планету — а там будь что будет...

— Сели вы прекрасно! Поверьте... Я, конечно, не бог весть какой специалист... Но это лавовое плато — ужасно коварное в смысле посадки. Тут имеются и неприятные выбоины, и валуны... Но вы мастер! Снимаю шляпу!

— Спасибо, конечно... Но... знаете... — Николай стеснительно прищурился. — С вами, конечно, очень приятно поговорить... Я вижу, вы знающий человек... Но мне, кажется, все-таки пора приступить к выполнению инструкции...

— Об уничтожении секретных и новых машин?

— Именно, — кивнул Николай.

— Он дело говорит, Ро... То есть Андрей, — подала голос Полина, сидевшая, заложив ногу за ногу, на валуне поодаль. — Уже совсем светло!

— Сжечь... — надулся Эстерсон. — А что, устранить неполадку самостоятельно вы даже и пытаться не станете? — Он с вызовом посмотрел на летчика.

— Неполадку? Но я даже не знаю, в чем неполадка... Интерфейс-то сдох, бортовая диагностика, стало быть, невозможна, — развел руками Николай.

— Но есть ведь еще и резервный интерфейс. Для техников и ремонтников. Разве вам не объясняли?

— Конечно, он должен быть! Теоретически! Но только...

— Что?

— Но только я понятия не имею, как с ним обращаться, с этим резервным... «Дюрандаль» ведь машина совсем новая... На ознакомление с ним нам дали пять дней. Клянусь, всего пять дней!

— Ну и барда-а-ак, — протянул Эстерсон.

— Когда война — всегда бардак, это я понял еще из чтения военных мемуаров, — махнул рукой Николай. — Так вот: как следует изучить матчасть истребителя нового поколения за пять дней мне не удалось. Наверное, я просто тупица.

— Самокритично, — отозвался Эстерсон. — Но где расположен лючок доступа к резервному интерфейсу системы бортовой самодиагностики вы по крайней мере знаете?

— Догадываюсь. Вероятно, на нижней поверхности центроплана.

— Верно. Так, может, имеет смысл его открыть?

— Может, и имеет. Но здесь есть два «но». Во-первых, у меня, то есть у нас, нет времени. Во-вторых, даже если я узнаю характер повреждений, что толку? Ну, даже если произошло чудо и полетел всего лишь какой-нибудь электроразъемчик. Где я возьму такой же на этой проклятой планете?

— И все-таки попробовать стоит, — веско сказал Эстерсон. — В конце концов, чтобы у костра были шансы раскалить боеголовку до критической температуры, вам в лес еще бегать и бегать! Отвертка есть?

— Н-нет... То есть в кабине должна быть...

— А впрочем, зачем мне отвертка? Скажите просто ваш идентификационный код — и все дела.

Николай внимательно посмотрел на Эстерсона. Приглашение идентификационного кода посторонним лицам

было строжайше запрещено. Равно как и допуск посторонних лиц ко всяким техническим люкам... А в желающих до люков достучаться самостоятельно, согласно инструкциям, нужно стрелять на поражение. Впрочем, продырявить черепные коробки двум симпатичным обитателям планеты Фелиция Николаю почему-то совершенно не хотелось.

— Я знаю, вы думаете: а вдруг я шпион. Ведь верно? — с издевкой спросил Эстерсон.

Николай молчал. Однако в его взгляде явственно читалось: он колеблется.

— Ну, в таком случае открывайте лючок сами. И вообще, мне это надоело... Набиваешься вам тут в техники-ремонтники битый час, а вы только носом крутите и истребитель поносите, который, между тем... А-а, впрочем, мне-то какая разница?!

С этими словами Эстерсон сделал вид, что уходит.

— Постойте! Пожалуйста, постойте!

— Что?

— Андрей, я прошу вас, посмотрите этот резервный интерфейс. Посмотрите. Даже если шанс починить «Дюрандаль» — один из тысячи, я не хотел бы упустить этот шанс.

— Вот это разговор, — одобрительно сказал Эстерсон и, пригнувшись, юркнул под крыло.

Эстерсон увлеченно общался с резервным интерфейсом на птичьем языке перемигивающихся светодиодов, а Полина и Николай, натаскавшие целый завал сухого валежника, сидели в полном молчании и пожирали инженера глазами, как Мессию. Ну или по меньшей мере как Волшебника Изумрудного города.

Николай курил, а Полина время от времени прикладывалась к фляге с ананасовым компотом, разведенным родниковой водой.

Движения Эстерсона были быстрыми и уверенными. И хотя ни Полина, ни Николай не могли видеть, над чем именно колдует Роланд, было очевидно: колдовать он умеет.

Полина втайне гордилась Эстерсоном.

Николай же был на грани тяжелого ментального шока. Конечно, война — на то и война, чтобы попирать теорию вероятностей на каждом шагу. И все-таки полностью отменить теорию вероятностей она не в силах!

Но тогда, какова вероятность того, что первы. же встреченный на безлюдной планете человек окажется в состоянии перейти на «ты» с резервным интерфейсом системы бортовой

404 диагностики сверхнового истребителя, с которым он, Ни-

колай, сам сладить не в состоянии, даже после трех с половиной лет, проведенных в лучшей военно-космической академии России?

— Полина, если ваш муж биолог, почему он так хорошо разбирается в технике? — не выдержал Николай, когда Эстерсон, вполголоса ругаясь по-шведски, извлек загадочного назначения блок, который, по-видимому, счел «лишним».

— Он... Он ведь только по второму образованию биолог... А по первому — инженер... Инженер-механик. Но когда я собралась сюда в экспедицию, он сказал, что поедет со мной, подучил кое-что, и теперь мы работаем вместе.

— Не пойму, зачем такому дельному инженеру было переучиваться, — вздохнул Николай.

— Я тоже была против. Но разве меня кто-нибудь спрашивал? — соврала Полина. — И потом любовь! Вы забываете про любовь!

— А-а... Любовь, — вяло отозвался Николай, прикуривая новую сигарету.

Когда Львиный Зев уже поднялся над горизонтом на три пальца, Эстерсон тоже соблаговолил сделать перекур.

— Ну как? — в один голос спросили Полина и Николай, одновременно вскакивая на ноги.

— Могло быть гораздо хуже, — тихо сказал Эстерсон. — Главная неполадка: раздатчик фризера. Головка контроллера пробита осколком, собственно раздатчик полностью обуглился и починке не подлежит. Фризер остается в накопителе. Поэтому и двигатели у вас, Николай, перегрелись и потеряли мощность. Остальное — мелочи. По преимуществу электроника. Но если не ставить целью всенепременно воспользоваться услугами автопилота, то взлететь очень даже можно... Если, конечно, заменить раздатчик фризера.

— Я так и думал, — замогильным голосом сказал Николай. — Спасибо вам за помощь, уважаемый Андрей... В таком случае не будем тратить больше времени... Помогите мне зажечь костер, что ли... А потом я, пожалуй, приму предложение Полины, мы вместе направимся в вашу землянку и я попытаюсь выйти на связь со своими... Хотя какая, к черту, связь? Зеркальцем сигналить буду? Э-э-эх...

Эстерсон бросил на «Дюрандаль» жалостливый взгляд. Какая чудовищная несправедливость: машина, прекрасная, совершенная машина, созданная для победы в неравном бою, обречена погибнуть на этом далеком берегу от принудительного подрыва собственной ракеты...

И этот идиотский костер, исчадие каменного века — каким неуместным смотрится он рядом с истребителем, творением гения сотен людей века нынешнего!

Чувство мировой несправедливости было таким острым и таким пронзительным, что Эстерсон даже в лице изменился.

— Андрей, да не принимайте вы так близко к сердцу этот летучий гроб! — сказал Николай. — Все равно ведь отвечать за него не вам, а мне... Вы ведь только за своих головоногих отвечаете...

Эстерсон выдержал длинную паузу, а затем сказал:

— Знаете, Николай, у меня есть одна идея насчет починки вашего «Дюрандаля».

— ???

— Но только обещайте мне... Обещайте в присутствии Полины, что больше не будете называть этот прекрасный истребитель «летающим гробом»! Никогда больше!

Скаф с Полиной и Эстерсоном на борту успешно покинул мрачные своды грота, служившего ему ангаром все дни после бегства, и устремился в холодные глубины океана.

Русский пилот был оставлен на берегу — в скафе имелись только два штатных места, третий акванавт путешествовал бы на правах селетки в бочке. Да и сам Николай категорически отказался бросить «Дюрандаль» на произвол судьбы, поскольку это очевидным образом противоречило инструкции.

— Только бы успеть... Только бы успеть... — шепотом приговаривала Полина.

Эстерсон уже заметил: стоило им вывести скаф из грота, как хладнокровие Полины улетучилось. Создавалось впечатление, что железобетонная стена самоконтроля, не позволявшая страху хлынуть в сознание, рухнула в одночасье, стоило Полине надеть гидрокостюм.

— Успеем... Должны успеть! — успокаивал ее Эстерсон, выводя скаф на максимальную скорость — до места, где, по его расчетам, затонул «Дюрандаль», плыть было не так уж долго, но и времени ведь в обрез! — Ты лучше скажи: манипулятор работает или что?

— Ты же его чинил, тебе лучше знать...

— Я двигателями занимался. Так что в последний раз вроде бы ты манипулятором пользовалась...

— И правда, пользовалась, — сразу согласилась Полина. — Нужно было взять пробу скальной породы в райо-

не колонии придонных раковин-метелл... Только, по-моему, там что-то заедало... А вдруг не работает?

— Лучше не думать об этом раньше времени, — рассудительно заметил Эстерсон.

— Без него нашему плану крышка! — в отчаянии сказала Полина. — Не будешь же ты собственноручно ковыряться в затонувшей железяке на глубине сто двадцать метров!

— Ну... попробовать можно...

— Лучше и не думать! В мягком костюме на такой глубине не выдюжит даже матерый профессионал! Ты мне дороже какого-то чертова раздатчика фризера!

— Меня это радует, моя дорогая госпожа Пушкина. Честное слово, радует!

Солнце уже щедро позолотило океан, но в толще вод царила вечная ночь.

Время от времени прожектор скафа выхватывал из крошечной тьмы очередной занимательный фрагмент подводного мира — то гигантскую пятнистую рыбину, каждый зуб которой был величиной с палец Роланда, то колонию-парамедузу, кочующую по своим загадочным делам, а то затонувший древесный ствол. Чтобы как-то успокоиться, Полина принялась рассматривать окрестности — благо в кресле навигатора сидел Эстерсон.

— Ну что за твари?! — вдруг вскричала она, экспрессивно шлепнув себя ладонями по коленкам.

— Кто? Дварвы? Ты видишь дварвов? — испуганно спросил Эстерсон. — Или ты имеешь в виду своих любимых капюшонов?

Полина расхохоталась.

— Н-нет, — сказала она, отсмеявшись. — Я имею в виду клонов! Вот уже двадцать минут, как мы под водой, а я еще не засекла головоногих! Ни дварвов, ни капюшонов, никого... Ни одного сигнала! И усилитель вроде бы в порядке...

— При чем же здесь клоны?

— Да при том, что чужеродные вибрации их проклятого космодрома заставили головоногих покинуть свои исконные территории! И это, между прочим, очень грустно! Каждый день пребывания войск Конкордии на Фелиции наносит экосфере планеты непоправимый урон!

— Ну... если честно, даже если бы все дварвы в одночасье взяли и исчезли с Фелиции, у меня язык не повернулся бы назвать это «непоправимым уроном», — сказал Эстерсон.

— Роло, ты неисправимый расист! — всплеснула руками Полина. — Ты делишь головоногих на угодные тебе расы и не-угодные! Если бы ты знал, к чему такая позиция может привести здесь и к чему она уже неоднократно приводила на других планетах!

Полина набрала в легкие побольше воздуха и приготовилась к поучительной лекции. Эстерсон успел к ним привыкнуть и даже научился получать удовольствие. Однако на этот раз лекция не состоялась: в двадцати метрах от них на желто-сером, лишь слегка орошеющем бурыми водорослями дне, они увидели истребитель «Дюрандаль».

Да, это его засекли клонские вертолеты, когда сканировали металлоискателями океанские бездны. Его, а не подводный модуль или мифическую разведстанцию чоругов. Эстерсон догадывался об этом со дня беседы с капитаном Мир-Мирое.

— Технический лючок Р-3, через который можно достигнуть к распределителю фризера, находится на кокпите...

— А что такое кокпит?

— Это во-он тот выступ, за бронеколпаком кабины...

— А где бронеколпак?

— Бронеколпака нет. Он отстрелился, когда я катапультировался...

— Хороши бы мы были, если б флуггер лежал не на брюхе, а, так сказать, на спине, — резюмировала Полина, влипая в переднее стекло скафа. Эстерсон уже давно заметил: говорить об истребителе ей было трудно, просто не хватало нужных слов. — Ведь всей положительной плавучести скафа ни за что не хватило бы на то, чтобы поднять это корыто. И напряжение аккумуляторов падает...

— Увы, — согласился Эстерсон. — Но на то, чтобы вернуться, нам должно хватить!

— При условии, что возня с твоим блоком не займет больше десяти минут, — грустно сказала Полина, косясь на приборы. — Иначе придется нам добираться до берега вплавь...

Подобная перспектива Эстерсону не улыбалась. Даже думать о купании в стильной воде ему было противно. Поэтому он поспешил сменить тему.

— Как ты думаешь, длины манипулятора хватит, чтобы дотянуться до внутренностей истребителя?

— Ну... Если подойти вплотную... Если как следует притереться... — неуверенно сказала Полина.

Эстерсону потребовались все его пилотские таланты для того, чтобы совершить необходимый маневр сближения с истребителем. За те минуты, что длились его старания, он взмок от пота — тот лил с него буквально ручьями. Но все же скаф удалось «притереть» с минимальной погрешностью.

Теперь наступила партия Полина — как ни крути, а с манипулятором скафа она за годы «полевой» работы научилась обращаться в совершенстве.

Эстерсону требовалось следующее.

Отворить лючок Р-3, под которым находилось много чего полезного, но в частности и блок обеспечения фризера.

Вынуть этот самый блок целиком, положить его в карман скафа и вернуться на берег. А уже там, на суше, извлечь из блока вожделенный раздатчик фризера. А затем установить добытую таким экзотическим образом запчасть на истребитель. Теоретически после этого двигатель перестанет перегреваться и «Дюрандаль» сможет взлететь!

Пятерня манипулятора на телескопической штанге протянулась к дверце лючка Р-3.

На экранчике перед носом Полины появилось изображение с камеры, установленной на «запястье» манипулятора.

Пальцы Полины поползли по сенсорам управления. Из ладони манипулятора выдвинулась крохотная циркулярная пила — попытки открыть лючок иными способами, по мнению Эстерсона, заняли бы слишком много времени.

«В-ж-ж-ж-ж-ж», — взревела пила, врезаясь в спину «Дюрандаля» — бурую от осевшего на нее ила. Впрочем, этого звука ни Эстерсон, ни Полина не слышали.

Прошла еще минута и вода хлынула в открывшуюся полость. Изображение на экранчике стало мутным — из-за поднятого ила.

Когда картинка наконец просветлилась, Эстерсон смог разглядеть то, ради чего они затеяли это во всех отношениях рискованное путешествие. Блок обеспечения фризера. Он был совсем невелик и мог бы поместиться в ладонях.

— Вот он!

— Тот, с закруглением сверху, на котором маркировка на непонятном языке? — переспросила Полина.

— Это испанский.

— Извини, с языками у меня с самого детства проблемы.

— Теперь видишь вон те оранжевые выступы?

— Да.

— Это крепежные ушки. Ты должна сделать два распила. Один по левому ушку, а второй — по правому. После этого блок можно будет просто вынуть.

— А как же... ну, провода всякие? — с улыбкой абсолютного профана спросила Полина, осторожно подводя пилу к указанной Эстерсоном области.

— Там нет никаких проводов. Только шины. Если быть точным, их две штуки.

— Ну хорошо, а как же эти твои шины? Они что, такие тонкие, что сразу оторвутся?

— «Оторвутся», — насмешливо повторил Эстерсон. — Шины рвутся только на автомобилях в старинных романах. На профессиональном жаргоне шиной называется вид разъема. Правда, на шинах там есть защелки...

— Хватит морочить мне голову. Говори сразу: что с этими твоими шинами делать?

— Вероятно, придется калечить. Других вариантов я не вижу. Надеюсь, мощности движка манипулятора хватит, — вздохнул Эстерсон.

— Так бы и говорил, что блок мы вырвем с мясом, — проворчала в ответ Полина. — А то скажешь еще — «вынуть», «аккуратненько извлечь»...

Пила вновь принялась за работу. Если бы дело происходило на суше, из-под ее сверкающего колеса наверняка полетели бы разноцветные искры — оба крепежных ушка были изготовлены из твердого сплава.

— Левое готово! — радостно отрапортовала Полина, когда блок обеспечения фризера чуть-чуть покачнулся.

— Правое гото... — но на этот раз Полина слишком поспешно сказала «гоп». Потому что за три миллиметра до нижней кромки ушка пила снизила обороты и замерла. А через секунду пропало изображение на экранчике.

— Ч-черт! — вскричал Эстерсон. Он так сильно хватил кулаком о подлокотник своего кресла, что, казалось, затрясся весь шкаф.

— Так я и думала, — пессимистично подытожила Полина. — Нужно было его открыть перед тем, как отпиливать... Дать ему проветриться... Но, понимаю, понимаю, не до того было...

— А что, если манипулятор проветривать, он лучше работает? — вкрадчиво спросил Эстерсон.

— Именно! — в сердцах воскликнула Полина. — Я уже давно заметила: манипулятор скафа — вещь с характером. И **410** живет она собственной жизнью!

— То есть он может еще заработать, по-твоему?

— В принципе. Но это не значит, что именно сейчас. Может, у него пропало настроение... Перетрутился...

— Значит, подождем?

— Подождать-то мы можем, — тоскливым голосом сказала Полина. — Да только у нас в распоряжении всего шесть-семь минут... Я не шучу.

— Давай хоть минуту подождем!

— Ну...

— Слушай, а что нужно, чтобы манипулятор заработал? Ты же вроде лучше знакома с его... с его характером? Что делать-то?

— По-моему, только молиться.

Эстерсон плотно сжал свои тонкие, бескровные губы и замолчал. Ну почему все так скверно! Когда манипулятор нужен только для того, чтобы срезать актинии редких расцветок для домашней коллекции или подсовывать лакомства капюшонам, он работает безотказно. А когда представляется шанс помочь пилоту, спасти флутгер, внести свой вклад в дело победы Объединенных Наций над клонами...

— Как ты думаешь, Полина, Бог есть? — совершенно серьезно спросил Эстерсон, пристально глядя в ореховые глаза своей подруги.

— Я думаю... Я думаю, да.

— Как ты думаешь, Он... Он справедлив?

— Думаю, когда как, — уклончиво отвечала Полина. — Иногда кажется, что вроде бы справедлив. А иногда кажется, что нет, несправедлив... Библию можно очень по-разному понимать...

— Знаешь, у меня есть идея, — с чумным блеском в глазах заявил Эстерсон. — Сейчас мы узнаем это доподлинно. Давай зададимся вопросом: Он скорее справедлив или скорее все-таки несправедлив? Давай решим: если пила сейчас заведется, значит, Бог скорее справедлив. А если нет — мы с тобой будем знать, что любить его следует несправедливым.

— Хорошо сказано, Роло.

— Тогда включай манипулятор. — Эстерсон кивнул в сторону панели управления и добавил: — Хочу знать правду!

Щелчок. Панель ожила.

— Попробуй еще раз правое ушко, — дрожащим голосом сказал Эстерсон.

Пальцы Полины быстро отстукали на клавиатуре управляющую последовательность.

Манипулятор конвульсивно дернулся.

Потом еще раз.

— Ну же! Ну! Мы хотим знать правду! — азартно вскричал Эстерсон, поднимая очи горе — не к небу, нет, а всего лишь к потолку кабины. Впрочем, праотцы народа Израилева во времена первого Завета наверняка поступили бы так же.

В этот миг пила манипулятора сделала один медленный, полусонный оборот. Еще секунда — и она бешено завертелась, алчно вгрызаясь в твердую ткань «Дюрандала».

Эстерсон и Полина со значением переглянулись.

Они знали, что будет дальше: сейчас манипулятор, снова превратившись в пятерню, выдернет блок обеспечения фризера. Затем скаф двинется к берегу, где уже, наверное, их заждался славный пилот Николай.

Но в том-то и дело, что теперь все это представлялось обоим совершенно неважным, а точнее, важным, но не очень существенным.

И на лице Эстерсона, и на лице Полины можно было заметить печать сопричастности Великой Тайне.

Оба они чувствовали: только что они приобщились к одному из тех сокровенных секретов Вселенной, каковые Он иногда доверяет смертным через посредство капризного исследовательского оборудования...

— Признайтесь честно, вы наверняка подумали, что мы просто удрали, — со смешком сказала Полина Николаю, когда они с Эстерсоном, мокрые и измотанные, наконец дотащились до «Дюрандала».

— Нет. Не подумал, — задумчиво сказал летчик. — Тут другое... Когда вы скрылись из виду, мне вдруг очень отчетливо показалось, что... Что вас никогда и не было. Что все это мне просто...

— Приснилось? — подсказала Полина.

— Ну... да. Что это была галлюцинация. От нервных перегрузок такое бывает, — смущенно улыбнулся Николай.

— Мы — галлюцинация? — удивленно переспросил Эстерсон.

— Именно. Знаете, все это немного странно.

— Да, это действительно немного странно, — согласилась Полина.

— Когда я учился в Академии, я много читал про посмертный опыт... В свободное время, конечно, — попытался объяснить Николай. — Когда люди умирают, бывает,

что в последние секунды перед смертью им много чего кажется. Мозг работает в критическом режиме и время начинает тянуться очень медленно, непропорционально медленно, так что кажется, будто прошли годы... Многим, например, представляется, что продолжается жизнь, что с ними по-прежнему происходят какие-то интересные события. Как во сне. Так вот у меня даже возникла такая мысль: а может, я погиб при посадке и вы мне просто привиделись? Но, смею вас уверить, если это и галлюцинация, то очень и очень любопытная, — подытожил Николай, дружелюбно глядя на Эстерсона и Полину.

Николай казался спокойным и даже умиротворенным — словно бы и не думал он о том, что в любой момент его может накрыть клонский патруль. И только опустевшая пачка сигарет, которую Эстерсон из милосердия оставил пилоту перед тем, как направиться в грот за скафом (тогда пачка была почти полной), свидетельствовала о том, что в глубине души Николая бурлят страсти.

— Я вообще-то почти не курю, — извиняющимся тоном сказал Николай и скомкал пачку.

— Я вижу, — криво усмехнулся Эстерсон, стаскивая с плеча рюкзачок, из которого на песок исправно капала вода. — Но... Хотя вы и сомневаетесь в том, что мы с Полиной абсолютно, так сказать, реальны... А совершить реальный подвиг нам это не помешало.

— Реальный подвиг?

— Абсолютно реальный. И теперь в нашем распоряжении еще одна галлюцинация. Хорошая галлюцинация. И называется она... блоком обеспечения фризера! — жестом опытного конференсье Эстерсон раскрыл рюкзачок.

— Ну... даже и не знаю, что сказать... — промямлил летчик.

— А в этом блоке у нас что? — продолжал Эстерсон, скроив интригующую мину.

Николай лишь обескураженно пожал плечами.

— А в блоке у нас распредели... разлив... Ну, в общем, та самая деталь, которая вам, Николай, нужна, — пояснила Полина. — А теперь — аплодисменты!

Но вместо того чтобы зааплодировать, летчик посмотрел на обоих как на буйнопомешанных.

— Не верите? И правильно делаете. Верить таким проходимцам, как мы, можно, только пощупав раздатчик собственными руками!

С этими словами Эстерсон извлек блок, поставил его бочком на ближайший голыш и что было сил огрел камнем побольше. На песок посыпалась всякая техническая мелочь.

— Только бы он не заржавел, а то ведь всякое бывает, — закусив губу, сказала Полина.

— Позор, госпожа Пушкина! — с прежней театральностью провозвестил Эстерсон, бодро расковыривая неразъединимый на первый взгляд конгломерат из железа и пластика. — Любой стоящий астробиолог должен знать, что детали современных истребителей никогда не ржавеют!

Через минуту инженер уже поднес раздатчик фризера, который оказался непредставительным с виду устройством, по форме напоминающим шайбу с выходящими из нее двенадцатью ножками, к побелевшему от неожиданности носу Николая.

— Вуаля!

— Но откуда... Откуда? — только и смог произнести летчик.

— У меня есть два объяснения. Правда, думаю, ни одному из них вы не поверите. Первое: мы нашли этот блок в желудке у гигантского дварва, хищного и абсолютно тупоголового обитателя местных вод. В этот желудок блок попал после того, как над Фелицией потерпел крушение транспортник, доставлявший комплектующие на секретный завод концерна «Дитерхази и Родригес», производителя истребителя «Дюрандаль», а этот самый дварв позавтракал содержимым одного из затонувших ящиков...

— А второе объяснение?

— А второе объяснение еще более невероятное. И его я вам рассказывать не буду. Хотя оно является стопроцентной правдой, звучит оно еще более фантастично...

— И все-таки я хотел бы его слышать! — настойчиво сказал Николай.

— В другой раз. — Полина примирительно улыбнулась. — Ро... То есть я хотела сказать, Андрей расскажет вам его в другой раз. А теперь вам, по-моему, пора лететь... А то не нравится мне что-то эта тишина.

Эстерсон и Николай смолкли и прислушались. Действительно, стало как-то умопомрачительно, противоестественно тихо. Был полный штиль. Ни далекой канонады, ни гула космодрома. К чему бы это?

— Не беспокойтесь, Николай. Пара минут — и ваш «Дюрандаль» будет готов к полету. — Инженер опрометью

414 бросился к машине.

— Это невероятно! Это... Просто нет слов! — прочувствованно воскликнул Николай, удобно устроившись в пилотском кресле. — Вы спасли меня! Вы просто спасли меня и истребитель! Подумать только! Теперь я знаю, все будет хорошо!

— Все будет отлично! Все будет вот так! — Эстерсон выставил вверх большой палец в знак одобрения — этому «русскому» жесту его научила Полина и конструктору показалось, что представился идеальный случай его опробовать.

— Желаю удачи! — Полина послала летчику старомодный воздушный поцелуй. В ее глазах стояли совершенно неподдельные слезы радости.

Крышка кабины уже начала свое плавное падение, когда Николай вдруг раздумал взлетать. И крышка поднялась вновь.

— Эй, постойте, — крикнул пилот. — Я же совсем забыл спросить ваши фамилии! Вас обоих наверняка представят к высокой награде!

— К черту фамилии! К черту награды! Скорее взлетайте! — заревел Эстерсон, указывая на северо-восточную оконечность залива. А про себя подумал: «Совсем ты одурел, братец. Ведь мы, как вежливые люди, сразу представились: и имена назвали, и фамилии...»

Совсем низко над вершинами деревьев шли два клонских вертолета.

Полина и Эстерсон бросились к спасительной кромке леса. А Николай, вняв голосу разума, пошел на экстренный взлет.

Из зарослей дубков Эстерсон и Полина следили за тем, как изящная крылатая машина набирает скорость, как отрывается она от земли и, высоко задрав свой острый нос, взмывает в небо.

Они так залюбовались, что не сразу заметили вспышку. Потом еще одну.

Очень скоро их ушей достигли раскаты взрывов — это Николай сбил оба вертолета своих несостоявшихся преследователей...

— Накось выкуси! — заорала Полина, подпрыгивая на месте. — Не на того напали!

— И кстати, о дровишках нам теперь беспокоиться не придется, — хозяйственно заметил Эстерсон, указывая в сторону гигантской кучи, что громоздилась на окраине лавового плато, исчерченного следами колес.

ГЛАВА 21

ПА ДЕ ТРУА В БАШНЕ ОХРЯНОГО ЯСЕНЯ

Январь, 2622 г.

Крейсерская яхта «Яуза»

Траверз Фелиции, система Львиного Зева

— Ступайте вон в тот угол, военнопленный Пушкин, — сказал мне мой конвоир, двухметроворостый мичман с лицом продажного боксера. — Присаживайтесь. Сохраняйте спокойствие. Имейте в виду, что в случае совершения вами недопустимых действий, наша охрана будет стрелять на поражение.

— Это каких? Я имею в виду, каких «недопустимых действий»?

— Под недопустимыми действиями понимается: несанкционированное перемещение по залу, попытка вступить в разговор с людьми, не являющимися вашими ближайшими соседями, громкая речь, провокационные призывы... — заученными словами отрапортовал «боксер».

— А как я узнаю, кто, по-вашему, является моим «ближайшим соседом», а кто не является?

Мой конвоир враз посуровел и заявил:

— Имейте в виду, военнопленный Пушкин, что попытки отвлечь конвоира, то есть меня, от исполнения служебных обязанностей при посредстве бессмысленных вопросов также могут быть квалифицированы как недопустимые действия.

— Понял-понял. — Я быстро пошел на попятную и заткнулся. С детства не люблю, когда стреляют на поражение.

— И не забудьте поблагодарить капитана Риши Ар в своей вечерней молитве за проявленное ею милосердие, — веско бросил конвоир и сдал меня на попечение своему еще более мордатому коллеге.

Меня привели в репетиционный зал — один из многих на «Яузе».

Огромные зеркала на стенах и на потолке, идеально ровный, сухой пол, белый рояль, похожий на экзотическое трехногое животное с неведомой планеты. В воздухе словно бы только замерли звуки чудной лиры, а в голову сам

собой лезут волнующие сердце любого балетомана словечки, для остальной части человечества звучащие как названия изысканных кондитерских шедевров: *релеве, па де бурре, сюиви, плие...*

Но в тот день зал служил не тем музам. Он больше не был храмом легконогой Терпсихоры, скорее уж храмом Марса.

На полу сидели хорошо сложенные люди — женщины и мужчины, одетые кто во что. И даже под роялем лежали, обнявшись, двое в трико и с теплыми гетрами на икрах. Люди пили чай, сплетничали, играли в карты и пищали портативными «игралками».

До меня не сразу дошло, что это — танцоры и миманс Императорского балета. И что позор своего плена мне придется делить с этими полубогами и полубогинями. А не с кем-нибудь еще.

Тут, наверное, надо сделать маленькое лирическое отступление.

Пожалуй, Бабакулов отдал бы полжизни за возможность оказаться в *таком* плену. И мой незабвенный папаша тоже отдал бы (хоть и заявлял при всяком удобном случае, будто балет ненавидит за жеманство и отсутствие «подлинного реализма», и, дескать, знает доподлинно, что все танцоры — педики, а балерины — глупы как пробки).

Не говоря уже о миллионах настоящих, заядлых балетоманов Объединенных Наций, выстаивающих пятичасовые дежурства возле театров ради одного корявого автографа или пары сношенных до последнего предела балетных туфель. Многие из них не то, что полжизни, а и всю жизнь отдали бы, не задумываясь.

Потому что звезды балета — они гораздо дальше от нашего брата, чем обычные, физические звезды.

Они, в отличие от астрономических объектов, располагаются по отношению к нам в ином измерении. И нам они не ровня.

Потому что они — совершенство.

Потому что они — это мы, но только такие «мы», какими нам хотелось бы себя видеть в самых смелых своих мечтах. Свободными от условностей кинетики и статики, божественно чувствительными и божественно бесчувственными одновременно.

Даже я — человек, видимо, в силу особенностей своей биографии, ко всему, что связано с театральными под-

мостками, показательно равнодушный, — это понимал. И, конечно, в иное время волновался бы не по-детски.

Подумать только! В этом репетиционном зале, вот у той ножки рояля, например, может запросто обнаружиться Агриппина Дворецкая, самая обольстительная Одетта-Одиллия, самая темпераментная Кармен Российской Директории, самая... самая... самая...

Может быть, вон та брюнетка с длинной косой, что сидит ко мне спиной и разминает плечи атлетически сложенному мужчине, и есть Алла Шевелева, та самая, что танцует Жизель и Аврору, Китри и Зарему, как будто законы физики ей не указ, та, чье лицо загадочно улыбается нам с каждой второй глянцевої обложки?

А вон та рыжеволосая дива, что сидит сейчас ко мне спиной и хрустит яблоком, это не Анна Гусарина, случаем? Нет?

А тот красавец — а вдруг это и есть Михаил Сирадзе, бесменный принц русского балета, Аполлон Мусагет, Ромео?

От таких мыслей в иное время у меня мороз по коже пошел бы обязательно. Но в тот день во мне что-то очень капитальное перегорело.

Я лениво проплелся в указанный мичманом угол и уселся на свободный край положенного параллельно зеркальной стене ортопедического матраца (они были там вместо стульев) с отсутствующим выражением лица.

И хотя, как выяснилось очень скоро, ни Сирадзе, ни Гусариной, ни Шевелевой, ни уж тем более Дворецкой в том зале не было (прим «держали» отдельно, в роскошной гостиной для приемов, что располагалась палубой выше), мне стало даже чуть-чуть обидно за свою бесчувственность.

Где трепет и восторг? Где чувство сопричастности чуду? Где дрожь в пальцах — от одного осознания того, что ты дышишь одним воздухом с небожителями?

А может быть, именно потому, что всего этого не было, со своими «ближайшими соседями», а точнее, соседками, танцовщицами кордебалета Татой, Тамилей и Люкой я быстро нашел общий язык.

Девчонки не скучали. Они пили чай с коньяком из термоса, играли в подкидного дурака, залиvisto хохотали и ожесточенно злословили. Впрочем, закулисным злословием меня, сына великого Ричарда Пушкина, было не удивить — наслушался я его с пеленок.

Мое появление лишь раззадорило балерин. У них

нялись сплетничать с утроенным усердием, видимо, в расчете на овацию и крики «бис».

— Да что все заладили — «Дворецкая! Дворецкая!», — говорила Тата (ее имя я узнал, конечно, чуть позже). — Прыжка считай что нет, пах — завернутый, руки коротковаты...

— Зато она легкая, просто парит над сценой. И харизма у нее есть, понимаешь? — возразила Люка. Потом я, конечно, догадался, что возражает она в основном для того, чтобы у собеседницы был повод и дальше говорить гадости. Но тогда подумал: «золотое сердце»!

— Да что харизма! Пиар один... Вот если бы про тебя все газеты и журналы тридцать лет писали, что ты — Фея Совершенство, ты бы и сама рано или поздно поверила в то, что у тебя крылышки на спине отросли...

— Что ни говори, а Маша — она замечательная, хотя я лично «Щелкунчик» с училища не перевариваю...

— Маша! Ха! — оживлялась Тамила. — Да как ей вообще не стыдно? Маша-то по сюжету ребенок совсем. А Дворецкая-то уже, ха-ха, шестой десяток разменяла... Вот злая колдунья Карабос — это ей самое то, и характер лепить не надо, характер уже подходит идеально...

— Тс-с-с! — благоразумная Люка приложила палец к губам.

— Можно подумать, тут кто-то не в курсе! — строптиво дернула плечиком Тамила, обводя царственным взглядом сидящих в зале.

— А мне вот, девчонки, по душе Стояничева, — мечтательно «вбросила» новую кандидатуру Люка. — Вот в ком стать и грация! И мастерство! И темперамент!

— Один темперамент и есть, — проворчала Тата. — Шене и пируэты кривые, разве что набок не заваливается. Тело жидкое.

— И ноги кривые, — вставила Тамила. — Помню, «Раймонду» когда репетировали, Владимир Владимирович ее на нас напустил, чтобы она, значит, нас посмотрела. И что? Все три часа я от нее только и слышала: «Не высовывай язык! Не высовывай язык!»

— А что, ты правда высовывала?

— Кого?

— Ну... язык!

— Может, и высовывала. Но нельзя же все время к одному недостатку цепляться! — безапелляционно заявила Тамила. — Короче, репетирует она скучно. И танцует всегда в пол-ноги. Халтурщица!

— Вообще, я с тобой не согласна, — нахмурилась Люка. — Для меня Стояничева — это вершина, идеал. И партнеров она себе всегда выбирает первый класс — Ким, Равич, Зелинский... Завидую, честное слово. Вот хотите знать, какая моя заветная мечта?

В ответ Тамила и Тата скептически скривились, но Люку это не остановило.

— Моя заветная мечта — «Спартак» с Зелинским и Кимом станцевать... Только представьте себе, девчонки, я — изысканная куртизанка Эгина. Я — сама нега, само обольщение... Я — и музыка. Божественный, божественный Хачатурян! — Люка сентиментально закатила глаза.

— Эгина тебе в самый раз. Такая же проститутуше, как ты! — вполголоса добавила Тамила и они с Татой снова взорвались хохотом. Впрочем, Люка совершенно не казалась обиженной.

— И вообще, что ты в этом Зелинском находишь? — рассудительно затянула Тата. — Разве что держит хорошо. А вообще, на партнершу ему наплевать. Ему только бы сольный танец, да поскорее... И на репетиции он все время опаздывает!

— Можно подумать, ты не опаздываешь! — Люка злобно прищурилась. — Ты моего Зелинского не трожь!

— Ой-ой-ой! — жеманно захохла Тамила. — Какая любовь! Так чего же медлить? Ступай к нему прямо сейчас, времени у нас много свободного, скажи ему: так и так, высокого мнения о вашем творчестве, и хотя нос у вас сломан коровой Шевелевой, и хотя росточку в вас маловато, а плечи квадратные, вы мне и таким нравитесь. Главное не рост, а талант! Давайте «Даму с собачкой» вместе забабахаем. Вложим туда всю мощь наших нерастрченных чувств! Какие будут образы! Все ахнут! Госпремия в кармане! Ну же?! Чего расселась! Ступай!

— Вот еще! Я лучше к этому раненому летчику пойду, — фыркнула Люка, оборачиваясь в мою сторону. — И то толку больше будет...

Я не сразу понял, что под «раненым летчиком» имеюсь в виду я, Александр Пушкин.

В продолжение их бурного разговора я был погружен в философические раздумья.

Но не о войне, нет. Война мне осточертела.

А том, какие они смешные, эти девчонки. Каждой
420 не больше шестнадцати. А спеси и напора — без меры

и краю. О том, как забавно выглядят все их попытки представить себя передо мной бывальыми и циничными закулисными львицами, знающими цену всем примам и даже допотопный термин «пиар». Я догадывался, что весь их цинизм нужен только для того, чтобы скрывать отчаянный детский вопль: «Заметьте меня! Я талантливая, я молодая, я все могу, а чего не могу, тому еще научусь!» Я чувствовал, что за напускной злобой прячется звериный страх остаться безвестной, страх всю жизнь проторчать в кордебалете, так никогда и не выбившись в солистки...

Поэтому я не сразу ответил на вопрос Люки.

— Кстати, а что *вы* тут делаете? Что-то я вас не помню...

— Я?.. Вы ко мне обращаетесь?

— Ну к вам, конечно. Разве тут есть еще какие-нибудь ранние летчики?

— Только я не раненый. С чего вы взяли?

— У вас какой-то... какой-то потрепанный вид... — объяснила Люка.

— Извините. Я только что из открытого космоса, — попробовал улыбнуться я.

— А вы славный, — заметила Тата.

— Хотите чаю с коньяком? — Тамила протянула мне термос.

В общем, мы подружились. И поскольку временем нас никто не ограничивал, пошли рассказы. В крепких, но пристойных выражениях, я поведал балеринам о бесшабашных атаках «Дюрандалей» и о своем чудесном спасении из зубатой пасти Великого Ничто, не забыв, естественно, выставить себя героем дня. Вкратце описал ход войны: девчонки, как выяснилось, были вообще не в курсе того, что происходило за бортом «Яузы». Высказал уверенность в том, что победа близка, хотя пожертвовать ради победы придется многим... В иные моменты я чувствовал себя прямо-таки Белоконем. Но мне не было стыдно, я знал: *настоящая* правда этим хрупким хохотушкам просто не нужна.

Уверен, будь мои новые подруги не танцовщицами, а, предположим, певицами театра оперетты, к концу рассказа все три уже были бы влюблены в меня по уши.

Обстановка тому благоприятствовала.

Но в глазах балерин светилась вежливая неприступность, хотя и одобренная искренней симпатией. Я знал, влюбиться в меня, пусть даже и на час, для них — вещь совершенно немыслимая, ибо балерины могут влюбиться только в таких, как они, — танцовщиков. И это — непреложный закон джунг-

лей, недаром же артисты балета — еще более замкнутое сообщество, чем, к примеру, каста заотаров...

Впрочем, что мне было до их способности влюбиться, когда я не знал, что делать со своей?

В качестве ответного жеста, девчонки, темпераментно перебивая друг друга, рассказали мне о коварном плане чиновников Конкордии склонить Императорский балет к гнусной измене родине.

Оказалось, все то время, что «Яуза» в плену, их мягко, но непреклонно, то есть по методу кнута и пряника, склоняют к согласию поставить одноактный балет «Семь подвигов Исфандияра». Чтобы затем показать всю эту галиматью в Хосрове вместе со «Спящей красавицей» и сделать из этого события сладкую пропагандистскую конфетку. Дескать, вот: артисты Императорского балета теперь танцуют у нас свои и наши балеты. Шевелите, дескать, мозгами, граждане Объединенных Наций, мотайте на ус, кто тут в мире хозяин.

— Ты, Саша, даже не представляешь себе, какая блевота этот «Исфандияр»! — со свойственной себе прямолинейностью заявила Тамилла. — Вот хотя бы взять сюжет. Сначала этот их Исфандияр убивает двух рогатых волков, потом двух львов, потом дракона, колдунью, злую птицу, затем вступает в единоборство с ураганом и, переправившись через реку, убивает злодея... м-м...

— Злодея Гургсара, — подсказала Люка.

— Вот-вот. Гургсара. Владимир Владимирович — это наш хореограф — он им сразу сказал: ну что тут ставить? Интриги — нету, драматургия — отсутствует...

— Я бы сказал, что драматургия несколько м-м... однообразна! — с умным видом уточнил я.

— Но даже хрен с ней, с драматургией! — подхватила Тата. — Главное, что будем делать мы, красавицы и умницы? Изображать рогатых львов? А потом волков?

— А чего, из Гусариной нехилая волчица получилась бы, — в кулачок хохотнула Тамилла.

— Мы же не чудовища! Мы — олицетворение красоты природы. Наши образы должны обогащать людей духовно, приобщать их к прекрасному, раскрывать перед ними богатейший потенциал музыкального и хореографического искусства, — имитируя штампованный, официозный конференс, сказала Люка.

422 Неудивительно, что мы все снова заржали.

Соседи стали поглядывать на нас с завистью — хоть и говорили мы шепотом, а обрывки нашего веселья все-таки до них долетали. Многие наострили уши. Многие сами принялись обсуждать ту же тему.

В общем, мы доигрались — нам сделал предупреждение охранник и на целый час мы были лишены счастья трепать языком.

Признаться, я воспринял это ограничение стоически — от чирикания девочек у меня начинала болеть голова.

Мы уgomонились и принялись с исступлением играть в подкидного дурака. И хотя нехорошие люди, бывает, честят балерин «набитыми дурами», но в проигрыше отчего-то чаще всего был я. Видимо, правда в том, что рядом с этими созданиями — вечными птицами и феями сцены — даже Альберт Эйнштейн не сохранил бы своей интеллектуальной мощи...

Пока Тамиласовала колоду (а она не доверяла эту ответственную операцию никому; «ненавижу когда мухлюют», — говорила Тамилас), я рассматривал зал — кто и чем развлекается в эту нелегкую годину. Может, если выживу, напишу воспоминания и заработаю кучу денег?

Эффектный, сложенный как греческий бог танцовщик массировал спину своему товарищу, сложенному как бог скандинавский.

Акомпаниатор, позевывая в кулак, листал нотную партитуру (еще раньше Люка объяснила мне, что это — партитура «Исфандияра» и что под такую какофонию Императорскому балету не приходилось танцевать даже в брутальном двадцать первом веке, во времена засилья экспериментальных технобалетов).

Немолодая балерина с грустными глазами, что сидела напротив, уже во второй раз накладывала грим (вот сейчас закончит правую скулу и снова все смоем).

Ее подруга с лицом Женщины Трудной Судьбы бесстрастно починая балетные туфли.

Двое упитанных актеров миманса жевали печенье — им-то что, можно и набрать пару-тройку кило...

И только автоматчики у входа, похожие как два единоутробных брата, стояли недвижимые, словно бы алебастровые, и колючими, ястребиными глазами рассматривали нас.

Иногда на губах одного из них поигрывала мечтательная полуулыбка. О чем он мечтал? Может быть, о том, как в Хосрове вся эта капризная братия, чей рацион состоит из

сплошной икры и лесных орехов, им спляшет и споет во славу Родины? А может, об отдыхе в пансионате «Чахра»?

И все это удваивали, учетверяли, удесятерили многочисленные зеркала.

А вот о том, что случилось с Колей Самохвальским после того, как его подбили, и о том, что вообще творится на рейде Фелиции, я старался не думать. Честно скажу: думать об этом мне было страшно.

Меня как раз одолела усталость и я даже задремал, когда яхта содрогнулась от носа до кормы, породив целую лавину звуков.

Звон, дребезжанье аварийной сигнализации, протяжный, заунывный скрип.

За стеной шумно обрушился штабель сценических декораций.

Мигнули, погасли и снова загорелись, но уже в треть прежней силы, лампы под потолком.

Балерины, разумеется, встретили перемены дружным визгом: «И-и-и-и-и!»

Кажется, палубой ниже ахнул взрыв. И почти полностью заглушенная переборками, полилась без передыху автоматная трескотня.

Охрана у входа действовала по уставу.

— Все — на пол, лицом вниз! Руки за голову!

В подкрепление своих слов, мичман-боксер выпустил в потолок щедрую очередь, окатив наше нежное сообщество душем мелких зеркальных осколков.

Вот этого делать не надо было. Здесь он немного не рассчитал. Не просто перепуганные, но прямо-таки осатаневшие от ужаса балерины вместо того, чтобы лечь на пол, со всей прыти бросились в стороны.

Одновременный скок этого ополоумевшего стада, знающего толк в прыжках, совпал с очередной неожиданностью. Силовой эмулятор тяжести отключился — или, скорее, был отключен.

На борту яхты наступила полная невесомость.

Балерины взлетели в воздух! А за ними — печенье и карты, пузыри чая, коньяка и кофе, партитура и аккомпаниатор, танцоры божественного происхождения и целая стая балетных туфель! И я вместе с ними! И оба клона-часовых!

Причем напарник «боксера», не сообразив, что же вообще тут, дэвы вас всех раздери, происходит, выдал фразу по-

истине историческую:

— Отставить эти ваши балетные штучки! Выполнять приказ: на пол!

Сам он при этом оказался уже в аккурат под потолком. А «боксер» пересекал по наклонной вмиг замусорившееся воздушное пространство зала, направляясь почти точно ко мне. Разумеется, это была чистая случайность: ему, стражу, следовало бы находиться на боевом посту у входа, а не летать тут, в исторически обреченной человеческой каше.

К тому моменту я уже сообразил, что происходит. Похоже, сопротивление клонов в космосе было наконец-то полностью сломлено. Штурмовые флуггеры «Геккон» подошли к яхте и присосались к ее борту. После этого обшивка была вскрыта кумулятивными резаками и рота осназ растеклась по коридорам. А для того, чтобы дезориентировать противника, осназовцы первым делом захватили и отключили силовой эмулятор. Они-то обучены действиям в невесомости, у них есть ракетные ранцы и другие примочки — чего о противнике не скажешь. И это верно.

А поскольку я соображал в этом направлении раз в десять быстрее балерин и в два раза быстрее наших охранников, следующая мысль возникла у меня пренеприятная: да ведь клоны могут прикрыться балетной труппой, как живым щитом! И, держа под прицелом наших Одетт, потребовать от осназа убраться. А то и вовсе: сложить оружие.

Ох, до чего же мерзкие могли получиться торги! А уж кровавые — будьте уверены.

Из двух зол надо выбрать меньшее.

Когда «боксер», нелепо размахивая автоматом, как веслом, оказался возле меня, я схватился за его оружие двумя руками и, оперевшись ногой ему в грудь, с силой оттолкнул от себя.

Все это выглядело со стороны довольно нелепо, но своего я добился: автомат стал моим.

Чем я незамедлительно воспользовался, выстрелив в мичмана.

Нас унесло в разные стороны: я под воздействием отдачи полетел в одну сторону; он, под воздействием пули — в другую. Вокруг подстреленного, хрипящего клона закружились красные пузыри крови.

Какое счастье, что на этом все закончилось! Потому что стоило второму охраннику вступить со мной в настоящую перестрелку — и несколькими танцорами Императорского балета точно стало бы меньше.

Но в этот момент в зале появились двое вооруженных до зубов осназовцев с реактивными ранцами.

«Пах-пах», — и второй клон закружился под потолком с дулом автомата во рту.

Вероятно, на счетчике его боеприпасов светилась цифра вроде двойки. Плену он предпочел смерть.

— Младший лейтенант Александр Пушкин, эскадрилья И-02! Был сбит в космосе, взят в плен при помощи ремонтного бота «Язуы», содержался с балеринами. Услышав звуки боя, завладел оружием, уничтожил... убил вот... кажется... — Я почему-то смешался и показал на клонского мичмана в окровавленной форме, над которым склонился осназовец с красным крестом на нарукавной повязке.

— Майор Свасьян, — молодежавый парнишка в бронескафандре протянул мне руку. — Молодец, младший лейтенант. Хватка есть. Молодец! Поздравляю с освобождением из плена!

С виду он был лишь на пару лет старше меня. Тем удивительнее его карьерный рост! Ведь южане обычно мужают и как-то матереют раньше славян. А даже у русско-русских майоров на висках частенько серебрится седина.

— Требуется ли моя помощь, товарищ майор?

— Уже и моя-то помощь не требуется. — Осназовец широко улыбнулся.

Кажется, это был первый боец отрядов особого назначения, который с первых же слов стал мне симпатичен. Прежде мне попадались только свирепые бульдоги. Правда, то все были ефрейторы да сержанты, с майорами мне знакомство водить не случалось.

— Как прошло? — спросил я для приличия.

— Как в уставах писано. У нас двое тяжелораненых — вот и все потери. К счастью, сразу после захвата яхты клоны убрали с нее лучших своих бойцов обратно на «Балх». Охрана тут была в основном из флотского инженерно-ремонтного полка, который базируется на Вару-8. Они тут и балерин сторожили, и маршевый двигатель чинили. Ну а ремонтники, сам понимаешь, не вояки.

— Что же вас так долго не было? Я думал, вы уже давно высадились, только вас блокировали где-то.

— Нет, мы только что с «Трех Святителей». Там целая история вышла...

Силовой эмулятор уже включили. Благодаря старому доброму «g» мы твердо стояли на полу. Вот, кстати, еще

426 один атрибут непомерной роскоши той волшебной яхты:

полная тяжесть вместо привычной для военных кораблей половинки!

Мимо нас осназовцы, как заботливые гувернантки, вели по коридору, приобняв за плечики, заплаканных танцовщиц. Плакали все — и не только девушки! Плакали от испуга, плакали от счастья.

Кто-то в глубине души наверняка печалился, что романтическое приключение так стремительно завершилось. И не видать им теперь ни Хосрова, ни нового, хотя и дурацкого, балета. А на Земле интерес к ним сейчас будет только у журналистов. Ведь все мужчины, все поклонники, все зрители ушли на войну! (Я не берусь утверждать, что они думали *именно так*, но ясно же, что мозги людей искусства — благодатная почва для незабудок, ромашек и орхидей всех цветов и размеров.)

Два полубожественных существа мужского пола тоже пустили по слезе. При этом античный полубог заботливо поддерживал под локоток полубога скандинавского.

Стройная немолодая солистка билась в неуместной истерике: ах, моя пудреница! вы не видели моей пудреницы?! я никуда без нее пойду! вы слышите? никуда!

Тамила и Люка подскочили ко мне и, на зависть майору, зацеловали буквально до полусмерти, размазывая по моим щетинистым щекам слезы, сопли и помаду. Тут же объявилась и Тата с камерой. Мы снялись на память.

Затем я благородно намекнул девочкам, что главный виновник торжества — майор Свасьян. Они снялись и со Свасьяном тоже.

Несмотря на уговоры осназовцев, погрузка на флутгеры шла нерасторопно. Довольно быстро выяснилось, что, даже уложив Императорский балет в четыре штабеля, никак не выйдет вывезти всех одним рейсом. Вначале эвакуировали руководство, хореографа с ассистентами, солистов и солисток первой-второй-третьей значимости. На повторный рейс оставался собственно осназ и примерно половина кордебалета. Хоть меня и пытались впихнуть довеском в последний флутгер как — блестящая формулировка! — «приравненного к раненым» пилота, я решительно отказался.

Пока флутгеры совершали первый рейс, Свасьян, которого просить два раза не надо было, просветил меня относительно событий последних часов.

— Там карусель вышла такая, что страшно вспомнить. Ваши все никак не могли добить «Балх» (под «ва-

шими» он имел в виду, конечно, истребители). Тем временем несколько торпедоносцев клонов все-таки прорвались к «Трем Святителям». Их все сбили, но они успели выпустить торпеды и как назло угробили две катапульты, с которых собирались взлетать наши штурмовые флуггеры. Посадочной палубе, сам понимаешь, тоже досталось. Тем временем «Атур-Фарнбаг» удирает от наших торпедоносцев. Ему крепко досталось, но добить его не смогли. За ним погнался «Кавказ». Штурмовики и торпедоносцы начали возвращаться на «Три Святителя». Принимали их медленно. Все, кто живой, боролся с пожарами на борту авианосца. Даже нас задействовали — у нас бронескафандры хорошие, в любой огонь войти не страшно. Тем временем нужно было еще спасти экипаж «Удалого». Этим занимались фрегаты.

— Так «Удалой» погиб?

— Считай, что да. Он был еще полетал, после ремонта. Но в Х-матрицу он войти не может, а когда ж его отремонтировать-то? Экипаж сняли, а корабль взорвали, чтобы клонам не достался. Нас тоже хотели послать к «Язу» на фрегатах, но пересаживаться было долго. К тому же одно дело — ворваться на борт яхты со специального флуггера, другое — через обычный кессон. Ты пойдешь еще состыкуйся!

— Скажите, товарищ майор, а про Николая Самохвальского, pilota истребителя, вы ничего не слыхали?

(Собственно, это было единственное, что меня по-настоящему интересовало — кроме, разумеется, судеб других мужиков из И-02. Но из-за своей вежливости я был обречен выслушивать из уст словоохотливого майора полный отчет о сражении.)

— Как фамилия, говоришь?

— Самохвальский.

— М-мм, там отличился какой-то молодой лейтенант, pilot истребителя, да... Но фамилию вот не запомнил. Кажется, не такая фамилия. Что-то кошачье. Котиков? Кошкин?

— Подождите, товарищ майор... — Я не смел поверить своему счастью. — Котенок?

— Да, точно! Я еще подумал: чудная фамилия, Котенок. Как Щенок почти. Немужская, невоенная фамилия, да.

— Так это не фамилия, это позывной! Прозвище, которое pilot получает в бою. Обычно совпадает с символом или рисунком на...

— Не учи ученого.

428 — Извините... Так что этот Котенок. что он?

— Кто он? Герой дня, дорогой мой! Герой дня — никак не меньше! Не знаю подробностей, успел только краем уха о нем услышать. Но чистое чудо! Чистейшее!

— Он жив?!

— Да жив он, жив. Что ты так распереживался? Он тебе брат?

— Почти как брат, товарищ майор. Мы с Колей учились вместе, с первого дня. И джипсов вместе били.

— Понимаю. — Свасьян погрузнел. — А я своего названного брата на Махаоне схоронил, неделю тому... Эх, ладно, мертвые — к мертвым! Слушай, младлей, о своем Коле. Во время боя он исчез. Кто-то видел, как его поврежденный истребитель падал на Фелицию. Записали его в пропавшие без вести. Ясно было, что в лучшем случае ему повезет катапультироваться. А уж истребителю точно конец. И вот, спустя несколько часов радары «Трех Святителей» видят, что к «Язу» приближается одинокий флутгер. Думают: ну точно, конкордианец. И на «Балхе», наверное, тоже так думали. А когда сообразили, что это все-таки наш, российский истребитель, было уже поздно. Шарахнул он ракетой — и сразу к «Трем Святителям»! И так удачно шарахнул, что «Балх» тут же и притух. Еще секунду назад ловили импульсы его радаров наведения, а тут вся его противокосмическая оборона как умерла. Крепко нам этот твой Коля помог, ай крепко!

— Так он теперь на авианосце?

— Да. Отчитывается перед командованием, как это ему так повезло невероятно. Дырку под медаль готовит!

— И ведь действительно чудо...

Пока мы с майором разговаривали, контрольная группа осназовцев собрала трупы конкордианцев и трофейное оружие. Поскольку во втором рейсе на флутгерах должно было еще оставаться местечко, всё это было решено вывезти.

И вот, в очередной раз мазнув неприязненным взглядом по изувеченным беспощадным оружием осназа телам, я вздрогнул. Господи! Риши! Как я мог забыть!

— Здесь все? — спросил я у сержанта, который тащил охапку легких клонских автоматов.

— Все. Кто в пристойном виде сохранился. А есть такие, от кого только мокрое место осталось, гы, — ухмыльнулся он. — Жаль, блин, мы ведер с собой не прихватили!

И он жизнерадостно заржал.

Тут к майору подбежал с докладом один из командиров взводов. Обращаясь к нему не по уставу, то есть типично по-осназовски, он сказал:

— Батя, с флагмана передали: появились новые корабли противника. Вероятно, по вызову «Атур-Фарнбага». Два линкора и эскортный авианосец с очень сильным сопровождением. Идут на нас полным ходом. Сейчас вернутся наши флуггеры, приказ: погрузку провести в ускоренном темпе. Третья эскадра намерена спешно покинуть рейд Фелиции. Зря мы с этим возились. — Лейтенант небрежно пнул ближайший труп. — Придется бросить.

(Среди примерно двадцати мертвых клонов Риши не было — где же она?!)

— Майор, я сейчас, — пробормотал я. — Мне срочно надо...

— Куда это? — Свасьян не то чтобы подозрительно, но с явным интересом заглянул мне в глаза.

— В туалет. Дурно мне... Тошнит... Сейчас вернусь...

Я притворялся как мог. Но актерским талантом я обделен.

— Саша, блей здесь, — тихо сказал он. — Мы не обидимся.

— Знаю... Не могу... Мне не только за этим...

— Не знаю, что ты надумал, — еще тише сказал Свасьян. — Но ждать тебя мы не будем. Вот, возьми пистолет на всякий пожарный. И чтобы через пять минут был здесь. Понял?

— Да... Так точно, товарищ майор!

Памятуя предупреждение Свасьяна, по яхте я перемещался исключительно бегом.

«Хороша была галера: румпель был у нас резной, — сцепив зубы, бормотал я. — И серебряным тритоном нос украшен был стальной».

От усталости и голодного одурения у меня почти не осталось слов. В голове крутились обрывки из нелюбимого мною после истории с разбомбленной Киртой певца маскулинности и англосаксонского милитаризма.

«Галера» и впрямь была когда-то хороша. Даже на престижных пассажирских звездолетах коридоры обшивают довольно банальными материалами. Обычно каким-нибудь огнестойким полимером. Ну, пробкой синтетической. На некоторых русских и испанских титаниках, по слухам, используют сафьяновые обои — чем компании-судовладельцы вроде «Дежнев и Наследники» ужасно гордятся.

Так то какой-то сафьян. И только на палубе люксов.

А вот на «Язуе», даже в районе ходовой рубки, коридоры были облицованы драгоценным охряным ясенем с Клары! Настоящим! А на полу, под коврами из какого-то убой-

ного (прозрачного!) и, думаю, тоже натурального инопланетного волокна, угадывался... паркет!

Да таких кораблей — с паркетом в коридорах для экипажа — на все Объединенные Нации наберется, наверное, десятка полтора.

«Яуза» была настоящим произведением искусства. Честно говоря, даже если бы у яхты на борту не было ни одной балерины, соображения национального престижа все равно требовали бы кровопролития за ее коридоры, облицованные охряным ясе-нем, и каюты с янтарными потолками. Это же целый летающий Эрмитаж!

Блуждающие гранаты-волчки, аморфные мины, пули-дуры и прочие виды интеллектуального и безмозглого оружия в этих отсеках яхты почти не безобразничали.

Но совсем недавно здесь побывало контрольное отделение осназа. Оно утилизировало последние запасы взрывчатки, раз-нося вдребезги хоть и герметичные, но довольно легкие пере-борки, которыми коридор был автоматически перекрыт полчаса назад по пожарной тревоге.

Осназ искал недобитых клонов и недоспасенных балерин. Вторые здесь не водились, а первые были найдены в количестве четырех человек. Об этом можно было судить по примерным контурам конечностей и некоторых внутренних органов, раз-мозженные фрагменты которых в живописном беспорядке по-крывали залитые кровью стены и потолок обезображенного до неузнаваемости помещения для отдыха экипажа.

От двери остался только опаленный комингс. Паркет и де-ревянная облицовка напротив дверного проема были превраще-ны в мелкую щепу.

«...И серебряным тритоном был украшен нос стальной», — повторил я.

Какое спецоружие способно на *такое*? Не знаю. Знаю толь-ко, что если бы не вопрос, ради ответа на который я прибежал сюда — хотя и не имел права этого делать, — я, не дожидаясь рвотных спазмов, сломя голову бросился бы прочь.

Но поскольку я искал Риши, мне предстояло определить, нет ли в этой братской могиле и ее останков тоже.

В Академии, уже на четвертом курсе, у нас были тренинги на психологическую устойчивость в бою. Говорили, что обору-дование и методика разработаны в основном для танкистов и пехоты, но особой директивой Генштаба их ввели во всех военных академиях без разбора.

Тренинги такие. Кадета одевают в скафандр и запускают в большой ангар. В ангаре при помощи мастерски сработанных декораций, андроидов, свето- и пиротехники имитируются различные «пространства боя». Например: разрушенная казарма на Луне. Или горящая полетная палуба авианосца. Или руины обычного колониального города.

Задача: пройти ангар из одного конца в другой. Не за какой-то определенный срок, а просто: пройти. Преодолевая завалы и очаги пожаров, протискиваясь между раскаленными балками, ступая по трупам с вывороченными наружу кишками. Если надо — переправляясь через реки пламени по прогоревшим остовам школьных автобусов или погружаясь по самую макушку в грязную, бордовую от крови жижу, застоявшуюся в воронках. И оставляя умирать под обломками тяжелораненых, которые тянут к тебе руки и зовут на помощь: по-русски, по-гречески, по-японски.

Неподалеку может взорваться мина-имитатор. Или бочка с танковым топливом.

А скафандр, который на тебе надет, — непрост. Подчиняясь радиокоманде невидимого инструктора, в самый неподходящий момент на нем лопается стекло — и в нос шибает гарью, трупным смрадом, городской клоакой. Или вдруг расходится в стороны многослойная армированная ткань скафандра и на землю... вываливаются твои собственные кишки. Имитация кишок, конечно, но многие после таких приколов начинали задумываться: «А не пошла она куда подальше, эта армия?»

Собственно, для того, чтобы отсеять *чересчур* нервных и нежных, тренировки и ввели. Потому что натренировать человека на спокойное восприятие ужасов войны — невозможно.

В чем я вновь убедился, обследуя влажные, тяжелые ошметки формы и покореженные знаки различия в том проклятом, зачищенном осназом помещении.

Два левых мичманских погона, одно удостоверение личности с фотографией смуглого дема в белой пилотке медслужбы (большая часть фото обуглилась — в частности, погоны) и нагрудный знак комендора-снайпера. Вам это о чем-нибудь говорит?

А меня заставило петь, плясать и веселиться.

Риши Ар — капитан. А не мичман.

Риши Ар — кто угодно, только не офицер медслужбы. Потому что когда я видел ее на дисплее, пилотка на ней была

Риши Ар — кто угодно, только не комендор-снайпер. Ни один командир корабля, ни при каких обстоятельствах не отпустит хорошего комендора (да еще в чине капитана!) командовать призовой партией. Это все равно что наладчика электронных контуров отправить жокеем на Северное Дербь.

Я пел и веселился, конечно, с поправкой на обстоятельства. Пробурчав «жизнь продолжается», я сплюнул, высморкался, стер пот со лба и поспешил дальше — к ступенькам, ведущим непосредственно на ходовой мостик.

Правда, перед этим я достал полученный от Свасьяна пистолет и снял его с предохранителя. Случаи-то разные бывают.

Ступеньки упирались в дверь. Могучую, капитальную дверь — не то что искореженные подрывниками осназа аварийные переборки.

Перед этой дверью, наглухо задраенной изнутри, даже осназ оказался бессилён. Три окурка на площадке свидетельствовали о коротком совещании, после которого бойцы, пару раз саданув в дверь для острастки из импульсного огнемёта, убрались восвояси.

Переговорное устройство на комингсе между тем с виду было в порядке — только закоптилось немного.

Я нажал на оплавленную кнопку и громко сказал:

— Риши! Это Саша Пушкин. Ты там?

Молчание.

— Я знаю: ты в ходовой рубке! Когда ты зачитывала мне права военнопленного, за твоей спиной я видел Астропарсер! Ты должна быть здесь!

Молчание.

— Риши, если ты меня слышишь — открой, пожалуйста. Если не слышишь: умоляю, услышь!

— Александр? Ты... один?

Это был ее голос!

— Да! Один! Совершенно! Наши уже эвакуируют яхту! Рядом со мной никого нет! Абсолютно! Открой, Ириша!

— Не кричи, я слышу. Ты пришел... с оружием?

— У меня есть пистолет, врать не буду. Но я уже ставлю его на предохранитель. И прячу в карман.

Что я и проделал. Была у меня надежда, что за подступами к ходовой рубке следит скрытая камера. И Риши, если ей ума достанет, сможет сейчас увидеть мой миролюбивый жест на дисплеях внутреннего слежения.

— Ты не боишься, что я тебя убью?

— Как я могу бояться?! Чего *теперь-то* бояться? — Я нервно хохотнул. — Если ты меня уже один раз сегодня спасла, зачем же тебе меня убивать сейчас?

«Жу-жу-жу», — ответили за Иришу сервоприводы. Дверь убралась в стенную полость. Я переступил через комингс, озираясь.

Риши я заметил не сразу. Ходовой мостик — помещение немаленькое. Особенно на таких вот крейсерских яхтах, где конструкторы не боролись за минимизацию объемов. Зачем бороться, если у заказчика кошелек безразмерный? А мы вот еще фонтан здесь устроим! В полтора человеческих роста! А здесь — выгородку для отдыха второй летной смены!

Я пошел по кругу, обходя прозрачный купол Астропарсера.

За те дни, что клоны хозяйничали на яхте, они успели привести сюда специфику своего быта.

На вершине выключенного фонтана красовался походный алтарь Огня.

Где попало висела наглядная агитация. Их плакаты были пугающе похожи на наши, только мы — бежали, а они — побеждали. Особенно впечатлял шедевр, зеркально повторяющий наш «Орел мух не ловит»: Крылатый бык топтал целую свору геральдических существ — двух орлов, двух львов, грифона, единорога и голубя. Готов спорить, что лихой слоган над этим безобразием был точным эквивалентом нашей поговорки «одним махом семерых побивахом».

Разумеется, попалась мне и груда военного снаряжения, в которой выделялись несколько скафандров и станковый плазмомет. Почему это чудище не использовали против нашего осназа? Сломано небось.

А через несколько шагов я остановился, как вкопанный.

Вот она, встреча, которую я провидел на Хосрове, в космопорту имени Труда. И ведь действительно встреча совершенно невероятная — я и в этом не ошибся.

Риши стояла ко мне спиной. Наконец-то я видел ее облеченной с головы до ног в нормальный костюм, а не какой-то повседневный комбинезон! Правда, сукно, которое идет у конкордианцев на офицерскую форму, немногим краше тех огневодогазонепроницаемых синтетиков, из которых штампуют комбинезоны.

А вот покрой у формы был симпатичный. Особенно хорошо смотрелась прямая, длинная — до щиколоток — юбка,

434 напоминающая те, которые носят «на гражданке» жен-

щины-заотары. Форма была новенькая, с игопочки. Похоже, этот комплект Риши получила вместе с новым назначением и званием капитана.

И вот что смешно. Одежда Риши бросилась мне в глаза сразу. А крохотный пистолет, который она держала у виска, я разглядел только через несколько секунд — казалось, она просто подняла руку, поправляя прическу, да так и застыла в задумчивости.

— Риши... ты... что это придумала?

— Решила попрощаться. Вот и впустила. А зачем? — словно бы рассуждая вслух сама с собой, сказала она. — Теперь думаю: надо было сдерживать себя. Стрелять сразу. Я малодушная.

Она говорила по-русски очень недурно. (Кто бы знал раньше! Вот уж клонские хитрованы!)

Но, поскольку ее натаскивали на зачитывание прав военнопленного и всякие там «Куда ушли партизаны? Где цистерны с люксогеном? Откройте, иначе стреляем!», когда дело заходило о нормальной человеческой жизни, проникнутой нормальными человеческими чувствами и чаяниями, ей приходилось нелегко. Фразы становились короче, слова приходилось подбирать с возрастающим тщанием.

— Посмотри на меня! Обернись!

— Не подходи. Иначе выстрелю.

— Хорошо. Не подхожу. Я вот на пол здесь сяду. Если можно. Я сел.

— Можно, — запоздало разрешила она.

— Слушай, Риши... я вот здесь зачем... — хоть и был я русским, а мне тоже пришлось мучительно искать слова, будто был я уроженцем Хосрова. — Я специально тебя искал. Тебя одну. Мне бы уже на борту флуггера быть, вместе с балеринами. Но мне нужно было тебя разыскать. Живую или мертвую. Пожалуйста, не надо убивать себя. Теперь, когда я уже увидел тебя живой.

— Ты чувствуешь как настоящий пехлеван.

Я не смог понять ее интонацию: одобрение или ирония?

— Поэтому ты меня поймешь, — продолжала Риши. — Моя жизнь выполнена. Я хорошо служила Родине. Но вы взяли верх. При помощи своего числа. Вас было много. Я имела приказ: привести «Язу» в Хосров. Вместе с балетом. Теперь я приказ выполнить не могу. Пехлеван, который не может выполнить приказ, — плохой пехлеван. Плохие пехлеваны жить не должны.

Мне показалось, что свои аргументы в пользу самоубийства Риши излагает по одной-единственной причине: она сама в них не верит. Сейчас она не меня — себя убеждает: плохому пехлевану не жить!

— Риши, но ведь ты сама сказала: мы победили не уменьем, а числом. Значит, твоей вины здесь нет. Ни капли! Ты хороший пехлеван!

— Хороший, — эхом отозвалась она. И как школьница-отличница, сомнабулически и горделиво заговорила о себе любимой, но теперь уже на фарси:

— На Наотаре только моей спецгруппе удалось подорвать домну джипсов. Это было еще до появления вашего флота. Мы высадились ночью, тайно. Мы заложили под домной сборную мину и мне удалось увести всех своих людей. А другие группы погибли до последнего человека. Во главе другой спецгруппы в первые же часы войны я уничтожила на Каталине центральный командный пункт вашей противокосмической обороны. В системе Клары без единого выстрела захватила эту проклятую яхту. Но кто мог знать, что где-то есть предатель! Который раскрыл вам не только местоположение яхты! Он выдал вам главное: яхта не на ходу!

«Да устанет у нее рука когда-нибудь или нет?! Шутка ли: все время пистолет у виска держать! Пусть даже и маленький! Риши, ну не стой же ты статуей, обернись, посмотри на меня! Что за разговор: я к тебе лицом, а ты ко мне жопой!»

— Этому «предателю» у нас в России когда-нибудь памятник поставят. На деньги Императорского балета.

— Не будет никакой России, Александр, — убежденно сказала Риши. — Вы проиграете войну. И притом куда быстрее, чем ты думаешь.

— Держи карман шире.

— Зачем?

— Русская поговорка. Означает: «не дождетесь».

— Пустой спор.

— Нет уж ты извини, дорогая... — начал я, но меня бесцеремонно прервали:

— Александр, у меня устала рука. Я не могу доверять тебе до конца — у тебя может быть оружие с парализующими иглами. Думаю, поимка такой крупной птицы, как я, прибавила бы звездочку на твои погоны. И, думаю, ты это знаешь. Сейчас я выстрелю. Прощай и помни: я любила те...

436 — А я тебя — нет! Ты слышишь, Риши: *нет!!!*

Последние слова я прокричал, зажмурившись. Не очень-то мне хотелось смотреть, как левая половина ее головы отделяется от правой. Я вовсе не для этого сюда шел.

И вообще: что-то я недодумал. С чего я, романтичный дурак, взял, что мне необходимо встретиться с этим говорящим автоматом? Может, она и «люблю тебя» говорит так, на автомате, ради «звездочки на погоны»? Хотя какая карьера за секунду до смерти?!

Но выстрел не прозвучал. Не было ни характерного чвака, ни глухого удара падающего тела.

Эге, а как же стреляться? Стреляться будем?

— Риши, алё? — почему-то шепотом сказал я.

— Александр, открой глаза.

Каким-то другим голосом она говорила, совершенно другим. Будто раньше у нее в горле была сурдинка, а теперь ее вынули!

Я открыл.

Наконец-то Риши повернулась лицом ко мне. Пистолет она отложила в сторону, на край просторного штурманского стола.

— Вот, Александр, как оно бывает. Если бы ты сказал «я тоже тебя люблю», я спокойно ушла бы из этого мира. Но твои слова я восприняла как вызов. Так что берегись, лейтенант Пушкин.

Мне пора было идти. Ой как пора!

Откуда-то издали донеслись глухие отзвуки выстрелов. На трескучие очереди нашего пулемета отвечало зазорное тавканье клонских двухствольных автоматов.

На яхту высадились еще одна штурмовая группа? На этот раз — конкордианская?

Но теперь, когда я, де-факто, спас Риши жизнь... Теперь, когда прозвучало интригующее «берегись, лейтенант Пушкин»... Я был просто обязан закончить этот разговор!

— Чего же я должен беречься?

— Мы встретимся после этой войны. Я обязательно найду тебя — где бы ты ни прятался. И заставлю себя полюбить!

Ее уверенность меня одновременно забавляла, злила и провоцировала на прямо-таки театральные реплики:

— Меня искать не придется. Я сам разыщу тебя на руинах Хосрова.

— Вы имели шанс увидеть Хосров в руинах, — кивнула Риши и сразу же скороговоркой добавила: — Да простит мне Родина такие слова... Но для этого, Александр, твоей стра-

не нужно было планировать нападение на конец прошлого года. А не на февраль этого. Вы слишком долго готовились.

— Ну у вас и пропаганда! — Я вспыхнул. — Кто готовился? Мы?! Да подумай хоть раз в жизни своей головой, Ириша! Мы не собирались нападать на Конкордию! Ни в прошлом году, ни в этом, никогда!

— Александр, я видела, во что вы превратили свои передовые базы! Я же капитан силовой разведки, я была там, с автоматом в руках! Военные склады до горизонта! Законсервированная техника для целых дивизий! Реки танкового топлива!

— Наверное, после конфликта с джипсами наши генералы считали, что... надо как следует вооружиться... — промямлил я. Не очень-то уверенно.

Уверенности не было, да. Уж больно много выходило нестыковок.

Транспорты увозили с Земли медали и ордена ящиками. Куда?

В Колчаке на моих глазах и, чего уж там, при моем личном участии отгрохали новый громадный госпиталь. Для кого?

Федюнин совершенно непоследовательно повел себя с моим ходатайством насчет Иссы. Проговорился в первый раз, что отношения с Конкордией могут испортиться, а на следующий день подписал все бумаги и едва ли не умолял забыть о том разговоре. Не потому ли, что он поделился моей историей с Туровским и получил от контр-адмирала втык за неправильную политику и указание немедленно удовлетворить ходатайство? А если я не прав, как иначе можно объяснить такие резкие перемены настроения каперанга? Самодурством? Да не самодур он, в том-то все и дело.

А диковинные корабли в периметре Хайека?

Ириша между тем ответила мне новым веским аргументом:

— Вооружиться тысячами танков и флуггеров, выпущенных до конфликта с джипсами?

— Пропанганда. Не верю. Если у нас и было много техники, то у вас уж ее точно больше. Может, Всемирный Совет Директоров что-то узнал о ваших приготовлениях. Потому и вооружался — для обороны. Да сама посуди: ну зачем, зачем нам нападать на вас? Из-за дешевого люксогена Паркиды? Нерентабельно! Ясно ведь, что война обойдется в сто раз дороже!

(Хоть и говорил я пылко, верил себе все меньше. Как было не вспомнить развешенные в Академии буквально на второй день после официального начала войны плакаты, где от нас убегают перепуганные клоны! Благо, антипод этого сюжета, с торжествующим крылатым быком, висел прямо передо мной.

Упрямый факт: по всему выходит, плакаты заготовили *за-
ранее...*)

— Люксоген — это важно, — убежденно сказала Риши. — Очень важно. Без него нельзя победить. Но ты прав: люксоген — средство, а не цель войны. А истинная цель...

Риши внезапно замолчала.

— Ну?

— Александр, в мире происходит что-то страшное. Везде. Во всей Сфере Великорасы. И у нас, и у вас. Я не знаю, зачем говорю тебе это. Если откровенно, ты не кажешься мне очень умным...

Ничего, решительно ничего не оставалось в ней от той зашуганной, печальной девчонки, которая пожелала нам с Иссой «большого счастья» возле фонтана с непристойно мужественными борцами! И признаюсь: в своем новом качестве Риши Ар нравилась мне больше.

— ...Но умных много, а благородных — мало. Поэтому только с тобой я хочу поделиться своим страхом. Примешь?

В Конкордии это считается высшим пилотажем вежливости: спрашивать разрешения перед тем, как нагрузить по самые уши негативными эмоциями. Очень правильный обычай, надо и у нас такой ввести.

— Приму.

— Все дело в Возрожденной Традиции. Как это называем мы. У вас, насколько я знаю, это называется «обратная эволюция».

— Ретроспективная. Впрочем, не в словах дело. О том, что ваш уклад жизни совершенно неприемлем с точки зрения Объединенных Наций, я понял еще на Вэртрагне. Так что не такой я дурак.

— Как раз это понял бы и дурак. — (Ай да Риши! Рубит сплеча!) — Подлинная проблема не в том, что Объединенные Нации не могли с нами ужиться — нам делить нечего. Проблема другая: ваши лидеры боялись, что Объединенные Нации *превратятся* в новую Конкордию.

— Не понял.

— Это нелегко понять. Вот вопрос, который заботит ваших директоров: если в свое время Традиция возродилась среди колонистов Вэртрагны, если впоследствии что-то похожее случилось на Большом Муроме и Вавилоне, где уверенность, что это не перекинется на другие планеты? На Землю, в конце концов?

У меня волосы на голове зашевелились. Что за мысли — чудные и, пожалуй, действительно страшные?

Храм Огня в Кремле. Эвтаназия для стариков. Собаки на скамье подсудимых. Как-то не очень...

— А почему это должно происходить? — насторожился я. — Что вообще за вопрос такой? Досужие домыслы, как по мне.

— Домыслы? Для тебя, может быть, и домыслы. А для вашего Глобального Агентства Безопасности — номер один в списке смертельных угроз. У меня есть родственники, приближенные к заотарам. А осведомленность заотаров мы, простые смертные, даже не можем себе представить. От своих родственников я знаю, что земляне по закрытым дипломатическим каналам многократно обращались к нам с просьбой позволить исследование феномена ретроспективной эволюции. Вы буквально вымаливали разрешение на проведение широкомасштабных исследований. Но наши власти вам неизменно отказывали. Что легко понять, ведь ваши просьбы были равносильны требованию на установку научной аппаратуры, например, в Храме Гроба Господня. Я правильно говорю?

— Правильно-то правильно... Но что исследовать-то? Что?! Священный огонь? Ваши гены? Вашу физиологию? В мозги-то не посмотришь! Особенно в мозги тех, кто триста лет назад первый раз вместо «здрасьте» завопил «встань на путь солнца»!

— Александр, не надо кошунства. Тогда, в Изначальный Час, у людей на Вэртрагне были массовые видения. Сорока тысячам колонистов в одну и ту же ночь приснился один и тот же сон. Первоучитель, заотар Римуш, за одну неделю заговорил на фарси, которому нигде никогда не учился — если ты знаешь, по происхождению он был армянином из Италии. — Я ожидал, что на лице Риши мелькнет тень улыбки, но, конечно же, ошибся. — И это, и многие другие чудеса были засвидетельствованы учеными с докторскими степенями. Так что, пожалуйста, не надо считать, будто Традиция возродилась из одного «вопля». И не надо думать, что Конкордия — это большое костюмированное представление для туристов, как написал перед самой войной какой-то острослов-профессор в ваших «Известиях».

— Риши, поверь: *так* я не думаю.

— А если ты так не думаешь, должен понимать: Возрожденная Традиция — это величайшее чудо, с которым встретился человек в космосе. Просто ни вы, ни мы — по разным причинам — не говорим об этом в полный голос. Нас в школе

440 учат, что иначе и быть не может. А вас, по-моему, вооб-

ще ничему не учат, кроме физики и футбола. Что же до немногих посвященных из числа наших заотаров и вашего Глобального Агентства Безопасности, которые в полной мере осознают проблему, не смогли найти общего языка.

— А заотарам зачем? Допустим, у нас кто-то боится возникновения новых очагов ретроспективной эволюции в границах Объединенных Наций. И это нормально. Я не хочу, чтобы кто-то за меня решал, можно мне иметь детей или нет! Но для вас это нормально? У вас *как бы* все в порядке? У вас ведь уже всё позади! Традиция возродилась — и ура?

— Откуда уверенность, что позади уже *всё*?

От этого вопроса, заданного спокойным, даже отстраненным тоном, столь свойственным конкордианцам, мне стало совсем не по себе. Тем более что Львиный Зев, празднично освещавший ходовую рубку сквозь стеклопакеты панорамных окон, неожиданно померк.

Скосив глаза, я заметил, что звезду почти полностью затмил линкор, подошедший к «Яузе» совсем близко.

Линкор был явно не наш. Откатники главного калибра изрыгали пламя: клоны обстреливал какую-то цель, находящуюся за пределами видимости. Черт знает что творится вокруг яхты, а я тут лясы точу...

Но мною уже овладело гибельное безразличие к бойне за бортом. Мне хотелось только одного: слушать эту удивительную инопланетянку еще и еще.

— Ты хочешь сказать... Что ты хочешь сказать, Риши?!

— Я хочу сказать, что эволюция может пойти дальше.

— Куда уж дальше?! У вас и так сплошное мракобесие! Материализация Чистоты, елки-палки...

— Глупо. Глупо, Александр. Вот послушай. Наша религия — дуалистическая. Это хорошая, правильная вера, которая выражает в сакральных символах извечный дуализм духа и материи. Но раньше, на своей исторической родине, она была политеистической, языческой. Это тоже была хорошая вера. Для своего времени. Но в ней было много зооморфных элементов. Ты знаешь, что это такое?

— Догадываюсь. Божества в образе животных. Быки с человеческими головами, солнце в образе сокола...

— Примерно так. А еще раньше она была тотемическим культом. И тотемами, разумеется, тоже являлись звери. Вот твои предки, славяне, очень любили, например, волков. И себя с ними отождествляли.

— Положим.

— А ты ведь знаешь, что в Конкордии разрешены имплантаты и акселерация животных?

«Снова братец лис и братец кролик?» — удивился я.

— Да.

— А еще у нас недавно одна довольно зловещая группировка заотаров внесла в Народный Диван законопроект о снятии последних ограничений на межвидовую пересадку головного мозга. А если на эту биотехнологию наложится новый виток эволюции? Ретроспективной, разумеется? Что получится?

— Черт возьми... черт возьми... зверолюди?!

— Только представь себе: вместо одной нации — сотни племен. Сотни языков. Сотни тотемов. Люди Крылатого Быка. Люди Красного Волка. Люди Вольтурнианского Всеяда. Люди Стрелохвоста. По имени люди, а по облику — крылатые быки, красные волки, всеяды и стрелохвосты. Мы ведь живем теперь не на одной планете, а в целой Галактике. И тотемов стало несравненно больше. Это будет мир химер, живущих по этике времен не просто допотопных, а доисторических. Это будет конец Великорасы в том единственном смысле, который мы, люди, можем принять без отвращения.

Нарисованная Иришей картина смотрелась дико, ирреально. Но разве не бредовыми с точки зрения человека какому-нибудь идеологически монолитного двадцать второго века смотрелись бы наши, современные муромские обереги на приборной доске кожемякинского истребителя? Не говоря уже о нравах и обычаях Конкордии...

— Риши, если это правда... если в этом есть хотя бы крупица здравого смысла...

Я так и не смог сформулировать свою мысль. Потому что Риши неожиданно схватила свой пистолет и... замерла, как статуя, так и не сняв свое оружие с предохранителя. Глаза Риши остекленели — застыв на одной точке, где-то у меня за спиной.

Там же, за моей спиной, прозвучал энергичный женский голос. Снова этот долбаный фарси...

— Капитан Ар, положите оружие на пол.

— Исса, не дури, — почти ласково сказала Риши, хотя даже она, потомственный пехлеван, не смогла скрыть изумления и испуга.

— Исса?! — воскликнул я, одновременно оборачиваясь и поднимаясь на ноги.

Да, это была Исса. Видать, нелегко им приходилось на «Видевдате». Она осунулась, под глазами залегли синюшные тени. И все равно: это была моя невеста! Живая! Мои недавние фобии рассеялись как дым: что бы там ни было, но убийцей своей невесты я не был! Не был!

Исса щеголяла полной штурмовой экипировкой, похожей на ту, в которой геройствовал наш осназ. Бронескафандр с реактивным ранцем и специальными «галошами» бесшумной ходьбы, кислородные патроны, плоские коробки с пулями и баллончики с жидким порохом для двухствольного автомата...

Запотевшее изнутри забрало скафандра было поднято — если б не это, я, конечно, не смог бы увидеть ее лицо за анизотропным стеклом.

Под тяжестью оружия она не сгибалась (как клоны на довоенных политических карикатурах), но, думаю, если бы не два широких ремня, крест-накрест пересекающих ее грудь и служащих креплением для боевой подвески автомата, она не продержала бы нас под прицелом и минуты.

Даже не глянув на меня, Исса заявила:

— Капитан Ар, я обвиняю вас в сговоре с офицером врага. Окончание вашего разговора записано встроенной аппаратурой моего скафандра. А полная версия наверняка найдется в протокольном ящике ходового мостика. Согласно инструкции «О перебежчиках, трусах и слабовольных командирах», я смещаю вас с должности и беру под стражу. Малейшее неповиновение будет пресечено силой оружия.

Риши Ар не сдавалась. Она тоже перешла на официальный тон:

— Лейтенант Гор, ваше звание и низкий уровень допуска не позволяют вам адекватно оценить происходящее. Ваше неповиновение старшему офицеру есть вооруженный мятеж перед лицом противника. Приказываю вам немедленно убрать оружие. Я сама проведу пленного к месту заключения.

«Что делать?! Что мне делать?! Черт побери, из-за одной девчонки сбежал от родного осназа, а из-за другой отправлюсь либо в лагерь военнопленных, либо на тот свет! И хуже того: выставил Риши в глазах Исссы предательницей! Сперва спас дуреху, а теперь, выходит, все равно погубил!»

— Капитан Ар... бывший капитан Ар, — поправилась Исса. — Считаю до трех. Если на счет «три» вы не положите пистолет на пол, я открываю огонь.

— Да проснись же ты, ледяной мальчик Кай! — заорал я. — Это я, твоя девочка Герда! Исса, мать твою! Здесь

твоя лучшая подруга и твой жених, ау! Ну возьми меня в плен! Возьми! А при чем тут Риши?! Она же у вас герой! Коммандо! Ценный кадр и образцовый убийца!

Исса шевельнула губами:

— ...Два!...

— Александр, уймись, — сказала Риши.

Но вот унять я уже не мог.

— Эра Людоеда на пороге?! Красный Волк в голове завелся?! Ну так стреляй же, в меня стреляй, во врага своего, бессердечная ты... ты...

Слов не было. И я запустил руку в карман — туда, где пистолет.

Даже будь мой карман пуст, это был однозначно агрессивный жест. Если бы Исса оказалась столь же грозна на деле, как на словах, пули раздробили бы мою грудную клетку и вырвали сердце быстрее, чем я успел бы сказать «Прощай!».

Но мне было уже все равно.

Прогремел гром — такой силы, будто я оказался внутри грозовой тучи. Ослепительная вспышка выжгла глаза, казалось, до самого дна. Пол ушел у меня из-под ног.

Я падал, но боли не было.

Это был взрыв первой торпеды, выпущенной фрегатом «Норовистый». Наша эскадра добивала бесполезную яхту.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», ХЛ ТЦ Мытищи, Мытищи,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «ХЛ», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

**Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

**Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20**

**Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж**

**Справки по телефону:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>**

**Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

Зорич Александр
Завтра война
Фантастический роман

Художественный редактор О.Н. Аласкина
Компьютерная верстка: М.В. Пашенко
Технический редактор: Т.В. Сафаришвили
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
170002, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, 27/32
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «ХРАНИТЕЛЬ»
129085, г. Москва, пр. Олимпийского, д. 3а, стр. 3

Издано при участии ООО «Харвест».
Лицензия № 02330/0056935 от 30.04.04.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

ISBN 978-5-17-016399-1

9 785170 163991

**XXVIII в. Российская директория Галактики
вынуждена вступить в «необъявленную войну»
с межзвездными кочевниками — «джипсами».**

**О таких войнах не пишут в газетах, не
говорят с «голубых экранов», не упоминают
в учебниках истории.**

**ТАКИХ войн просто не существует ни для
кого, кроме участников!**

**Кошмар ЭТОЙ войны примут на свои плечи
отчаянные кадеты Военно-Космической Акаде-
мии, пилоты-истребители «без году неделя».**

ЗАВТРА ВОЙНА?!

**Нет, война — уже СЕГОДНЯ! Только знают
о ней — немногие!**

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й